

Norge-Russland 2004/2005

Норвегия-Россия 2004/2005

Norsk-russiske forbindelser i perioden 1814-1917:
Rapport fra tverrfaglig konferanse
ved Norsk Folkemuseum 10.-12. mars 2001

Норвежско-русские связи 1814-1917:
Материалы научной конференции при
Норвежском народном музее 10-12 марта 2001

Redaktører: Dina Roll-Hansen

Daniela Büchten

Редакционная коллегия:

Дина Ролл-Хансен

Даниела Бюхтен

Oversettelser: Jurij Tomilov

Dina Roll-Hansen

Перевод: Юрий Томилов

Дина Ролл-Хансен

РОССИЯ 2005
NORGE
НОРВЕГИЯ RUSSLAND
2004

Rapporten kan fås ved henvendelse til:

Utenriksdepartementet

Postboks 8114 Dep

0032 OSLO

Tel +47 22 24 35 01

Fax +47 22 24 27 51

E-post: europaavd@mfa.no

Informasjon finnes også på internett-siden: <http://odin.dep.no/ud>

Utenriksdepartementet
Министерство иностранных дел Норвегии

Norge-Russland 2004/2005
Россия-Норвегия 2004/2005

Norsk-russiske forbindelser i perioden 1814-1917: Rapport fra tverrfaglig konferanse ved Norsk Folkemuseum 10.-12. mars 2001

Норвежско-русские связи 1814-1917: Материалы научной конференции при Норвежском народном музее 10-12 марта 2001

Redaktører: Dina Roll-Hansen og Daniela Büchten
Редакционная коллегия: Дина Ролл-Хансен и Даниела Бюхтен

Øversettelser: Jurij Tomilov og Dina Roll-Hansen
Перевод: Юрий Томилов и Дина Ролл-Хансен

Innhold

FORORD	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
INNLEDNING	7
ВСТУПЛЕНИЕ.....	8
POLITIKK OG HISTORIE/ПОЛИТИКА И ИСТОРИЯ	10
JENS PETTER NIELSEN: DEN RUSSISKE FAKTOREN I NORSK HISTORIE 1814-1917	10
<i>Jens Petter Nielsen: The Russian factor in Norwegian history 1814-1917</i>	<i>16</i>
ВАДИМ РОГИНСКИЙ: РОЛЬ РОССИИ В 1814 Г.	16
<i>Vadim Roginskij: Russlands rolle i 1814.....</i>	<i>28</i>
ROALD BERG: DEN RUSSISKE ”TRUSSEL” I NORGE 1814-1855.....	28
<i>Ruальд Берг: Представление о "российской угрозе" в Норвегии 1814-1855.....</i>	<i>30</i>
ВЛАДИМИР БАРЫШНИКОВ: РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБРЕТЕНИЯ НОРВЕГИЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ	31
<i>Vladimir Barysjnikov: Russisk historieforskning om Norges selvstendighet</i>	<i>38</i>
TOR WOMANN-LARSEN: KONGEBESØK I TART KEISERRIKE.....	39
<i>Tur Буман-Ларсен: Королевский визит в потерянную империю.....</i>	<i>41</i>
ДЕНИС В. ФОМИН-НИЛОВ: НОРВЕЖСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПРЕССЫ.....	43
<i>Denis Fomin-Nilov: Den norske arbeiderbevegelsen reflektert i russisk presse</i>	<i>48</i>
ØKONOMI/ЭКОНОМИКА	48
EINAR NIEMI: POMORHANDELEN – ØKONOMI OG MENTALITET	48
<i>Эйнар Ниemi: Поморская торговля – экономика и ментальность</i>	<i>55</i>
РУСЛАН ПЕРЕСАДИЛО: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ КОНСУЛЬСТВ В НОРВЕГИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.....	56
<i>Ruslan Peresadilo: Den økonomiske virksomheten ved russiske konsulater i Norge rundt forrige århundreskifte</i>	<i>62</i>
СТАНИСЛАВ РОГИНСКИЙ: ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И НОРВЕГИЕЙ В XIX В.- НАЧАЛЕ XX ВЕКА	62
<i>Stanislav Roginskij: Handelsforbindelser mellom Norge og Russland fra slutten av 1800-tallet til begynnelsen av 1900-tallet</i>	<i>66</i>
SVEIN-OLAF NILSSEN: RUSSLAND – ET MULIGHETENES LAND? EN KORT OVERSIKT OVER NORSK ØKONOMISK VIRKSOMHET I RUSSLAND 1890-1920	66
<i>Свейн-Улав Нильсен: Россия – страна возможностей. Краткий обзор норвежской деловой активности в России в 1890-1920 гг.....</i>	<i>71</i>
OLA SÆTHER: BROBRYGGERE I ET GRENSELAND. KOLONISTFAMILIEN ERIKSEN PÅ KILDIN	71
<i>Ула Сæтер: Создатели контактов в пограничье. Семья колонистов Эриксен на о. Кильдин....</i>	<i>77</i>
BILLEDKUNST OG KUNSTHÅNDVERK/ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО	77
АННА ПОЗНАНСКАЯ: ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФРИЦА ТАУЛОВА В МУЗЕЯХ РОССИИ.....	77
<i>Anna Poznanskaja: Verker av Frits Thaulow i russiske museer.....</i>	<i>81</i>
KARI BRANDTZÆG: NASJONAL IDENTITET OG MODERNITET I NORGE OG RUSSLAND – PRESENTERT GJENNOM KUNSTNERNE GERHARD MUNTHE OG JELENA POLENOVA	82
<i>Кари Брандтзэг: Национальное самосознание и современность в Норвегии и России, представленные в работах художников Герхарда Мюнте и Елены Поленовой</i>	<i>88</i>
MARIT WERENSKIOLD: DJAGILEVS NORGESREISE OG UTSTILLING AV SKANDINAVISK KUNST I ST. PETERSBURG 1897.....	89

<i>Marit Werenskiold: Diaghilev's visit to Norway and exhibition of Scandinavian art in St. Petersburg 1897</i>	92
WIDAR HALÉN: RUSSISK INSPIRASJON PÅ NORSK EMALJEKUNST	92
<i>Видар Хален: Русское влияние на норвежское искусство росписи эмалью</i>	97
CAROLINE SERCK-HANSSSEN: NIKOLAJ RERIKH – FRA VIKINGER TIL PEER GYNT	98
<i>Каролине Серк-Ханссен: Николай Рерих – от викингов до Пера Гюнта</i>	100
ARNT FREDHEIM: MUNCH OG DOSTOJEVSKIJ – RUSSERENS BETYDNING I EDVARD MUNCHS KUNST.....	101
<i>Arnt Fredheim: Munch and Dostoyevsky – the meaning of “The Russian” in the works of Edvard Munch</i>	105
MUSIKK OG SCENEKUNST/МУЗЫКА И ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО.....	106
ЕЛЕНА КРИВЦОВА: КРИСТИАН СИНДИНГ И ЕГО МУЗЫКА В РОССИИ (1880-Е - 1910-Е ГОДЫ).....	106
<i>Jelena Krivtsova: Kristian Sinding og hans musikk i Russland (1880 til 1920-årene)</i>	108
МИХАИЛ МИЩЕНКО: ЮХАН СВЕНСЕН И ЕГО МУЗЫКА В РОССИИ	109
<i>Mikhail Misjtsjenko: Johan Svendsen og hans musikk i Russland</i>	117
АРКАДИЙ КЛИМОВИЦКИЙ: РУССКИЙ ГРИГ – ОТ ЧАЙКОВСКОГО К СЕРЕБРЯНОМУ ВЕКУ	118
<i>Arkadij Klimovitskij: Den russiske Grieg – fra Tsjajkovskij til sølvalderen</i>	123
HARALD HERRESTHAL: OLE BULL OG RUSSLANDSREISEN HANS	124
<i>Харальд Херрестал: Уле Булл и его российские путешествия</i>	131
WALDEMAR HANSTEEN: DEN NORSKE BALLETT – AVGJØRENDE IMPULSER FRA RUSSLAND.....	132
<i>Валдемар Ханстеен: Норвежский Балет – важные импульсы из России</i>	134
LITTERATUR/ЛИТЕРАТУРА	134
ERIK EGEBERG: RUSSLAND OG NORGE – KULTURER I KONTAKT.....	134
<i>Эрик Эгеберг: Россия и Норвегия – Культуры в контакте</i>	136
GEIR KJETSAA: DOSTOEVSKIJ AND HAMSUN AT THE ROULETTE TABLE	137
ASTRID SÆTHER: THE CONCEPT OF ACTION IN IBSEN AND CHEKHOV	138
ПЕТР ПАЛИЕВСКИЙ: КНУТ ГАМСУН В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ	142
<i>Pjotr Paliievskij: Knut Hamsun og den europeiske kultur</i>	146
MARIT BJERKENG: NORGE OG NORDMENN I POMORENES FORTELLERTRADISJON – NOEN GLIMT FRA BORIS SJERGINS FORFATTERSKAP	147
<i>Марит Бьеркенг: Норвегия и норвежцы в устной традиции поморов – краткий очерк о творчестве Бориса Шергина</i>	152
FORSKNINGSEKSPEDISJONER/НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ	153
СВЕТЛАНА ХОРКИНА: НОРВЕГИЯ И РОССИЯ В АРКТИКЕ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРВЕЖСКОЙ И РУССКОЙ ТРАДИЦИЙ ПОЛЯРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕРИОДА 1890-1917	153
<i>Svetlana A. Khorkina: Norge og Russland i Arktis. En sammenliknende analyse av norske og russiske tradisjoner innen polarforskning i perioden 1890-1917</i>	156
МАРИЯ МАТВЕЕВА: НОРВЕЖСКИЕ ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ – ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	157
<i>Maria Matvejeva: Norske geografer og oppdagelsesreisende – æresmedlemmer av Russisk geografisk selskap</i>	161
STEINAR WIKAN: JOHAN KOREN – NORSK FELTZOOLOG OG POLARFORSKER	162
<i>Стейнар Викан: Юхан Корен – норвежский зоолог и полярный исследователь</i>	164
КРИСТИНА ВЕШНЯКОВА: ПО СЛЕДАМ ПОТЕРЯННОЙ ЭКСПЕДИЦИИ	164
<i>Kristina Vesnjakova: På sporet av en tapt ekspedisjon</i>	168
DELTAKERNE/УЧАСТНИКИ	168

Forord

Norsk Folkemuseum planlegger i samarbeid med Russisk etnografisk museum i St. Petersburg en bilateral kulturhistorisk utstilling om norsk-russiske forbindelser gjennom tidene. Utstillingen vil vises 2004 i Oslo og 2005 i St. Petersburg.

Russland fortoner seg for de fleste nordmenn som et eksotisk land, langt fjernere og mer uforståelig enn andre land i Europa. Dette til tross for at vi med Russland har felles grense og Norges mektige nabo i øst har hatt betydelig innflytelse på norsk kultur, politikk og hverdagsliv. Også andre veien har der vært mange impulser.

Viktige mål for utstillingen er å få frem nye sider ved det norsk-russiske forholdet, samt bidra til økt kontakt mellom norske og russiske forskningsmiljøer. Med dette for øyet arrangerte Norsk Folkemuseum en tverrfaglig konferanse helgen 10.-12. mars 2001 om norsk-russiske forbindelser i perioden mellom 1814 og 1917. Perioden fra 1917 frem til i dag vil bli behandlet på en konferanse i Moskva i løpet av neste år. Begge konferansene blir finansiert av Utenriksdepartementet og er også en videreføring av det norsk-russiske historikersamarbeidet som ble innledet i St. Petersburg våren 1999.

Programmet ble satt sammen i nært samarbeid med en faggruppe bestående av:

*Jens Petter Nielsen, professor i historie ved Universitetet i Tromsø
Geir Kjetsaa, professor i russisk litteratur, Universitetet i Oslo
Marit Werenskiold, professor i kunsthistorie, Universitetet i Oslo
Yngvild Sørbye, stipendiat i musikkvitenskap, Universitetet i Oslo
Vadim Roginskij, doktor i historie, Det russiske vitenskapsakademi, Moskva*

Konferansen vil være meget verdifull for det videre arbeidet med utstillingen i 2004/2005, både med tanke på det konkrete materialet som ble lagt frem og med tanke på de kontakter som ble knyttet på tvers av fag- og landegrenser.

*Oslo, 25. juni 2001
Liv Hilde Boe
Direktør ved Norsk Folkemuseum*

Предисловие

Норвежский народный музей совместно с Русским этнографическим музеем в Санкт-Петербурге планирует проведение норвежско-российской выставки, посвященной связям Норвегии и России в различные времена. В 2004 году выставка пройдет в Осло, а в 2005 году - в Санкт-Петербурге.

Большинству норвежцев Россия кажется экзотической страной, гораздо более далекой и непонятной, нежели другие страны Европы. И это – несмотря на то, что у нас имеется с Россией общая граница, а контакты с этой страной были многогранными и обширными. Крупный и влиятельный сосед Норвегии на востоке оказал воздействие на норвежскую культуру, политику и повседневную жизнь. Но и в противоположном направлении также поступило много импульсов.

Важной целью выставки является отражение новых сторон норвежско-российских отношений и придание стимула контактам между норвежскими и российскими научными кругами. Как часть подготовительной работы в связи с организацией выставки, Норвежский народный музей провел 10-12 марта 2001 года научную конференцию с темами из нескольких областей. Задачей конференции было представить существующую на настоящее время научно-исследовательскую работу и собрать новый материал о норвежско-российских связях в период с 1814 по 1917 гг. Финансирование конференции было осуществлено Министерством иностранных дел Норвегии. Конференция также стала

продолжением сотрудничества между учеными-историками двух стран, начало которому было положено весной 1999 года в Санкт-Петербурге.

Содержание программы было утверждено в тесном сотрудничестве с группой специалистов, состоявшей из:

*Йенса Петтера Ниельсена, профессора истории, Университет г. Тромсё
Гейра Хетсо, профессора русской литературы, Университет г. Осло
Марит Вереншелд, профессора искусствоведения, Университет г. Осло
Ингвильд Сёрбюе, стипендиат Института музыковедения, Университет г. Осло
Вадима Рогинского, доктора исторических наук, РАН, Москва*

Конференция внесла ценный вклад в дальнейшую работу по организации выставки в 2004 – 2005 гг. как с точки зрения конкретного исследовательского материала, предложенного к ознакомлению, так и с точки зрения контактов, установленных на пересечении научных областей и государственных границ.

*Осло, 25 июня 2001 г.
Лив Хильде Буе
Директор Норвежского народного музея*

Innledning

Perioden mellom 1814 og 1917 var en gullalder for forbindelsene mellom Norge og Russland. I takt med bedret kommunikasjon og øket internasjonalt samkvem, rykket også Russland og Norge nærmere hverandre. Verdensøkonomien var i sterk utvikling, nye politiske ideer fikk gjennomslag og innen kunst og kulturliv ble internasjonale kontakter viktigere enn noensinne.

Et mål for den kulturhistoriske utstillingen Norge-Russland 2004/2005 er å vise vekselvirkninger mellom kultur, økonomi, kunst og politikk. Under planleggingen av denne konferansen ønsket vi derfor å tegne et bredest mulig bilde av de norsk-russiske forbindelsene på 1800-tallet. Denne rapporten favner dermed vidt og er delt inn i seks hovedkapitler: politikk, økonomi, kunst, musikk, litteratur og forskningsekspedisjoner.

Forholdet mellom våre to land var, og er fremdeles, svært komplekst. På den ene side følte de to landene et felleskap gjennom sin nordlige geografiske beliggenhet og sin posisjon som randstater i Europa. På den andre siden var forholdet preget av spenning og frykt – det enorme russiske imperiets nærhet til Norge ble av mange oppfattet som en trussel.

I norsk historie står 1800-tallet i nasjonsbyggingens tegn, og Russland spilte en nøkkelrolle for Norge både i 1814 og i 1905. Sommeren 1814 kom den russiske diplomaten Mikhail Orlov til Oslo for å bidra til at Kieltraktaten ble realisert. I 1905 var Russland den første stormakten som anerkjente Norges selvstendighet og opprettet diplomatiske forbindelsene med den nye staten. Et viktig symbol for nasjonen Norge ble det nye norske kongeparet Kong Haakon og Dronning Maud, som begge var i nær slekt med den russiske tsarfamilien.

Verdensøkonomien var i sterk utvikling gjennom hele 1800-tallet. Pomorhandelen, selve symbolet på norsk-russiske forbindelser, var i stor grad basert på byttehandel og naturalhusholdning. Mot slutten av 1800-tallet og begynnelsen av 1900-tallet ble pomorhandelen i stadig sterkere grad utkonkurrert av andre mer moderne former for økonomisk samkvem. Nordmenn investerte i russiske foretak og etablerte egne bedrifter i Russland, ofte hjulpet av konsulatene. Også koloniseringen av Murmankysten var til dels økonomisk motivert.

Jakten på det nasjonale preget kunsten. Norske og russiske kunstnere understreket sin nordlige identitet, og kunstneriske strømninger i de to landene hadde mye til felles. Interessen for

landenes fordums storhet sto sterkt, blant annet ble den romantiserte vikingtiden et populært tema.

En nøkkelperson som bidro til å gjøre norsk kunst kjent i Russland var Sergej Djagilev, som i 1897 arrangerte en stor utstilling av skandinavisk kunst i St. Petersburg. Senere ble flere artikler om og reproduksjoner av norsk kunst trykket i hans tidsskrift Mir Iskusstva. Djagilev var også venn av Frits Thaulow, hvis malerier ble kjøpt opp av mange russiske samlere.

Kunstnere søkte i større grad enn før utover sitt lands grenser for å hente inspirasjon, få utdanning og arbeid. Norske gullsmeder studerte i St. Petersburg, norske musikere reiste på innbringende konsertturneer til Russland og norske dansemiljøer hyrte inn russiske lærere. Edvard Grieg hadde innflytelse på russisk musikkliv og nyter fortsatt stor popularitet, men også komponister som Christian Sinding og Johan Svendsen ble relativt mye spilt.

Siste halvdel av 1800-tallet var en spesielt rik periode både i norsk og russisk litteratur. Forfattere som Knut Hamsun, Fjodor Dostojevskij, Anton Tsjekhov og Henrik Ibsen har hatt betydning for hverandres forfatterskap. Litteratur kan også brukes som kilde til kunnskap om hverdagsliv og belegg for kontakten mellom de to folkeslagene, som Boris Sjergins skildringer fra pomormiljø.

Både Norge og Russland hadde interesser i og for polarområdene. På dette området var der mange kontakter, blant annet var en rekke norske vitenskapsmenn medlem av Russisk geografisk selskap. Men Roald Amundsen og Fridtjof Nansen var ikke alene om å reise på vitenskapelige ekspedisjoner til Russland. Blant de "glemte" forskningsekspedisjoner er Ørjan Olsens og Johan Korens reiser.

Vi har i den grad det har vært hensiktsmessig rettet oss etter vanlige, norske transkiberingsregler. Etter hvert foredrag følger et sammendrag på det andre språket. Engelske tekster er ikke oversatt. Vi takker alle deltakere for interessante bidrag.

Oslo, 25. juni 2001

Daniela Büchten

Prosjektleder

Dina Roll-Hansen

Informasjonsansvarlig

Вступление

Период с 1814 г. по 1917 г. стал золотым веком отношений между Норвегией и Россией. В такт с улучшением коммуникаций и активизацией международных отношений наши страны еще более сблизились друг с другом. Мировая экономика переживала значительный подъем, новые политические идеи получили признание, а в области искусства и культурной жизни международные контакты стали важными как никогда ранее.

Цель культурно-исторической выставки "Норвегия-Россия 2004-2005" - отразить взаимное влияние культуры, экономики, искусства и политики. В связи с этим во время планирования данной конференции нам хотелось создать как можно более полную картину норвежско-российских отношений в 19 веке. Данный отчет, поэтому, охватывает значительный материал и разделен на шесть основных глав: Политика, Экономика, Живопись, Музыка, Литература и Научно-исследовательские экспедиции.

1814 год в истории Норвегии прошел под знаком создания государственности. То, что Россия сыграла решающую роль в данном процессе в 1814 и 1905 годах, не столь широко известно. Лето 1814 года российский дипломат Михаил Орлов провел в Христиании (ныне – Осло), внося при этом вклад в реализацию Кильского договора. В 1905 году Россия стала первой великой державой, признавшей независимость Норвегии и установившей с Норвегией дипломатические отношения. Важным символом государства Норвегия стала новая норвежская королевская чета – Король Хокон и Королева Мод, которые были

близкими родственниками русской царской семьи, а кронпринц Улав был троюродным братом наследника российского престола.

Мировая экономика переживала бурный подъем в течение всего 19 века. Поморская торговля – воистину символ норвежско-русских связей – в значительной степени основывалась на меновой торговле и натуральном хозяйстве. В конце 19 – начале 20 вв. поморскую торговлю стали вытеснять более современные формы экономических отношений. Норвежцы стали вкладывать инвестиции в русские предприятия и учреждать собственные компании в России, зачастую при поддержке консульств. Не в последнюю очередь и колонизация побережья Мурмана имела экономические мотивы.

И в искусстве национальный фактор играл важную роль, возросло значение поиска национальных корней. Норвежские и русские художники подчеркивали свою принадлежность к Северу, а художественные течения в двух странах имели много общего. Интерес к величию стран в былые времена имел крепкие позиции, и овеванный романтикой период викингов стал популярной темой.

Ключевой фигурой, внесшей вклад в представление норвежского изобразительного искусства в России, был Сергей Дягилев, в 1897 году организовавший крупную выставку скандинавского искусства в Санкт-Петербурге. Позже многие статьи о норвежской живописи и репродукции норвежских произведений нашли место в издаваемом им журнале "Мир искусства". Дягилев также являлся другом Фрица Таулова. Многие русские коллекционеры приобрели работы этого норвежского живописца.

В большей степени чем прежде художники искали вдохновения за пределами своих стран, желая получить образование и работу за границей. Норвежские ювелиры изучали ремесло в Санкт-Петербурге, норвежские музыканты отправлялись на доходные гастролы в Россию, а норвежские балетные круги приглашали на службу российских учителей. Эдвард Григ оказал влияние на российскую музыкальную жизнь и по-прежнему пользуется в России большой популярностью. Однако и вещи таких композиторов, как Кристиан Синдинг и Юхан Свенсен, тоже много исполнялись в России.

Вторая половина 19 века стала особенно ярким периодом норвежской и русской литературы. В обеих странах жили и творили известные всему миру писатели. Кнут Гамсун, Федор Достоевский, Антон Чехов и Генрик Ибсен оказали взаимное влияние на творчество друг друга. Столь же интересно взглянуть на литературу как источник знаний о повседневной жизни и контактах между народами наших стран, примером которой являются описания Борисом Шергиным поморской среды.

В области путешествий и экспедиций между двумя странами имелось много контактов. Ряд норвежских исследователей и путешественников стали членами Русского географического общества. Кроме таких известных героев-полярников, как Руальд Амундсен и Фритьеф Нансен, были и не столь знакомые широкой публике исследователи - Эрьян Ульсен или Юхан Корен, предпринявшие экспедиции по российской империи.

В той степени, которая представлялась нам наиболее целесообразной, мы следовали обычным норвежским правилам транскрипции. За каждым докладом следует резюме, переведенное либо на норвежский, либо на русский язык. Тексты на английском языке следуют без перевода. Мы хотели бы поблагодарить всех участников за интересные доклады.

Осло, 25 июня 2001 г.

Даниэла Бюхтен

Руководитель проекта

Дина Ролл-Хансен

Отв. за информацию

Politikk og historie/Политика и история

Jens Petter Nielsen: Den russiske faktoren i norsk historie 1814-1917

Mitt anliggende er den politiske historien og de politiske relasjonene mellom Norge og Russland i det aktuelle tidsrom, dvs. perioden mellom Eidsvollsforsamlingen og stormen på Vinterpalasset. Disse relasjonene var asymmetriske, i den forstand at Russland var en stormakt – og Norge et lite land; Russlands betydning for Norge har naturlig nok vært mye større enn omvendt.

Alexander Kan skriver i sin bok Sverige och Ryssland. Ett 1200-årigt förhållande (1996) om “den svenska faktorn i rysk historia” med henvisning til at stormakten Sverige på 1600- og 1700-tallet var Russlands hovedmotstander i dets bestrebelse etter å få adgang til Østersjøen og Vest-Europa. Men det gir knapt mening å snakke om en “norsk faktor i russisk historie” – og det gjør på en måte oppgaven litt enklere. I mitt innlegg kommer jeg til å konsentrere meg om det jeg vil kalle “den russiske faktoren i norsk historie”. Hva den egentlig bestod av gir seg ikke av seg selv, og det er heller ikke lett å finne noe å sammenligne med.

Nå hadde vi for et par år siden en konferanse om norsk-tyske forbindelser, også den arrangert på initiativ av Utenriksdepartementet, og den resulterte i boka “Tyskland - Norge. Den lange historien” (1999). Forordet i denne boka, undertegnet av daværende statsminister Kjell Magne Bondevik, opplyser at “Tyskland og Norge har en lang og rik felles historie. Våre forbindelser strekker seg tilbake gjennom århundrene. De er preget av mangesidig kontakt og nært samarbeid osv. I dag er forbindelsene mellom våre to land mer omfattende enn noen gang tidligere.”

Forordet er med andre ord nokså generelt i formen, så generelt, at vi faktisk kan skifte ut ordet Tyskland med ordet Russland – og likevel få et meningsfullt budskap. Forordet kunne med andre ord vært brukt om igjen i rapporten fra denne konferansen, hvis vi ikke i mellomtida hadde hatt et regjeringsskifte i Norge.

Men går vi videre til redaktøren, Jarle Simensens innledning, oppstår det straks problemer med denne metoden. “Forholdet til Tyskland har”, skriver han, “gjennom den lange historien fra middelalderen til i dag, vært en kraftlinje som har bidratt til å forme norsk kultur og samfunnsliv og en hovedkanal for norsk kontakt ut til Europa”. Det passer ikke å fremstille Russland som “en kraftlinje som har bidratt til å forme norsk kultur og samfunnsliv”, selv om norske forfattere og kunstnere fra slutten av 1800-tallet mottok viktige impulser fra Russland. I det 20. århundre er det klart at politiske ideer fra Russland hadde stor gjennomslagskraft i norsk arbeiderbevegelse, særlig de første årene etter Oktoberrevolusjonen. Men i dag er det vanskelig å se at det er særlig mye igjen av disse ideene, og historikerne vil si at bolsjevismen i Norge, såvel som i de andre vesteuropeiske land, først og fremst var kontraproduktiv, dvs. at den fremkalte de motsatte resultater av det som var intensjonen. Utviklingen i Sovjetunionen styrket viljen til å unngå den sovjetiske modellen. Den gav den norske arbeiderbevegelsen et ekstra puff i reformistisk retning, samtidig som kapitaleierne og borgerskapet strakk seg langt for å komme arbeiderne i møte, nettopp for å unngå en revolusjon. På den måten kom Den russiske revolusjonen, i et land som Norge til å styrke det liberale demokratiet, som altså hadde sitt utspring i Den franske revolusjonen.

Og på 1800-tallet var det først og fremst ideene fra Den franske revolusjon som formet vårt politiske system og ble lagt til grunn for Eidsvollsverket. Ellers er 1800-tallet naturligvis nasjonsbyggingens periode, og den var basert på grunnleggende impulser fra Europa, ikke minst fra Tyskland. Men all norsk nasjonalisme på 1800-tallet var preget av liberale ideer, og i europeiske representasjoner av Russland i denne perioden ble landet fremstilt som, i alle henseender, det motsatte av dette. Den russiske stormakten var det nye “barbari” som truet den europeiske sivilisasjonen. For det liberale var Russland med sitt autokratiske styresett selve reaksjonens bolverk, tsaren var “Europas gendarm”, som, ledet av monarkisk legitimisme, stod parat til å rykke inn og slå ned progressive bevegelser i vest, uansett hvor de måtte oppstå. Russland ble gjort til hovedfiende for alle liberale og radikale krefter i Europa.

Dette synet på Russland inngikk antakelig som en del av de kulturelle og ideologiske forutsetningene som den norske eliten mottok fra Europa. Det betyr ikke at ikke Russland kan ha

spilt en rolle i den norske nasjonsbyggingen. Nasjonsbygging krever jo også avgrensning mot andre i negativ forstand, man trenger en kontrast som kan tydeliggjøre ens eget selvbilde. Spørsmålet er om Russland kunne ha spilt noen rolle her, som “the constituting other”, som Iver Neumann ville ha sagt. Men det ligger i nasjonalismens natur at den krever avgrensning først og fremst i forhold til dem som står en nærmest. Det vil som oftest være områder som kulturelt adskiller seg relativt lite fra vårt eget. Nettopp den korte avstanden blir en trussel mot vår egenart ved at vi risikerer å bli forvekslet med eller oppslukt av den andre. Derfor må de kulturforskjellene som tross alt finnes, blåses opp og tydeliggjøres.

Det er også vanskelig å se at nordmenns selvbilde i særlig grad har vært preget av vårt syn på Russland. Til det var kulturbarrierene for solide og uoverstigelige, og av den grunn var de kanskje heller ikke så problematiske. Den norske kulturelle nasjonsbyggingen var først og fremst basert på en avgrensning mot Danmark, som gjennom den såkalte “firehundreårsnatta” hadde satt så sterkt preg på norsk språk og kultur. Når det gjaldt det historiske grunnlaget for den norske nasjonalstaten foregikk avgrensningen både overfor Danmark og Sverige, mens den politiske avgrensningen i mer snever forstand først og fremst var rettet mot Sverige og manifesterte seg gjennom unionskampen, som altså til slutt ble kronet med oppløsningen av den svensk-norske unionen i 1905.

Det er først og fremst på dette punktet man etter min mening kan si at Russland spilte en rolle i den norske nasjonsbyggingen. Og det er her at det utvikler seg nyanser i synet på vår store nabo i øst. Det ser ut som om det negative synet på Russland dominerte så lenge nordmenn deltok i geografisk mer vidtfavnende bevegelser som skandinavismen og pangermanismen, dvs. former for nasjonalisme som krevde større fellesskap. Historikeren P.A. Munchs anti-russiske innstilling hadde antakelig sammenheng med at han var sterkt påvirket av pangermanismen, som satte “den germanske Frihed” opp mot panslavismen og “Østens Despoti”. Når det gjelder skandinavismen var situasjonen mer tvetydig. Man kan se på denne bevegelsen som en skandinavisk mobilisering mot pangermanismen og en avgrensning mot den tyske kulturen, som var nødvendig for å beskytte de skandinaviske landenes kulturelle egenart. Men skandinavistene tok også inn over seg den svenske frykten for Russland, som i 1809 hadde erobret Finland og ble sett på som en stadig trussel mot Sverige fra øst. Når vi på 1840- og 1850-tallet finner sterkt anti-russiske uttalelser f.eks. hos historikeren Ludvig Kristensen Daa, hos juristen og den politiske forfatter Bernhard Dunker – samt hos Bjørnstjerne Bjørnson, hadde det sammenheng med deres skandinavisme (senere endret Bjørnson, som vi skal, syn på Russland).

Men hvis vi flytter oss ned på det norsk-svenske unionsnivået, var det faktorer som virket i motsatt retning, og jeg tror man kan si at Norge, perioden sett under ett, hadde en litt spesiell relasjon til Russland. Den inngikk på en måte i en trekant, der også Sverige var med, og Sveriges rolle i denne konstellasjonen påvirket nordmenns holdninger til Russland og gjorde dem mer avslappet. I en viss grad minner Norge i denne sammenhengen om Nederland. Det var ingen restaurasjon i Nederland etter Napoleonskrigene. I stedet etablerte Wienerkongressen et konstitusjonelt kongedømme, som også omfattet Belgia, som en buffer mot Frankrike. Den russiske tsar stod, som den mektigste potentaten i Europa, som garant for den nye nederlandske statens fortsatte eksistens utover på 1800-tallet. Bruno Naarden har vist hvordan dette la grunnlaget for en særegen russofil opinion som adskilte seg fra det som ellers var vanlig i Europa.

Nå var det mellomstatlige forholdet mellom Norge-Sverige og Russland i den første tida etter 1814 preget av den avtalen som var blitt etablert mellom Carl Johan og Alexander I i Åbo i 1812. Den innebar at Sverige oppgav håpet om å gjenvinne Finland, men til gjengjeld lovet russerne å støtte Sverige i fremstøtet for å løsrive Norge fra Danmark og forene det med Sverige. “1812 års forlik” og våpenbrorskapet i krigen mot Napoleon innledet en periode med russisk-svensk offisielt vennskap, som varte i mer enn 30 år.

Carl Johans kordiale politikk overfor tsar Nikolaj I på 1830- og 1840-tallet ble opplevd som en belastning for de svenske liberale, og de ønsket en tydeligere anti-russisk politikk som var mer i pakt med liberale stemninger ute i Europa. Spørsmålet er om det også var naturlig for de liberale i Norge å være anti-russiske? Det var forsåvidt logisk at de skulle være det. Russland hadde i

1814 bidratt til at Norge ble forent med Sverige, og det var en utbredt oppfatning at Russland på 1820- og 1830-tallet stod på Sveriges side og motarbeidet norsk likestilling i unionen. I en avis som Den Constitutionelle, det såkalte "intelligenspartiets" organ, dominerte de anti-russiske stemningene på 1830-tallet, og da Carl Johan i 1836 uventet oppløste Stortinget og innledet en dyp politisk krise i Norge, mente de fleste at det var Russland som trakk i trådene. Det ble sagt at Carl Johan hadde vært nødt til å gi etter for russisk press for å unngå intervensjon fra "Europas gendarm" mot det man oppfattet som revolusjonær agitasjon i Norge.

Vi vet i dag at det ikke var tilfelle. Det var Carl Johan som bad om tsarens støtte, bl.a. ved å vise til at nordmennene nå bar seg like utakknemlig ad som polakkene hadde gjort overfor tsaren i 1830. Men han fikk ingen sympati på det hold. Tvertimot tok den russiske regjeringen klart standpunkt mot Carl Johans planer om å knekke nordmennenes kampvilje. Og dette var helt i pakt med Russlands overordnede skandinaviske politikk, som gikk ut på å bekjempe alle former for skandinavisk samrøre eller "panskandinavisme", deriblant en for tett sammenveving av Norge og Sverige. Her lå det i virkeligheten et potensiale for russisk-norsk forståelse, som gikk upåaktet hen fordi det så å si var tilslørt av det offisielle svensk-russiske vennskap (svenskene kontrollerte de diplomatiske kanalene og dermed også tilgangen på informasjon). Nettopp på denne tida ble det også fokusert på en angivelig russisk militær trussel mot Norge, ikke minst i den liberale svenske pressen, der den norsk-russiske handelen i nord (pomorhandelen) og uroen omkring grensen i Finnmark ble fremstilt som ledd i Russlands ekspansjon mot Atlanterhavet. På 1830-tallet ble den tanken mer og mer utbredt, også i Norge, at Russland trengte isfrie havner i Nord-Norge for å kunne utvikle sin orlogsflåte. Russerne hadde angivelig ikke adgang til isfrie farvann langs sitt eget territorium i nord, og derfor var dette så å si en livsnødvendighet for dem. Dette gav forestillingen om "en russisk fare" mot Nord-Norge en egen tvingende logikk, som kanskje forklarer hvorfor den holdt seg så lenge, selv om den ser ut til å ha manglet grunnlag i realiteter.

Da Krimkrigen brøt ut i 1853 var det ikke lenger bare snakk om at Russland kunne føre krig mot Norge, men også at Norge kunne føre krig mot Russland. I liberale kretser i Sverige ble denne krigen tolket som en avgjørende kamp mellom "sivilisasjon" og "barbari", mellom "Østens despoti og Vestens demokrati", og man slo seg ikke til tåls med at De forente kongeriker hadde erklært seg nøytrale. Man ønsket at Sverige skulle gå med i krigen, også fordi det gav en gylden anledning til å gjenvinne Ålandsøyene og Finland. Denne holdningen bredte seg gradvis til konservative kretser, og ikke minst vant den gjenklang hos kong Oscar I, som nå var rede til å ta et endelig brudd med Carl Johans russiskvennlige politikk. Han begynte å forberede folkestemningen for krig mot Russland.

I Norge kan vi se en lignende meningskonstellasjon. Christiania-Posten, der skandinavisten Ludvig Daa satt i redaktørstolen, gikk ivrig inn for en gjenerobring av Finland, slik at Sverige kunne "blive kvit den Spysdod, som er fældet imod dets Hjerte". I det liberale Aftenbladet skrev Ole Richter at så lenge Finland var russisk, eksisterte det en dødelig fare for et russisk angrep mot Finnmark, som russerne allerede i lange tider hadde infiltrert gjennom pomorhandelen. Russland ville få oppfylt sin gamle drøm om en isfri havn og "plante Andreaskorset ved Vesterhavet". Men tapet av Finnmark ville bli "den første Sten, der blev taget fra Norges Selvstændigheds Grundvold".

I Norge vakte likevel ikke Krimkrigen like stor interesse som i Sverige, og utenfor skandinavistenes og visse liberale kretser var det få som lot seg rive med. I de norske avisene lå sympatien på vestmaktens side, men de fleste ønsket å holde fast ved nøytraliteten. Man kan også merke en irritasjon over den litt finurlige måten svenskene blandet seg inn i norske handelsforhold på. Det gjaldt den norsk-russiske handelen i nord, som altså ble mistenkeliggjort. Men mye viktigere var det at norsk næringsliv i ly av nøytraliteten opplevde en kraftig høykonjunktur under Krimkrigen, og man ønsket ikke at svenskene skulle få ødelegge dette ved å vikle Norge inn i krigen. Norske politikere følte at svenskene nå var i ferd med å ta opp tradisjonen fra storhetstida og ønsket å trekke Norge med i en farlig politikk for å vinne Finland tilbake. Og hvis Finland virkelig ble gjenforent med Sverige, så man for seg at balansen innenfor unionen ville forrykkes og Norges stilling svekkes ytterligere.

Disse hensynene var også bakgrunnen for det skarpe brevet som stattholder Severin Løvenskiold sendte til Kongen, da han i november 1855 fikk vite at svenskene, over hodet på nordmennene, hadde sluttet en traktat med Storbritannia og Frankrike, rettet mot Russland (den såkalte Novembertraktaten). Han advarte Kongen mot å lytte til "den daglige sirenesangen" over Russland i den skandinaviske pressen og mot fristende tilbud om Finland og Ålandsøyene fra "det troløse Albion". Verken i Finnmark eller Østersjøen hadde Russland truet eller provosert, mente han. Løvenskiold var det nærmeste man kom en norsk aristokrat og anti-demokrat, og det kan se ut som om opinionen i Norge i Russlandsspørsmålet på denne tida, fremdeles, om ikke i intensitet, så i struktur, var lik den svenske og det man fant i de fleste land i Europa. Det var med andre ord de liberale og radikale kreftene som førte an i agitasjonen mot Russland, mens de konservative holdt litt igjen, og i enkelte tilfeller til og med hadde en positiv holdning til Tsar-Russland (særlig i land med et mer velutviklet aristokrati enn i Norge).

Unntaket var, interessant nok, lederen for Norges første arbeiderbevegelse, nemlig Marcus Thrane, som i tida omkring Krimkrigen så på Russland med en viss sympati (mens venstresiden ellers i Europa nokså unisont fordømte Russland som reaksjonens bolverk). Det var, vel å merke, etter at han hadde havnet bak lås og slå. Hos Thrane møter vi den litt spesielle tanken at arbeiderklassen ikke hadde noe å tape på at Russland la under seg Europa, og han var trolig den første norske politiker som funderte på å søke støtte hos russerne. De som har lest Oddvar Bjørklunds Thrane-biografi vil antakelig huske den dramatiske scenen, da Marcus Thrane den 4. juli 1855 ble ført gjennom Kristianias gater for å begynne soningen av sin tukthusdom. Han var svært deprimert etter at han forgjeves hadde ventet på benådning fra Kongen, og da kanonene på Akershus avfyrte en salut, ropte han ut over folkemengden: "Oscar, Oscar! På denne dag falt Norge av din hånd!"

Vi får kanskje aldri vite hva han dypest sett la i dette utsagnet. Men tallet på mulige tolkninger er utvidet etter at det nylig ble gjort et interessant funn i arkivet etter Det russiske generalkonsulatet i Kristiania (som i dag oppbevares ved Hoover Institution, California). Like før han ble hentet den dagen, sendte nemlig Thrane brev til den russiske generalkonsulen i byen med et oppsiktsvekkende innhold. Det lyder slik:

"I Hast! – Da jeg om en halv Time skal transporteres til mit Straffested og der saaledes ikke bliver Tid og Anledning til videre Correspondance om Sagen qvæstionis, tillader jeg mig hermed at fremsende min 'Plan til en ny Organisastion af en Orlogsflaade' med Anmodning om at tilstille den keiserlige russiske Regjering samme. Den keiserlige russiske Regjering bedes underrettet om at, hvis den finder min Plan approbabel, jeg ingen egentlig Betingelse for dens Overladelse fremsætter, da jeg anseer den velbekjendte Keiserlige Generøsitet for Garanti nok. Dog maa jeg bemærke at jeg har en politisk Betingelse at fremsætte før jeg overlader min Plan til Anvendelse..." Thrane tilbød også russiske myndigheter tegninger av et nytt infanterivåpen (som han selv hadde oppfunnet). Thrane sier ikke hvilken politisk betingelse han ville stille for å hjelpe russerne med å utvikle deres marine. Men det er jo nærliggende å tro at han nettopp ønsket russisk hjelp til å slå Norge av kong Oscars hånd.

Om vi nå går frem til 1890-tallet og kommer inn i den avgjørende fasen i unionskampen, har posisjonene i norsk politikk interessant nok skiftet plass når det gjelder synet på Russland. Nå er det høyresiden som er mest russofobisk, mens venstresiden er blitt mer russiskvennlig. Og det har sammenheng med at Russlandsspørsmålet var blitt uløselig viklet inn i unionsstriden, som var kommet inn i sin avgjørende fase. En mann som Bjørnstjerne Bjørnson var blitt fullt oppmerksom på at svenskene brukte "den russiske fare" instrumentelt for å holde nordmennene innenfor unionen, og han markerte nå en ny holdning overfor Russland, som passet bedre inn i hans nye interesse for fredssak og pasifisme. I et forord til et pasifistisk kampskrift gjorde han seg i 1890 til talsmann for at Russland, hvis den russiske regjeringen ønsket det, burde få adgang til å anlegge en eller flere isfri havner i Nord-Norge og anledning til å legge en jernbane dit. Etter påtrykk fra bokas redaktør føyde Bjørnson til at havnene "naturligvis" fortsatt skulle stå under norsk styre. Det er lett å påvise at Bjørnson ikke gav uttrykk for noe grunnleggende nytt syn på den store nabo i øst, ettersom han fremdeles mente at Russland under gitte betingelser kunne utgjøre en trussel mot Skandinavia. Men Bjørnson mente at man kunne dempe russernes ekspansjonstrang ved å vise dem tillit og hente dem inn i stuevarmen.

Selv i Venstre var det ikke mange som støttet Bjørnsons kuriøse utspill, men det var stadig flere som avviste den svenske skremselspropagandaen om Russland. Bjørnsons utspill skapte sterke reaksjoner i Høyre, som nå førte an i den anti-russiske kampanjen – og ikke minst i svenske kretser. I 1892 ble venstrelederne beskyldt for å ha mottatt russiske bestikklser. Saken havnet for retten, og opphavsmannen til denne historien ble til slutt stemplet som ryktesmed. Men forestillingen om at det eksisterte hemmelige forbindelser mellom russiske myndigheter og de norske radikalerne var ikke dermed borte: Kronprins Gustav forsikret i 1895 en tysk diplomat om at han hadde belegg for at russiske penger var i omløp i det norske Venstre.

Til tross for forsøkene på å kriminalisere det mer moderate synet på Russland, grep det stadig om seg, og begivenhetene i 1905 virket på en måte forløsende på forholdet mellom nordmenn og russere. Høyre-statsministeren Francis Hagerup var helt i utakt med folkemeningen da han i februar advarte Stortinget mot å gå for raskt frem med unionsoppløsningen, fordi det kunne bli signalet som fikk russerne til å rykke inn i våre nordlige landsdeler. Etter dette var han nærmest politisk død, og han gikk av noen uker senere. Knut Hamsun gir uttrykk for oppfatningen i vide kretser i et lite, ironisk dikt, som ble trykt i flygebladet Strax i mars 1905:

*“Tænk, Venner, om Unionen maa dø
...
Jeg ser hver en Husmand nikke adjø
og skillinge sammen til Kiste
Saa kommer jo Russen i morgen den Dag
og kapper de Styrløse Hoder
For det som til nu har gjort Russen spag
er Svensken, vor vældige Broder.”*

Den russiske visekonsulen i Hammerfest beretter i en rapport til St.Petersburg at han i april 1905 under gjennomreise i Kristiania traff representanter for "den lokale intelligentsia". Da de tilstedeværende fikk rede på at det var en russer tilstede, flokket de seg rundt ham og beklaget de svenske påstandene om at Russland skulle ha eroblingsplaner overfor Norge. De erklærte at svenskenes propaganda bare virket mot sin hensikt, fordi den fikk nordmennene til å tenke gjennom det bemerkelsesverdige forhold at freden mellom Norge og Russland faktisk aldri var blitt forstyrret.

På grunnlag av ovenstående kan vi forsøksvis konkludere med at den svenske og norske meningskonstellasjonen vedrørende Russland var nokså like i den første delen av perioden, og i liberale kretser i Norge var det nærliggende å se på tsaren som en støttespiller for svenskekongen i unionsstriden. Det var lettere å få øye på potensialet for en norsk-russisk forståelse da Sverige under Oscar I forlot sin kordiale politikk overfor Russland. Mot slutten av 1800-tallet ble forestillingen om "den russiske fare" viklet inn i unionskampen, og dette fikk nordmennene til å løse opp de europeiske standardstereotypene om Russland og utvikle et mer nyansert syn. Frykten for Russland ble tonet ned, og dette var også et mer realistisk syn, ettersom all historisk forskning synes å vise at Tsar-Russland faktisk ikke hadde planer om å ekspandere på Norges bekostning. Samtidig var det fra en sikkerhetspolitisk synsvinkel åpenbart i Russlands interesse at den svensk-norske unionen ble oppløst. Riktignok er det på det rene at Russland i 1905 kunne ha tenkt seg en forsiktig grenseregulering i nord som gjenytelse for en anerkjennelse av norsk selvstendighet. Men disse planene ble skrinlagt før man rakk å ta spørsmålet opp med norske myndigheter. Og den 29. oktober 1905 anerkjente Russland det nye Norge i hele dets territoriale integritet, som den første av stormaktene.

Den russiske faktoren i norsk selvstendighetsstrev var forestillingen om Russland som "riset bak speilet", som tilsynelatende måtte "vike for sola" i 1905 – men som ikke var helt borte likevel. For et sentralt spørsmål i denne sammenhengen er jo om russefrykten virkelig forsvant da vi skilte lag med Sverige. Rapportene fra den første russiske sendemannen i Norge, A.N. Krupenskij, i årene etter 1905 viser at han oppfattet det slik at nordmennene var russiskvennlige, og han priste seg lykkelig over at han var stasjonert i Kristiania – og ikke i Stockholm, som var litt av en uriaspost for en russisk diplomat. Men samtidig er det en gjennomgangsmelodi at nordmennene var emosjonelle og ikke så lite naive og lett lot seg påvirke av anti-russiske stemninger i andre land,

ikke minst i Storbritannia. Derfor var det av største viktighet at den russiske regjering ikke foretok seg noe som kunne tolkes som en maktdemonstrasjon overfor Norge og gi ny næring til en latent russefrykt i befolkningen.

Det er også helt på det rene at russefrykten levde videre i beste velgående i visse konservative kretser i Norge ennå så sent som under første verdenskrig. Ja, selv ikke tsarens fall i mars 1917 endret på dette. Samtidig dukket det opp nye politiske aktører som var parate til å utnytte nordmennenes latente frykt for Russland. Aleksandra Kollontaj oppholdt seg, som mange vet, som politisk flyktning i Kristiania under første verdenskrig. Hun reiste en dag i mars 1917 med Holmenkoll-trikken, da mannen ved siden av brettet ut Dagbladet, som den dagen hadde særlig fete typer. På den måten fikk Kollontaj vite at det hadde brutt ut revolusjon i Russland. Men før hun reiste tilbake til Petrograd, holdt Aleksandra Kollontaj en tale under et møte i Kristiania Arbeidersamfunds store sal. Over tusen mennesker var møtt frem for å høre nytt om utviklingen i Russland. Kollontaj gav til kjenne sin dype skepsis til Russlands nye provisoriske regjering og gikk også i rette med dem som mente at den borgerlig-demokratiske revolusjonen ville ta bort det russiske presset mot Norge. Hvis ikke de russiske arbeiderne klarte å gi utviklingen en annen retning, "vil en sterkere imperialisme være følgen. De russiske magthavere vil, hvis de ikke faar Konstantinopel, vende sig mot nord til Narvik og Finmarken".

Litteratur og kilder

- P. Batsis, Russko-norvezjskie otnosjenija v 1905-1917 gg. Hovedfagsoppgave i historie. Sovjetunionens vitenskapsakademi. Institutt for verdenshistorie 1973
- Narve Bjørgo et al., Selvstendighet og union. Fra middelalderen til 1905 (Oslo 1995)
- J. Braat et al., Russians and Dutchmen. Proceedings of the Conference on the Relations between Russia and the Netherlands from the 16th to the 20th century held at the Rijksmuseum Amsterdam, June 1989 (Groningen 1993)
- Oddvar Bjørklund, Marcus Thrane. Sosialistleder i et u-land (Oslo 1970)
- S. Eriksson, Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget (Stockholm 1939)
- Per Fuglum, Ole Richter. Ungdom og stortingsvirke (Oslo 1957)
- Dieter Groh, Russland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte (Neuwied 1961)
- Aleksander Kan, Sverige och Ryssland. Ett 1200-årigt förhållande (Stockholm 1996)
- Halvdan Koht, Stortingsoppløysinga i 1836: opplyst med nye aktstykker. Avhandlinger utgitt av Det norske vitenskapsakademi i Oslo. II, Hist.filos. klasse; 1937:5
- Bruno Naarden, Socialist Europe and Revolutionary Russia: Perception and Prejudice (Cambridge 1992)
- Jens Petter Nielsen, "The Old Russia and the New Norway (1905-1917); neighbourliness without fear?", i Acta Borealia 1994-95
- Jens Petter Nielsen, "Ønsket tsaren seg en isfri havn i nord?", i Historisk tidsskrift 1991/4.
- Iver B. Neumann, Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation (Minneapolis 1999)
- C.F. Palmstierna, Sverige, Ryssland och England 1833-1855. Kring novembertraktatens förutsättningar (Stockholm 1932)
- V.V. Pokhljobjkin (red.), Priznanie Rossiej norvezjskogo nezavisimogo gosudarstva (sbornik dokumentov) (Moskva 1958)
- John Sanness, Patrioter, intelligens og skandinaver. Norske reaksjoner på skandinavismen før 1848 (Oslo 1959)
- Jarle Simensen (red.), Tyskland - Norge. Den lange historien (Oslo 1999)
- Øystein Sørensen, Bjørnstjerne Bjørnson og nasjonalismen (Oslo 1997)
- Marcus Thranes brev til den russiske generalkonsul i Kristiania 4. juli 1855, Hoover Institution Archives, Russia (Norway) Collection, Box 46, Folder 4
- Johan Vogt, Russland og Norden (Oslo 1945)
- Gunnar Åselius, The "Russian Menace" to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism (Stockholm 1994)

Jens Petter Nielsen: The Russian factor in Norwegian history 1814-1917

After the Napoleonic Wars, there was a widespread feeling in the West that the European civilization was losing its vitality and was ripe for being conquered by new "barbarians" from the east, who had already conquered Napoleon. The attitudes of the Norwegian elite towards Russia, as it seems, did not differ substantially from attitudes in other countries. As a rule the liberals were more active in the agitation against Russia, whereas the conservatives were more moderate and in a few cases even had a positive attitude towards Russia. The Norwegian nation-building during the 19th century was i.a. based on a political delimitation from Sweden, which was reflected in the struggle for Norwegian equality within the Swedish-Norwegian union (1814-1905), later in Norway's efforts to gain complete independence. At the same time, since Russia opposed all trends toward panscandinavism, there was objectively a potential for Norwegian-Russian understanding. However, during the first half of the century, Norwegian liberals did not catch sight of this potential, because it was veiled by the official Swedish-Russian friendship.

The Crimean War and the signing of the November Treaty of 1855, which was an open declaration of distrust of Russia, paradoxically laid the foundation for less hostile Norwegian views on Russia. When the intra-union struggle sharpened in the 1890's, Norwegian views on Russia had changed accordingly; now the conservative supporters of the union were more Russo-fobian, while the liberals and radicals less so. The latter realized that the Swedes were using the "Russian menace" instrumentally to keep the Norwegians within the union. Evidently, the hardening of the struggle for the dissolution of the Norwegian-Swedish Union made many Norwegians reject old-established European stereotypes about Russia and develop a more balanced view. The fear of Russia was toned down, and this was indeed a more realistic view, since today historical research indicates that Norway had no reason to be afraid of Russia during the late imperial period. On the October 29, 1905, Russia, as the first of the European great powers, recognized Norway as an independent state.

Вадим Рогинский: Роль России в 1814 г.

Здесь в Норвегии вряд ли нужно много говорить о том, какое значение имел для Норвегии и норвежцев 1814 год. Цель данного доклада состоит в том, чтобы показать, какую роль сыграла Россия в решении норвежского вопроса и в событиях 1814 г., которые привели к возрождению норвежской государственности и созданию шведско-норвежской унии. Здесь нет возможности перечислять весь тот огромный свод источников по данной теме, как архивных, так и опубликованных, всю имеющуюся историческую литературу, которая, так или иначе, освещает эту тему, в частности, норвежскую от Хенрика Вергеланна и Эрнста Сарса до Кнута Мюкланна, Енса-Арупа Сейпа, Коре Лундена и Эйстейна Сёренсена. Нельзя не упомянуть фундаментальные публикации документов выдающегося норвежского историка, неутомимого исследователя архивов разных стран, в том числе и России, Ингвара Нильсена¹, российскую публикацию – соответствующие тома первой серии издания "Внешняя политика России. Документы российского министерства иностранных дел XIX и начала XX века", выпущенные в 1960-х – 1970-х гг.² и совместное

¹ Nielsen, Yngvar. (utg.) Aktstykker vedkommende Konventionen i Moss 14de August 1814. Christiania. 1894. (Videskabsselskabets Skrifter. II. Historisk-filosofiske Klasse. 1894. N 4.) Nielsen Yngvar. (ed.) Aktstykker vedkommende Stormagternes Mission til Kjøbenhavn og Kristiania i Aaret 1814. Første Række: Danske og engelske Aktstykker. Christiania. 1895. (Videskabsselskabets Skrifter. II. Historisk-filosofiske Klasse. 1895. N 1.); 214 S. Nielsen Yngvar. (utg.) Aktstykker vedkommande Stormagternes Mission til Kjøbenhavn og Kristiania i Aaret 1814. Anden Række: Østerrigske, preussiske og russiske Aktstykker. Christiania. 1897. (Videskabsselskabets Skrifter. II. Historisk-filosofiske Klasse. 1897. N 3.)

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия первая 1801 - 1815 гг. Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. Т.I - VIII. М.: Политиздат. 1960 - 1972. Том 5. Апрель 1809 г. - январь 1811 г. 1967; Том 6. 1811 - 1812 гг. 1962; Том 7. Январь 1813 г. - май 1814 г. 1970; Том 8. Май 1814 г. - ноябрь 1815 г. 1972.

со шведами издание "Россия и Швеция 1809 – 1818 гг."³, где опубликованы некоторые новые документы о развитии норвежской проблемы в международных отношениях конца наполеоновских войн⁴.

Российская империя имела прямое отношение к тому, что произошло с Норвегией в 1814 г. После того, как страны Северной Европы оказались втянутыми в войны, которые именуют наполеоновскими, в регионе началось крушение прежней биполярной системы государств, распад существовавших здесь мини-империй, которые мы традиционно именуем по названиям метрополий – Швецией и Данией. В 1808-1809 гг. в результате русско-шведской войны Швеция утратила Финляндию, которая была присоединена к России как автономное Великое княжество. В силу нового геополитического положения с осени 1809 г. Россия стала проводить в отношении Швеции новый курс, который фактически означал отход от политики, проводившейся в целом после Великой Северной войны и Ништадского мира 1721 г. Теперь Швеция должна была стать мирным соседом для России и даже ее союзником, для чего утрату ею Финляндии нужно было компенсировать на Западе, то есть за счет Дании путем присоединения к Швеции Норвегии. В 1809 и особенно в 1810 гг., во время выборов шведского престолонаследника, Александр I не поддержал вынашиваемые в Копенгагене планы создания единой скандинавской монархии, наподобие Кальмарской унии, к чему склонялся Наполеон. Российский император даже оказал косвенную поддержку кандидатуре французского маршала Бернадота, который и был избран в августе 1810 г. шведским кронпринцем, фактически став главой Швеции под именем Карл Юхан. В одном из первых своих писем царю Карл Юхан сказал об этом: "Ваше Величество особенно ярко доказали мне свое уважение тем, что ни в чем не препятствовали моему избранию в Швеции"⁵. Присоединение Норвегии к Швеции с конца 1810 г. становится реальной, но не афишируемой и скрытой целью и сверхзадачей шведской внешней политики. Мысль об этом неоднократно, по разным каналам доводится до сведения Санкт-Петербурга, где ее пока лишь принимают к сведению. Положение изменилось, когда в конце января 1812 г. Наполеон, в преддверии нападения на Россию оккупировал Шведскую Померанию, последнее владение шведов на Севере Германии. Это и стало катализатором сближения России и Швеции, путь к которому обе стороны осторожно прокладывали с конца 1810 г.

5 апреля 1812 г. в Санкт-Петербурге был заключен союзный договор между ними, одним из главных условий которого стало присоединение Норвегии к Швеции⁶. Этим Россия давала возмещение Швеции за Финляндию и гарантировала себе то, что Швеция не станет союзником Наполеона, готовившегося напасть на Россию. В жертву были принесены традиционные союзные связи с Данией. Россия и Швеция также договорились организовать совместную "диверсию" в тылу Наполеона, в Северной Германии, чему, по мнению шведов, должна была предшествовать переход Норвегии под их власть, или мирным путем, через дипломатическую договоренность с Копенгагеном, либо военным – через вторжение в Данию и Норвегию. Условия договора дважды подтверждались на протяжении 1812 г. российско-шведскими конвенциями, где уточнялись условия союза.

³ Россия и Швеция. Документы и материалы 1809 – 1818. Составители: Дубин В.В., Рогинский В.В., Севед Юнсон. М.: Международные отношения. 1985; La Suède et la Russie. Documents et matériaux 1809 - 1818. Upsal-Stockholm, Almqvist & Wiksell International.1985.

⁴ Было бы интересно издать многочисленные российские документы о событиях 1814 г. в Норвегии.

⁵ Карл Юхан - Александру I. Стокгольм, 12 января 1811 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.6218. Л.3-4. Подлинник (автограф). Оpubл.: РШ. Док.21.

⁶ Русско-шведский союзный договор. С.-Петербург, 24 марта / 5 апреля 1812 г. Подлинники : АВПРИ. Ф. Трактаты. Д.1587/671. Л.539-558. SRA Traktater. Текст договора неоднократно публиковался: British and Foreign State Papers. V. I (1812-1814). P. I. London. 1841. P.306-313; ВПР. Т.6. Док.130; РШ. Док.66. С.123-131.

Первая была заключена в Вильно 15 июня 1812 г.⁷, накануне вторжения Наполеона в Россию, а вторая – во время встречи Александра I со шведским наследным принцем в г. Або (Турку) в самом конце августа 1812 г.⁸, когда наполеоновские войска, взяв Смоленск, двинулись на Москву. Осуществить диверсию в 1812 г. не удалось, так как все военные ресурсы России оказались скованы в войне против Наполеона, выставившего армию численно большую, чем предполагалось, а Великобритания, на чью материальную помощь рассчитывали новые союзники, не проявила в 1812 г. энтузиазма в отношении экспансионистских планов Швеции. Все планы в отношении Норвегии были перенесены на 1813 год, когда положение в Европе коренным образом изменилось после разгрома Великой армии Наполеона в России. Война шла теперь на территории Германии.

Норвежская проблема продолжала оставаться одной из центральных в политике России. Швеция продолжала настаивать на первоочередных действиях против Дании, чтобы получить Норвегию, а российский император Александр попытался осуществить сложную дипломатическую комбинацию с тем, чтобы привлечь датского короля Фредерика VI в антинаполеоновскую коалицию, одновременно удовлетворив и Швецию. Эта попытка потерпела неудачу, затормозив вступление в войну шведских войск, которые уже в мае – апреле высадились в Шведской Померании.

Положение прояснилось лишь в июле 1813 г., когда, с одной стороны, на встрече руководителей антинаполеоновской коалиции в замке Трахенберг Россия дала Швеции новые официальные гарантии будущего присоединения Норвегии в виде ноты⁹ и под командование шведского наследного принца Карла Юхана была предоставлена 150-тысячная союзная Северная армия, куда вошли русские, прусские и шведские корпуса. С другой стороны, Дания как раз тогда же возобновила союзнические связи с Наполеоном, заключив с ним новый договор и военную конвенцию. Затем были разорваны датско-русская дипломатические связи, в сентябре формально началась война между Данией и Швецией¹⁰, а 22 октября, через несколько дней после битвы народов под Лейпцигом, решившей в пользу союзников исход кампании 1813 г., датский король Фредерик VI под давлением французского посланника Алье и, главное, не зная об исходе сражения, объявил войну России и Пруссии.

Воспользовавшись этим, Карл Юхан повернул свою армию на север, против Дании. В декабре последовали непродолжительные военные действия, уже 15 декабря в Рендсбурге было заключено перемирие, в Киле начались переговоры между шведскими и датскими дипломатами, и в ночь с 14 на 15 января был заключен мирный договор, по которому датский король отказывался в пользу шведского от Норвегии. Во всех этих событиях активное участие принимала и российская дипломатия, в частности,

⁷ Дополнительная конвенция к русско-шведскому союзному договору от 24 марта / 5 апреля 1812 г. Вильно, 3 / 15 июня 1812 г. Подлинники: АВПРИ. Ф. Трактаты. SRA. Traktater. Текст конвенции неоднократно публиковался: British and Foreign State Papers. V.I (1812-1814). P. I. London. 1841. P.336-338; ВПР. Т.6. Док.171; РШ. Док.75.

⁸ Вторая дополнительная конвенция (секретная) к русско-шведскому союзному договору от 24 марта / 5 апреля 1812 г. Або, 18/30 августа 1812 г. Подлинники: АВПРИ. Ф.Трактаты. Д.1593/671. Л.2-9. SRA Traktater. Публикации конвенции см.: ВПР.Т.6. Док.230; РШ. Док.89. В издании "British and Foreign State Papers". (V.I (1812-1814). P. I. London. 1841. P.346-349.) конвенция была опубликована неполностью.

⁹ Нота Нессельроде шведскому гофканцлеру Густаву Веттерстедту. Трахенберг, 30 июня / 12 июля 1813 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д. 1501. Л.3-4. Копия. SRA Högkvarterets arkiv. 1813-1814. Vol.7. Оупбл.: ВПР. Т.7. Док.122.

¹⁰ 3 сентября 1813 г. Дания объявила войну Швеции, а 15 сентября последовала шведская декларация о войне с Данией.

представитель Александра I при ставке Карла Юхана генерал Петр Корнилович Сухтелен¹¹.

Дальнейший ход событий в Норвегии хорошо известен. Здесь возникло сопротивление, во главе которого встал молодой наместник, наследный принц Дании Кристиан Фредерик. 19 февраля была провозглашена независимость Норвегии, создано временное правительство, было избрано Государственное (Учредительное) собрание страны, открывшее свои заседания в местечке Эйдсволл 10 апреля. 17 мая это собрание приняло конституцию страны и избрало Кристиана Фредерика королем Норвегии. Все эти события, которые вполне можно охарактеризовать как революцию, национально-освободительную по своему характеру, проходили на фоне завершающей кампании во Франции против Наполеона, которая привела к отречению французского императора и реставрации Бурбонов.

Для России, для императора Александра I, после заключения Кильского мира и последующего 8 февраля подписания в Ганновере мирного договора с Данией, то, что было связано с Северной Европой, отошло на задний план и февраль – март 1814 г. российское внешнеполитическое руководство, занятое событиями, связанными с Францией, практически выпустило норвежскую проблему из поля зрения.

Здесь надо сначала уточнить, что следует понимать под внешнеполитическим руководством Российской империи. В 1813-1815 гг. существовало два центра: первый, и главный, ставка императора Александра I, перемещавшаяся по территории Европы. Во время военных действий Александр передвигался в зависимости от их хода. После окончания войны, с апреля 1814 г. его передвижения были обусловлены дипломатическими соображениями – Париж, затем Лондон, затем возвращение в Санкт-Петербург, и поездка в Вену на конгресс. Правой рукой императора в дипломатии был Карл Васильевич Нессельроде, руководитель его внешнеполитической канцелярии. Именно на имя Нессельроде российские дипломаты стали посылать с начала 1813 г. свои основные донесения. Столица империи, Санкт-Петербург, где находилось министерство иностранных дел и министр Николай Петрович Румянцев, уже не был в эти годы центром, где принимались решения. Российские дипломаты, аккредитованные при других дворах, продолжали регулярно посылать сюда донесения для информации. Сведения о событиях в Норвегии посылались российскими посланниками в Копенгагене В.Г. Лизакевичем и в Стокгольме Г.А. Строгановым.

Так, в 1814 г. посланник в Копенгагене Василий Григорьевич Лизакевич, занимавший этот пост с 1800 г. и покинувший датскую столицу в связи с разрывом отношений Дании с Россией в июле 1813 г., вернулся в Копенгаген после заключения мира уже 20 февраля 1814 г. Он не был несколько месяцев официально аккредитован, но, обладая большими связями в датской элите, активно включился в дипломатическую деятельность. Первоначально он отправлял свои донесения, часто с одним и тем же текстом, и в ставку к Нессельроде, и в Санкт-Петербург Румянцеву. Это продолжалось до октября, когда Румянцев официально ушел в отставку.

Российские дипломаты и в Швеции, и в Дании, продолжали следить за тем, что происходит в Норвегии, как осуществляется переход ее под власть Швеции.

Первые тревожные же сообщения о том, что в Норвегии происходит что-то не то, из российских дипломатов естественно стал посылать российский генеральный консул в Норвегии И.Л. Брюнет, который после начала войны перебрался в Швецию, в Гётеборг, и находился ближе всего к месту событий. Не делая никаких обобщений и заключений, он старался передавать лишь то, что ему становилось известно, причем он посылал свои

¹¹ Roghinsky, Vadim. Russia and the Peace Treaty of Kiel 1814. // Scandinavian Journal of History. 1990. Vol.15. P.279-289.

донесения как в Санкт-Петербург Румянцеву, так и в Стокгольм – Г.А. Строганову¹², который сообщал все, что касалось Норвегии.

Так, в разгар событий Ларс фон Энгстрём стал жаловаться Строганову на то, что из Архангельска продолжает ввозиться хлеб в Северную Норвегию, что являлось, по мнению шведов, нарушением договоров с Россией. В ответной ноте, переданной шведскому министру иностранных дел, Г.А. Строганов заявил, что Россия будет укреплять дружбу со Швецией и ее позиция "заставит норвежцев отказаться от ослепления", заверив, что экспорт хлеба в Норвегию из русских портов будет прекращен¹³. Кстати, эта нота была использована шведами в переговорах с норвежским генералом фон Шметтовым, как доказательство антинорвежской позиции России¹⁴. Однако шведам показалось мало этого документа, и тогда для дезинформации норвежцев в штабе Эссена была составлена фальшивая депеша К.В. Нессельроде П.К. Сухтелену из Шомона с датой 3/15 марта 1814 г., где говорилось, что Александр I не ратифицировал договор с Данией и счел своим долгом ждать, пока препятствия присоединению Норвегии к Швеции не будут устранены¹⁵.

18 марта Строганов отправил несколько новых донесений Румянцеву, где сообщал о развитии событий в Норвегии, особенно обстоятельно о переговорах Эссена с норвежским генералом Шметтовым¹⁶. В приложении он прислал норвежские документы в переводах на французский язык: два обращения принца Кристиана Фредерика 19 февраля 1814 г. о провозглашении независимости Норвегии¹⁷ и письмо Фредерика VI принцу Кристиану Фредерику от 22 февраля 1814 г. с предписанием об отзыве из Норвегии¹⁸. Однако значительно больший интерес представляет то, о чем Строганов писал в тот же день в следующей депеше канцлеру № 129 и шифрованной депеше без номера: в первой он сообщал об ухудшении здоровья Карла XIII, опасается, что он умрет до возвращения Карла Юхана¹⁹, что могло вызвать серьезные политические осложнения в стране. Во второй депеше шифром он сообщал подробности переговоров Шметтова с Эссеном, о демаршах принца Кристиана Фредерика против Карла Юхана и о неоднозначной реакции в Швеции на события в Норвегии. Строганов сообщал, что в Швеции в некоторых кругах есть планы лишить Карла Юхана права на шведский престол, сделав наследником принца Кристиана Фредерика, тем самым, объединив три короны – Данию, Норвегию и Швецию²⁰.

Первые сведения о событиях в Норвегии российский посланник в Копенгагене В.Г. Лизакевич стал посылать чуть ли не в середине марта. В донесении К.В. Нессельроде № 1, датированном 13 марта²¹, российский посланник сообщил о контактах принца Кристиана со

¹² И.Л. Брюнет – Н.П. Румянцеву. Гётеборг, 17 февраля / 1 марта 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.2477. Л.5-6об. И.Л. Брюнет – Г.А. Строганову. Гётеборг, 18 февраля / 2 марта 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.10840. Л.54-54об.

¹³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.10840. Л.60-60об. Д.10841. Л.5-6.

¹⁴ См. (Schmettow) Af Grev Grev Schmettows Correspondance (1813 og 1814). Thronhjelm. Tryckt ved J.C.Hagen. 1864. (Det Kgl. Norske Videnskabsselskabs Skrifter i det 19de Aarhundrede, 5te Bind, 1ste Hefte) S.28-30.

¹⁵ SRA. Essens saml. V.12. N 40. Отрывок. В деле лежит за письмом Таваста от 3.3.1814.

¹⁶ Донесение Г.А. Строганова Н.П. Румянцеву № 127. Стокгольм, 6/18 марта 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.10840. Л. 65-66. Подл. Фр. яз.

¹⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.10840. Л.67-68; 69.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.10840. Л.70-70об.

¹⁹ Г.А. Строганов – Н.П. Румянцеву № 129. Стокгольм, 6/18 марта 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.10840. Л.74-75.

²⁰ Г.А.Строганов - Н.П.Румянцеву (без номера). Стокгольм, 6/18 марта 1814 г.// АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.10840. Л.76-78. Подл.; Л.80-81об. Копия. Фр. яз.

²¹ Лизакевич – Нессельроде № 1. Копенгаген, 28 февраля / 13 марта 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 2715. Л.3-6. Донесение аналогичного содержания Лизакевич отправил

шведским фельдмаршалом Х.Х. фон Эссеном, назначенным норвежским генерал-губернатором, когда, как известно, шведам воспрепятствовали вступать в Норвегии, и последовавшем провозглашении в феврале самостоятельности, декларацию о чем Лизакевич процитировал. Он сообщил, что и в Швеции, и Дании встревожены произошедшим, но высказал, правда, надежду, что нынешний беспорядок, как он охарактеризовал события, "не может быть продолжительным, ввиду бедственного нынешнего положения Норвегии, как в провизии, так и в военном снаряжении и в иностранной помощи". Он сообщал о неодобрении в Копенгагене поведения принца Кристиана, который, как считалось, "поддался на эти гибельные демонстрации". Датский двор, по оценке Лизакевича, осуждает поведение принца "так же как и все публичные заявления при его нынешней власти, целью которых является установление нового правления". Интересно, что в этом донесении Лизакевич сообщал, что получены сведения из самой Норвегии, что здесь "имеются две партии, и что партия принца Кристиана совсем не популярна; отсюда хотят сделать вывод, что положение дел не доведено до крайности, но еще будет возможно, чтобы оно понемногу устроилось сообразно содержанию Кильского договора".

Через два дня, в новом донесении Нессельроде²², российский посланник сообщил, что после аудиенции у короля Фредерика VI он был ознакомлен с сообщениями из Норвегии о встрече 9 марта в Стрёмстаде фельдмаршала Х.Х. фон Эссена и норвежского генерала фон Шметтова, которого Кристиан Фредерик отправил на переговоры со шведами, и об активных военных приготовлениях в Швеции на норвежской границе. При этом Лизакевич подчеркивал, что каждодневно усиливается озабоченность датского правительства из-за изменений, происходящих в Норвегии.

Информацию об отношении Норвегии с Великобританией, об восстановлении Англией блокады норвежского побережья из-за сопротивления Норвегии присоединению к Швеции и даже об аресте норвежских судов в английских портах сообщал из Лондона посол Х.А. Ливен²³.

Сведения о том, что происходит в Норвегии и как на это реагирует шведский наследный принц, стали приходиться и от П.К. Сухтелена. Первые тревожные сообщения из Норвегии пришли в ставку шведского наследного принца, находившуюся в Льеже, в первые дни марта 1814 г., но, как это ни покажется странным, они вначале оставались как бы на втором плане. Это объясняется тем, что для Карла Юхана как раз в это время шла большая игра на дипломатическом поле. С одной стороны, он всячески старался отстоять ослабевающие позиции Швеции в концерте союзных держав, а с другой – впереди были перспективы, правда далеко не ясные, возможности сыграть первую скрипку во Франции в случае гибели или свержения императора Наполеона²⁴.

Лишь 19 марта Карл Юхан решил обратиться к Александру I в связи с осложнениями шведов в Норвегии. В письме российскому императору шведский наследный принц, сообщая о мятеже в Норвегии, который был начат по секретным инструкциям Копенгагена принцу Кристиану Фредерику и жалуюсь на невыполнение Данией условий Кильского мира, просил помочь Швеции путем предоставления "небольшого корпуса или с континента, или

Румянцеву: Лизакевич – Румянцеву № 1. 28 февраля / 12 марта 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д. 2714. Л.2-5об.

²² Лизакевич - Нессельроде № 2. Копенгаген, 3/15 марта 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.2715. Л.7-8.

²³ Х.А. Ливен – Н.П. Румянцеву. Лондон, 6 / 18 марта 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.6840. Л.107-109. Ливен – П.К. Сухтелену. Лондон, 6 / 18 марта 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.1660. Л.9-11.

²⁴ Höjer, Torvald T:son. Carl Johan i den stora koalitionen mot Napoleon. Sverige och kongressen i Châtillon. Uppsala. 1940. (Uppsala Universitets årsskrift 1940:4)

из Финляндии, или из Архангельска"²⁵. Это письмо не дошло до адресата из-за сложной конфигурации линии фронта. Через несколько дней генерал-адъютант по военно-морскому флоту при ставке Карла Юхана Карл Юхан Эдвард Карлхейм-Юлленшёльд, доверенное лицо шведского наследного принца, которого тот еще в 1811 г. использовал для конфиденциальных контактов с российской миссией, сообщил, также конфиденциально, что Карл Юхан намерен отправиться на встречу с Александром I.²⁶ 26 марта Карл Юхан выехал из Льежа, где располагалась ставка Северной армией²⁷, однако из-за того, что наполеоновские войска перерезали дороги, связывавшие Бельгию с территорией Франции, где находилась союзная ставка, ему пришлось вернуться в Льеж²⁸. Теперь для Карла Юхана много зависело от России и Александра I.

Позиция России, Александра I, в отношении событий в Норвегии определилась к концу апреля, после того как был урегулирован важнейший вопрос – отрешение Наполеона от власти и реставрация династии Бурбонов во Франции. Шведский наследный принц Карл Юхан какое-то время надеялся, что ему удастся сыграть решающую роль во Франции и, быть может, каким-то образом заменить Наполеона. Еще в первые дни апреля 1814 г. в состоявшейся в Нанси беседе с российским губернатором Лотарингии Д.М. Алопеусом, он говорил о Бурбонах как о "прогнившей династии". Они не должны были, по его словам, приезжать теперь во Францию, дожидаясь за границей, пока их не призовет какой-либо авторитетный посредник, причем, по мнению Алопеуса, под этим посредником Карл Юхан подразумевал самого себя²⁹. При этом официально он старался заверить всех, что не собирается вмешиваться во внутренние дела Франции³⁰, а шведов, в том числе и короля Карла XIII, что вполне доволен своей судьбой и намерен связать свою жизнь только со Швецией³¹.

Однако уже к 5 апреля в ставку шведского наследного принца пришли сообщения о восстановлении Бурбонов, и Карл Юхан поспешил наладить с ними отношения³². Теперь, когда французский мираж для бывшего наполеоновского маршала рассеялся, тот поспешил в Париж, чтобы добиться здесь вмешательства союзников в конфликт на севере. Карл Юхан возложил всю ответственность на Данию, на Фредерика VI, утверждая, что принц Кристиан Фредерик действует с полного согласия и по наущению Копенгагена³³.

²⁵ Карл Юхан – Александру I. Льеж, 19 марта 1814 г. // Alin O. Den svensk-norska unionen. I. Bilag. N 40. S.91-92.

²⁶ П.К. Сухтелен – К.В. Нессельроде № 34. Льеж, 12 / 24 марта 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.1688. Л.97. Копия. Фр. яз.

²⁷ П.К. Сухтелен – Н.П.Румянцеву № 43. Льеж, 14/26 марта 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.10844. Л.10-10об.

²⁸ Карл Юхан - Александру I. Льеж, конец марта 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.6416. Л.18. Оpubл.: Historiske Samlinger. V.III. S.190.

²⁹ Д.М. Алопеус - Штейну. 21 марта / 2 апреля 1814 г. // Stein.V.IV. S.624-625.

³⁰ См. например обращение Карла Юхана к французам. Кёльн, 12 февраля 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.1688. Л.66. Печатный экз. Оpubл.: Le Bas P. Suède et Norvège. Paris. 1838. P.361.

³¹ Письмо Карла Юхана Карлу XIII. Льеж, 23 марта 1814 г. // UUB Carl Johans brev till Carl XIII. Подлинник. Оpubл.: РШ. Док.246.

³² П.К. Сухтелен – Н.П. Румянцеву. Льеж, 24 марта/5 апреля 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.10844. Л.17-18.

³³ См. не дошедшее до адресата письмо шведского наследного принца Карла Юхана Александру I. Льеж, 19 марта 1814 г. Оpubл.: Alin O. Den svensk-norska unionen. I. Bilag. N 40. S.91-92. Также см. ноту руководителя бюро по дипломатическим делам при ставке шведского наследного принца Карла Юхана Д. Шульценхейма (von Schulzenheim) датскому дипломату Юлю от 19 марта 1814 г. //

12 апреля Карл Юхан прибыл в Париж, где встретился сначала с Александром I, а затем с королем Пруссии – Фридрихом-Вильгельмом III, быстро добившись от них принципиального решения помочь Швеции добиться выполнения Кильского трактата. Уже 14 апреля он смог написать королю Карлу XIII: "Я с удовольствием отметил, что оба монарха приняли твердое решение – оказать нам поддержку всеми имеющимися у них средствами, чтобы присоединение Норвегии к Швеции осуществилось незамедлительно. Российский император дал мне даже слово, что ни одно подразделение его войск не вернется на родину до того, как это присоединение состоится. Я договорился с монархами, что шведская армия направится снова в Гольштейн, чтобы Дания поскорее согласилась с мерами, которые примут оба государя, чтобы заставить принца Кристиана покинуть Норвегию".³⁴ По указанию Карла Юхана гофканцлер шведского двора Густав Веттерстедт составил обстоятельную записку с изложением позиции Швеции в отношении событий в Норвегии и с предложением довольно жестких мер против Дании и Норвегии.

Позиция же собственно России в отношении событий в Норвегии была зафиксирована в четырех документах, датированных 27-28 апреля 1814 г., когда было принято окончательное решение направить в Копенгаген и Кристианию специальную миссию четырех союзных держав для мирного урегулирования конфликта. Основным документом было личное письмо императора Александра I королю Дании Фредерику VI.

Александр I написал письмо Фредерику I, где в довольно жестких выражениях уведомлял, что не ратифицировал мирный договор с Данией, поскольку принц Кристиан отказывается выполнить условия Кильского договора об уступке Норвегии Швеции. "Когда после двадцати лет войны и опустошения, – писал Александр, – Европа, наконец, умиротворена, огонь мятежа должен обрушиться на маленький народ, который введен в заблуждение, превратности войны тогда, когда он собирался пользоваться всеми выгодами торговли, которую возвращал ему мир". Александр предлагал датскому королю всеми средствами убедить принца в необходимости выполнения договора: "если Вы сообщите ему сегодня о той опасности, которая угрожает этой несчастной стране, и потерях, которые понесет Дания, если Норвегия станет предметом завоевания, а не обмена, он откажется от предприятия, которое, не принеся подлинной славы, погубит Норвегию и скомпрометирует Данию, его первое наследство".³⁵ Это письмо должен был отвезти в Копенгаген молодой талантливый генерал-майор Михаил Федорович Орлов, которому Нессельроде дал обстоятельную инструкцию, как тот должен действовать в датской столице³⁶. "Главная цель Ваших демаршей, – подчеркивал Нессельроде, – добиться, чтобы принцу Кристиану вновь были даны самые строгие повеления и чтобы Вам поручено было их ему доставить. Как только Вам вручат нужные бумаги, направляйтесь в Норвегию, где Вы ознакомите принца с приказом короля и потребуете от него немедленного подчинения. Подкрепите свое требование всеми аргументами, которые предоставляет Вам бесповоротно принятое императором решение ни в коем случае не позволить, чтобы гарантированная им Швеции передача Норвегии не состоялась. Одновременно Вам надлежит встретиться с главными норвежскими руководителями". Нессельроде предлагал Орлову действовать методом пряника и кнута. Он должен был в своих уговорах датчан "использовать выгоды, которые Швеция намерена предоставить Норвегии", о чем говорилось в записке Веттерстедта от 23

АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.1688. Л.80-82об. Varenius, Otto. Carl Johan och Danmark 1814. Uppsala - Leipzig. 1938. S.58-77.

³⁴ Письмо Карла Юхана Карлу XIII. Париж, [14 апреля 1814 г.] // ВФА. Copie des lettres 1813-1816. UUB Carl Johans brev til Carl XIII. Оpubл.: РИШ. Док.247.

³⁵ Александр I – Фредерику VI. Париж, 16/28 апреля 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.6369. Л.1-1об. Отпуск. (автограф К.В. Нессельроде.) Фр. яз. ГАРФ. Ф.1711. Д.17. Л.1-1об. Копия. Фр. яз. Оpubл.: ВПР.Т.7. Док. С.662.

³⁶ Инструкция К.В. Нессельроде М.Ф.Орлову. Париж, 16/28 апреля 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.1597. Л.2-3. Отпуск; ГАРФ. Ф.1711. Оп.1. Л.65-66об. Подлинник. Оpubл.: ВПР.Т.7. Док.264; Nielsen Y. Aktstykker vedkommende Stormagternes Mission, Anden Række, 1897. S 178-179.

апреля 1814 г. Однако если "датский кабинет останется глух к советам императора", то Орлов мог прибегнуть и к кнуту: "Вы можете при необходимости заявить, что армия генерала Беннигсена, подкрепленная прусским корпусом, предназначена для совместных со шведскими войсками действий против Дании до тех пор, пока Норвегия не будет передана и подчинена Швеции". В тот же день Нессельроде отправил также две депеши Лизакевичу, в которых повторялись те же доводы, что в письме Александра и инструкции Орлову³⁷.

Об Орлове, этом неординарном человеке, следует сказать подробнее³⁸. Михаил Федорович Орлов родился в 1788 г. в Москве. Он был сыном Федора Григорьевича Орлова, младшего брата знаменитых Григория Орлова, фаворита Екатерины II, и Алексея Орлова. С 1805 г. он служил в гвардии, участвовал в военных кампаниях против Наполеона. В 1812-1813 г. он был всего лишь ротмистром Кавалергардского полка, но уже тогда прославился своими военными подвигами. В феврале 1813 г. он стал командиром партизанского отряда, сделал блистательную военную карьеру, и в марте 1814 г. ему пришлось заключать с французами соглашение о сдаче союзникам столицы Франции – Парижа³⁹. Именно за это император Александр произвел его в генерал-майоры. Затем последовала его миссия на Север Европы – в Копенгаген и Кристианию, о которой будет сказано далее. После окончания войны М. Орлов занимал ряд командных должностей в армии. Уже с 1814 г., быть может и под влиянием своего пребывания в Норвегии, он стал разрабатывать планы революционного преобразования России, уничтожения крепостничества и введения конституционного правления (вначале ограниченной монархии, а затем даже республики). Сблизился с членами "Союза Спасения"; в 1818 г. был принят в "Союз благоденствия". С 1820 г. он был начальником 16-й пехотной дивизии, и при этом возглавлял связанную с Южным обществом кишиневскую организацию дворянских революционеров, которых потом, после восстания 14 декабря 1825 г. будут называть декабристами. На московском съезде декабристов (январь 1821 г.) Орлов выдвинул программу решительных действий против самодержавия. Однако в феврале 1822 г. Орлов был отстранен от командования дивизией, но декабристы по-прежнему предполагали поставить его во главе готовящегося восстания. В самом восстании участия генерал принять не смог, его не было в Петербурге, но тогда же, в декабре 1825 г., был арестован. Лишь благодаря заступничеству брата, близкого к Николаю I, был в 1826 г. лишь уволен со службы и сослан под надзор полиции в родовое имение. С 1831 г. жил в Москве, где пользовался значительным влиянием в кругах оппозиционной общественности. В 1833 г. опубликовал анонимно книгу "О государственном кредите" – первой в мировой литературе изложение теории государственного кредита. Скончался Орлов 2/14 марта 1942 г. в Москве.

Вернемся в 1814 г. Орлов первым из союзных уполномоченных выехал в Копенгаген. Тем временем, в российскую ставку продолжали поступать сведения от российских дипломатов. В донесении № 10 от 18/30 апреля⁴⁰ Лизакевич, говоря об ответе Кристиана Фредерика на письмо Фредерика VI, писал, что принц "ответил королю в неясных, холодных и уклончивых выражениях, которые доказывают, что он следует лишь советам интриганов, побуждающих его к уклонению от своего долга в отношении своего короля и мешающих ему дать выход чувствам, которые соединяют его с его августейшими родственниками и его родиной". Далее Лизакевич сообщал об открытии 15 апреля сейма в

³⁷ Две депеши К.В. Нессельроде В.Г. Лизакевичу. Париж, 16/28 апреля 1814 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Копенгагене 1811-1815. Оп.518. Д.38. Л.242-242об. Подлинник; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.2726. Л.2-3об. Отпуск. Оpubл.: ВПР.Т.7. Док.265. С.664-665; АВПРИ. Ф. Миссия в Копенгагене 1811-1815. Оп.518. Д.38. Л.243-244. Подлинник; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.2726. Л.4-5. Отпуск. Оpubл.: ВПР.Т.7. Док.266. С.665.

³⁸ О М.Ф. Орлове см.: Павлова Л.Я. Декабрист М.Ф. Орлов. М.1964.

³⁹ Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М. 1963.

⁴⁰ Лизакевич - Нессельроде № 10. Копенгаген, 18/30 апреля 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.2715. Л.41-42об. Подлинник.

Эйдсволле, президентом которого назначен Петер Анкер, "личность, достаточно примечательная в стране". В настоящее время сейм занимается составлением новой конституции королевства Норвегии, "которая должна быть принята новым королем, которым будет, как полагают, принц Кристиан Датский". В Дании хотели бы знать, пишет Лизакевич, "не говорит ли одна из статей этой конституции, что корона Норвегии никогда не должна быть объединена с короной Дании". Лизакевич подчеркивал, что "рассудительные люди считают, что Норвегия не является страной достаточно населенной, ни достаточно богатой, чтобы играть роль среди держав Европы, и что она окажется в весьма затруднительном положении и совершенно изолированной, если эти державы откажутся, что достаточно вероятно, признать когда-либо ее независимость". Явно получив какие-то сведения о позиции унионистской партии на Государственном собрании, российский дипломат писал: "Умные и проницательные норвежцы твердо убеждены, что их страна будет пользоваться спокойствием и, следовательно, обретет свое подлинное счастье, лишь объединившись со Швецией, которая предоставит ей права и привилегии, которые будут тем более действительными, что они будут гарантированы правительством, куда будут допущены ее собственные представители". Кроме того, Лизакевич сообщил о позиции датского министра иностранных дел Нильса Розенкранца, который "открыто не одобряет поведение принца Кристиана в Норвегии и сожалеет, что это принц следует гибельным советам своего окружения, которое думает лишь об удовлетворении своих корыстных видов и своего преступного честолюбия".

Интересно, что как раз в это время влиянием России и своими родственными узами с российским императором при выдвижении своих претензий на норвежскую корону попытался свергнутый в марте 1809 г. бывший шведский король Густав IV Адольф, мотивируя это тем, что он сам представлял ветвь Гольштейн-Готторпский дома, а его матерью была датская принцесса София Магдалена, и поэтому по инициативе отца, Густава III, в его полный титул входило "наследник Дании и Норвегии". Густав IV Адольф попытался обратиться с воззванием к норвежскому народу, и даже написал Александру I, добываясь его поддержки⁴¹. Однако демарш этот остался без ответа.

О завершении работы Государственного собрания в Эйдсволле Лизакевич смог сообщить Нессельроде и Румянцеву только в самом конце мая, однако с этого времени его донесения уже не представляли прежнего интереса, так как теперь на Севере Европы была миссия комиссаров союзных держав. Дальнейший ход событий, прежде всего подробности миссии уполномоченных комиссаров России, Великобритании, Пруссии и Австрии в Копенгаген и Кристианию в мае – июле 1814 г., известен более обстоятельно прежде всего благодаря фундаментальным публикациям документов Ингвара Нильсена в последние десятилетия XIX – начале XX вв. Однако и вокруг этой важнейшей миссии есть неясные моменты.

Мне представляется, что имела место определенная недооценка ее результатов, поскольку формально она не привела к желаемым результатам, не смогла мирно разрешить конфликт между Швецией и Норвегией. Главным итогом этой миссии, прежде всего переговоров между принцем (королем) Кристианом Фредериком и М.Ф. Орловым, было то, что норвежцам, которые согласились на унию со Швецией, удалось добиться признания сначала от союзников, а затем и от Швеции Эйдсволлской конституции, тем самым легитимизировав основные результаты революции.

Дело в том, что основным вопросом, который решался в июле 1814 года – был вопрос об унии Норвегии со Швецией. Но с норвежской стороны обязательным условием этого было выдвинуто признание Швецией Эйдсволлской конституции 17 мая. Шведская позиция была, как мы знаем, иной. Шведы были готовы к тому, что у Норвегии будет своя

⁴¹ Письмо Густава Адольфа Александру I. Франкфурт-на-Майне, 3 апреля 1814 г.
// АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.6390. Л.1.

конституция. Об этом писал в письме фельдмаршалу фон Эссену Карл Юхан⁴² и объявил в своей прокламации король Карл XIII от 10 июля 1814 г.⁴³ Суть шведской позиции сводилась к следующему: основой унии должен стать Кильский мирный договор, норвежцы признают унию, а шведский король милостиво разрешает им созвать представительное собрание из знатных людей и землевладельцев для выработки конституции Норвегии, которая будет представлена на одобрение королю.

Таким образом, шведы не только игнорировали и перечеркивали все то, что произошло в Норвегии в феврале-мае 1814 г.: провозглашение независимости в феврале, создание временного правительства, народную присягу и выборы в Государственное собрание, само Государственное собрание, и, наконец, принятую в Эйдсволле 17 мая Конституцию. Эти действия были объявлены мятежом.

В личном архиве М.Ф. Орлова сохранился опубликованный в переводе на французский язык текст Эйдсволлской конституции⁴⁴, куда от руки были внесены изменения, необходимые при заключении унии со Швецией, изменения⁴⁵, которые отчасти затем легли в основу новой редакции конституции, принятой, как известно, чрезвычайным стортингом 4 ноября 1814 г.. Позиция Орлова повлияла на уступчивость со стороны шведов, которые вначале предлагали норвежцам созвать новое собрание для одобрения конституции, которую шведы намеревались дать им. Война же понадобилась Карлу Юхану для того, чтобы отделаться от ставшего ненужным участия союзников в дальнейшем решении норвежских дел.

В чем причина того, что Орлов и принц Кристиан Фредерик смогли договориться? Михаил Орлов и король (принц) Кристиан Фредерик были ровесниками (принц был на два года старше генерала). Оба они воспитывались, как это было принято и в России, и в Скандинавии того времени для аристократии на французской культуре, на трудах просветителей. Скорее всего, у них был один мир представлений. Они росли под впечатлением революции во Франции и наполеоновских войн. Другие послы были лет на десять – пятнадцать старше Орлова и Кристиана Фредерика, и это были менее яркие личности. Орлов был овеянный славой генерал, младше всех по возрасту, но старше их всех по званию. Джон Фостер – рядовой британский дипломат; Фридрих фон Мартенс –

⁴² Письмо Карла Юхана графу фон Эссену. Розереберг, 3 июля 1814 г. SRA. Essens saml. V.12. N 240. Оpubл. в пер. на норв.яз.: Nielsen.1869. S.177-178. Оpubл. в пер. на шв.яз.: Schinkel-Bergman. D.9. S.456-457. (датировано 5.7.1814) Оpubл.: Nielsen. 1894. S.18-19.

⁴³ Kongl. Majestäts Proklamation till Norrmännen, dat. d. 10 Juli 1814: Uppsatt af Envoyéen, m.m. v. Brinkman, sedermera omtryckt med förändringar. Uddevalla, 1814. 6 s. KB Engeströmska samlingen. Osignerat. V.21:1. N 1. Stockholms Dagligt Allehanda N 163, 19.7.1814. Alin.1889. Bilagor. Bil.46a. S.105-108.

⁴⁴ Constitution du Royaume de Norvège. Christiania. Imprimé chez Jacob Lehmann. 1814 // ГАРФ. Ф.1711. Оп.1. Д.23. Л.1-60об. Об этом издании, экземпляр которого хранится в Риксрахиве Норвегии, см. : Nilsen, Ragnar Anker. Hva fikk nordmennene å lese i 1814? En bibliografi med beskrivelse av skrifter og trykk utgitt i Norge i grunnlovsåret. Oslo. Universitetsbiblioteket. 1997. S.74-75. Ингвар Нильсен обнаружил другой экземпляр издания в собрании донесений прусского уполномоченного Мартенса в Берлинском архиве, а еще один был куплен им в букинистическом магазине в Лейпциге в 1884 г. Нильсен почему то решил, что этот последний и принадлежал Орлову, что не соответствует действительности.

⁴⁵ Этот французский перевод предложений по изменению конституции был опубликованы Ингваром Нильсеном в 1886 г.: Nielsen, Yngvar. Bidrag til Norges Historie i 1814. Avhandlingar og Aktstykker. Del. II. Christiania. 1886. S.287-296. Оригинальный текст на датском языке был опубликован там же. Ibidem. S.280-286. Нильсен указывает, что на титульном листе вышеупомянутого экземпляра Мартенса была надпись по французски: "Рукописные изменения являются изменениями, которые принц Кристиан добавил к конституции, чтобы сделать ее приемлемой е.шведскому в-ву". (Les changements par écrit sont ceux que le Prince Chrétien ajouta à la constitution pour la rendre acceptable à S.M. Suédoise).

юрист по образованию, по званию майор. Август Эрнест Штейгентеш – также генерал и дипломат, по своим консервативным взглядам близкий к Меттерниху. Не случайно, что Орлов и Кристиан Фредерик быстро прониклись взаимными симпатиями и смогли быстро найти общий язык. Это видно и из донесений самого Орлова, и из дневника Кристиана Фредерика, да и из донесений коллег Орлова по миссии. Формально миссия союзных уполномоченных, или комиссаров, как их официально называли, закончилась неудачей. Им не удалось разрешить конфликт мирно. Однако им, и прежде всего Орлову, удалось добиться того, что de facto было легитимизировано то, что произошло в Норвегии с февраля по май 1814 г. И главное – фактически была признана Эйдсволлская конституция 17 мая, причем признана не только союзными уполномоченными, но и в конце концов шведами, которые отказались от идеи навязать норвежцам другой основной закон, выработанный под их диктатом. Начавшиеся уже в ходе военных действий в начале августа мирные переговоры, и завершившая их Мосская конвенция исходили из признания норвежской конституции, поскольку власть от короля Кристиана должна была перейти в руки Стортинга, избираемого как раз по этой конституции. Таким образом, роль Михаила Федоровича Орлова в окончательном, во многом благоприятном для Норвегии и норвежцев результате, была если и не решающей, то очень существенной. Переговоры Орлова и других комиссаров с Кристианом Фредериком и правительством Норвегии создали основу для урегулирования конфликта между Швецией и Норвегией, а эти переговоры фактически предотвратили новую масштабную войну на Севере Европы.

После того как переговоры были прерваны, в Копенгагене не теряли надежды на мирное решение конфликта. Лизакевич еще 30 июля сообщал, что пронесся слух о возможной встрече между Кристианом Фредериком и Карлом Юханом, из чего были сделаны "благоприятные выводы для урегулирования полюбовно судьбы Норвегии"⁴⁶.

После того как были получены сообщения о подписании Мосской конвенции, 1 сентября 1814 г. Нессельроде сообщил генералу Л.Л. Беннигсену, что ввиду завершения норвежских дел отправка русских войск в Швецию откладывается, но что в случае возобновления войны нужно будет послать Карлу Юхану войска, как только тот потребует. Он подчеркнул, что продолжительность оккупации Гольштейна зависит от внешних событий⁴⁷. П.К. Сухтелену Нессельроде написал, что император Александр I близко к сердцу принял "упрочение уз, соединивших эту страну (Норвегию) со Швецией" и что он удовлетворен высказанным пожеланием об установлении в Норвегии порто-франко для русских судов⁴⁸. В Копенгаген, В.Г. Лизакевичу он сообщил, что в связи со "счастливым завершением дел в Норвегии" генералу Беннигсену послан приказ приостановить предписанные мероприятия, но об этом российский посланник не должен был пока сообщать датскому правительству⁴⁹.

Теперь, после неудачи союзнической миссии российская дипломатия не выступала активно в норвежском вопросе. Российские дипломаты при ставке Карла Юхана П. К. Сухтелен и его сын, Павел Петрович Сухтелен были лишь внимательными наблюдателями за тем, что происходит.

Получив от Карла Юхана письмо о благополучном завершении норвежских дел, император Александр поспешил из Вены, где конгресс был уже в разгаре, поздравить шведского наследного принца, заверив его в своей искренней и неизменной дружбе и в намерении

⁴⁶ Лизакевич - Румянцеву № 22. Копенгаген, 18/30 июля 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.2714. Л.73-74об.

⁴⁷ Нессельроде – Беннигсену, Санкт-Петербург, 20 августа / 1 сентября 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.1521. Л.8-8об. Отпуск; Л.7-7об. Копия. SRA. Essens saml. V.12. N 324b. Копия. Оpubл. в пер. на норв. яз.: Nielsen. 1869. S.199.

⁴⁸ Нессельроде – П.К. Сухтелену. Санкт-Петербург, 20 августа / 1 сентября 1814 г. АВПРИ.Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.10847.Л.2-2об. Отпуск (автограф). Оpubл.: ВПР.Т.8. Док.40. С.93-94.

⁴⁹ Нессельроде – В.Г.Лизакевичу. Санкт-Петербург, 20 августа /1 сентября 1814 г. // АВПРИ. Ф.Миссия в Копенгагене. 1811-1815. Оп.518. Д.38. Л.256-256об. Подл. Фр.яз.

выполнять взятые на себя обязательства⁵⁰. Через год, в декабре 1815 г. император Александр написал о своем одобрении политики, которую Карл Юхан проводил в Норвегии, сравнив ее с той конституционной политикой, которую сам Александр проводил в тот момент в Польше: "Я отнесся с тем более искренним интересом ко всем мудрым мерам, коими Ваше высочество старались укрепить единение между этой страной (Норвегией) и Швецией, что эти меры составят вернейшую гарантию покоя на Севере. Отныне да будет это главною целью отношений, существующих между нами"⁵¹.

Образование шведско-норвежской унии, которая по сути своей значительно отличалась от унии между Данией и Норвегией, появление на Севере Европы конфедеративного государственного образования "Соединенные королевства Швеции и Норвегии", как показала история, оказало огромное положительное воздействие на весь регион и на российско-скандинавские отношения в частности. Ушли в прошлое как русско-шведские, так и датско-шведские войны, был заложен фундамент добрососедских отношений между Норвегией, которая восстановила в 1814 г. свою государственность, и Россией. Новый импульс получают экономические отношения между нашими странами. Поскольку Норвегия не обладала полным суверенитетом, то у наших стран не было взаимного дипломатического представительства. Однако представляется не случайным, что после Крымской войны, почти десять лет представлять Соединенные королевства в Санкт-Петербурге будет норвежец Ведель-Ярлсберг. Пройдет еще девяносто лет после событий 1814 г., и в 1905 г. Норвегия станет полностью независимым государством, и Россия первой признает ее самостоятельность.

Vadim Roginskij: Russlands rolle i 1814

Tema for dette foredraget er Russlands forhold til Norge mot slutten av Napoleonskrigene i 1814. På grunnlag av arkivmateriale analyseres den informasjon som den russiske politiske ledelse fikk om begivenhetene i Norge fra februar til mai 1814. Særlig vekt legges på seiersmaktenes misjon til København og Kristiania fra mai til juli 1814, der den talentfulle diplomaten og unge generalen Mikhail Orlov var russisk representant. Utsendingene maktet ikke å løse det norske problem på fredelig måte, men man kan takke dem, og i særdeleshet Mikhail Orlov, for at Grunnloven som var blitt vedtatt på Eidsvoll 17. mai 1814 faktisk ble legitimert, og at den til sist også anerkjent fra svensk side.

Russlands anstrengelser for å løse problemet på en fredelig måte understrekes. Historien skulle vise at disse begivenhetene hadde en enorm og positiv virkning på hele regionen, og særlig på russisk-skandinaviske forbindelser. Russisk-svenske og dansk-svenske kriger gikk over i historien, og fundamentet for et godt naboskap mellom Russland og Norge, som fikk sin statsordning i 1814, ble lagt.

Roald Berg: Den russiske "trussel" i Norge 1814-1855

Forestillingen om at Russland truet Vest-Europa militært, kan vi følge tilbake til begynnelsen av 1800-tallet. I 1855 ble den institusjonalisert i form av den såkalte November-traktaten mellom vestmaktene og den svensk-norske union på samme måte som Åland-servitutene og Svartehavs-traktaten i 1856 var uttrykk for frykt for at Russland skulle utfordre vestens og særlig britenes hegemonistilling i internasjonal politikk.

⁵⁰ *Письмо Александра I Карлу Юхану. Вена, 18/30 декабря 1814 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.6417. Л.24-25. Проект (автограф); Л.22-22об. Копия. SRA. ККXIVJP.3 К 1021. Подлинник. Оpubл.: Historiske Samlinger. III. S.207. РШ. Док.262.*

⁵¹ Александр I – Карлу Юхану. Варшава, 19 ноября / 1 декабря/ 1815 г. SRA ККXIVJP. V.3. К1021 Подлинник. АВПРИ. Ф.Канцлерия. Оп.468. Д.64756. Л.7-8. Проект письма, датированный "ноябрь 1815 г." Оpubл.: ВПР. Т.9. Док 4; РШ. Док.273.

Forestillingen om at Russland truet Norge var en del av den allmenne europeiske uroen for den østlige stormakten. Men frykten for et russisk erobringstog mot Norge hadde også røtter her til lands.

Forestillingen om den russiske "trussel" mot Norge tjente flere hensikter slik også Novembertraktaten var resultatet av andre motiver enn de ren militære. Novembertraktatens formelle kjerne var en britisk garanti mot russisk aggresjon mot Norge og Sverige. Traktatens forhistorie viser imidlertid at den for det første var resultatet av en forretningsmanns private karriereplan (konsul Crowes sprang fra smuglertiltalt lokal industrialist i Nord-Norge til generalkonsul i Norge). Den britiske villigheten til å garantere Norge mot Russland ble nemlig underblåst av denne britiske forretningsmannens årelange innrapportering til de britiske myndigheter om at russerne angivelig hadde planer om å erobre en isfri havn på Atlanterhavskysten i nord, rapporter som ble møtt med den største tiltro av det britiske Utenriksdepartement som under Lord Palmerstons ledelse målbevisst forsøkte å stenge russerne ute fra verdenshavene. For det andre var traktaten en del av kong Oscar Is spill for å komme med i Krim-krigen og dermed få sjansen til å gjenerobre Finland, som var gått tapt i 1809. Dette er velkjent fra tidligere forskning.

Den tidligere forskningen har imidlertid oversett at den britiske generalkonsulens nærmeste norske samarbeidspartnere i 1850-årene var en norsk militær, general Johan Georg Ræder, som var oppdratt i en norsk militærfaglig tradisjon hvor den russiske "trussel" mot Norge var det viktigste legitimerende argumentet for virksomheten. General Ræder var den britiske forretningsmannens medkontrahent da britene sikret seg byggingen av landets første jernbane. Og Ræder stod samtidig kongen nær som dennes adjutant. Det er hevet over tvil at så vel kongen som britenes viktigste anti-russiske lobbyist i Norge på midten av 1800-tallet ble påvirket – og påvirket – den russofobien som var blitt til i norske offiserskretser allerede i begynnelsen av 1820-årene.

Den norske russofobiens røtter ligger begravd i den norsk-svenske unionens tilblivelseshistorie. Under Napoleons-krigene ble som kjent Norge tvunget inn i union med Sverige etter en krig – sommeren 1814 – som Norge tapte (tapet ble kamuflert som våpenhvile). Den norske krigsmakten som tapte denne krigen ble imidlertid ikke deretter oppløst. Denne ble i stedet omformet slik at den passet til de svenske militære behovene som var vokst fram av tapet av Finland i 1809. Stockholm var da blitt forvandlet fra en hovedstad midt i et Østersjø-rike, til å bli en grenseby på vestsiden av det havet der den russiske flåte hadde en av sine hovedbaser. Det norske forsvarets rolle i denne situasjonen ble primært å levere forsterkningssoldater til det tilbaketrukne svenske forsvaret av Stockholm den dagen da russerne angrep over Østersjøen. Det norske forsvaret ble tilpasset til denne hovedoppgaven i og med hærordningen av 1817, da hæren ble halvert. Dette skjedde etter initiativ fra den svenske øverstkommanderende over denne hær, stattholderen i Kristiania. Stattholderposten, som var bemannet med svenske embetsmenn helt fram til 1829, var det viktigste maktmiddel i Sveriges hånd under omformingen av det norske forsvaret i årene etter 1814.

En mengde offiserer mistet altså sine offisersposter som følge av unionen i 1814. Den militære etat der de tjenestegjorde, krympet kraftig. Som en del av offiserskorpsets selvforsvar mot reformer som truet korpset som et norsk karrieremarked, utviklet norske offiserer i 1820-årene en teori om at det fantes en alternativ trussel spesielt mot Norge *i tillegg til* forestillingen om at russerne truet det skandinaviske unionsstat mot Stockholm, nemlig teorien om at russerne hadde et presserende behov for en isfri Atlanterhavshavn; at dette behovet var så presserende at det innebar en umiddelbar fare for angrep; at et slikt russisk angrep mot Norges Atlanterhavskyst ville komme nordfra – fra Arkhangelsk; og at bare den britiske verdensmakt kunne og ville beskytte Norge mot et slikt angrep. – Det var denne kombinerte norske russofobi og anglomani som ble traktatfestet i Novembertraktaten i 1855. Den hadde altså et norsk opphav i norske offiserskretser som ledd i offiserskorpsets selvhevdende profesjonsbygging. Og det var et effektivt trussel- og garantiscenario fordi det var knyttet til det norske territoriet, og ikke primært til den skandinaviske unionsstat. På dette grunnlaget fikk forsvaret sakte men sikkert bevilget midler av et Storting som ønsket et nasjonalt apparat, ikke et unionelt, for forsvar mot ytre og indre fiender på 1800-tallet. De offiserer som ble tiltrukket av store, overnasjonale argumentasjonsreservoarer for den norske

krigsmakt, slike som skandinavistene i 1860-årene, høstet den erfaring at bare territorialforsvar kunne sikre forsvaret midler i et århundre preget av økende nasjonalisme – i Norge som ellers i Europa. Appeller om gloriøse overnasjonale operasjoner prelet av et Storting av nøkterne bønder som så med skepsis på Sverige, men slett ikke var bevilgningsvegrere – bare forsvaret skaffet seg en Norge-orientert trussel.

Litteratur

Roald Berg, Norsk forsvarshistorie, bind 2, Profesjon – union – nasjon 1814-1905, Bergen 2001 (under trykking).

Roald Berg, Den svenske generalguvernørtiden i Norge, 1814-1829, IFS Info 6/1999.

Iver B. Neumann, Uses of the other. "The East" in European *identity formation*, Manchester 1999.

Руальд Берг: Представление о "российской угрозе" в Норвегии 1814-1855

Представление о том, что Россия являла собою военную угрозу Западной Европе можно проследить с начала 19 века. В 1855 году оно было документально оформлено в виде так называемого "Ноябрьского трактата" между странами Западной Европы и Шведско-норвежской унией – таким же образом, как Оландские территориальные соглашения и Черноморский договор 1856 года стали выражением опасения, что Россия может бросить вызов гегемонии западных стран и, в особенности Британии, в международной политике.

Представление о том, что Россия являла собой опасность Норвегии было частью общеевропейского опасения супердержавы на Востоке. Однако боязнь российского военного вторжения в Норвегию имела здесь и собственные корни.

Представление о "российской угрозе" Норвегии служило нескольким целям, так же как и "Ноябрьский трактат" стал результатом иных мотивов, нежели чисто военные. Формально основной целью трактата было предоставление Великобританией гарантий на случай агрессии России в отношении Норвегии и Швеции. Предыстория "Ноябрьского трактата", тем не менее, свидетельствует о том, что в первую очередь он появился на свет вследствие планов о строительстве карьеры частного предпринимателя ("превращение" Кроуса, ранее обвиненного в контрабанде местного промышленника из Северной Норвегии в генерального консула в Норвегии). Желание Британии предоставить Норвегии гарантии по отношению к России подогревалось многолетними донесениями этого предпринимателя из Англии британским властям, о том, что русские якобы имели планы захвата свободной ото льда гавани на побережье Атлантического океана на Севере. Эти донесения пользовались полным доверием в Министерстве иностранных дел Великобритании, которое под руководством Лорда Палмерсона целенаправленно пыталось оттеснить русских от выхода к океанам. Во-вторых, трактат был частью игры короля Оскара I, пытавшегося таким образом войти в Крымскую войну и получить возможность отвоевать Финляндию, утраченную в 1809 году. Это известно благодаря имевшим место ранее научным исследованиям.

И все-же, ранее проводившиеся исследования не уделили внимания факту, что наиболее близким партнером британского генерального консула в 1850-е годы был генерал Юхан Георг Рэдер, воспитанный в норвежской военной традиции, согласно которой "русская угроза" была самым важным аргументом, узаконившим собственную военную деятельность. Генерал Рэдер был контрагентом британского предпринимателя на момент, когда Британия обеспечила себе контракт на строительство самой первой в стране железной дороги. А Рэдер был при этом близок королю, будучи его адъютантом. Имеются сомнения относительно того, что как король, так и самый основной анти-русский лоббист в Норвегии в 19 в. были подвержены и сами влияли на распространение русофобии – зародившейся в норвежских офицерских кругах уже в 1820-х годах.

Корни норвежской русофобии находятся в истории становления норвежско-шведской унии. Во время Наполеоновских войн, как известно, Норвегия была вынуждена вступить в союз со Швецией – после войны летом 1814 года, которую Норвегия проиграла (поражение было закамуфлировано под видом "перемирия"). Норвежские вооруженные силы, проигравшие войну, тем не менее, не были распущены. Они были реорганизованы таким образом, чтобы они могли служить военным нуждам Швеции, возросшим после потери Финляндии в 1809 году. Стокгольм тогда превратился из столицы в центре Балтийского государства в пограничный город на западной стороне моря, на котором Российский флот располагал одной из своих основных военно-морских баз. Ролью норвежских вооруженных сил в данной ситуации стало обеспечение солдатами, которые могли бы оказать поддержку периферийной армии Швеции в Стокгольме на случай российского нападения на Балтике. Норвежская армия была настроена на выполнение данной задачи с момента сокращения численности ее войск наполовину после реформы армии 1817 года. Это произошло по инициативе шведского главнокомандующего армией – наместника (генерал-губернатора) в Христиании. Должность наместника, которую занимали шведы вплоть до 1829 года, была основным средством управления в руках Швеции во время реорганизации норвежских вооруженных сил в последовавшие за 1814-м годы.

Значительная часть офицеров потеряла свои должности вследствие заключения унии 1814 года. Военное ведомство, в котором они служили, было значительно сокращено. Как часть самозащиты офицерского состава против реформ, которые представляли угрозу его существованию – как области для строительства военной карьеры, в 1820-х годах норвежскими офицерами была разработана теория о наличии альтернативной угрозы особенно против Норвегии в *дополнение* к представлению о том, что русские представляли угрозу скандинавскому государству-унии с центром в Стокгольме, а именно теорию о том, что Россия испытывала острую потребность в свободном ото льда порту на побережье Атлантики, что эта потребность была настолько острой, что она представляла собой непосредственную опасность нападения и что подобное нападение должно было произойти в пункте на побережье Атлантического океана на севере Норвегии – из Архангельска, а защитить страну от нападения могла и желала лишь Британия. Именно данная комбинация норвежской русофобии и англomanии получила свое выражение в "Ноябрьском трактате" 1855 года. Таким образом, трактат имел свое истинное происхождение в офицерских кругах как часть его самоутверждения и обоснования необходимости профессионального роста. И выдвинутая офицерами теория была эффективным сценарием угрозы и соответствующих гарантий, поскольку она была связана с норвежской территорией, а не со скандинавским союзным государством. С помощью данного обоснования вооруженные силы постепенно получили финансовые средства от парламента, желавшего собственный национальный, а не союзный аппарат – для обороны от внешних и внутренних врагов в 19 веке. Те офицеры, которых привлекали крупные, сверхнациональные аргументы для обоснования участия норвежских вооруженных сил как части армии союзного государства – например, скандинависты в 1860-х годах, получили опыт, заключающийся в том, что лишь концепция территориальной обороны могла стать обоснованием для получения ассигнований в столетие, носящий на себе печать растущего национализма – в Норвегии или в ином другом европейском государстве. Призывы к славным сверхнациональным операциям не находили отклика в Стортинге, состоящем из расчетливых крестьян, скептически смотревших на Швецию, и тем не менее, не задумываясь выделявших средства на оборону – как только норвежские вооруженные силы заручились представлявшей Норвегии "угрозой".

Владимир Барышников: Российская историография обретения Норвегией независимости

Проблема, связанная с обретением Норвегией независимости, давно стала привлекать внимание в России политиков и ученых-историков. Уже в момент расторжения шведско-норвежской унии это событие вызвало сильную общественно-политическую реакцию и весьма благожелательное отношение в Петербурге. Журнал "Исторический вестник" писал

в этой связи, что "маленькая Норвегия" вызвала "всесветный восторг своим чудным единодушием в решительную минуту борьбы за независимость".⁵²

Тогда вообще возрос интерес в Российской империи к своей северной соседке. На рубеже XIX—XX вв. о Норвегии в целом появилось довольно большое количество научно-популярной литературы. Она затрагивала преимущественно этнографические и географические аспекты, нося в большинстве своем сугубо описательный характер.⁵³ Но стал проявляться интерес также к правовой стороне российско-норвежских отношений⁵⁴ и в целом к истории развития сотрудничества с Норвегией.⁵⁵ Причем наиболее фундаментальными являлись работы, касавшиеся прежде всего древнего периода.⁵⁶

Относительно же освещения разрыва унии между Швецией и Норвегией, то это оценивалось по-разному. В условиях нарастания в Норвегии движения за отделение от Швеции, в России пытались в научном плане дать этому соответствующую характеристику. Весьма примечательной явилась работа, изданная в конце XIX в. профессором Демидовского юридического лицея Э.Берендтсом.⁵⁷ В ней он с правовых позиций в исторической ретроспективе попытался проанализировать происходившие события в конце XIX в. Причем автор не был тогда на стороне "норвежских патриотов". Его особенно волновал вопрос о возможном вмешательстве великих держав в норвежские дела. В книге содержалась, в частности, такая мысль: "В случае вмешательства Англии в спор шведско-норвежский Россия не может оставаться безучастной – это ясно!"⁵⁸

В целом же внешнеполитический аспект выступал тогда, как один из наиболее важных с точки зрения рассмотрения происходивших событий. Свидетельством тому было большое количество статей, которые стали появляться о Норвегии в журнале "Известия Министерства иностранных дел".⁵⁹ При этом проблеме отделения Норвегии от Швеции были посвящены журнальные статьи различных направлений.⁶⁰ Вообще произошедший тогда на севере Европы процесс был воспринят в России позитивно, но наибольшее внимание уделялось описательной стороне этого вопроса и его международному аспекту.

В другом плане, но весьма важном для последующего рассмотрения уже в советской историографии, следует отметить, что вопрос об отделении Норвегии от Швеции привлекал внимание в начале XX в. и В.И.Ленина. Причем акцент в его работах делался на социальных процессах, которые происходили тогда в Норвегии и Швеции. Указав на то, что только благодаря "сознательным действиям" шведских и норвежских рабочих удалось избежать военного столкновения между двумя странами, а "тесный союз норвежских и

⁵² Исторический вестник, 1908, № 7. С.363.

⁵³ Водовозов Е.Н. Как люди на белом свете живут. Шведы и Норвежцы. СПб., 1907; Гебель Г.Ф. К вопросу о колонизации Лапландии. СПб., 1909; Крюков Н.А. Норвегия. Сельское хозяйство в Норвегии в связи с общим развитием страны. СПб., 1899; Кулакова-Горт Е.Я. Норвегия. СПб., 1909; Русов С. В стране вольного крестьянства. Ростов на Дону. 1905 и др.

⁵⁴ Сборник норвежских указаний, касающихся русских подданных по производству или торговли и промышленности в Северной Норвегии. СПб., 1883; Россия. Договоры (торговая конвенция, заключенная в Санкт-Петербурге 11/23 июня между Россией, Швецией и Норвегией). СПб., 1994.

⁵⁵ Голубцов Н. К истории разграничения России с Норвегией. Архангельск, 1910; Кааран А. К истории русского Севера. Русско-норвежские отношения // Известия Архангельского общества изучения русского Севера. 1910, № 11, 12.

⁵⁶ См., напр.: Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

⁵⁷ Берендтс Э. О шведско-норвежской унии. Политический этюд. Ярославль, 1895.

⁵⁸ Там же. С. 80.

⁵⁹ Известия Министерства иностранных дел. 1905, № 5, 6; 1912, № 4,5; 1913 № 5,6 и др.

⁶⁰ См. например: Нольде Б.Э. Начало и конец шведско-норвежской унии // Журнал министерства юстиции. 1906. № 2,3; Теплов В. Расторжение шведско-норвежской унии // Русские вести. 1905, № 11-12.

шведских рабочих, их полная товарищеская классовая солидарность выигрывала от этого признания рабочими права норвежцев на отделение".⁶¹

Однако серьезного прогресса в научном исследовании проблемы обретения Норвегией независимости уже после Октябрьской революции в России все же не происходило. Как утверждает по этому поводу известный историк, профессор А.С.Кан, вообще в течение в 20-30-е гг. "научно-исследовательская работа в области скандинавской истории почти полностью прекратилась".⁶²

Можно лишь отметить появление в 1941 г. книги А.Доброва, содержащей географический и социально-экономический обзор положения в Норвегии.⁶³ В исторической части этой работы активно использованы ленинские высказывания, касавшиеся обретения Норвегией независимости. При этом подчеркивалось, какова была реакция "Норвегии и Швеции на революционное движение в России".⁶⁴

К ссылкам на ленинские положения, активно прибегал затем с 1950-х годов и известный исследователь-скандинавист В.В.Похлебкин, опубликовавший большое количество работ (некоторые из которых появились под псевдонимами А.Сигнев, А.Балтин, А.Балтин-Кольский).⁶⁵

В силу того, что имя В.В.Похлебкина заняло в российской историографии Норвегии значительное место, кратко коснемся его творческого пути, начавшегося в 1949 г., когда им было закончено обучение в Московском институте международных отношений. С начала 1950-х гг. он уже работал в Институте истории Академии наук СССР. Именно тогда В.В.Похлебкин и приступил к целенаправленному исследованию новейшей истории Норвегии, приложив большие усилия к тому, чтобы возродить в СССР деятельность центра по изучению скандинавских стран. При его активной организаторской и научной работе с 1956 г. начал ежегодно издаваться "Скандинавский сборник", объединивший по существу всех исследователей в Советском Союзе, занимавшихся изучением истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Первые же самые трудные семь лет становления этого важного научного издания Похлебкин был его главным редактором. На страницах "Скандинавского сборника" стали как раз публиковаться первые статьи В.В.Похлебкина относящиеся к проблеме обретения Норвегией независимости.

В 1956 г. в нем появилась его обстоятельная работа, посвященная политической обстановке в Норвегии в 1905-1907 гг. Она непосредственно касалась проблем, связанных со становлением норвежской независимости и открывала новую страницу в изучении в СССР процесса разрыва шведско-норвежской унии. При этом автор хотел уйти от рассмотрения международных аспектов данной проблемы, исходя из того, что существовавшая уже литература "как норвежская, так и иностранная, – освещает исключительно вопросы внешней политики".⁶⁶

Однако такой подход, как представляется, несколько ограничил В.В.Похлебкина, поскольку сам он пользовался весьма интересными документами именно относящимися к внешней политике, благодаря чему ему удалось ввести в научный оборот значительный пласт российских архивных источников. Они представляли собой документальные материалы,

⁶¹ Ленин В.И. Сочинения. Т.20. М., 1953. С. 399.

⁶² Кан А.С. Русские и советские труды по истории Норвегии // История Норвегии. М., 1980. С. 65.

⁶³ Добров А. Норвегия. М., 1941.

⁶⁴ Там же. С. 33.

⁶⁵ См.: Похлебкин В.В. Сборник избранных произведений. В 6 т. М., 1996-1999; Библиография произведений В.В.Похлебкина и отзывов на них в отечественной и зарубежной прессе 1948-1999 гг. В. 2 ч. М., 1999.

⁶⁶ Похлебкин В.В. Политическая обстановка в Норвегии в 1905-1907 гг. и влияние на нее первой русской революции // Скандинавский сборник. Вып. 1. Таллинн, 1956. С. 174.

содержащие донесения русских дипломатов и военных представителей в Скандинавии, в которых отчетливо просматривались российская позиция и интерес к происходящим процессам на севере Европы. Тенденция же у В.В.Похлебкина все же была такой, чтобы, опираясь на эти источники, обратить внимание не на русско-норвежские отношения того времени, а на социальную сторону процесса разрыва шведско-норвежской унии.

Рассматривая этот процесс с точки зрения норвежского государства, В.В.Похлебкин пытался показать, что "основной политической задачей норвежской либеральной буржуазии в этот период была борьба за освобождение" и ей "удалось создать под своей эгидой широкий национальный блок", "изолировать норвежские массы от более революционных в то время шведских рабочих и отвлечь норвежцев вообще от вопросов классовой борьбы, объединив их в "едином национальном лагере"". ⁶⁷ К тому же сам процесс отделения от Швеции вообще являлся, по словам автора, "одной из форм возбуждения в широких массах норвежского народа шовинистических настроений, а вместе с тем поводом для укрепления военно-полицейского аппарата государства". ⁶⁸ Таким образом В.В.Похлебкин правильно подчеркнул в данном случае наличие общенационального единства норвежского народа в вопросе государственной независимости. Однако при этом чувствовалось его желание особо заострить мысль о классовом характере происшедших тогда в Норвегии событий, которые якобы при менее успешных действиях национальной буржуазии неминуемо должны были привести к пролетарской революции. Однако норвежский рабочий класс, считал автор, оказался увлеченным лишь чисто националистическими целями.

Более того, развивая это положение, В.В.Похлебкин также перенес его и на внутреннюю ситуацию в Швеции. Он обратил внимание на то, что и "шведские рабочие с самого начала... заняли доброжелательную позицию по отношению к норвежскому народу" и "эта позиция сыграла огромную роль в том, что отделение Норвегии от Швеции прошло без военного выступления Швеции". Вообще же, по его словам, "осторожная тактика шведских правящих кругов в этот период была вызвана развернувшейся активной борьбой рабочего класса за свои права и против опасности войны в Скандинавии". ⁶⁹

При всем этом автор особо стремился подчеркнуть, что на социальное движение на севере Европы оказало "грандиозное влияние" начало русской революции 1905-1907 гг., которая "в значительной степени облегчила как национальное развитие Норвегии, так и содействовала укреплению и развитию норвежского рабочего движения". ⁷⁰ Эту мысль Похлебкин проводит затем в материале, посвященном Норвегии в Советской исторической энциклопедии. ⁷¹

В конечном счете можно заключить, что В.В.Похлебкин оказался очень приверженным представлениям о неизбежности стремительного развития революционного процесса в североевропейском регионе и взгляды В.И.Ленина о том, что в Норвегии тогда уже произошла "мирная революция" хотел подтвердить, опираясь на новую документальную базу, которой он располагал.

Что же касалось международного аспекта в обретении Норвегией независимости и российско-норвежских отношений в то время, то это, видимо, находилось в стадии

⁶⁷ Там же. С.179-182.

⁶⁸ Там же. С. 183.

⁶⁹ Там же. 184, 187; эти взгляды в более развернутом виде В.В.Похлебкин изложил также в работе: Подъем рабочего движения в Швеции 1905-1907 гг. и разрыв шведско-норвежской унии // Первая русская революция 1905-1907 гг. и международное рабочее движение. Ч. II. М., 1956. С.181-205.

⁷⁰ Похлебкин В.В. Политическая обстановка в Норвегии в 1905-1907 гг. и влияние на нее первой русской революции. С. 215.

⁷¹ Гуревич А.Я., Похлебкин В.В. Норвегия // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967. С. 319-320.

авторского осмысления. Но, тем не менее, существенную роль в развитии этого процесса могла сыграть начавшаяся публикация документов по рассматриваемой проблеме. В 50-е гг. вышло подготовленное В.В.Похлебкиным издание документов, раскрывающих проблему признания Россией норвежской независимости.⁷² В предисловии к этой работе ее составитель особо подчеркнул, что собранные в сборнике документы, которые представляли собой переписку российских дипломатов, опровергали два широко распространенных утверждения. Прежде всего речь шла "о якобы реальной опасности возникновения войны между Швецией и Норвегией в 1905 г." и о том, что "будто Англия способствовала созданию независимого норвежского государства".⁷³ С другой стороны, Похлебкин указывал и на то, что "политика русского правительства в отношении Норвегии характеризовалась постоянным стремлением сохранить и упрочить добрососедские отношения с этой северной страной" и "внешняя политика русского правительства... являлась одним из факторов, оказавшим положительное влияние на решение национального вопроса в Норвегии".⁷⁴ Такая оценка значения российской внешней политики для обретения независимости Норвегии стала одной из ключевых в суждениях В.В.Похлебкина.

Это подтверждалось и его публикацией в "Скандинавском сборнике", где он прокомментировал личное послание премьер-министра Норвегии Х.Миккельсена министру иностранных дел России графу В.Н.Ламздорфу содержавшее просьбу признать норвежское государство. Похлебкиным в данном случае особо выделялась мысль о том, что "из всех великих держав Россия наиболее дружелюбно и абсолютно бескорыстно и искренне относилась к Норвегии и была кровно заинтересована в дружбе и добрососедских отношениях с новым государством в Скандинавии, стремясь обеспечить безопасность своих северо-западных границ и создать обстановку мира в этом районе".⁷⁵

Развивая сказанное в другой статье, вышедшей спустя двадцать лет,⁷⁶ Похлебкин счел необходимым показать несостоятельность имевшихся утверждений об агрессивных намерениях России в тот период по отношению к Скандинавии и подчеркнул, что "этот миф опровергали сами реальные факты поведения и политики России".⁷⁷ Факты того, что "в северной России было серьезное недовольство норвежско-российской границей",⁷⁸ автор отверг, заявив, что "царское правительство вовсе не считало потерей нескольких тысяч квадратных миль где-то в пустынной тундре". Скорее именно норвежская внешняя политика сама являлась причиной возникновения определенных трений между странами, считал Похлебкин, поскольку, "когда Россия ожидает взаимности, то Норвегия позволяет себе совершенно игнорировать российские интересы".⁷⁹ Заметим, однако, что сказанное нередко берется под сомнение в западной историографии. В частности, норвежский исследователь Йенс Петтер Нильсен, рассматривая отношения двух стран в 1905-1917 гг. в сборнике "Страх и ожидание", указывал, что на севере России у неё с Норвегией были все же определенные разногласия.⁸⁰

⁷² Россия и образование норвежского независимого государства. (Сборник документов). М., 1958.

⁷³ Там же. С. 3-4.

⁷⁴ Там же. С. 9.

⁷⁵ Похлебкин В.В. Важный документ из истории русско-норвежских отношений // Скандинавский сборник. Вып. III. Таллинн, 1958. С. 165.

⁷⁶ Похлебкин В.В. Россия первой признала норвежскую независимость // Международная жизнь. 1997. № 5.

⁷⁷ Там же. С. 52-53.

⁷⁸ Нильсен Й.П. Старая Россия и новая Норвегия (1905-1917): соседство без страха? // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997. С. 18.

⁷⁹ Похлебкин В.В. Россия первой признала норвежскую независимость. С. 54, 58-59.

⁸⁰ Нильсен Й.П. Старая Россия и новая Норвегия (1905-1917): соседство без страха? С. 18.

Вообще же процесс углубления представлений о событиях, связанных с разрывом шведско-норвежской унии и роли России в становлении норвежской самостоятельности, получил заметное развитие в СССР в 60 - 70-е гг. Упомянем в этой связи статью Р. Ш. Ганелина,⁸¹ в которой был затронут экономический аспект при оценке заинтересованности России в сотрудничестве с Норвегией еще до разрыва унии со Швецией. По мнению автора, благожелательная в данном случае позиция царского правительства являлась отнюдь не случайной и не была вызвана сугубо тактическими соображениями.

Довольно внимательный подход к изучению рассматриваемой проблемы проявил историк П.Э.Бацис. Будучи сотрудником Института истории Академии наук Латвии он активно стал заниматься вопросами становления норвежской самостоятельности.⁸² При этом особое внимание им уделялось российско-норвежским отношениям в тот период. Он подверг серьезной критике тех исследователей, которые пытались игнорировать эту проблему в международных отношениях в контексте развития общей ситуации на севере Европы.⁸³

В целом вопрос об обретении независимости Норвегии был в концентрированном виде изложен в 1980 г. П.Э.Бацисом в обстоятельном исследовании, посвященном истории Норвегии.⁸⁴ В нем он постарался вскрыть причины, порождающие этот процесс, концептуально близко при этом подойдя к упоминавшейся ранее позиции В.В.Похлебкина. Согласно анализу, сделанному Бацисом, "ускорение промышленного и в целом хозяйственного развития Норвегии побуждало ее к все более упорной борьбе за полное равенство в унии со Швецией".⁸⁵ Автор также во многом базировался на ленинских положениях при оценке событий, которые происходили в Норвегии в тот период. Вопросы же внешнеполитического порядка и прежде всего борьба ведущих держав вокруг проблемы отделения Норвегии от Швеции в исследовании показаны достаточно схематично.

Несомненно, в более концентрированном виде представлены шведско-норвежские отношения в тот период профессором А.С. Каном. Вопрос о расторжении шведско-норвежской унии изложен им в одной из глав исследования по истории Швеции, опубликованной в 1974 г.⁸⁶ В ней он выделил три причины, которые, по его мнению, оказали непосредственное влияние на шведскую политику в норвежской проблеме и которые прежде всего обеспечили мирное расторжение унии. При этом также как и другие советские исследователи А.С. Кан опирался на работы В.И. Ленина. В опубликованном через шесть лет учебном пособии, посвященном истории скандинавских стран, А.С. Кан по существу придерживался прежней направленности в изложении событий, связанных с расторжением шведско-норвежской унии.⁸⁷ Автор подчеркивал там, что "мирному расторжению унии помогало энергичное выступление шведского рабочего класса... в защиту прав норвежского народа, против насильственного продолжения унии".⁸⁸ Такая оценка вообще тогда доминировала в советской историографии. В более поздней работе

⁸¹ Ганелин Р.Ш. С.Ю.Витте и переговоры о торговом договоре со Швецией и Норвегией. // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.

⁸² Бацис П.Э. Русско-норвежские отношения в 1905-1917 гг.: Автореф. канд. дис. М., 1973; Он же. Расторжение неравноправной унии. Норвегия в период довоенного империализма и первой мировой войны (1900-1918 гг.) // История Норвегии; Он же. Новое исследование о борьбе норвежцев за расторжение шведско-норвежской унии // Скандинавский сборник. Вып. XXII. Таллинн, 1977. С. 165.

⁸³ Бацис П.Э. Новое исследование о борьбе норвежцев за расторжение шведско-норвежской унии.

⁸⁴ Бацис П.Э. Расторжение неравноправной унии. Норвегия в период довоенного империализма и первой мировой войны (1900-1918 гг.). С. 316-338.

⁸⁵ Там же. С. 320.

⁸⁶ Кан А.С. Вынужденность расторжения унии с Норвегией // История Швеции. М., 1974.

⁸⁷ Кан А.С. История скандинавских стран. М., 1980. С.152-154.

⁸⁸ Там же. С. 154.

А.С. Кана, вышедшей на русском языке в конце 1990-х годов, уже не просматривалось такого именно подхода.⁸⁹

В целом советский период изучения проблем, связанных с рассмотрением процесса обретения Норвегией независимости показывает, что исследователи в это время уделяли прежде всего наибольшее внимание социально-экономической стороне данного вопроса, а также российско-норвежским отношениям. Причем при изложении истории Норвегии XX-го века этот отрезок времени оказался одним из наиболее разработанных советскими историками.

Если же говорить о современном состоянии изучения этой проблемы в России, то здесь наблюдается определенная конкретизация ранее поставленных в историографии вопросов. Это проявляется в более углубленном изучении российско-норвежских экономических и культурных связей в начале XX-го века и, в частности, развития регионального сотрудничества на Европейском севере.⁹⁰ Большую роль при этом начал играть складывающийся сейчас в Архангельске в Поморском государственном университете центр по изучению истории Норвегии. Появление там в последнее время ряда работ, а также защита диссертаций по данной проблематике⁹¹ показывает то, что именно региональные аспекты российско-норвежских отношений стали определяющими в продолжающемся исследовании указанных выше проблем.

Тем не менее, при дальнейшем исследовании вопросов, связанных с обретением Норвегией независимости остается, как представляется важным, продолжение изучения российскими историками общеполитических и международных аспектов этой проблемы. В данном случае весьма нужным оказалось издание в России новой подборки документов о Норвегии, относящихся к началу XX в.⁹² Кроме того, требуется и дальше активно использовать материалы архивов Санкт-Петербурга, в которых хранятся не введенные еще пока в полной мере в научный оборот документы. В частности, имеются в виду фонды Российского государственного архива Военно-Морского Флота, где можно почерпнуть новые сведения не только об установлении и развитии дипломатических отношений, но и о том, какая информация об этом была тогда в российском военно-морском ведомстве. Кроме того, в архиве существуют сведения, которые поступали в Петербург о норвежской экономике, развитии торговли, состоянии армии. Весьма важным представляется и то, что в архиве особо отложились документы, касающиеся спорных вопросов границы между двумя государствами.⁹³

Конечно, не весь документальный потенциал еще исчерпан и при работе с фондами Российского государственного исторического архива. Могут представлять интерес, видимо,

⁸⁹ Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С.176.

⁹⁰ Шрадер Т.А. Торговля поморов в Северной Норвегии в конце XIX – начале XX века // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Москва-Петрозаводск. 1997.

⁹¹ Исторические связи Русского Севера и Норвегии. Архангельск, 1989; Россия и Норвегия: история и культура. Архангельск, 1992; Страх и ожидание. Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997; Давыдов Р.А. Архангельская губерния и северная Норвегия в 1826-1914 (автореферат канд.диссертации). Архангельск. 1998.

⁹² Исторический архив. 1999 № 5.

⁹³ См.: Мазур Т.П. Россия и Норвегия (Обзор документов Российского государственного архива военно-морского флота) // Российско-норвежские контакты. Взгляд из Санкт-Петербурга. СПб., 1996.

документы экономического характера и, прежде всего, относящиеся к тому, как в Петербурге оценивали перспективы торгового сотрудничества двух стран.⁹⁴

В заключении следует отметить, что интерес российских исследователей к истории Норвегии начинает постепенно вновь расти. Примером тому может служить факт регулярного проведения в Петербурге уже третий год подряд конференции "Петербург и страны Северной Европы", где также рассматриваются темы, связанные и с норвежской проблематикой. Также положительным является интерес к истории северных стран среди студентов исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Vladimir Barysjnikov: Russisk historieforskning om Norges selvstendighet

Norges selvstendighet har lenge opptatt russiske politikere og historikere. Allerede i det øyeblikket den norsk-svenske unionen ble oppløst, fremkalte det sterke samfunnspolitiske reaksjoner og et svært hjertelig forhold. Størst oppmerksomhet viet man denne gangen det utenrikspolitiske aspektet. Særlig viktig for den følgende sovjetiske historieskrivningen ble at oppløsningen av den norsk-svenske unionen ble behandlet i Lenins verker, hvor spørsmål av sosial karakter i Nord-Europa ble tillagt særlig vekt.

Skjønt den gang så man ennå ikke seriøse forskningsarbeider om Norges selvstendighetskamp. En slik utvikling i russisk historieforskning kom først på 20- og 30-tallet. I denne periodens arbeider om norsk historie siteres som oftest Lenins uttalelser om Norsk selvstendighetskamp. Den første i Russland som tok for seg Norsk selvstendighet på det seriøse historiske plan, var den kjente skandinavisten V. V. Pokhlebin.

I 1956 publiserte Pokhlebin sitt første store arbeid om den politiske situasjonen i Norge i 1905-1907. Her retter forfatteren særlig oppmerksomheten mot det norske folks samstemthet om den statlige uavhengigheten. Forfatterens ønske om å underbygge tanken om at begivenhetene i Norge hadde en klassekarakter skinner igjennom. Pokhlebin behandlet det internasjonale aspekt ved Norges uavhengighetskamp separat i en dokumentamsling han utga, der Russlands anerkjennelse av Norges uavhengighet ble omtalt. Her understreker Pokhlebin den viktige rolle Russlands politikk spilte for Norge, en politikk som viste seg å "ha en positiv innflytelse på løsningen av det nasjonale problem i Norge".

Utdypende studier av den svensk-norske unionsoppløsningen og Russlands rolle ved opprettelsen av et selvstendig Norge skjøt fart under sovjettiden. I 60-, 70- og 80-årene gjorde historikeren P.E. Batsis grundige studier av dette temaet. I 1980 fremla han i konsentrert form sine synspunkter i et kapittel i det grunnleggende historieverket "Norges Historie". Her forsøker han å avdekke de årsaker som førte til unionsoppløsningen. Batsis oppfatninger avvek ikke særlig fra Pokhlebins, og de utenrikspolitiske spørsmål er ganske skjematisk skissert. Det internasjonale aspekt, og da særlig forholdet mellom Norge og Sverige, fremstilles i 1974 av professor A. Kan i et av kapitlene av "Sveriges historie". Her skiller han ut tre årsaker som hadde direkte følger for svensk politikk overfor Norge, og som han mener førte til at unionsoppløsning foregikk på fredelig vis.

Sovjetisk historieforskning om Norsk uavhengighetskamp viser at forskere på denne tiden først og fremst var opptatt av de sosialøkonomiske sider ved spørsmålet, samt av russisk-norske og svensk-norske forbindelser. Nettopp unionsoppløsningen er et av de emner i norsk 1900-talls historie som sovjetiske historikere har befattet seg mest med.

⁹⁴ Белокопытова Л.В. Торгово-промышленные связи России и Норвегии XIX – начала XX вв. в документах Российского государственного исторического архива // Российско-норвежские контакты. Взгляд из Санкт-Петербурга.

I dagens historieforskning kan man se en konkretisering av de problemstillinger historikere tidligere har befattet seg med. Dette viser seg blant annet i utdypende studier av russisk-norske økonomiske og kulturelle forbindelser i Nordområdene i begynnelsen av det 20. århundret. Her har det norske senteret ved Pomoruniversitetet i Arkhangelsk som er i ferd med å etablere seg spilt en stor rolle. Ikke desto mindre må det ved videre forskning på Norges selvstendighet være ubestridelig viktig at russiske historikere fortsetter forskningen på politiske og internasjonale sider av dette temakomplekset. Russiske forskeres interesse for norsk historie er økende. Et eksempel på dette er de regelmessige konferansene om Petersburg og de nordiske landene som har vært arrangert i St. Petersburg allerede i flere år, der også norskrelaterte emner behandles.

Tor Bomann-Larsen: Kongebesøk i tapt keiserrike

(Denne kronikken har tidligere vært trykket i Aftenposten mai 1998. Gjengitt med forfatterens tillatelse.)

Når kongeparet innleder sitt besøk i Russland, er det ikke bare som de fremste representanter fra nabolandet Norge. Det er også regjerende fyrstepar av huset Glucksburg som gjester sine nære slektninger Romanovenes tapte keiserrike. Det er under denne dynastiske synsvinkel statsbesøket lodder sitt dypeste nivå.

Etter Katharina II var medlemmer av keiserslekten Romanov i flere generasjoner forventet å gifte seg med representanter for utenlandske fyrstehus. Gjennom utallige forgreininger ble familien forbundet med Europas øvrige dynastier. Det var med andre ord et utpreget europeisk kongehus som møtte undergangen i revolusjonsåret 1917. Alle de massakrerte fyrster, storfyrster og -fyrstinner, 17 i tallet, hadde nære blodsband til utenlandske familier. Det yngste offeret var den knapt 14 år gamle tronfølgeren storfyrst Aleksej. Han var et år yngre enn sin norske tremening, kronprins Olav.

Det uttrykker en forsoning i tredje generasjon når kong Harald og dronning Sonja nå, i likhet med flere av sine slektninger, har funnet tiden moden for å avlegge det reformerte Russland statsbesøk. Sist en utveksling av statsbesøk ville falt naturlig, var i perioden mellom 1905 og 1914. Kong Haakon var tsar Nikolajs fetter. Dronning Maud var Tsarens kusine, dertil også av keiserinne Aleksandra. De sto gjennom hele oppveksten i stadig forbindelse, både gjennom det engelske og ganske særlig det danske kongehus.

Men skjønt han gjorde det overfor alle øvrige europeiske stormakter, avla kong Haakon aldri sin regjerende fetter i nabolandet Russland noe statsbesøk. Tsaren på sin side besøkte heller ikke Norge. Kontrasten, ikke bare til Danmark, men også til Sverige, er iøynefallende. Tsaren besøkte Bernadottestaten med sin familie i 1909, hvor det også ble inngått en kortvarig dynastisk forbindelse, mellom storfyrstinne Maria og den unge fyrst Wilhelm.

Fra norsk side var dette økonomisk begrunnet, men det er likevel nærliggende å søke en politisk forklaring. Mens det danske og det svenske kongedømmet støttet adelskapets hundreårige tradisjoner, var Norge anno 1905 å regne for en republikansk organisme, innpodet en kjernefamilie av kongelig byrd. Tsarens gjenstridige autokrati og Romanovenes høyt privilegerte og vidt forgrenede fyrstefamilie sto for alt hva det norske husmannsfolket fryktet ved monarkiets nyetablering. Politisk lå det mer enn en togreise mellom den senere "kommunistenes konge" og keiseren av guds nåde.

17 fyrstemord

Under kroningen i mai 1906 hadde det nye Norge mottatt sitt første og siste offisielle besøk av en representant for fyrstehuset Romanov, tsarens yngre bror storfyrst Mikhail. Storfyrsten skulle i 1917 bli utpekt til tsar for en dag, da Nikolaj II valgte å abdisere til brorens fordel. Etter mordet på storfyrst Mikhail i Perm i juni 1918 gikk det bare en måned før massakren på eks-tsaren med hustru og fem barn, samt tjenerskap og lege. Mindre enn et døgn senere ble terroren fortsatt i en omfattende utrensning av tsarfamiliens slektninger utenfor Alapajevsk i Ural, storfyrstinne Jelizaveta (tsarinaens søster), storfyrst Sergej Mikhailovitsj, og fire sønner av storfyrst Konstantin

(storfyrsttittelen ble bare båret av barn eller barnebarn av en regjerende tsar), dessuten av grev Mikhail Palej, tsarens "uekte" fetter. Ofrene ble intetanende, med bind for øynene, dyttet ned i en gruvesjakt, hvor sjebren ble beseglet med enn håndgranat. Disse tre mordaksjonene, hyllet inn i desinformasjon og dekkaksjoner, ble gjennomført i området rundt Ural på terskelen til Sibir, selvsagt i full overensstemmelse med makthaverne i Moskva. Den siste fyrsteutrenskningen foregikk i Peter-Paul-festningen et halvt år senere, den 28. januar 1919. Uten dom og uten nåde skjøt man ned de aldrende storfyrstene Pavel Aleksandrovitsj, Dmitrij Konstantinovitsj, samt Nikolaj og Georgij Mikhailovitsj.

Dermed var huset Romanov utryddet i Russland. Herskerfamiliens medlemmer var havnet enten i eksil eller i graven. Omkring en tredjedel var blitt drept, resten var unnsloppet over grensen til en ny tilværelse i armod, vanære og forvirring. Bare en gren av familien kan ifølge Staffan Skott og andre Romanov-forskere i teorien fortsatt ha etterkommere i Russland, det er mulige slektninger av den utstøtte storfyrste Nikolaj Konstantinovitsj i Tasjkent. Om det renner blått blod i deres årer, vet de det da formodentlig ikke selv.

I boken "Die Zarenmorder" påpeker de russiske historikerne Buranov og Khrustaljov at en norsk diplomat, Thomas Christensen, spilte en aktiv rolle i arbeidet med å redde et av keiserhusets aller siste medlemmer i Russland. Det gjaldt den serbiske kongedatteren Jelena Petrovna som satt fengslet i Moskva. Hun var blitt enke etter fyrst Ivan Konstantinovitsj, som var blant ofrene i Alapajevsk. Den norske legasjonen var blant de siste som ble avvirket, og den ivaretok derfor interessene for en rekke andre stater. I desember 1918 mottok den unge prinsessen, som med sine to små barn befant seg på selvmordets rand, sin utreisestilletelse gjennom den norske diplomaten.

I motsetning til de øvrige nordiske land ble ikke Norge noe utpreget mål for russiske asylanter. Likevel finnes ett, av historikerne lite påaktet, men meget spesielt eksil i Kristiania. Det utspiller seg imidlertid i årene *før* revolusjonen og er ikke knyttet til Romanovenes fysiske overlevelse, men til keiserdømmets politiske undergang.

En "munk" i Kristiania

Et uttall biografer, senest amerikaneren Brian Moynahan, har forsøkt å tegne bildet av denne epokens fantastiske nøkkelfigur, bonden og "gudsmannen" Grigorij Rasputin. Her skal det bare fastholdes at han gjennom å utnytte sin særlige gunst hos keiserfamilien i et autokratisk system kom til å spille en avgjørende rolle under regimets selvdestruktive oppløsning.

Sommeren 1914, parallelt med mordet på Franz Ferdinand, ble denne Fader Grigorij utsatt for et attentat i sin sibirske hjemby. Dolkestøtet som rammet "gudsmannen" i underlivet, ble utført av en kvinne, men hjernen bak attentatsplanen var en annen fanatisk "munk" ved navn Fader Illidor. Denne alternative Kristusskikkelsen (i egne øyne) var for lengst etablert som Rasputins uforsonligste fiende. Allerede hadde han skapt skandale ved å stjele og publisere tsarfamiliens brev til rivalen.

Fader Illidor måtte flykte fra Russland og fant sitt eksil i det nøytrale Kristiania, hvor han tilbragte årene under første verdenskrig. Her arbeidet han med et manuskript som senere ble publisert under tittelen *The holy devil*, og som med en viss rett kan kalles den første Rasputin-biografi.

Til Norges hovedstad kom etter hvert også en hemmelig utsending for den keiserlige russiske innenriksminister. Han hadde mottatt en betydelig sum for å skaffe Rasputin av veien. Gjennom Fader Illidor fikk agenten de nødvendige kontakter. I Kristiania utarbeidet han detaljerte planer i kompaniskap med mannen som hadde gjort det til sin livsoppgave å myrde Rasputin. Med en vakker kvinne som agn skulle den virile "munken" lokkes med i attentatmennenes bil.

Ifølge Aleksandr Kerenskijs memoarer satt innenriksministeren med beviser for at Rasputin formidlet sensitive informasjon til Keiser Wilhelms Tyskland. Den tyske Rasputin-biografen Elisabeth Heresch har ført dokumentasjon for det samme, og hevder at den mektige "munken" ikke bare sto under beskyttelse av russiske politi, men også av tyske agenter.

Imidlertid ble utsendingen til Kristiania arrestert ved tilbakekomsten til Russland, og mordplanen var snart kjent og offentliggjort over hele det krigførende Europa.

Dette utløste en politisk skandale av dimensjoner. Den 3. mars 1916, nesten på dagen et år før tsarens egen abdikasjon, ble innenriksministerens avgang og forvisning bekjentgjort. Deretter fulgte politisjefens retrett. Regimet var rykket enda et skritt mot sin oppløsning.

Da Rasputin endelig ble myrdet (av andre aktører, men etter liknende konsept) i desember 1916, var det for sent. Monarkiet hadde mistet enhver støtte, og falt, ikke for revolusjonære stormtropper, men som offer for rystelsene i Petrograds brødkøer.

Fader Illidor kunne forlate kongeriket Norge og vende tilbake til Russland. I følge tsarbiografen Robert Massie håpet han å innta plassen som bolsjevikenes røde biskop. Men de religiøse fanatikeres epoke var over, der de ble erstattet av sine politiske kolleger. Fader Illidor havnet i Amerika, der han endte sitt liv som dørvakt for et forsikringsselskap, helt i stil med en hvilken som helst russisk storfyrste.

Тур Буман-Ларсен: Королевский визит в потерянную империю

(Выдержка из хроники в газете "Афтенпостен")

Королевская чета, отправляющаяся с визитом в Россию, являет собой не только высоких гостей из соседней Норвегии. Это, кроме того, и правящая княжеская чета дома Глюксбургов, гостящая в утраченной империи своих ближайших родственников Романовых. Именно под таким династическим углом государственный визит достигает своего глубочайшего уровня.

Посредством многочисленных разветвлений царская семья была породнена с другими династиями Европы. Все князья, Великие князья и княгини, ставшие жертвами массового убийства - в общей сложности 17 человек, имели тесные кровные связи с иностранными королевскими фамилиями. Король Хокон был кузеном царя Николая II. Королева Мод – кузиной царя и, таким образом, царицы Александры Федоровны. В течение всего детства, отрочества и юношества они находились в постоянной связи через английский, и особенно, через датский королевские дворы.

Хотя Хокон нанес визиты во все прочие европейские супердержавы, своего царствующего двоюродного брата в соседней России он так никогда и не посетил. А царь, в свою очередь, не посетил Норвегии.

С норвежской стороны это было обусловлено экономическими причинами, но, тем не менее, здесь было бы разумно искать политическое объяснение. В то время как датский и шведский королевские дворы были опорой многовековым традициям аристократии, Норвегию 1905 года можно было счесть за республиканскую страну-организм, которой было навязана семья с королевскими родственниками. Царское самодержавие и наделенная множеством привилегий многочисленная княжеская семья Романовых олицетворяла собой все то, чего столь опасались норвежские зависимые крестьяне при создании собственной монархии.

Во время коронации 1906 года новую Норвегию в первый и последний раз с официальным визитом посетил представитель дома Романовых, младший брат императора великий князь Михаил. В 1917 г. он был наречен царем на один день – когда Николай II отрекся от престола в пользу брата.

После убийства Великого князя Михаила в Перми в июне 1918 года прошел лишь месяц, когда отрекшийся царь с женой и пятью детьми, слугами и врачом были убиты в большевиками в ночь на 17 июня 1918 года. Таким образом дом Романовых прекратил свое существование в России.

В книге *Die Zarenmorder* русские историки Буранов и Хрусталеv указывают на то, что норвежский дипломат Томас Кристенсен предпринимал активные усилия по спасению одного из последних оставшихся в живых членов царской семьи в России. Речь идет о дочери сербского короля Елене Петровне, находившейся в заточении в Москве. Она стала вдовой после гибели князя Ивана Константиновича, одной из жертв убийства в Алапаевске. Норвежское дипломатическое представительство стало последним из прекративших свою деятельность после революции в России, и поэтому оно представляло интересы ряда других стран. В декабре 1918 молодая прицесса, которая вместе с двумя малолетними детьми находилась на грани самоубийства, получила разрешение на выезд через норвежского дипломата.

В противовес другим скандинавским странам, Норвегия не стала сколько-либо ярко выраженной целью-местом убежища – для русских изгнанников. Тем не менее, в Христиании нашел приют один малозамеченный историками беженец. Он попал сюда до революции, и его бегство не было связано с вопросом физического выживания семьи Романовых, но с политическим концом империи.

Многие биографы, в том числе – одним из последних – американец Брайан Мойнахан, попытались создать портрет фантастической ключевой фигуры той эпохи – крестьянина и "божьего человека" Григория Распутина.

Летом 1914 года, параллельно с убийством Франца Фердинанда, на Отца Григория было совершено покушение в его родном городе в Сибири. Удар кинжалом, пришедшийся "божьему человеку" в живот, был нанесен женщиной, но "мозгом" запланированного покушения был другой монах-фанатик по имени Отец Илиодор. Это альтернативное "христово" явление (в собственных глазах) уже задолго до того стало непримиримым врагом Распутина. Еще ранее им был устроен скандал – с помощью кражи и публикаций царских писем своему сопернику.

Отцу Илиодору пришлось покинуть Россию. Он нашел приют в нейтральной Христиании, где провел годы во время Первой мировой войны. Здесь он вел работу над сочинением, позднее опубликованным под названием "Святой дьявол", которое по праву можно назвать первой биографией Распутина.

В столицу Норвегии затем прибыл секретный посланник российского императорского министерства внутренних дел. Им была получена значительная сумма денег на устранение Распутина. Через Отца Илиодора агент получил необходимые контакты. И здесь, в Христиании, им были разработаны подробные планы – вместе с человеком, поставившем главной задачей своей жизни убийство Распутина. С помощью женщины-красавицы – в качестве приманки – "монаха"-сластолюбца планировалось заманить в автомобиль злоумышленников...

По воспоминаниям Александра Керенского, у министра внутренних дел имелись доказательства того, что Распутин передавал представляющую интерес информацию кайзеровской Германии. Немецкий биограф Распутина Элизабет Хереш также представила документы в защиту данного утверждения и заявила, что "монаха" охраняли и опекали не только российская охранка, но и германские агенты.

Тем временем, посланец в Христианию был арестован при возвращении в Россию, и о планах убийства вскоре узнали во всех странах находящейся в состоянии войны Европы.

Это вызвало политический скандал невероятной мощи. 3 марта 1916 года, в один и тот же день за год до отречения царя, было сделано заявление об уходе в отставку министра внутренних дел России и его ссылке. За ним последовал уход с должности главы полиции. Режим сделал еще один шаг в направлении своего развала.

Когда Распутин наконец был убит другими заговорщиками, но по подобной же схеме в декабре 1916 года, режим был уже обречен. Монархия потеряла всякую опору и пала – не под нажимом войск революционеров, а жертвой волнений, вызванных хлебными очередями в Петрограде.

Отец Илиодор мог теперь покинуть королевство Норвегию и вернуться в Россию. По заявлению биографа царя Роберта Масси, Илиодор надеялся получить должность "красного" священника при большевиках. Но эпоха религиозных фанатиков уже прошла, и на их место заступили их коллеги из политики. Отец Илиодор оказался в Америке, где он закончил свою жизнь в качестве швейцара страховой компании – в стиле какого-либо иного русского великого князя.

Денис В. Фомин-Нилов: Норвежское рабочее движение в зеркале русской прессы

Европейские события 1848 года проявили острейшие противоречия между различными общественными классами и побудили общественность многих стран задуматься над проблемой рабочего движения, найти ему какие-то разумные объяснения и определить возможные перспективы. Разнообразнейшие мнения и позиции получали отражение в российской прессе. Помимо общетеоретических вопросов значительное внимание уделялось освещению и анализу конкретных фактов, касавшихся рабочего вопроса в России и за рубежом, в том числе и в Норвегии.

Истоки норвежского рабочего движения принято относить к 50-м годам 19 века, связывая с деятельностью Маркуса Тране (Marcus Thrane).⁹⁵ Тем не менее, создававшиеся рабочие общества не были долговечными, что объяснялось целым рядом объективных причин. Спустя два десятилетия рабочее движение окрепло и стало играть все более заметную роль в Норвегии. Стремительное возрастание в конце 19 века количества рабочих стачек, забастовок и различных массовых выступлений было характерным явлением.⁹⁶ В этот период аналогичные процессы происходили в большинстве стран Европы и в том числе в России.

В данной статье будет предпринята попытка показать отражение норвежского рабочего движения в русской прессе на рубеже 19-20 веков. Газеты и журналы имели ориентацию на разные слои населения, поэтому в них имелись разнообразные оценки и нередко противоположные мнения. Русское общество в исследуемый период можно разделить на три лагеря: правительственный, обывательский и революционный. Границы этих лагерей были сильно размыты и изменение могло происходить в зависимости от обстоятельств. Аналогичные процессы происходили с русской прессой.

Усиление рабочего движения рассматривалось правительством Российской империи исключительно как дестабилизирующий фактор и вызывало существенные опасения. От консульской и дипломатической службы стали требовать специальные отчеты относительно положения дел с рабочим вопросом. Лучшие сообщения были опубликованы в "правительственной прессе". В 1899 году таким было признано донесение II секретаря стокгольмской миссии г-на М. Мекка, где подробно рассматривался рабочий вопрос в Швеции и Норвегии.⁹⁷

Господин М. Мекк отметил, что антагонизм между хозяевами и рабочими в Норвегии не принял той резкой формы борьбы, какая наблюдалась в центральных европейских государствах. Он склонен был объяснять это обстоятельство более спокойным характером скандинавов и большей дисциплиной их толпы. В рабочем движении М. Мекк видел прежде всего борьбу труда против капитала и стремление улучшить быт низшего, неимущего класса населения за счет более состоятельного.

⁹⁵ См. например, *Arbeiderbevegelsens historie i Norge*. Bd. 1. Oslo, 1985; Aksel Zachariassen. *Fra Marcus Thrane til Martin Tranmæl*. Oslo, 1962 или Derry T.K. *A History of Modern Norway. 1814-1972*. Oxford, 1973.

⁹⁶ *Arbeiderhistorie. Tema: 1890-åra*. Oslo, 1991.

⁹⁷ М. Мекк. К рабочему вопросу в Швеции и Норвегии. //Сборник консульских донесений. Год 2, вып.3, Спб., 1899, с.212-225.

Главнейшим поводом несогласия между хозяевами и рабочими являлся вопрос о рабочих часах. Норвежское рабочее движение добивалось сокращения рабочего дня до 8 часов, но г-н М. Мекк считал выполнение этого требования сомнительным. Прежде всего потому, что работодатели противились этому всеми силами. Причем ссылались они, как сообщалось, на особенности скандинавского рабочего, который “по самой натуре своей весьма ленив и медлителен и что поэтому работоспособность его несравненно ниже такового же качества английского, французского или германского рабочего”.⁹⁸ М. Мекк полностью согласился с такой точкой зрения. Он отметил несостоятельность требования восьмичасового рабочего дня в Норвегии, т.к. оно не оправдано общими экономическими условиями и предположил, что в случае успеха подобного домогательства промышленность значительно пострадает и едва ли будет в состоянии конкурировать с производством западноевропейских держав.

М. Мекк подробно информировал об учреждении скандинавскими работодателями страхования на случай забастовок. Таким образом они пытались противостоять организованному рабочему движению, устраивающему стачки и забастовки. “Не проходит и дня, – писал автор, – чтобы газеты не сообщали о забастовках в том или другом районе полуострова”.⁹⁹

Большое значение в донесении уделяется эмиграции и ее последствиям, приведшим к дороговизне рабочих рук. Благодаря этому оставшиеся люди, пользуясь своей малочисленностью, стали расширять круг своих требований. Тогда, как сообщал секретарь миссии в Стокгольме, скандинавские работодатели стали завозить дешевые рабочие руки из других стран и главным образом из России.

Очень подробно г-н М. Мекк остановился на законе о фабричной инспекции (1892 года), основательно рассказав о содержании всех 48 статей. Он отдал должное норвежским законодателям, соединившим в одном законе все разбросанное шведами в трех: в законе о работе малолетних на фабриках, о мерах предосторожности и королевском указе о фабричных инспекторах.

В качестве заключения автор пришел к выводу о направленности всех норвежских законов на улучшение благосостояния рабочего класса и ущемление интересов фабрикантов, абсолютно не принимавшихся во внимание. При этом фабриканты все более и более делались “жертвами требований”. Предел подобной несправедливости мог бы быть положен, по мнению М. Мекка, только законодательными постановлениями, на которые автор донесения не рассчитывал, принимая во внимание политическое направление большинства народных представителей в стортинге.¹⁰⁰

Норвежское рабочее движение рассматривалось как негативный фактор. Симпатии секретаря стокгольмской миссии были исключительно на стороне фабрикантов и капитала. Трудящемуся населению отказывалось в его праве на самые насущные и необходимые условия труда и жизни.

Подобная консервативная позиция разделялась большинством российских официальных изданий в конце 19 века, когда общество в России было преимущественно настроено на сохранение существовавшего мироустройства. Любые реформы и общественно-экономические изменения казались многим из подданных Российской империи опасными своей непредсказуемостью.

Рабочее движение не заявило еще о себе в полный голос. Поэтому интерес к нему у широких слоев населения был минимален, а это непосредственным образом отражалось на прессе. Осведомленность широких обывательских слоев о норвежском рабочем движении была даже не ничтожной, а практически равной нулю. К примеру знаменитый Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, получивший в конце 19 века

⁹⁸ Там же, с. 213.

⁹⁹ Там же, с. 215.

¹⁰⁰ Там же, с. 225.

всеобщее признание, достаточно хорошо рассказывает о социалистических партиях и рабочем движении в Дании и Швеции, но информация о положении дел в Норвегии полна неточностей.¹⁰¹ С одной стороны, объяснение может быть связано с тем, что была использована только немецко- и франкоязычная литература. С другой стороны, Норвегия рассматривалась с точки зрения русской великодержавности в качестве шведской провинции, подобно Финляндии и Польше в Российской империи, поэтому в русской прессе больше внимания уделялось положению в Швеции, а Норвегия и ее проблемы оставались в стороне.

1905 год был полон важнейших событий как в России, так и в Норвегии. Настроения российского общества значительно полевели из-за военных неудач на Дальнем Востоке, что отразилось в многочисленных газетах и журналах. По стране проходили массовые стачки и забастовки. Пресса не только освещала, но и давала оценку, анализируя происходившее. Все чаще звучало слово “революция”. Политические взгляды подданных Российской империи представляли собой широчайший концептуально-идеологический спектр, включавший сторонников монархии и республики, самодержавия и парламентаризма, национализма и интернационализма, эволюции и революции. Острейшая полемика развернулась не только на митингах и собраниях, но и в печати.

В то же время важные общественно-политические изменения происходили в Норвегии. Когда в июне 1905 года была расторгнута шведско-норвежская уния, многие в России были уверены, что норвежцы остановят свой выбор на республике. Само же событие было расценено как еще одно подтверждение необходимости реформ и уступок со стороны самодержавия. На страницах журнала “Вестник Европы”¹⁰² читаем: “...и престарелый шведский король, ни за что не желавший допустить существования особых норвежских консульств, должен был, против воли, признать существование особой самостоятельной Норвегии”.¹⁰³ Если в июле 1905 г. редакция официального журнала, выходившего с 1866 года и распространявшегося по всем губерниям Российской империи, лишь тонко намекала, обращаясь к норвежскому примеру, на необходимость реформ, то в ноябре того же года уже открыто заявляла: “... тяжелый кошмар войны и последовавшие за нею волнения слишком наглядно и резко убедили русское общество и русский народ, что для спасения всей будущности страны необходимо коренным образом преобразовать весь государственный строй, отдающий Россию в бесконтрольное распоряжение небольшой горсти придворных интриганов”.¹⁰⁴

Однако вооруженные восстания и угроза гражданской войны качнули маятник общественного мнения обратно к монархическим и антиреволюционным настроениям в декабре 1905 года, а события в Норвегии оказались опять как нельзя кстати. Норвежский народ на референдуме выбрал не республиканскую форму правления, а монархическую. И в иностранном обозрении “Вестника Европы” снова появился большой очерк. Подробно освещался референдум, его результаты и решения Стуртинга. Был сделан следующий вывод: “... норвежцы, как народ разумный и хладнокровный, не соблазнились перспективу свободного республиканского самоуправления, которое оставило бы их без полезных связей и отношений в политическом мире Европы; они предпочли иметь конституционного монарха, связанного родством с династиями могущественных

¹⁰¹ В. Водовозов. Социалистические партии. //Энциклопедический словарь. Т. 31. Спб., 1900, с. 35-62.

¹⁰² Редактором журнала в 1905 году был М.М. Стасюлевич; журнал выходил ежемесячно и имел ряд крупных разделов, посвященных истории, политике и литературе. Журнал распространялся как по подписке, так и через розничную торговлю. Выходил с 1866 года по апрель 1918 г.

¹⁰³ Вестник Европы. №7 (июль), С.-Петербург, 1905, с. 363. Редактором журнала в 1905 году был М.М. Стасюлевич; журнал выходил ежемесячно и имел ряд крупных разделов: внутренне обозрение.

¹⁰⁴ Там же, № 11 (ноябрь), С.-Петербург, 1905, с. 378.

европейских государств, и за это удобство им придется платить не особенно дорого – по 350 000 рублей в год”.¹⁰⁵

Выбор норвежцев вызвал общее удивление в Российской империи, но в прессе русских социалистов, с головой погруженных в перипетии русской революции, не получил отражения.¹⁰⁶ Неожиданная революция, новые формы самоорганизации рабочих (Совет рабочих депутатов), нарастание радикальных настроений в русском рабочем движении – все это требовало анализа, а времени на изучение опыта международного рабочего движения не хватало.

Исключением было Царство Польское, где социал-патриотическая печать использовала норвежский пример расторжения унии как отрадное проявление силы и прогрессивности стремлений к государственному отделению.¹⁰⁷ С этим категорически не соглашалась известная революционерка Роза Люксембург, считавшая социал-демократическое требование о самоопределении наций не всегда применимым и приемлемым. Являясь интернационалисткой по взглядам, она негативно относилась к любым национальным движениям. Когда норвежский народ проголосовал за монархию, Роза Люксембург расценила события 1905 года как желание за свои деньги иметь “собственного” короля вместо навязанного шведской аристократией.

Благодаря статьям Розы Люксембург, посвященным этой проблеме, русская социал-демократическая пресса неоднократно возвращалась к вопросу о взглядах норвежской социал-демократии и роли рабочего движения в Норвегии 1905 года. Одним из крупнейших публицистов был В.И. Ленин. В 1914 г. в журнале “Просвещение” была опубликована под псевдонимом В. Ильин его статья, называвшаяся “О праве наций на самоопределение”,¹⁰⁸ в которой он выделил целый раздел для обсуждения вопроса об отделении Норвегии от Швеции и роли рабочего движения в этих странах.

Тем не менее В.И. Ленин и ранее 1914 года обращался к оценке происходивших в скандинавских странах событий. В газете “Пролетарий” от 5 августа 1908 года был напечатан его небольшой очерк, озаглавленный следующим образом: “Горючий материал в мировой политике”.¹⁰⁹ В.И. Ленин считал, что обострение классовой борьбы сказывалось в Скандинавских странах на избирательной борьбе, на отношениях партий. По его мнению, буржуазные партии сближались для борьбы против своего общего врага – пролетариата, а два враждебных лагеря (буржуазный и пролетарский) медленно, но неуклонно увеличивали свои силы и укрепляли свои организации, расходясь все резче друг с другом во всей общественной жизни, “как бы готовясь, молча и сосредоточенно, к грядущим революционным битвам”.¹¹⁰

Используя пример норвежского рабочего движения, В.И. Ленин уделял больше всего времени и внимания анализу двух наиболее важных для российской социал-демократии вопросов:

Первым был вопрос о самоопределении, в котором он полностью поддерживал позицию норвежцев. В то же время отмечал, что сознательные рабочие Норвегии голосовали бы

¹⁰⁵ Новый король. // Вестник Европы, № 12 (декабрь), С.-Петербург, 1905, с.809.

¹⁰⁶ См. например журнал “Мир божий” за 1905 год, издававшийся с 1892 г. по 1906 г. В 1905 г. произошла смена редактора, новым редактором стал Ф.Д. Батюшков и политическая ориентация журнала резко изменилась в сторону революционности, отражая в основном социал-демократические позиции.

¹⁰⁷ См. например краковскую газету “Narzęd” (“Вперед”).

¹⁰⁸ В.И. Ленин. О праве наций на самоопределение. //Просвещение. №№4, 5, 6. 1914 или эта же статья в Полном собрании сочинений, изд. 5, т. 25, Москва, 1977.

¹⁰⁹ В.И. Ленин. Горючий материал в мировой политике. //Пролетарий №33. 05.08.1908 или Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 17, Москва 1977, с. 181.

¹¹⁰ Там же.

после отделения за республику и должны были бы отстаивать свое мнение вплоть до революции, а “если были социалисты, голосовавшие иначе, то это лишь доказывает, как много иногда тупого, мещанского оппортунизма в европейском социализме”.¹¹¹ К скандинавским событиям 1905 года, к позиции шведского и норвежского рабочего класса Ленин обращался неоднократно. Например, в своей речи по национальному вопросу на 7-ой Всероссийской конференции РСДРП(б) 29 апреля 1917 года, затронув болезненный для большинства делегатов вопрос об отделении Финляндии, он напомнил о примере Норвегии и Швеции, когда укрепилось доверие рабочего класса обеих стран друг к другу.¹¹²

Вторым вопросом был вопрос о разоружении, в котором Ленин абсолютно не соглашался с позицией лидеров норвежского рабочего движения. Он считал, что осуществление социализма помимо социальной революции и диктатуры пролетариата – невозможно и давал следующее определение слову диктатура: “Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на насилие”, а насилие невозможно без оружия.¹¹³ В.И. Ленин категорически возражал против выдвинутого лидерами норвежского рабочего движения лозунга о разоружении, как не отвечавшего главным требованиям и целям рабочего класса. Вооружение пролетариата было, по его мнению, одним из обязательных условий, отступления от которых расценивались как предательство дела революции.

Помимо большевиков к норвежскому рабочему движению проявляли интерес также социал-революционеры. В журнале “Заветы” в 1913 году была опубликована статья А. Чумакова. Несмотря на то, что автор заявил о своем желании сделать исключительно фактический очерк, ему не удалось обойтись без оценки и прогнозов перспектив норвежского рабочего движения. Чумаков отметил, что конфликты между рабочим классом и капиталистами решались в основном по мирному. “Мирные оппортунистические тенденции” подвергались автором жесткой критике и назывались пережитками недавнего прошлого НРП. Чумаков отметил, что молодое поколение рабочих инстинктивно стремится к другим, не парламентским, формам борьбы. Быстрое развитие промышленности и стремительная пролетаризация трудового населения безжалостно разрушали, по мнению автора, мирные идиллические иллюзии. В качестве вывода Чумаков констатировал существование глубокого кризиса рабочего движения в Норвегии.¹¹⁴

Усилилось внимание к норвежскому рабочему движению после русской революции 1917 г., когда молодая советская республика пыталась выполнять роль центра мирового рабочего движения. Обширная аналитическая работа проводилась в Наркомате Иностранных дел советского правительства и Исполкоме Коминтерна. В первые годы после октябрьской революции велась так называемая хроника революционного движения, в которой отмечались революционные тенденции и говорилось о политической ситуации в различных странах мира, в том числе и в Норвегии. В то же время переводились статьи лидеров НРП и LO, исследовалась история рабочего движения Норвегии и делались многочисленные прогнозы.¹¹⁵

На рубеже 19-20 веков русская пресса была многолика и разнообразна, включая в себя газеты и журналы от крайне правого крыла политического спектра России до крайне левого. Некоторые издания выходили легально, некоторые нелегально, но все они оказывали существенное влияние на формирование концептуальных взглядов российской общественности.

¹¹¹ В.И. Ленин. О праве наций на самоопределение. //ПСС, т. 25, с. 292.

¹¹² В.И. Ленин. Речь по национальному вопросу. //ПСС, т. 31, с. 435.

¹¹³ В.И. Ленин. О лозунге “разоружения”.//Сборник“Социал-демократа”№2, декабрь 1916 г. или ПСС, т.30, с. 151-162.

¹¹⁴ А. Чумаков. Рабочее движение в Норвегии. //Заветы. №11 (ноябрь), 1913, с. 154-162.

¹¹⁵ См. например выпуски журнала Коммунистический Интернационал. Петроград-Москва, 1919-1920.

V to je время редакции оказывались под влиянием писем своих читателей, отражавших личные впечатления и персональный опыт. В начале 20 века в Скандинавских странах, особенно после русской революции 1905 года, жило и работало значительное количество подданных Российской империи. Некоторые из них продолжали поддерживать связь с родиной. В своих письмах они раскрывали собственный взгляд на норвежское рабочее движение, что в свою очередь не могло не накладывать определенный отпечаток при выходе в свет номеров того или иного издания.. В этом аспекте интересны письма и таких известных личностей, как Александры Коллонтай,¹¹⁶ и простых рабочих.¹¹⁷ В российских архивах имеется большое количество подобного рода корреспонденции, но она требует отдельного исследования.

Denis Fomin-Nilov: Den norske arbeiderbevegelsen reflektert i russisk presse

Russisk presse rundt forrige århundreskifte kjennetegnes av en betydelig ideologisk polarisering. Motsetningene mellom de forskjellige samfunnspolitiske syn ble stadig skarpere. I debatter hentet man ofte eksempler fra arbeiderbevegelser i utlandet, også fra den norske. Interessen for sistnevnte ble betydelig større etter begivenhetene i 1905, da Norge ble en uavhengig stat.

Som generell konklusjon kan man si at den regjeringstro pressen var langt bedre informert om situasjonen i Norge enn den revolusjonære pressen var. Interessen for den norske arbeiderbevegelsen var ikke stor hos de brede befolkningslag i Det russiske imperium, hvilket også gjenspeilte seg i pressen.

Av særlig interesse er brev fra russiske emigranter i forskjellige russiske aviser. I disse brevene skildres russeres syn på norsk arbeiderbevegelse og samfunnsliv rundt århundreskiftet.

Økonomi/экономика

Einar Niemi: Pomorhandelen – økonomi og mentalitet

Begrep og tema

"Pomor" er som kjent et russisk ord som betyr "ved havet" eller "kystbeboer". Begrepet har blitt og anvendes fortsatt om den eldre russiske bosettingen ved Kvitsjøen, som hadde en markant maritim økonomisk tilpassing. Det er symptomatisk at en del av kyststrekningen ved Kvitsjøen het og heter fortsatt Pomorkysten, nemlig kysten fra om lag Onega og nordover til Kem. "Pomor" har på sett og vis fått karakter av etnonym, nærmest som betegnelse på et eget folkeslag. Det ble trolig utviklet som kontrast både til nyinnflyttede russere, som f.eks. dro videre til kystene av Kolahalvøya, de såkalte "kolonistene", og i forhold til karelene og samene; karelene fikk for øvrig

¹¹⁶ См. например, А.М. Коллонтай. "Революция – великая мятежница...". Избранные письма 1901-1952. Москва, 1989, письма №№98, 110 и др.

¹¹⁷ См. например, письма в редакцию газет "Пролетарий" и "Социал-демократ" Н. Кузнецова. //РГАСПИ, фонд №27, опись №1, дело №82.

en egen kyststrekning innerst i Kvitsjøen oppkalt etter seg, Karelkysten, likesom ter-samene på Kolahalvøya fikk det, Terkysten. Men mest kjent i Skandinavia er "pomor" i betegnelsen pomorhandelen, som altså er emnet for mitt foredrag, altså den sjøverts handelen som ble drevet mellom Nord-Norge og Nord-Russland i et par hundre år fram til om lag 1. verdenskrig. Selve handelstransaksjonen fant i alt vesentlig sted langs kysten av Nord-Norge, med russerne som fraktemenn. Betegnelsen "pomorhandelen" ble for øvrig ikke tatt i bruk for alvor før omkring forrige sekelskifte (1800/1900), først og fremst av forskere, forfattere og journalister, mens lokalbefolkningen i Nord-Norge i stor grad fortsatte å bruke den gamle betegnelsen, nemlig "russehandelen".

I dette foredraget vil jeg konsentrere meg om tre forhold, for det første om oppkomst og kronologisk utvikling, for det andre om det økonomiske system som handelen representerte og for det tredje om utslagene av pomorhandelen, der jeg også vil komme inn på aspekter som mentalitet og kultur. Emnet vil så å si bli sett "med norske øyne", altså primært på basis av norsk materiale og fra norsk perspektiv, også fordi det russiske perspektivet vil bli ivaretatt i neste foredrag (av Ruslan Peresadilo, "Pomorhandelen sett med russiske øyne").

Pomorhandelen er én dimensjon ved de historiske norsk-russiske relasjoner. Slik det ofte er i mellomstatlige relasjoner, gjorde det seg gjeldende divergerende oppfatninger om denne særskilte foreteelsen. Pomorhandelen ble nærmest konstant gjennom hele sin historie vurdert ulikt, alt etter posisjonen til de ulike interessegruppene. Sett fra vestlig diplomatisk og sentralt politisk perspektiv utgjorde pomorhandelen en trussel eller potensiell trussel mot norsk integritet i nordområdene, politisk såvel som økonomisk og kulturelt. Men sett fra lokalbefolkningens side ble handelen uavbrutt sett på som en velsignelse og som et særlig gode. På denne måten inngår pomorhandelen i den asymmetri som ofte har gjort seg gjeldende i vurderingene av de norsk-russiske relasjoner, nemlig gjensidig frykt og mistenksomhet på sentralt politisk og diplomatisk hold, i motsetning til gjensidig tillit og ønske om vennskap lokalt i nordområdene. Pomorhandelen speiler således på en illustrativ måte de lange linjer i de norsk-russiske relasjoner og noen grunnleggende problemstillinger omkring disse relasjonene. Handelen tjener også som særlig godt eksempel på relasjonenes tålegrense og fleksibilitet.

Oppkomst

Mens det er forholdsvis enkelt å fastslå tidspunkt og omstendigheter omkring avviklingen av pomorhandelen, står oppkomsten ikke i et tilsvarende klart historisk lys.

Det meste av forskningslitteraturen hevder at pomorhandelen tok til omkring 1740, med visse ansatser fra om lag 1715/20. En hovedgrunn til tidfestelsen til omkring 1740 er at det i 1744 i en offisiell rapport ble hevdet at tre år tidligere hadde russiske skuter fra Kvitsjøen begynt å komme til Vardø for å drive handel. Nyere forskning viser imidlertid at verken 1740 eller 1715 markerte noe definitivt starttidspunkt. Der er nemlig ikke tvil om at alt så tidlig som på 1680-tallet opplevde Varanger en sjøverts handel med trekk som vi klart kjenner igjen fra senere beskrivelser av pomorhandelen. På denne tid var all handel i Finnmark underlagt et monopol forvaltet av kjøpmennene i Bergen; i det øvrige av Nord-Norge var handelen regulert som privilegier under de store sørnorske byene. Russehandelen var dermed en ulovlig foreteelse, og det er trolig hovedforklaringen på at vi får vite om den så tidlig. Fogden i Øst-Finnmark klaget nemlig til sine overordnede alt i første halvdel av 1680-tallet over at russerne drev med "adskillig kjøpmannskap" i fjorden, især solgte de "russemel" i store mengder. Noen år senere, omkring 1690, får vi ytterligere opplysninger om denne ulovlige handelen, som på dette tidspunkt etter alt å dømme hadde funnet sin form. Nå heter det at russerne to ganger om året, i løpet av sommersesongen, kom "over havet seilende" til Vardø og Vadsø, med mel og gryn, lerret og vadmel, økser og lær, "russefat" og "russeskjeer", fiskesnøre og fiskeangler osv., fortsatt strengt imot de dansk-norske handelsbestemmelser. Vi får også høre at kjøpmenn i Vadsø behersket russisk språk og var vertskap for sine russiske kolleger under handelstransaksjonen – og at stedet hadde forlystelsespiker som tilbød sine tjenester overfor russerne.

Nå var handelsforbindelser mellom Nord-Russland og Nord-Norge ikke noe historisk nytt på denne tid. I sagatida og trolig enda tidligere hadde det vært om omfattende sjøverts

handelskontakt i Kvitsjøområdet, Bjarmeland, da med nordmennene som sjøfarere. Disse "bjarmelandsferdene", som for øvrig ikke alltid var fredelige – de kunne av og til arte seg som små felttog – opphørte på 1200-tallet, altså 3-400 år etter oppstarten. Men handelskontaktene ble ikke helt brutt med dette. I senmiddelalderen fikk de nye former, gjennom utviklingen av de såkalte "lappmarkedene" i innlandet og de indre fjordstrøk, med handelsstevner vinterstid. Ved midten av 1500-tallet, som resultat av de vesteuropeiske sjøfarende nasjoners gjenoppdaging av Kvitsjøen og handelsmulighetene her – handelen "østenhavs" som det ble kalt – ble slike markeder også lagt ut mot kysten og aktivisert om sommeren, altså i seilingssesongen. Det mest kjente av disse markedene i grensestrøkene var markedet ytterst på Fiskerhalvøya (Kjøråvåg på norsk, Kegor på russisk).

Men etter alt å dømme var det en ny fase i de norsk-russiske handelsrelasjonene i nord som ble introdusert ved den russiske seilasen i Øst-Finnmark ved slutten av 1600-tallet. Forklaringen ligger trolig i en kombinasjon av to forhold. På den ene siden var Kvitsjøområdet inne i en sterk utvikling både bosettingsmessig og økonomisk, der det ikke minst ble satset på skipsfart. Det var jo på denne tid Peter den Store bestemte seg for å satse på Arkhangelsk som Russlands nordlige vindu mot Vesten, samtidig som byen stadig fikk befestet sin posisjon som det regionale senter (byen var blitt formelt etablert i 1584). Byen ble endepunkt for den store varestrømmen langs flodene fra de indre områder av Russland, med korn og tømmer som de viktigste vareslag. Og byens fiskemarked ble det sentrale omsetningssted for fisken fra Nord-Norge. Den sterke folkeøkningen og urbaniseringen førte etter alt å dømme til at russerne ikke var selvforsynt med fisk, det desidert viktigste produktet de handlet til seg i Norge. Fisk var jo også viktig matvareslag på grunn av den ortodokse fasten. På den andre siden var Finnmark nærmest konstant rammet av forsyningssvikt av nødvendige varer som korn og fiskeutstyr på grunn av svakheter ved det dansk-norske handelssystemet. Russehandelen utviklet seg dermed i det vakuum som forsyningssituasjonen innebar. Den ulovlige handelen hadde etter alt å dømme et stort omfang og ble sterkt fristende selv for de monopoliserte lokale kjøpmennene, ja til og med for enkelte embetsmenn som lot seg friste av en ekstraintekt.

Vi kan grovt operere med tre kronologiske faser når det gjelder utviklingen av pomorhandelen.

Første fase: ulovlig, men tolerert handel, til 1789

Den første fasen er fra oppkomsten fram til 1789 da handelen ble legalisert, i begrenset omfang.

Særtrekkene ved handelen i denne perioden er for det første at den formelt var ulovlig, men langt på vei tolerert. For det andre ekspanderte handelen fra sitt opprinnelige kjerneområde i Varanger suksessivt vestover. I 1725 hører vi om ei russeskute som handlet ved Tromsø; noen år tidligere hadde russerne trolig kommet til Vannøy i Nord-Troms. Etter om lag 1760 var pomorhandelen langt på vei blitt en etablert foreteelse langs hele kysten av Finnmark og Troms, med enkelte besøk til Lofoten, Vesterålen og videre sørover til Salten. Det ble en etablert praksis at enkelte havner, især Vadsø og Vardø, fungerte som transitthavner for russiske varer vestover. Vi kan også se at rubler ble benyttet i handelsoppgjørene mellom russiske og norske partnere og at rubelen etter hvert også ble akseptert som lokalt betalingsmiddel flere steder i Nord-Norge. En grunn til at det ble sett gjennom fingrene med handelen, var det gode diplomatiske forholdet mellom Russland og Danmark-Norge gjennom store deler av 1700-tallet. På den annen side er det også lett å se at dansk-norske myndigheter var mer aktsomme i ufredstider, som under Sjuårskrigen (1756-63), og mindre aktsomme i perioder med uår og mer dramatisk svikt i forsyningssituasjonen i Nord-Norge, som i 1740- og 1770-åra. På denne måten etablerte det seg en tradisjon som over tid stadig ble sterkere og som også har nedfelt seg markant i folkeminnet, nemlig pomorhandelen som sikkerhetsventil for Nord-Norge i krisetider, russerne som venner i nød. Dette ble konkret opplevd både under Napoleonskrigene og Krimkrigen: Russerne kom med korn tross handelsforbud og blokade.

Et tredje trekk ved pomorhandelen som utviklet seg i denne fasen, og som også forble et viktig trekk gjennom hele handelens historie, var preget av byttehandel, eller tuskhandel som det gjerne ble omtalt som (av tysk "tausch"), der vare ble byttet mot vare, med korn fra øst og fisk fra vest som basalvarene. Et særlig sterk element ved handelen var at den foregikk om sommeren da

fiskerne i Nord-Norge ikke fikk avsetning til det dansknorske handelssystemet for sin fisk fordi dette systemet primært tok imot tørrfisk som ikke kunne produseres om sommeren da det på grunn av varmen gikk makk i fisk på hjell, samtidig som det jo gjerne også er makk (kveis) i levende havfisk om sommeren. Russerne derimot tok imot sommerfisk (torsk og sei) og saltet den rett ned i båten; derfor ble russehandelen også omtalt som "makketidshandelen". De norske fiskerne kunne dermed gjennom denne handelen utvide den kommersielle del av fiskesesongen samtidig som de på en billig og lettvinnt måte sørget for årsforsyningen av mel, samt en rekke andre varer, som snøre, reip, jernredskaper, bygningsmaterialer (tømmer, bord, never, spiker), kjøkkenutstyr osv.; også enkelte luksusgjenstander fant av og til veien til fiskerbondens stue, som trekister, samovarer, fint vaskestell, poselensopper, håndmalte boller osv. Men pomorhandelen var aldri, verken nå eller senere, en ren tuskhandel mellom fiskerbefolkningen og pomorene. Således var handelen også en transaksjon mellom kjøpmenn, med både varebytte og valutabruk.

I andre halvdel av 1700-tallet var det flere forhold som pekte mot liberalisering av pomorhandelen. For det første var det klart at den rett og slett ikke lot seg hindre, til tross for at storkjøpmennene sørpå, med sine privilegier og monopoler nordpå, kjempet mot den med alle midler. Som en samtidskilde sier det: "Almuen elsker denne Handel og viser besynderlig Lyst og Drift til Fiskeriet, saa længe de kan sælge til Russerne"; handelen var etter naturens orden og til velsignelse for befolkningen; den burde heller "øpmuntres enn hømmes". For det andre blåste liberalistiske vinder stadig sterkere i hele Vest-Europa på denne tida, også i regjerings- og hoffkretser i København. Det liberale regime i Danmark-Norge etter om lag 1770 bidro sterkt til disse ideene, som også ble knyttet an til de mange utredninger som nå ble utført om økonomi og samfunnsforhold i tvillingrikets nordområder, med bakgrunn i at monopolsystemene ikke hadde svart til forventningene, verken økonomisk eller samfunnsmessig. Utfallet ble at kongen gikk til det radikale skritt å bestemme at Finnmark skulle bli prøveklut på de liberalistiske økonomiske ideene ved at handelen i regionen skulle frigis fra 1789, samtidig som amtet skulle få egne byer med fulle kjøpstadrettigheter – mot de sterkeste protester fra storkjøpmannsmiljøet både i Bergen og København. Det er ikke tvil om at pomorhandelen var en særlig viktig drivkraft bak beslutningen om å prøve ut de liberale ideer nettopp i den nordligste periferi av riket. Det konkrete utfallet for pomorhandelen var at den ble legalisert i de nye kjøpsteder og privilegerte handelssteder ("kremmerleier") i Finnmark (og nåværende Troms), i første omgang som en kjøpmannshandel, fra 1796 også som en tuskhandel direkte med fiskerne i Finnmark i makketida, seks uker om sommeren (10. juli-20. august).

Andre fase: frigiving, ekspansjon og kulminasjon, til 1870-tallet

Tidsrommet fra den første frigivelsen fram til 1870-tallet kan karakteriseres som pomorhandelens storhetstid. Til tross for tilløp til politisering av handelen, både næringspolitisk og sikkerhetspolitisk, fra 1830-tallet også kontant koblet til forestillingen om "den russiske fare", vokste omfanget av handelen stadig gjennom perioden samtidig som nye liberalistiske tiltak ble gjennomført. De gode fiskeriene fra om lag 1840 bidro til veksten, også med store kvanta sommerfisk. Dette er især storhetstida for den direkte byttehandelen mellom pomorene og fiskerne, som en sterkt gjensidig og likeverdig handel. Erfaringene fra Napoleonskrigene bidro på norsk side til de positive holdninger, likesom erfaringene under Krimkrigen kom til å gjøre det. Handelsloven av 1830 utvidet makketida med et par uker, i tillegg til at loven innrømmet enkelte andre lempelser som kom russehandelen til gode. Handelsloven av 1839 bestemte at russehandelen skulle være fri også for allmuen i Troms, Lofoten og Vesterålen – her hadde den til nå formelt vært forbeholdt kjøpmennene. Etter Krimkrigen fortsatte liberaliseringen. I 1863 ble makketida, altså pomoresesongen, utvidet med nok et par uker, i 1874 ble sesongen definert til hele tidsrommet fra 15. juni til 31. september, dvs. i praksis hele seilingssesongen. Kulminasjonen på liberaliseringen kom i 1882 da utskipningsloven tillot også salg av tørrfisk til russerne, det klassiske produktet som gjennom all tid hårdnakket var blitt forbeholdt de norske kjøpmenn og det vestlige marked. Gjennom denne fasen ble også stadig flere vareslag omsatt, begge veier, der de nordnorske byene ble stadig viktigere som transitthavner. Især økte strømmen østover av kolonialvarer, blant annet te, den russiske nasjonaldrikken(!).

Byggematerialer fra Russland ble stadig viktigere på grunn av den sterke veksten i befolkningen og bosettingen i Finnmark fra om lag 1840, med urbaniseringen som særlig iøynefallende trekk.

Det er beregnet at det omkring 1840 årlig kom 300-350 russeskuter til Finnmark og Troms. Ut over i andre halvdel av århundret sank antallet noe, men til gjengjeld økte tonnasje per skute en del; de gamle skutetyperne, som lodjer, kasmarer og ransiker, ble gradvis erstattet av moderne galeaser og skonnerter, delvis innkjøpt fra Norge, delvis bygget lokalt etter norsk forbilde. Handelen ble utviklet gjennom perioden i faste former, med skrevne og uskrevne regler i kjøpslåingen, med familier som handlet over generasjoner, med kjøpmannssønner som studerte handel og språk i Arkhangelsk, med særegne tradisjoner for bestemmelse av takst og pris, med etablerte (og liberale) tollregler, og med utvikling av et eget handelsspråk, pidginspråket russenorsk. Denne perioden er også storhetstida for russisk fiske fra landstasjoner i Finnmark, som tok til på 1700-tallet, naturligvis som en formelt sett ulovlig aktivitet. Fiskeriloven av 1830 tillot seks russiske sesongfiskevær i Øst-Finnmark; Kiberg ble det været som russerne mest og lengst benyttet seg av, derfor ble de russiske fiskerirettigheter i Nord-Norge gjerne omtalt som "kibergrettighetene".

Tredje fase: Modernisering, politisering og avvikling, 1870-tallet til ca. 1920

Den tredje og siste fasen, fra 1870-tallet til om lag 1920, er for det første preget av at pomorhandelen ble berørt av den generelle moderniseringen av samfunnet og av den sterke ekspansjonen i vestlig markedsøkonomi i tidsrommet, med en integrert nordatlantisk økonomi som utfall. Betydningen av pomorhandelen for det nordnorske samfunnet sett under samlet synsvinkel ble redusert som følge av den sterkt økte tilgangen på vestlige kolonialvarer etter om lag 1870, ikke minst mel, som nå især strømmet fra det amerikanske markedet, men også fra det russiske svartehavsmarkedet. I 1870-åra bidro transportrevolusjonen gradvis til omlegging av hele transaksjonssystemet, blant annet som følge av at det ble opprettet dampskipsruter mellom Nord-Russland og byene i Finnmark. Et utslag av dette var den såkalte "fustasjehandelen" der kjøpmenn i Nord-Norge saltet fiske i store kar ("fustasjer") som ble eksportert til Russland med dampskip. Kjøpmennene undergravde slik direkte den helt sentrale del av pomorenes tradisjonelle virksomhet, nemlig kjøp og salting av sommerfisk, omsatt direkte fra fisker.

Politiseringen av russehandelen ble sterkt skjerpet gjennom denne fasen, med utgangspunkt i to forhold. Det ene forhold var av handelspolitisk art. Mens de lokale kjøpmennene stort sett synes å ha utviklet et harmonisk forhold til pomorhandelen, økte protestene fra storkjøpmenn sørfra med interesser i fiskeriene og fiskehandelen. I stadig sterkere grad protesterte de mot det de oppfattet som "den utidige konkurrance" fra pomorene om fiskehandelen; pomorhandelen undergravde en sunn handel på norske premisser og ville få store skadevirkninger også for kystbyene utenfor det egentlige pomorhandelsområdet og på sikt også for landets økonomi, ble det hevdet. Det andre forhold var av utenriks- og sikkerhetspolitisk art. Den gamle trusseloppfatning om "den russiske fare" ble i andre halvdel av 1800-tallet tegnet på nytt og nå i dramatiske bilder, uten at vi her har tid til å gå nærmere inn på årsakssammenhengen. Imidlertid er det knapt tvil om at de sterke nasjonsbyggingsbestrebelsene i nordområdene av Norge ble legitimert av en slik trusseloppfatning. Pomorhandelen ble dermed tegnet som en del av dette trusselbildet, ved at det ble påstått at den undergravde ikke bare norsk økonomi i nord, men også norsk kultur og nasjonal sikkerhet.

Den norske regjeringen nedsatte mot denne bakgrunnen en komité som skulle fremme forslag om en ny handelslov, der det implisitt ble forutsatt at en særlig skulle skjele til forholdene nordpå. Kommisjonen la fram sin innstilling i 1897, der det blant annet ble forslått at tørrfisk bare skulle omsettes av personer med norsk borgerskap (en ny borgerrettslov var kommet i 1888) og at pomorhandelen skulle begrenses til den opprinnelige "makketida", altså de få ukene midt på sommeren.

Innstillingen skapte sterke reaksjoner i fisker- og fiskerbondemiljøet nordpå, delvis også blant lokale kjøpmenn, som for øvrig fikk sitt pass påskrevet av sine sydligere kolleger: De var villig til å selge seg til en fremmed nasjon for judaspenger! Det fant sted nærmest en folkereisning mot innstillingen, med protestmøter en rekke steder langs kysten. Kampen mot restriksjoner av

pomorhandelen ble faktisk den viktigste politiske sak i Nord-Norge i tida omkring århundreskiftet 1800/1900, ved siden av kampen for fredning av storhvalen. Saken bidro sterk til at de første sosialistiske representanter ble valgt inn på Stortinget i 1903, og det var ikke tilfeldig at alle tre var fra Nord-Norge. Også andre stortingsrepresentanter nordfra hadde bevaring av pomorhandelen som viktig valgsak.

Handelsloven ble vedtatt i 1907, etter flere års intens debatt. Utfallet, eller rettere tolkningen av loven, ble at den direkte handelen mellom den norsk allmue og pomorene ble begrenset til den opprinnelige makketida; utenom makketida ble all fiskehandel i landet og også all fiskehandel med russerne reservert for norske fiskeoppkjøpere og handelsmenn. Også etter vedtaket av loven ble den heftig debattert og tolket, noe som bidro til at den konkrete effekten av loven neppe var så stor, heller ikke for fiskerbefolkningen. Men loven og debatten omkring den hadde for det første vist at myndighetene nå ønsket restriksjoner og helst avvikling av pomorhandelen, for det andre at lokalbefolkningen var villig til å kjempe for denne gamle institusjonen. Et annet tegn på myndighetenes ønsker om nedbygging av de tradisjonelle norsk-russiske relasjonene i nord var at "kiberrettighetene" ble inndratt, med virkning fra 1913.

Handelsloven av 1907 fikk neppe den tilsiktede virkning. Men andre forhold kom myndighetene til hjelp i bestrebelsene på avvikling av pomorhandelen. Det ene var at varetilførselen fra Russland hadde blitt betydelig redusert fra slutten av 1800-tallet, med unntak for visse vareslag, som never og trematerialer, som holdt seg på et høyt nivå like til det siste. Det vestlige marked hadde i stor grad overtatt som forsyningskilde, ikke minst gjaldt det som nevnt mel. Et dilemma for myndighetene var imidlertid at den norske eksporten til Russland over nordområdet hadde vokst sterkt og gitt betydelig gevinst, først og fremst eksporten av fisk over kjøpmannshånd. Det er beregnet at i 1890-åra var verdien av norsk eksport til Russland gjennomgående dobbelt så høy som verdien av den russiske eksport til Norge, i 1905 om lag åtte ganger høyere, samtidig som verdien av den russiske eksporten til Nord-Norge på dette tidspunkt utgjorde bare 2/3 av verdien i toppåra på 1870-tallet. Handelstransaksjonen hadde altså i løpet av den siste generasjonen fått en sterk asymmetri, i favør av Norge. Det andre forhold som kom myndighetene i møte i motarbeidelsen av pomorhandelen, var 1. verdenskrig og Den russiske revolusjonen med etterfølgende intervensjonskriger, begivenheter som innebar nærmest full stans i russeseilassen på Nord-Norge. Flere skuter som hadde ankommet før krigsutbruddet og revolusjonen, ble forlatt i nordnorske havner av mannskapene; eksempelvis ble to pomorskuter liggende i Vadsø, der de til slutt råtnet opp. Den siste lille pomorflåte kom i 1918; en og annen skute kom der også i de følgende åra, til 1928. Men de var og ble også oppfattet som en beskjeden hilsen fra en kultur og ei tid som nå ugjenkallelig var over.

Betydning, system, mentalitet og historisk minne

Til sist i foredraget skal jeg for det første stanse opp ved pomorhandelens betydning og det systemet det representerte, og for det andre ved de mer mentalitetshistoriske sider ved handelen og handelen som historisk minnemateriale.

Betydningen av pomorhandelen kan vurderes på flere måter, jeg trekker fram to. Den ene måten er å beregne effekten økonomisk og kvantitativt på nasjonalt plan. Det er åpenbart vanskelig å gjøre dette presist da kildegrunnlag er sviktende, men det er gjort hederlige forsøk (i det siste særlig av Per Botolf Maurseth i Historisk tidsskrift 4/1997, "Historiske handelsstrømmer mellom Norge og Russland"). Maurseths beregninger tilsier at handelen ved forrige århundreskifte kan ha utgjort opp mot fem prosent av Norges totale import fra Russland og hele 2/3 av Norges totale eksport til Russland. Med andre ord: Handelens betydning som eksporthandel var av vesentlig nasjonaløkonomisk betydning. (Russland var på denne tid blant Norges fire viktigste handelspartnere).

Den andre måten å beregne handelens betydning på er enda vanskeligere, nemlig betydningen for lokalmiljøene nordpå gjennom transaksjonen vare mot vare og direkte mellom fisker og pomorer. Her er det kvantitative kildegrunnlaget enda mer problematisk enn i det første tilfellet. Men det kan uten videre slås fast at betydningen på dette plan har vært stor, allment i alle fall fram til 1870- og 80-åra, i visse områder like til det siste. Alt tyder på at fram til om lag 1870 var

pomorhandelen en høyst integrert del av økonomien til lokalsamfunnene langs kysten av Nord-Norge ned til Lofoten, i tida etter og fram til utviklingen fortsatt særlig viktig for mange forholdsvis isolerte kystsamiske fjordstrøk. Et mål på denne typen økonomisk betydning er også den økonomiske ruin banker og firmaer nordpå opplevde da handelen brøt sammen; de satt plutselig tilbake med store mengder verdiløs rubel.

Og da er vi inne på det økonomiske system pomorhandelen representerte. For lokalsamfunnene var den primært en del av det husholdsøkonomiske systemet, som ikke siktet mot kapitalakkumulasjon, reinvestering og innovasjon, men mot opprettholdelse av husholdet og sterk grad av selvforsyning. Presset mot denne økonomien økte naturligvis med moderniseringen og de markedsøkonomiske integrasjonsprosesser, især etter om lag 1870. Selv om også deler av pomorhandelen etter hvert ble trukket sterkere inn i markedsøkonomien, bidro den gjennom det sterke elementet av tuskhandel like til det siste til at det nordnorske økonomiske system fortsatt ved inngangen til mellomkrigstida i så sterk grad bar preg av husholdsøkonomi. Sammenbruddet av handelen bidro derfor også tilsvarende til at omstillingene i økonomien i mellomkrigsåra ble oppfattet som så dramatiske, især for kystsamene, som opplevde denne tida som en "fimbulvinter".

Så er vi ved det siste punktet i foredraget, de aspekter ved pomorhandelen som har å gjøre med mentalitet, historisk minne, symbol – altså med kultur i vid forstand av begrepet.

Det er lett å se at pomorhandelen ga ulike kulturelle gevinster, materielle så vel som immaterielle, noe jeg alt har berørt. Det mest kjente er naturligvis det felles språket, russensorsk, eller "moja-på-tvoja"-språket som det også ble kalt. Det var verken russisk eller norsk, selv om det heter at russerne trodde de snakket norsk og nordmennene trodde de snakket russisk. Men de forsto hverandre: "Drasvi, gammel go ven på moja" (Goddag, min gamle venn). "Nogli da tvoja reisa på Arkhangel outsuda?" (Hvor mange dager har du brukt på reisen fra Arkhangelsk?) "Tre vegel, grot stoka på gaf". (Tre uker, sterk storm på havet).

Det historiske minnet lokalt om pomorhandelen er sterkt og entydig positivt, så sterkt og så entydig at det nesten minner om historiske myter om en forgangen "god tid", om "storhetstid" – om en gullalder for den nordnorske kystbefolkningen. Utsagnene i minnematerialet av denne typen er legio. I vårknipla hvert år ventet man med lengsel etter pomorene; som det heter fra Kiberg: Når vårtåka meldte seg på fjellet ved fiskeværet, visste man at isen i Kvitsjøen hadde gått opp og at seilene på pomorskutene om få dager ville vise seg over horisonten i sørøst. Og når de ankom: "Vet du – det var akkurat som Gud hadde kommet". Og så husket man i tillegg all vennskap, de gode lukter, bon-bon'en, de fargerike klær, og balalaikaen og sangen naturligvis. I sjøsamisk miljø ble pomorhandelen nedfelt blant annet i en episk joiketekst i Varanger, som maler handelen og den kulturen den representerte i sterkt positive skildringer.

Det historiske minnet har nesten til overmål vist seg i tida etter perestroika og glasnost, med åpningen av grensen i nord mellom de to land. Tidsrommet mellom pomortida og dagen i dag blir i dette minnet nærmest sett på som en historisk parentes, som enslags uekte lodning i den felles nordlige historie som landene deler. I dette minnet har nettopp ordet "pomor" en særdeles sentral posisjon. Det framstår ikke bare som symbol på en forgangen "god tid", men også på mulighetene i dag og løftene for framtida, og det brukes som argument og legitimering av entrepriser. Ordet er gjenoppvekket i et utall sammenhenger siden 1980-tallet, på begge sider av grensen, for eksempel i navn på universitet, museum, handelsfirma, reiselivsbedrifter, byer (som "Pomorbyen Vardø"), sangkor, restauranter, vodkaemerke osv. Det historiske minnet knyttet til betegnelsen er naturligvis, som alle historiske minner, skjønnfarget av ettertidsopplevelser og sortert mot det ønskede, slik at elementer som oppfattes som mindre positive gjerne viskes bort, som for eksempel den delen av minnematerialet som forteller om fattige pomormatrosar, brutale prinsipaler og en undertrykt russisk bondestand.

Imidlertid er den seighet og transformasjonsevne som denne historiske foreteelsen har vist gjennom minnematerialet, i seg selv interessant og tankevekkende. Så sterke minner blir ikke til ex nihilo – ut av ingenting. Historiske foreteelser gjentar seg neppe, men vi frigjør oss aldri lett fra den, de kleber seg til oss "som jord til bondens spade" (som en fransk historiker uttrykker det); de

kan både befeite, bekrefte, frigjøre og gi håp - og vår fortelling viser at vi utnytter dem gjerne for alt det de måtte være verdt.

Litteratur

Bare et lite utvalg av den mest relevante moderne litteraturen er tatt med her.

Bratrein, H.D.: Karlsøy og Helgøy bygdebok. Bd. II. Hansnes 1990.

Bratrein, H.D.: "Russefisket i Finnmark", Ottar nr. 94-95/1975.

Kraft, S.: Nordnorge i de förenade konungarikenas handelstraktater med Ryssland. Stockholm 1954.

Ottar nr. 4/1992, Norge og Russland i nord (flere bidragsyttere, også om pomorhandelen).

Maurseth, Per Botolf: "Historiske handelsstrømmer mellom Norge og Russland", Historisk tidsskrift nr. 4/1997.

Niemi, E.: Vadsøs historie. Bd. I. Vadsø 1983.

Niemi, E. (red.): Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo 1992 (flere bidragsyttere, også om pomorhandelen).

Richter-Hansen, E.: Pomorhandelen i Finnmark. Vadsø 1977.

Richter-Hansen, E.: Nordkapp. En fiskerikommune. Nordkapp kommune 1990.

Rønning Balsvik, Randi: Vardø. Grensepost og fiskevær. Bd. I-II. Vardø kommune 1989.

Schrader, T.A.: "Pomor Trade with Norway", Acta Borealia 1988.

Selnes, K.: Norge-Russland. Grannefolk gjennom 1000 år. Oslo 1972.

Solhaug, T.: De norske fiskeriers historie 1815-1880. Bd. I. Bergen/Oslo/Tromsø 1976.

Эйнар Ниemi: Поморская торговля – экономика и ментальность

В данном докладе дается краткая презентация хронологии развития поморской торговли, экономической системы, которую она представляла, в том числе и с ментальной и культурной точки зрения. Доклад базируется главным образом на норвежских источниках и отражает норвежское восприятие феномена.

Трудно с точностью установить начало поморской торговли. Уже в конце 17 века существовала морская торговля в Варангере с чертами, характерными для более позднего периода поморской торговли. Вся торговая деятельность в Северной Норвегии была в то время урегулирована посредством привилегий (льгот) в подчинении крупных городов на юге страны и торговля с русскими была, поэтому, незаконной. Когда она достигла расцвета на рубеже веков в 18 веке, связано это было с двумя особыми обстоятельствами. Регион Белого моря переживал период бурного развития – как в демографическом, так и в экономическом плане, в том числе и как результат ставки, сделанной Петром I на Архангельск в качестве "окна" России на Севере в Европу. Кроме того, Северная Норвегия страдала от хронических перебоев с поставками муки и рыболовецкого снаряжения.

Поморскую торговлю можно разделить на 3 периода:

Нелегальная, но не встречающая негативных реакций торговля до 1798 года

То, что торговля была формально нелегальной, но абсолютно не встречавшей негативных реакций, связано как с благоприятным климатом в дипломатических отношениях между Данией-Норвегией и Россией, так и с насущной потребностью в наличии действующего "запасного клапана" для поставок товаров в Северную Норвегию в периоды кризисов. К концу 18 века по Европе "гуляли" сильные ветры либерализма, и постепенно наступило время либерализации торговли с русскими на Севере. С 1789 года запрет был формально отменен, хотя и с множеством ограничений

Либерализация, экспансия и кульминация вплоть до 1870-х гг.

В течение 19 века было снято все большее количество ограничений на поморскую торговлю, что выразилось в удлинении периода торговой деятельности в течение года,

расширении ассортимента товаров и количества участников. Этот период можно рассматривать как расцвет поморской торговли с обширными контактами между Северной Норвегией и Севером России как экономического, так и культурного плана.

Модернизация, политизация и завершение в период с 1870-х годов до приблизительно 1920 г.

Общая модернизация мировой экономики коснулась и поморской торговли. Доступ к товарам с западных рынков понизил значение поморской торговли. И изменение транспортной системы, в ходе которого произошел переход от использования парусных судов к пароходам также оказал негативное влияние на эту торговлю. Против поморской торговли начали протестовать – главным образом купечество Южной Норвегии, считавшее, что она противодействует "здоровой" торговле на условиях выгодных норвежцам. И с точки зрения государственных интересов – политических и вопросов безопасности – поморская торговля являлась противоречивой. Торговая деятельность рассматривалась как часть "российской угрозы", и усиленные меры по укреплению государственности (суверенитета) в северных областях зижделись на подобном представлении.

В 1907 году после активных протестов в Северной Норвегии был принят новый закон о торговле, накладывающий значительные ограничения на поморскую торговлю. Конкретный эффект данного закона вряд ли был столь уж ощутимым. Гораздо более важным стал факт, что западный рынок в большой степени занял позиции поставщика товаров, а такие события как Первая мировая война и Революция 1917 года с последовавшей за нею гражданской войной и волнениями положили практически полный конец русскому судоходству на севере Норвегии. За исключением нескольких отдельных исключений эта торговая деятельность так никогда и не возобновилась.

Русская торговля на Севере имела большое государственно-экономическое значение и составляла впечатляющие 2/3 от общего объема норвежского экспорта в Россию. Кроме того, благодаря своему ярко выраженному характеру меновой торговли, она была интегрированной частью местной, в значительной степени ориентированной на ведение домашних хозяйств, экономической системы. Прекращение торговли, в связи с этим, привело к тому, что реструктуризация региональной экономики на севере Норвегии была воспринята некоторыми группами населения как драматичное событие в период между двумя мировыми войнами.

И культурное значение было столь же велико. Наиболее известным проявлением контактов стало возникновение смешанного языка "рюссе-норшк". Историческая память местного населения почти до крайности проявила себя в период после перестройки и гласности, а советский период рассматривался исключительно как время в "скобках". Всепобеждающая добрая память о поморской торговле живет, и мы охотно используем ее за все те положительные моменты, которые она в себе содержала.

Руслан Пересадило: Экономическая деятельность российских консульств в Норвегии на рубеже XIX-XX вв.

История экономических взаимоотношений Российской империи и Шведско-Норвежского королевства в XIX - начале XX вв. до сих пор ограничивалась рамками "меновой торговли". При этом от внимания исследователей уходили такие важные стороны, как торгово-коммерческая деятельность скандинавских предпринимателей на Русском Севере, роль скандинавской торговли для близлежащих регионов Архангельской губернии и для экономики страны в целом; история отдельных скандинавских фирм, торговавших с Россией, персоналии купцов и предпринимателей. Представляется важным определить роль норвежского фрахта для Северных перевозок. Хозяйственная деятельность скандинавских предпринимателей нуждается во всеобъемлющем изучении. Какое место

занимали норвежские фирмы, работавшие в России, в собственно экономике Норвегии? Насколько распространённым являлось для норвежских предпринимателей вкладывать деньги в российскую экономику? В этом смысле разработки требует тема общественного мнения в Норвегии о России с хозяйственно-экономической точки зрения. Российско-скандинавские экономические отношения стали причиной заключения нескольких межгосударственных договоров. Многие вопросы обсуждались на уровне правительств и в ряде случаев монархов двух стран. Необходимо, по нашему мнению, проследить развитие законодательства о российско-норвежских отношениях. При этом не стоит ограничиваться только теоретическим анализом документов, но изучать применение их на практике. Темой для исследователя является деятельность центральных и местных властей Российской империи в области норвежского влияния на Севере (иначе говоря, эволюция "норвежской политики" российского государства на Русском Севере). Не является закрытой тема российско-норвежского разграничения 1826г. Вопрос о Конвенции

1826 г. не раз затрагивался исследователями (К.А. Чудиновым, Р.А. Давыдовым и др.). Наиболее обоснованным представляется двухуровневый подход: Санкт-Петербург - Стокгольм, Архангельск - Северная Норвегия. В данной области было бы интересным оценить долю норвежского и смешанного капитала (не только с российским, но и английским, шведским, немецким и др.) в различных отраслях экономики севера России. Для понимания сути экономических отношений двух государств необходимо выяснить значение норвежских фирм, работавших в России, в собственно экономике Норвегии. Особенно несправедливо обойдено вниманием деятельность шведско-норвежских консульств в Архангельске и российских вице-консульств в городах Северной Норвегии.

Хотелось бы остановиться на временном промежутке конца XIX - начала XX века, считающемся наиболее изученным (вышедшая книга А. Вертячих "Капитал в Архангельске", кандидатские диссертации Р.А. Давыдова "*Архангельская губерния и Северная Норвегия в 1826-1914гг.*", В.В. Тевлиной "Иностранное предпринимательство на европейском севере", докторская диссертация А.В. Релневского "Советско-норвежские экономические отношения межвоенного десятилетия"). Однако многие аспекты отношений двух стран так и не получили освещения в историографии.

С Норвегией поморы торговали, как правило, в одиночку. Архив норвежской таможни показывает, что во второй половине XIX века в Тромсё из Архангельской губернии приходили суда, где хозяин исполнял функции капитана, реже с нанятым шкипером¹¹⁸, но опять же нанимателем выступал купец-одиночка.¹¹⁹ Напротив, в Северной Норвегии с Россией предпочитали торговать предприятия и фирмы.¹²⁰ Одним из примеров тесного переплетения экономической истории России и Норвегии на рубеже XIX - XX вв. является деятельность фирмы "M.W. Holmboe & søn". Основателем фирмы считается Михаэль Уилде Холмбое. Необходимо отметить, что это известная личность в истории Северной Норвегии.

М.У. Холмбое – потомок Йенса Холмбое, известного судьи в Эрвике в Тронденесе в первой половине XVIII века. В 1817 году М. Холмбое основал знаменитую в Северной Норвегии фирму с одноимённым названием. Уже в 1807 году Холмбое стал известен как служащий своего родственника А. Гизвера в Тромсё, выполняя различные поручения и управляя кораблём свояка. В 1819 году Холмбое построил собственный дом в конце Tverrgaten. Это был двухэтажный дом стоимостью 2000 специаллеров. В период с 1819 по 1837 гг. он вёл торговлю в товариществе со своим братом Эвеном Холмбое. Среди горожан Холмбое пользовался уважением и считался специалистом во многих областях. В 1820 году он стал пожарным инспектором, а в 1836 избран директором Тромсё-Спаребанка, который после этого начал активно вкладывать средства в экономику города.

¹¹⁸ Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 57, Boka № 161-162.

¹¹⁹ Statsarkiv av Tromsø, Offentlige Arkiv № 23, Box № 343.

¹²⁰ Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 125, Box № 1.

Сын Конрад Холмбое стал участвовать в предприятии отца с 1846 года, став в 1854 полноправным компаньоном. После этого фирма и получила своё название "M. W. Holmboe & Søn" ("Холмбое и Сын"). Примерно с этого же времени предприятие начинает играть одну из центральных ролей в экономике Тромсё.

При Конраде Холмбое фирма заняла ведущее место в морских отраслях хозяйства, в том числе и в развитии судоверфи Тромсё. Конрад решил специализироваться в т. н. "русской торговле" ("russehandel")*, пароходных сообщениях, экспорте и импорте на Бергенских и Нордфьельских пароходных линиях.

После смерти М.У. Холмбое в 1863 году фирма полностью перешла в руки Конрада. Он сократил экспортные операции на южном направлении, резко увеличив товароборот с Северной Россией. Торговля с Россией вместе с пароходным сообщением приносила немалые доходы фирме.

С 1916 года фирма управлялась Конрадом единолично, но в 1919 году реорганизовывается в семейное предприятие. С этого же времени начинается закат "Холмбое и Сын", и в 1924 году фирма прекращает своё существование.¹²¹ Хронологически закрытие фирмы совпало с политическими потрясениями в России, что даёт основание сделать вывод о зависимости экономической деятельности "Холмбое" от торговли с Русским Севером.

Конрад Холмбое, возглавляя собственную фирму, активно торговавшей с Россией, выполнял функции главы российского вице-консула в Тромсё. Автор, изучая дела частных фирм за период XIX века в Statsarkiv (Tromsø), обнаружил в боксе фирмы "Holmboe & søn" корреспонденцию (телеграммы, письма и т.п.) между вице-консульством Тромсё и консулами в городах Северной Норвегии (Вардё, Вадсё, Хаммерфест).¹²² В телеграммах вице-консулов сообщались сведения о ходе промыслов, ценах на рыбу, количестве судов.¹²³ Для главы фирмы, торговавшей с Россией, доступ к такой информации являлся бесценным с коммерческой точки зрения. Сфера деятельности "Холмбое и Сын" удивляет своим разнообразием: это не только чисто торговые операции торгового дома Холмбое по продаже рыбы в Северной России и закупке русской муки (чем традиционно ограничивают российско-норвежские отношения в этот период). "Холмбое и Сын" одновременно являлась своего рода кредитным банком: русские купцы не раз обращались к российскому вице-консулу с просьбой о выделении денег на проведении торговых операций.¹²⁴ Недосток денежных средств особенно остро ощущался в период промыслов, когда русские торговцы за короткий срок тратили большие суммы (выловленную рыбу необходимо засолить в течение нескольких часов). Для засолки требовалось огромное количество соли. Фактически единоличным поставщиком-посредником соли (закупалась, как правило, в Англии) являлась "Холмбое и Сын". Архивные документы начала века свидетельствуют, что "соляной" кредит для некоторых поморов составлял порой несколько тысяч рублей за сезон.¹²⁵ В 1906 году русский рыбороторговец Е.В. Могучий, обращаясь к вице-консулу, так описывал ситуацию: "...еду в Архангельск, для покупки рыбы оставляю Стрелкова, капитана на galias "Maria", рыба очень дорога, деньги тратятся скоро, если он обратится к Вам за деньгами, то вышлите ему по указанному им адресу денег, 2000

* Термин "русская торговля" характерен для норвежской историографии, в отечественной более распространено название поморской или меновой торговли (впрочем, как и в шведской: см. Kraft, Salamon. Pomorhandelen på Nordnorge under 1800 - talets förra hälft.- Tromsø, 1968).

¹²¹ Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 27ю

¹²² Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 27, Box № 259.

¹²³ Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 27, Box № 312.

¹²⁴ Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 27, Box № 299.

¹²⁵ Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 27, Box № 297.

крон".¹²⁶ В сезон следующего 1907 года Е.В. Могучий получил от Холмбое ещё 7000 крон и, собираясь в Финмаркенские становища, обратился с просьбой застраховать груз двух судов.¹²⁷ В финансовых операциях между русскими скупщиками рыбы и торгового дома нередко использовались и иностранные банки. Схема существовала следующая: купец выписывал поручительство на получение денег в Тромсё или любом другом городе Северной Норвегии от Холмбое, который телеграфировал об этом дебитору. После чего деньги из Архангельска, либо из Петербурга переводились на счёт фирмы, как правило, в Гамбургский банк.¹²⁸

Услугой "Холмбое" пользовались владельцы грузовых судов – аренда судоверфи и ремонт кораблей.¹²⁹ Причём в случае затруднительных ситуаций вице-консул выступал как доверенное лицо русских капитанов. В 1907 году Р. Вахтин, владелец судна "Воля", опасаясь продажи своего корабля с молотка (Вахтин попал в кораблекрушение, потерял весь груз английской соли), обратился к Конраду с просьбой представлять свои интересы во всех финансовых и судебных учреждениях.¹³⁰ Нередко вице-консульство занималось наймом матросов для русских судов, устраивало лечение заболевших членов экипажа, в то же время предлагало услуги товарных складов для хранения товаров.¹³¹ По присылаемым заказам из Архангельска, Онеги и других городов Архангельской губернии компания "Холмбое" занималась и перевозками внутри Норвегии, попутно страхуя грузы, оказывала посреднические услуги в торговле с Россией другим норвежским фирмам ("Karl J. Hall", "J.A. Killengreen & Søn", "A. Ebeltoftjun").¹³²

Другой стороной деятельности торгового дома являлась закупка товаров в России (как правило, лесных материалов).¹³³ В 1911-1914 годах торговый дом открыл целую серию представительств в Вологде, Великом Устюге и других городах Архангельской губернии для закупки береста, нанимая русских же комиссионеров.¹³⁴ Для доставки продукции в Архангельск использовались специально построенные баржи, до Тромсё – фрахтовались суда Мурманского пароходства. Финансовые операции обслуживали Русский для внешней торговли банк, Волжско-Камский банк, Спаребанк Норвегии, Северо-Немецкий банк (Гамбург). Товарооборот составлял десятки тысяч тонн.¹³⁵ Иногда фирме приходилось обращаться за помощью к адвокату, когда комиссионеры не выполняли взятых на себя обязательств, как, например, это случилось с дагденским мещанином И.П. Рыбниковым.¹³⁶

Особенной чертой здесь является то, что поморы не делали разницы между Российским Генеральным консульством, возглавляемым Конрадом Холмбое, и предприятием, собственностью семьи Холмбое. В письмах, записках к "Кондрату Михалычу" поморы обращались именно к вице-консулу, даже в тех случаях когда речь шла только о коммерческих отношениях (покупка товаров, просьбы о кредите).¹³⁷

В архангельской прессе экономическое влияние Норвегии на Севере России вызывало неудовольствие. Колонизации Мурманского побережья называли мирным завоеванием

¹²⁶ Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 27, Box № 300.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 27, Box № 241.

¹²⁹ Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 27, Box № 301ю

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 27, Box № 240.

¹³² Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 27, Box № 239.

¹³³ Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 27, Box № 293.

¹³⁴ Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 27, Box № 344.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Statsarkiv av Tromsø, Privatarkiv № 27, Box № 244.

Мурмана.¹³⁸ В прессе обсуждалась идея введения таможенных пошлин на привозимую норвежскую рыбу.¹³⁹ По данным, приводимым В.В.Сусловым, улов мурманских промышленников во второй половине 80-х годов XIX века достигал 1 077 000 пудов за сезон.¹⁴⁰ Треть добычи шла в Санкт-Петербург, треть – за границу, остальное – в Архангельск. Но к этому времени кольским промыслам так и не удалось вытеснить норвежскую рыбу с архангельских рынков (импорт рыбы из Норвегии в 1,5 раза превосходил мурманский улов). В 1886 году кольский уездный исправник докладывал губернатору, что "меновая торговля в Норвегии идёт весьма неудовлетворительно": отсутствовал спрос на доски, мука, купленная в Архангельске по 8 рублей 50 копеек, шла по 7 рублей, из-за больших уловов у норвежских берегов ожидалось понижение цен на мурманскую рыбу.¹⁴¹ Вследствие плохих уловов около мурманских берегов поморы шли в Финмаркен. В 1889 году российский консул в Хаммерфесте, докладывая о русско-норвежских столкновениях, предложил провести нумерацию всех промысловых судов двух государств. По указу шведского короля от 8 апреля 1890 года "кормщик на рыболовной лодке и шкипер судна, которые пожелают производить лов рыбы из какой-либо гавани Финмаркенской губернии, обязаны... объявить чиновнику инспекции о своём приходе, так и о своём имени и месте жительства, а равно и об именах и местах жительства находящихся на их службе лиц".¹⁴² Таким образом, норвежское правительство постепенно ограничивает права русских промышленников у своих берегов. По донесению кольского уездного исправника, рыбопромышленники Мурманского (на 102 промысловых судах) берега заработали в 1890 году в Норвегии от 35 до 70 рублей, отдав от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ этой суммы за пользование гаванью и продовольствием.¹⁴³ По заявлению консула Островского, столкновения подданных двух стран происходили из-за "обрезания и порчи норвежцами из корыстных целей или национальной вражды, рыболовных снастей у наших промышленников", виновные "в подобных преступных действиях в большинстве случаев оставались необнаруженными".¹⁴⁴ Правитель канцелярии архангельского губернатора в докладе 1892 года считал необходимым принять ответные меры по отношению к норвежским рыбакам у берегов Мурмана.¹⁴⁵ Началом ограничения прав норвежцев в северных водах принято считать патрулирование канонерской лодки "Бакан" с 1881 года. В Архангельскую таможню поступали дела продолжающейся контрабандной торговли на Кольском полуострове. В 1907 году таможня проводила расследование дело А.Л.Бродкорба "по поводу тайного провоза из колонии Печеньга внутрь Лапландии партии не оплаченных пошлиною кофе, крупчатки и сахара".¹⁴⁶ Продолжалась торговля спиртными напитками ("норвежским ромом"). При этом позиция российских вице-консулов оказывалась двойной. Ведь, как указывалось выше, на этой службе состояли норвежцы: российское министерство иностранных дел предпочитало нанимать местных жителей, как правило, состоятельных коммерсантов, пользовавшихся уважением со стороны местного населения, а не командировать специальных чиновников. На данное противоречие указывается некоторыми русскими путешественниками, в частности, В.В. Сусловым, утверждавшим, что "российские" вице-консулы защищают прежде всего свои торговые интересы.¹⁴⁷ По мнению Суслова, вице-консулы навязывали своё мнение русскому

¹³⁸ Постников С. К оживлению Мурманских промыслов// Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (далее – ИАОИРС) - 1910г. - № 8.

¹³⁹ Копытов Н. Мурманские рыбные промыслы// ИАОИРС - 1910г. - № 10.

¹⁴⁰ Суслов В.В. Путевые заметки о Севере России и Норвегии. - С-Пб, 1888, стр. 32.

¹⁴¹ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО), ф. 1, оп. 8, т. 1, д. 1922.

¹⁴² ГААО, ф. 1, оп. 8, т. 1, д. 1954, л. 35.

¹⁴³ ГААО, ф. 1, оп. 8, т. 1, д. 1977.

¹⁴⁴ ГААО, ф. 1, оп. 8, т. 1, д. 1954, л. 31.

¹⁴⁵ ГААО, ф. 1, оп. 8, т. 1, д. 2031, лл. 3-4об.

¹⁴⁶ ГААО, ф. 58, оп. 6, д. 802, л. 7.

¹⁴⁷ Суслов В.В. (см. выше).

консулу, приезжавшему из Христиании: "...многие из них специально обучались русскому языку в г. Архангельске и других местах, сами бывали коммерсантами, ходили на судах и только после известной практической школы выходили в вице-консулы".¹⁴⁸ В какой-то мере, мнение Суслова подтверждает архангельский губернатор Н.А. Качалов в своём докладе министру внутренних дел 1870 года о поездке по городам Норвегии.¹⁴⁹ В том же году несколько шкиперов российского купеческого флота подали прошение командиру винтового корвета "Варяг", капитану 1-го ранга, Кремеру. Русские поморы пожаловались на намеренное, по их мнению, затягивание формальностей норвежской таможней. При этом во время промыслов и торговых операциях шкиперы терпели "в самых дурных видах различные притеснения со стороны норвежских властей, не имея при этом прямой защиты в нашем консуле".¹⁵⁰ Однако в архивных материалах автором не найдено ни одного документа, который бы свидетельствовал о неудовольствии министерства иностранных дел России деятельностью вице-консульств в Норвегии. И порядок найма вице-консулов сохранялся до революции 1917 года, даже после смены власти в России все прежние дипломатические представительства продолжали функционировать некоторое время.¹⁵¹

Напряжение в российско-норвежских отношениях на местном уровне сохранялось на протяжении начала XX века. С лопарями связана переписка между министерством внутренних дел и архангельским губернатором в 1912-1913гг. По российско-норвежскому протоколу от 6/18 августа 1834 года лопари сохранили право на семужий промысел в Пазрецком и Ровдинском заливах, отошедших по разграничению 1826 года к Норвегии. В 1906 году норвежское правительство обратилось к России с предложением выкупа этих прав.¹⁵² Архангельские власти провели опрос среди пазрецких лопарей. Последние выразили отрицательное отношение к идее Норвегии, более того, пожаловались на притеснения в Норвегии и выдвинули требования: 1) предоставление права ловить кроме сёмги другие виды рыб; 2) разрешение привозить с собой для пастьбы овец; 3) право вырубki в лесах дров; 4) запрещение норвежским промышленникам ставить свои снасти в местах лопарского лова.¹⁵³ Губернатор Архангельска согласился с этими требованиями. Министерство иностранных дел испытывало меньший оптимизм, чтобы Норвегия "фактически бесплатно согласилась на такое толкование Протокола 1834 года".¹⁵⁴ В эти годы в районы северной Норвегии шла активная колонизация, из-за чего и участились столкновения между лопарями и приходящими норвежцами, которые занимали рыбные тони.¹⁵⁵ Переговоры по данному вопросу стали достоянием гласности. В 1913 году газеты "Вечернее время" и "Новое время" сообщили о распродаже русских территорий: уступке прав на пазрецкие и ровдинские тони и сдаче в долгосрочную аренду водопада около храма Бориса и Глеба.¹⁵⁶ В 1914 году газета "Архангельск", ссылаясь на "Новое время", снова подняла вопрос о российско-норвежских пограничных отношениях.¹⁵⁷

I мировая война значительно подорвала поморско-норвежскую торговлю. В 1915 году министерство финансов "не нашло возможным разрешить вывоз продовольственных

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ ГААО, ф. 1, оп. 8, т.1, д.1278.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Репневский А.В. СССР-Норвегия: экономические отношения межвоенного двадцатилетия. – Архангельск. – 1998.

¹⁵² ГААО, ф. 71, оп. 4, д. 692, л. 10.

¹⁵³ Там же, л. 10об.

¹⁵⁴ Там же, л. 11.

¹⁵⁵ Там же, л. 30.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Более подробно см. Пересадило Р.В. Российско-норвежские отношения в материалах Государственного архива Архангельской области// Русский Север в документах архива. – Архангельск, 1998.

товаров из пределов Архангельской губернии в Норвегию".¹⁵⁸ С Мурманна на продажу разрешили вывозить только оленины рога. Россия стояла на пороге политических потрясений, менялась и Норвегия, получившая самостоятельность в 1905 году. После I мировой войны российские консульства в том виде, в каком они действовали в Норвегии на протяжении XIX – начале XX вв., перестали существовать. Новые представительства Советской России занимались помимо прочего и защитой торговых интересов государства. Прекратилась, прежде всего, их самостоятельная экономическая деятельность. Этот факт очень ярко отражал изменения, произошедшие в экономических отношениях двух стран.

Ruslan Peresadilo: Den økonomiske virksomheten ved russiske konsulater i Norge rundt forrige århundreskifte

Inntil i dag har historieskrivningen om de norsk-russiske økonomiske forbindelsene rundt århundreskiftet vært begrenset til byttehandel, og mange sider ved de offisielle instansenes næringsvirksomhet har unnsloppet forskernes oppmerksomhet. Et eksempel på tette økonomiske forbindelser mellom Norge og Russland er firmaet "M.W. Holmboe & søn". Firmaet ble grunnlagt av Mikael Wilde Holmboe, som i 1846 satte sin sønn Konrad til å lede firmaet. Omtrent på denne tiden får Holmboe & søn en helt sentral rolle i Tromsøs næringsliv. Konrad Holmboe var russisk visekonsul i Tromsø, samtidig som han styrte sitt eget firma og handlet aktivt med Russland.

"Holmboe & søn" drev sin virksomhet på mange områder. Foruten handelshusets rene handelsoptasjoner, salg av fisk til Nord-Russland og kjøp av russisk mel, som var den vanligste form for handel mellom Norge og Russland i denne perioden, var Holmboe & søn også bank. Russiske handelsmenn henvendte seg stadig til den russiske visekonsulen om penger til handelsoptasjoner. Ved finansielle oppgjør mellom russiske fiskeoppkjøpere og handelshuset ble det ofte benyttet utenlandske banker, som Hamburg Bank. Eiere av lasteskip benyttet seg også av Holmboes tjenester i form av verftsleie og skipsreparasjoner. I vanskelige saker opptrådte visekonsulen som tillitsmann for russiske kapteiner. Videre drev Holmboe med oppkjøp av varer i Russland, da først og fremst trevirke.

Første verdenskrig satte i stor grad en stopper for handelen mellom pomorer og nordmenn. Russland sto på terskelen til politiske rystelser. Også Norge var i forandring etter å ha fått sin selvstendighet i 1905. De økonomiske forbindelsene mellom de to landene gikk inn i en ny fase.

Станислав Рогинский: Торгово-экономические отношения между Россией и Норвегией в XIX в.- начале XX века

Исследование русско-норвежских торговых отношений в XIX – начале XX века заслуживает пристального внимания, поскольку демонстрирует пример активного сотрудничества между нашими двумя странами. В то время как торговля между СССР и Норвегией в послереволюционное время стала предметом обстоятельного исследования, то экономические отношения между нашими странами за исключением "поморской" торговли остаются неизученными, несмотря на то, что в российских архивах (Архангельск, Москва, Санкт-Петербург) имеется большое количество материалов, еще не введенных в научный оборот. Неисследованной остается деятельность российских генеральных консулов, консулов и вице-консулов в различных городах Норвегии, по донесениям которых можно было бы сделать вывод о характере экономических отношений между нашими странами.

Нужно отметить также малое число исследователей, занимавшихся данной проблемой в обеих странах. При этом основное внимание в этих работах уделялось т.н. "поморской" русско-норвежской торговле. Разработка данной темы привлекала тех немногих исследователей из Норвегии и России, которые занимались вопросами русско-норвежских

¹⁵⁸ ГААО, ф. 1, оп. 4, т. 5, д. 1385, л. 384.

экономических связей. Среди российских ученых наибольшую известность получили статьи исследователя из Санкт-Петербурга Т.А. Шрадер (Алимовой) "О торговле русских поморов с Северной Норвегией на рубеже XVIII- XIX веков" и "Русская крестьянская поморская торговля с Северной Норвегией (первое десятилетие XIX века)"¹⁵⁹. Со стороны Норвегии нужно выделить работы о взглядах русских и норвежцев на поморскую торговлю Э. Ниemi и П.Саариниemi¹⁶⁰. Необходимо выделить и отдельные монографии, посвященные русско-норвежским отношениям на Севере, шведского историка С. Крафта¹⁶¹. Видный норвежский историк Якоб Вурм-Мюллер еще в 1918 г. отметил жизненно важную роль поставок хлеба из российского Поморья в Северную Норвегию в 1807 – 1810 гг., когда Норвегия оказалась поставлена на грань голодной катастрофы из-за присоединения Дании к Наполеону и к континентальной блокаде¹⁶².

Говоря о торговых связях между нашими странами, нужно выделить тот аспект, что помимо общих торговых связей между ними, особую роль играла региональная, т. н. "поморская торговля". Приоритетными товарами норвежско-русской торговли были хлеб и рыба.

Для начала, необходимо сказать, что торговля на Севере между Россией и Норвегией стала развиваться еще в XVIII в. Эти отношения претерпели эволюцию от запрета к поощрению. В 1795 г. датский король подписал указ о беспошлинной торговле между провинцией Финмаркен и Северными русскими губерниями. С этого времени и вплоть до революции 1917 г. обрели стабильный характер.

Вплоть до 1817 г., когда был заключен всеобъемлющий торговый договор между Россией и Швецией-Норвегией торговые связи носили в основном региональный характер. Расширение "поморской торговли" произошло в 1807 – 1810 гг., когда северные провинции Норвегии оказались под угрозой голода, поскольку война против Англии повлекла за собой блокаду норвежского побережья, вызвавшую острый дефицит продовольствия и, прежде всего, хлеба. Снабжение Норвегии российским хлебом было единственной возможностью ослабить действие английской блокады. Для Норвегии было сделано исключение даже в тот период, когда вывоз хлеба за пределы России запрещался¹⁶³. Датский посланник Бломе провел переговоры с различными русскими купцами о поставках ржи для Норвегии. Так, торговый дом Попова обязался доставить в Норвегию 50.000 четвертей ржи, что сказалось на лучшем обеспечении северных провинций Норвегии. В условиях европейской войны российский хлеб оказался средством, позволившим обеспечить Северной Норвегии защиту от угрозы голода.

В 1808-1809 гг., когда Дания-Норвегия и Россия являлись союзниками в борьбе против Швеции и Англии, русские активно поставляли вооружение для обороны Норвегии, поскольку из Дании доставка оружия была невозможна, вследствие английской блокады

¹⁵⁹ Алимова (Шрадер) Т.А. (Ленинград) Русская крестьянская поморская торговля с Северной Норвегией (первое десятилетие XIX века). // Скандинавский сборник. Вып.22. Таллинн. 1977. С.45-53. Алимова (Шрадер) Т.А. (Ленинград) О торговле русских поморов с Северной Норвегией на рубеже XVIII- XIX веков. // Скандинавский сборник. Вып.26. Таллинн. 1981. С.73-84.

¹⁶⁰ Ниemi Э. Поморская торговля глазами норвежцев. // Оттар. Научно-популярный журнал Музея г.Трумсе. N 192. 1992. Норвегия и Россия на севере. С.15-23. Саариниemi П. Поморская торговля глазами русских. // Оттар. Научно-популярный журнал Музея г.Трумсе. N 192. 1992. Норвегия и Россия на севере. С.47-53.

¹⁶¹ Kraft S. Nord-Norge i de förenade konungarikernas handelstraktater med Russland. Stockholm. Lund.1954. Kraft S. Pomorhandelen på Nordnorge under 1800 – talets förra hälft. Tromsø. 1968.

¹⁶² Worm-Müller, Jacob S. Norge gjennom Nødsaaene. Den norske Regjeringskommission. 1807-10. Kristiania. 1918. S.188-196.

¹⁶³ Алимова (Шрадер) Т.А. Торговые связи русского Поморья с Северной Норвегией. (конец XVIII-начало XX вв.)// Автореферат канд. диссертации. Л. 1985

датского и норвежского побережья. Просьба датского правительства продать 3000 пудов ружейного и пушечного пороха, 60 пудов свинца, 1000 ружей и 100 тыс. ружейных и пистолетных кремней, предназначенных для обороны Норвегии была рассмотрена и удовлетворена. Помимо отправленных в Норвегию в начале 1808 г. 3 тыс. пудов и 60 пудов свинца, русское правительство в августе-сентябре 1808 г. дало разрешение на продажу датскому правительству 400 штуцеров и 100 тыс. кремней. В марте 1809 г. была также удовлетворена просьба Бломе о продаже датскому правительству еще 3 тыс. пудов пороха.

В 1810-1811 гг. Александр I подписал ряд указов о беспошлинном ввозе норвежской рыбы в Беломорский край. Таким образом, поморская торговля оказалась важным инструментом в отношениях между Россией и Норвегией и служила выгодным предприятием для предпринимателей обеих стран. После перехода Норвегии к унии со Швецией важным вопросом двухсторонних отношений между объединенными королевствами и Россией стало упорядочивание и развитие торговых связей между ними. Кроме того, Швеция уже имела аналогичный договор с Россией, однако он значительно устарел вследствие произошедших геополитических изменений. Развитию двусторонних связей способствовало заключение в 1817 г. торгового договора, согласно которому Норвегия получила возможность ввозить в Россию рыбу с уплатой половинной пошлины через порты Балтийского моря, а российская свободная торговля была разрешена в течение одного месяца в городах Северной Норвегии и по 15 дней в других частях страны. Норвегия получила право вывоза по Белому морю 25 тыс. четвертей зерна с уплатой пошлины лишь за 5 тыс. четвертей, а кроме того Россия снизила в два раза пошлину на норвежский китовый жир.

Договор о торговле способствовал росту народнохозяйственных связей между Россией и Норвегией и в Балтийском море. С этого времени из различных норвежских портов (Берген, Ставангер, Кристиансанн и др.) в города России и Великого княжества Финляндского ежегодно отправлялось значительное количество судов с норвежской рыбой. Так ввоз соленой сельди с 1817 по 1830 гг. из Норвегии в Россию вырос с 40 до 119 тыс. бочек¹⁶⁴.

Интересен момент, связанный с желанием части населения г. Кристиансанн перейти в российское подданство, о чем писал в МИД России известный норвежский купец, а по совместительству русский консул в этом городе Кристиан Стевен (Штевен). По его идее Россия должна была взять на себя выплату 2 млн. риксдалеров "датского долга", а взамен получить Кристиансанн. Это предложение осталось без ответа, поскольку правительство Российской империи сочло его полностью абсурдным, поскольку его принятие привело бы к возобновлению былой вражды со Швецией, и присоединившейся к ней Норвегией.

Нужно отметить тот факт, что норвежские предприниматели остались недовольны торговым договором 1817 г., поскольку, по их мнению, этот договор был более выгоден для России, нежели для Норвегии, поскольку пошлины на ввоз рыбы оставались высокими и Северная Норвегия фактически стала представлять собой зону свободной торговли для российских купцов. Норвежские предприниматели настаивали на его пересмотре, чтобы обеспечить рынки сбыта на севере Норвегии для норвежских предпринимателей из других частей страны.

В 1828 г. между Россией и Норвегией был заключен новый договор, который предоставил существенные льготы норвежской стороне. Этому трактату предшествовала закулисная борьба внутри Соединенного королевства, поскольку шведы добивались сохранения русской торговли на севере Норвегии взамен на торговые льготы в Прибалтике и Финляндии. После заключения этого договора норвежский Стортинг взял на себя процесс юридического обеспечения торговли на севере, что соответствовало чаяниям норвежских предпринимателей.

¹⁶⁴ История Норвегии. М. Наука. 1980. С.273.

Трактат 1834 г. давал русским право свободной торговли во всех трех северных частях Норвегии, в том числе в Сеньене и Тромсе. В обмен на это российское правительство снизило пошлину на ввоз норвежской соленой рыбы. В гавани Балтийского моря пошлины были снижены с 7 до 5 копеек с пуда. После заключения договора вывоз рыбы из Норвегии в Россию значительно увеличился. Однако в 1838 г. по договору между Россией и Норвегией о торговле, судоходстве и дружбе, россияне лишились права свободной торговли в Сеньене и Тромсе, а торговля в Финмаркене должна была полностью регулироваться внутренним норвежским законодательством. Таким образом, российские позиции на норвежском рынке были ослаблены.

Однако, по сведениям российского экономиста Неболсина, занимавшегося сбором и анализом различных материалов о торговле России с зарубежными странами в середине 30-х гг. 150 больших судов и около 150 малых судов или лодок регулярно обслуживали торговые маршруты между Северной Россией и Норвегией. Тот же исследователь отмечает, что основными продуктами, экспортируемыми в Норвегию, общая стоимость которых колебалась от 500 до 700 тыс. рублей, были: мука ржаная, и отчасти пшеничная, рожь, горох, овес и овсяная крупа, пенька, смола, доски, равендук (вид ткани), парусина, канаты, свечи сальные, шкуры телячьи и конские. Россия же традиционно импортировала рыбу и шкуры на сумму 250-300 тыс. руб.¹⁶⁵

Договор 1838 г. стал основным определяющим документом, определившим характер экономических связей между Россией и Норвегией до 1917 г.

Исследованию путешествия губернатора Бука по Северной России посвящена глава из книги С. Крафта, где автор изучает отчет губернатора и делает вывод о том, основными товарами, в которых были заинтересованы русские это норвежские меха, а норвежцы – муку.

В российских дипломатических документах, посвященных положению на Севере, существовало твердое мнение о том, что торговля с Норвегией сильно оживляет северо-западную часть Архангельской губернии – край бедный и малонаселенный.

Вторая половина XIX в. вообще не является изученной, хотя в российских архивах существуют документы, которые характеризуют положение российских промышленников в Норвегии, консульские донесения, списки кораблей Норвегии и России, совершавших рейсы по Балтийскому морю и на Севере, а также товаров, находящихся на их борту. В российских архивах находятся документы о проектах прокладки Северного морского пути с участием норвежцев для обеспечения торговли Норвегии с сибирскими губерниями России.

Во второй половине XIX в. наметилось отставание экономическое российского Севера от Норвегии, где проходила активная индустриализация. В связи с этим норвежские предприниматели стали вытеснять россиян с норвежского рынка и проникать на рынок Северной России, что естественно вызывало недовольство отечественных предпринимателей.

В связи с этим была предпринята попытка пересмотра торгового договора, предпринятая министром финансов, а позднее главой российского правительства С.Ю. Витте, который в течение нескольких лет рассматривал при содействии различных российских чиновников и предпринимателей возможность заключения нового торгового соглашения с Норвегией. Однако вследствие других проблем, волновавших российскую империю, а также внутривнутриполитических конфликтов в Швеции-Норвегии, приведших в 1905 г. к расторжению унии, новый договор так и не был заключен.

Среди материалов по отношениям России и Норвегии во второй половине XIX в. можно выделить любопытный материал о приглашении норвежского правительства для российских фирм участвовать в разработке двух броненосцев. Учитывая сложность

¹⁶⁵ Неболсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб. 1850.

взаимоотношений внутри унии, не трудно представить против кого были направлены эти приготовления.

Таким образом, если охарактеризовать русско-норвежские экономические отношения, необходимо сказать о том, что они развивались весьма интенсивно, хотя и не безоблачно, о чем свидетельствуют документы, находящиеся в российских архивах (Архив внешней политики Российской Империи и др.). К сожалению, необходимо еще раз подчеркнуть тот момент, что этот вопрос представляется малоизученным как в России, так и в Норвегии. Развитие исследований данного сюжета может послужить новым направлением сотрудничества между российскими и норвежскими историками. В частности, было бы целесообразно подготовить совместную российско-норвежскую публикацию документов о российско-норвежских экономических взаимоотношениях с конца XVIII в. до начала XX в. на основе материалов российских и норвежских архивов с привлечением также архивов Дании и Швеции.

Stanislav Roginskij: Handelsforbindelser mellom Norge og Russland fra slutten av 1800-tallet til begynnelsen av 1900-tallet

Foredraget omhandler de viktigste norsk-russiske økonomiske forbindelsene på slutten av 1800-tallet og begynnelsen av 1900-tallet, herunder handelsforbindelser mellom Sør- og Vestnorge og russiske havnebyer ved Østersjøen, samt pomorhandelen. Disse forbindelsene har hittil kun fragmentarisk vært studert, og der er et klart behov for en kompleks og helhetlig forskning på disse forbindelsene.

Svein-Olaf Nilssen: Russland – et mulighetenes land? En kort oversikt over norsk økonomisk virksomhet i Russland 1890-1920

I mitt bidrag ønsker jeg kort å belyse deler av de økonomiske forbindelser mellom Norge og Russland fra 1890 og frem til de nye kommunistiske makthavernes etablering av Sovjetunionen rundt 1920-21. Jeg vil først og fremst se nærmere på den norske økonomiske virksomheten som fant sted innenfor Russlands grenser. Datidens russiske imperium omfattet langt mer enn det nåværende Russland, men i denne artikkelen lar jeg "Russland" referere til de delene av imperiet som i dag utgjør Russland.

Ulike næringsaktører, det være seg bedrifter eller individuelle aktører, som opererer utenfor sin nasjons grenser kan bearbeide det fremmede landets marked på ulike måter. En måte er tradisjonell vareeksport; salg av innenlandske varer av ulik bearbeidelsesgrad til et annet land. En annen mulighet er å etablere seg i det andre landet og bearbeide markedet fra innsiden. Det kan etableres industribedrifter eller kommersielle selskaper, for eksempel firma som distribuerer eksportvarene fra hjemlandet. Eller det kan være selskaper som administrerer import av varer til hjemlandet, eller selskap som sysler med annen slags tjenesteproduksjon i et annet land. I denne artikkelen vil jeg se nærmere på norsk økonomisk virksomhet i Russland frem til 1920 ved å ta for meg den type virksomhet som avviker fra tradisjonell vareeksport.

Man bør ikke se tradisjonell eksport og bedriftsetableringer utenlands som adskilte fenomener. Dette er ulike måter å bearbeide et utenlandsmarked på, og vi kan se en klar sammenheng mellom disse. Den amerikanske historikeren Fred V. Carstensen har vist at lang erfaring med eksport til Russland etter hvert førte til etablering av et salgsapparat i landet for distribusjon og salg av importprodukter og etter hvert også industriell produksjon i Russland. Hans studier er basert på amerikanske selskaper i Russland, men denne teorien er interessant også i vårt

tilfelle¹⁶⁶. Etter århundrer med handel med Russland hadde deler av norsk næringsliv god kjennskap til det russiske markedet. Dette kan ha bidratt til at nordmenn valgte også andre former for deltakelse i det russiske markedet. Norge hadde for eksempel lange tradisjoner for eksport av saltet sild til Russland, og etter hvert åpnet nordmenn importagenturer for sild i viktige russiske havner. Norge ble etter hvert til dels avhengig av trelastimport fra Russland til vår hjemlige skogbruksindustri og for andre typer bruk. I mitt kildemateriale finnes eksempler på at nordmenn etablerte seg i Russland som eksportagenter for trelast, og på at de etter hvert også etablerte sagbruk i området for industriell bearbeidelse av tømmer før videre eksport¹⁶⁷.

I tillegg drev norsk skipsfart en ikke ubetydelig virksomhet rettet mot Russland. Det dukket opp norske firma i russiske havnebyer for å bistå med tjenester som skipsmegling og assurance.

Skillet mellom vareeksport på den ene siden og bedriftsetableringer, kapitalinvesteringer på den andre siden ligger i at man ikke driver med vareoverføringer men heller en slags eksport av kapital og kompetanse, det være seg teknologisk eller organisatorisk og bedriftsøkonomisk.

Fra 1890 ble Russland i økende grad gjenstand for utenlandske bedriftsetableringer, også norske. En oversikt viser at mens 26 % av kapitalen innenfor russisk industri i 1890 stammet fra utlandet, så var tallet i 1900 45 %. I 1915 var det tilsvarende tallet 41 %. Rundt 1890 hadde utlendinger investert for cirka 215 millioner rubler i Russland. I 1900 var beløpet 911 millioner rubler. Vi kan således fastslå at utenlandske enkeltpersoner og selskaper både investerte store beløp og etablerte et stort antall selskaper i Russland i 1890-åra¹⁶⁸. Det er i denne sammenheng vi må se den norske økonomiske virksomheten i Russland. Norsk næringsliv var ikke de eneste som fattet interesse for Russland i perioden. Jeg avslutter min gjennomgang rundt 1920 siden det var da de nye makthaverne fikk kontroll over hele det russiske territoriet. Først da kunne all utenlandsk virksomhet, herunder eiendommer, nasjonaliseres. Dette var tilfelle for norske selskaper i Arkhangelsk-området og Sibir som hadde kunnet drive sin virksomhet frem til rundt 1920 da den "hvite" motstanden brøt sammen og den russiske borgerkrigen opphørte¹⁶⁹.

Hvorfor ble Russland særlig fra 1890-årene og utover et land hvor utenlandsk næringsliv satset kapital og andre ressurser? En årsak finner vi i den russiske finanspolitikk. Ut fra et ønske om å bevare nasjonens stormaktsposisjon, og da særlig militær styrke i forhold til Vest-Europa og USA, ble mange innenfor den russiske politiske ledelse opptatt av landets økonomiske og industrielle tilbakeliggerhet i forhold til Vesten, og mente dette på sikt kunne svekke Russlands stilling politisk og militært.

Sergej Witte, russisk finansminister 1892-1903, var en av dem som så en klar sammenheng mellom et lands økonomiske og politiske styrke og mente at en omfattende økonomisk utvikling var veien å gå dersom Russland skulle beholde sin posisjon i verden¹⁷⁰.

¹⁶⁶ Fred V. Carstensen: "American Multinational Corporations in Imperial Russia: Chapters on Foreign Enterprise and Russian Economic Development" i *Journal of Economic History*, volume 37, issue 1, 1977.

¹⁶⁷ Nordmennene Olsen og Stampe startet allerede i 1883 oppkjøp av tømmer for eksport fra Nord-Russland og etablerte et sagbruk i Nord-Russland rundt 1900. Det samme gjorde J. Lund og Fredrik Prytz. Norske bedrifter av ulike slag er beskrevet i *Konsulatberetninger og Norges Eksportkalende* fra perioden. Se: Jørgen Bjørklund: "From the gulf og Bothnia to the White Sea." i *Scandinavian economic history review* 1984:1. Francis Sejersted: "Veien mot øst" i Langholm og Sejersted (red) *Vandringers festskrift til Ingrid Semmingsen*. 1980.

¹⁶⁸ Tallene er hentet fra M.E. Falkus: *The industrialization of Russia 1700-1914*. Om utenlandsk kapital i Russland finnes en omfattende mengde litteratur.

¹⁶⁹ Se for eksempel Jonas Lied: *En sjøvei blir til*. 1958. Jørgen Sølverud: *Spekulanter i jobbetid*. En analyse med basis i aksjetegnerne i selskapet Russian Forest Industry LTD. Hovedoppgave i historie Oslo 1992.

¹⁷⁰ Se for eksempel W.E. Mosse: *Perestrojka under the tsars*. 1992.

Witte så at Russland led under mangel på tilgjengelig kapital, samt teknologisk og bedriftsøkonomisk kompetanse. Mange historikere har pekt på landets mangel på industrielt og annet forretningsmessig entreprenørskap. Wittes løsning ble utlandet. Gjennom utenlandsk kapital og "know-how" skulle russisk næringsliv, særlig industrien, utvikles. To viktige faktorer ved Wittes politikk, beskyttelsestoll og gullrube, hadde gunstig virkning på kapitaltilgangen fra utlandet. Russland hadde tradisjoner for utstrakt bruk av toll, særlig i fiskal henseende, som et middel for å sikre statskassen inntekter. Nå ble tollene mer aktivt og målrettet tatt i bruk for å oppmuntre til økonomisk utvikling. Gjennom bruk av beskyttelsestoll, prohibitiv, skulle den innenlandske industriproduksjonen beskyttes mot konkurranse utenfra. Den andre viktige faktoren var en stabil valuta. Dette ble sett som viktig, ikke minst for å signalisere til utlandet at russisk økonomi var sunn. Ved å knytte rubelen opp mot gullstandarden i 1897, ble valutakursen mer stabil og rubelen konvertibel.

De høye tollsatsene medførte at mange utenlandske næringslivsfolk så det som mer gunstig å investere og etablere foretak i Russland enn å drive eksport til landet. På denne måten unngikk man toll samtidig som de foretak man etablerte i Russland ble beskyttet mot konkurranse utenfra gjennom tollbarrieren. Likeledes bidro en stabil og konvertibel rubel til at utlendinger så sin kapital som tryggere enn før, og konvertibiliteten gjorde kapitaltransaksjoner enklere enn før¹⁷¹.

Det finnes også andre årsaker til høye utenlandske investeringer. En av dem var mulighet for relativt høy fortjeneste. Gjennom innføring av avansert teknologi og en kompetanse overlegen russernes egen kunne man oppnå gode produksjonsbetingelser. Ser vi dette sammen med unngåelse av toll, blir bildet enda gunstigere. Russland hadde dessuten enorme råvaremengder i skog, olje og mineraler. Disse var ofte uutnyttede, siden russerne selv verken hadde det nødvendige kapital eller teknologi for å kunne utnytte dem. Ved å få tilgang til disse ressursene kunne man drive produksjon i stor stil. I tillegg ville man slippe de fraktkostnader man ville hatt dersom råvarene skulle blitt eksportert ut av Russland til Europa for produksjon. I tillegg utgjorde den russiske staten en enorm kunde, særlig for jernindustrien, gjennom store bestillinger til militæret og storstilte jernbaneutbygginger.

Det er vanskelig å si sikkert hvor stort det norske økonomiske engasjementet i Russland egentlig var før revolusjonen. Ikke minst er en kilde til usikkerhet at de fleste arkiver etter norske virksomheter i Russland gikk tapt som følge av revolusjonen. Få nordmenn fikk med seg arkivene ut av landet da de måtte flykte i årene 1917-20, og det er i liten grad bevart materiale som kan gi klare dokumentasjoner av driften. Dette gjelder for eksempel regnskaper som kunne gitt et bilde av de ulike virksomheters økonomiske utvikling¹⁷². Det er allikevel mulig å gi en oversikt over norske selskaper i Russland i perioden 1890-1920.

For å danne oss et bilde av omfanget av den norske virksomheten i Russland før revolusjonen rent kapitalmessig, kan vi starte med å se nærmere på nasjonaliseringen og annen ekspropriasjon av utenlandsk næringseiendom som fant sted i årene 1917-20. Francis Sejersted sier i "Veien mot øst" at det etter revolusjonen ble fremsatt erstatningskrav overfor det nye regimet i Russland på til sammen rundt 215 millioner kroner av ulike norske interessenter, fordelt på 250 enkeltkrav. Dette var etter datidens pengeverdier betydelige krav. Sejersted påpeker at det i ettertid kan være vanskelig å vurdere riktigheten eller realismen i kravene¹⁷³.

Hva bestod så disse kravene i? Nicolai Rygg har i sitt verk om Norges Banks historie kommet opp med tall som viser at totalt anmeldte krav i juni 1920 utgjorde 200 millioner kroner. Av disse

¹⁷¹ Se for eksempel: Mosse 1992. John P. McKay: *Pioneers for profit: foreign entrepreneurship and russian industrialisation 1885-1913*. 1970.

¹⁷² Det er skrevet tre hovedoppgaver om norske selskaper i Russland. Disse er: Yngve Nilsen: *Mange bekker små gjør en stor å. Treforedlingsbedriften A/S Dubrovkas etablering og vekst*. Oslo 1995. Jørgen Sølverud: se note 4. Christen Mordal: *Den nordlige sjørute til Sibir ca 1870-1917. Et russisk perspektiv*. Tromsø 1997.

¹⁷³ Francis Sejersted: "Veien mot øst" i Langholm og Sejersted: *Vandringers festskrift til Ingrid Semmingsen*. 1980.

utgjorde faste eiendommer, altså selve nasjonaliseringen, rundt 100 millioner kroner. Andre store kravtilgodehavender var banktilgodehavender med 45 millioner kroner, og verdipapirer med 26 millioner kroner. Senere ble det i 1923/24 nedsatt en statlig oppnevnt kommisjon for å vurdere gyldigheten i kravene, dette i forbindelse med eventuelle erstatningssøksmål overfor de nye makthaverne i Russland. Av kommisjonen ble til sammen krav på 127 millioner kroner anerkjent som gyldige¹⁷⁴.

Jeg vil nå se litt nærmere på den norske virksomheten i Russland innenfor det før nevnte tidsrom. Min fremstilling bygger både på sekundærlitteratur og primærkilder.¹⁷⁵ Jeg vil forsøke å gi en mest mulig kortfattet oversikt over norske virksomheter i Russland. Jeg vil vise til forhold som når virksomheter ble etablert, hvor lenge de var i virke, hvor i Russland de var lokalisert, og hvilke bransjer eller næringsgrener de representerte: industri, handel eller annen tjenesteproduksjon.

Hva slags selskaper i Russland kan vi så betrakte som norske? Man kan her tenke seg et kontinuum hvor man i den ene enden har helt ut norskeide selskaper hvor nordmenn også sto for den daglige ledelse i Russland. I den andre enden har man selskaper der nordmenn hadde visse eierandeler i selskaper som var etablert og drevet av andre utlendinger eller russere. Min definisjon av norsk selskap er dermed "et visst innslag av norsk eierskap".

Perioden 1890-1900

I denne perioden fantes det i alt seks norske virksomheter i Russland. Den eldste av disse, en assuranceagent og ekspeditør i Kronstadt nær St. Petersburg, var etablert så tidlig som i 1850. Ellers fantes det to norske firma i St. Petersburg. De tre siste selskapene fra denne perioden befant seg i Arkhangelsk guvernement, to i selve byen Arkhangelsk og et lengre øst ved byen Petsjora.

Fem av selskapene drev innenfor handels- eller servicenæringer med tømmerinnkjøp og trelasteksport, agenturvirksomhet og skipsmegling, dampskipsagentvirksomhet og ekspedisjonsvirksomhet for skipsfart. En var dessuten stedlig Veritas-agent. Virksomhetene er altså ganske varierte, men alle er knyttet til trelasteksport og servicevirksomhet for skipsfarten.

I denne perioden finner vi også det første eksemplet på norsk industrivirksomhet i Russland. I byen Petsjora ble to sagbruk etablert og drevet av nordmennene Olsen og Stampe.

I 1890 var det tre norske selskaper, mens det i år 1900 var fem. Et selskap hadde en kortere funksjonstid og avsluttet sin virksomhet i 1897¹⁷⁶.

¹⁷⁴ Sejersted 1980. Nicolai Rygg *Norges Banks historie bind 2*. 1954. S.541. Vi kan her kort beskrive gangen i erstatningskravssakene: Våren 1918 opprettet nordmenn som hadde mistet næringsverdier i Russland på grunn av revolusjonen et Sentralkontor for norske interesser i Russland. På en styreforsamling i Sentralkontoret i juni 1920 ble beløpet 200 millioner kroner referert som antatte innmeldte krav. Før norske myndigheter kunne gå videre med eventuelle erstatningskrav overfor de nye makthaverne i Sovjetunionen, måtte disse kravets gyldighet prøves. I april 1919 nedsatte utenriksdepartementet en kommisjon for å etterprøve kravene. Kommisjonen anerkjente krav på cirka 127 millioner norske gullkroner i sine innstillinger i 1923 og 1924. Dette tilsvarer mer i løpende kroner.

¹⁷⁵ Sekundærkilder: Sejersted 1980. De tre hovedoppgaver referert til i note 7. Bjørklund referert til i note 2. Rygg se note 9. Sune Jungar: *Skandinaviske foretag i Sovjetunionen. Sovjetisk koncessionspolitikk på 1920-tallet*. Åbo 1974.

Angående andre kilder: *Norges Eksportkalender*. Første utgave kom i 1904, siste i 1919. Utgitt av Norges opplysningskontor for næringsveiene. Et direktorat underlagt utenriksdepartementet. *Konsulatberetninger*. Trykte utgaver 1899-1917. I tillegg arkivmateriale fra indredepartementet, handelsdepartementet og utenriksdepartementet.

¹⁷⁶ For kildehenvisninger se note 9.

Tidsrommet 1901-1910

I denne perioden fantes det til sammen 22 virksomheter med norske eierinteresser. I fem av disse var nordmenn medeiere i andre utlendingers selskaper. I et tilfelle kom en russer inn som partner i en nordmanns sagbruk. For å danne oss et bilde av veksten i denne tiårsperioden kan vi trekke ut enkeltår. 1904: sju virksomheter, 1907: 13, ved utgangen av 1910: 17 virksomheter. Samtidig ser vi at noen norske firmaer i perioden også måtte legge ned sin virksomhet.

Den geografiske spredningen av norske virksomheter ble større i denne perioden. Som i forrige tiårsperiode er Arkhangelsk, Petsjora og St. Petersburg/Kronstadt områder med norske firma, men nye områder kommer til. I Moskva etableres en agenturvirksomhet, i Kotlas i Arkhangelsk guvernement etableres et sagbruk, og i den sør-russiske havnebyen Novorossisk går Oscar Geelmuyden inn som medeier i et utenlandsk eksportfirma. Antallsmessig dominerer fortsatt St. Petersburg-området og Arkhangelsk guvernement. Dette har nok sammenheng med nærhet til Norge. Disse områdene hadde regelmessige skipsforbindelser til Norge. Dette er de områdene der nordmenn tradisjonelt har hatt mest økonomisk samkvem med Russland. Over Østersjøen foregikk den tradisjonelle norske sildeeksporten og norsk import av korn og trelast. Arkhangelsk-området var eksportmarked for nordnorsk fisk. Herfra ble det også importert trelast til Norge, og nordmenn hadde i mange år drevet som agenter for denne virksomheten.

Fire norske foretak drev med industriell bearbeidelse av råvarer i Russland. Alle fire var sagbruk i Arkhangelsk guvernement. De resterende 18 virksomhetene drev innenfor handels- og tjenestebaserte næringer. Her dominerer firma knyttet opp mot skipsfart. Det fantes også flere eksportagenturer, særlig for trelast og tømmer. Vi kan finne at nordmenn fungerte som importagenter for norsk sild hit, altså som et ledd i distribusjon av norske varer inn i landet. Vi kan også finne to litt uvante tjenesteprodusenter. Nordmannen L. Wilhelmsen er medeier i et arkitektkontor i St. Petersburg, og en annen nordmann er medeier i et konsulentbyrå, det sies ikke noe om hvilken type konsulenttjenester (se note 9).

Perioden fra 1911 og utover

Francis Sejersted (1980) peker på to store norske etableringsbølger i Russland. En omkring 1910 og en under den første verdenskrigs spekulasjonsboom. I årene fra 1911 til 1916/17 ser vi en kraftig vekst i antall norske selskaper i Russland. Til sammen har jeg funnet 52 helt eller delvis norske firma. Seks er ikke helt norsk eide, tre av disse er eid sammen med russere. Alle disse tre befinner seg interessant nok i Arkhangelsk guvernement. Om dette betyr at man i sterkere grad her enn ellers samarbeidet med utlendinger, er dog vanskelig å si noe om.

I 1913 fantes det altså 26 selskaper med norske eierinteresser, i 1915 rundt 34, og i 1917 rundt 45. Igjen ser vi at enkelte selskaper underveis "legger inn årene".

Nordmenn etablerer seg i denne perioden i nye geografiske områder, som Onega og Murmankysten i Arkhangelsk guvernement¹⁷⁷. I Onega etableres to sagbruk. På kysten av Kola-halvøya eksporterer en nordmann flere produkter, samt driver salg av fiskeredskaper. I Krasnojarsk i Sibir etablerer Jonas Lied og hans partnere i 1912 et kontor for The Siberian Steamship and Manufacturing Company. Dette var et av de største norske engasjementer i Russland. Selskapet drev med transport av varer på de sibirske elvene Ob og Jenisej, samt eksport og import over Karahavet. Videre etablerte man et sagbruk ved Jenisej i 1916, og syslet med planer om å starte en hermetikkfabrikk her¹⁷⁸. Videre etablerte en nordmann seg som agent

¹⁷⁷ I forbindelse med Murmankysten vil jeg også få nevne de norske kolonistene som slo seg ned som fiskere og kjøpmenn fra 1860-åra. Det er nok rimelig å anta at de to norske firma drevet av enkeltpersoner var drevet av norske kolonister. Samtidig fantes det flere. Hvorvidt deres virksomhet kunne karakteriseres som firma i eksportkalenderen er en annen sak. Mange av disse tok også russisk statsborgerskap. Jeg vil i min hovedoppgave komme nærmere inn på de norske kolonisters virksomhet i Russland.

¹⁷⁸ Se spesielt Mordal, note 7. Jonas Lied: *En sjøvei blir til og Over de høye fjelde*.

i byen Rostov ved Don, dog kun med et par års drift av virksomheten. Også antallet norske virksomheter i St. Petersburg, Moskva og Arkhangelsk øker i disse årene.

Bransjemessig finnes det innenfor perioden ti industrielle virksomheter. Alle er sagbruk bortsett fra A/S Dubrovka som driver papir- og cellulosefabrikk. Alle er altså fortsatt innenfor skogbruksindustri, men nå drives også mer avansert foredling av russiske skogressurser. Sejersted (1980) regner dette som det betydeligste norske foretaket i Russland. Jeg vil ellers vise til Yngve Nilsens hovedoppgave om bedriften (note 7).

Når det gjelder tjenesteytende virksomhet er den generelle trenden som før: Vi finner eksport av russiske varer, mest trelast, og import av norske varer, særlig sild og fisk, samt virksomhet knyttet opp mot skipsfart, som skipsmegling. Dette er områder hvor nordmenn tradisjonelt har erfaring og kompetanse. Det samme gjelder skogbruksindustri. I tillegg får vi noen nye kategorier: I 1915 etablerer Bennetts reisebyrå en avdeling i St. Petersburg, og i Moskva driver Marie Larsen med fargetrykking og annen fargelegging.

Størrelsesmessig må vi vel kunne si at de fleste norske firma i Russland var mindre enkelt- og tomannsforetak.

Свейн-Улав Нильссен: Россия – страна возможностей. Краткий обзор норвежской деловой активности в России в 1890-1920 гг.

В период около 1890 г. и позднее иностранный капитал и с ним иностранные предприниматели проторили дорогу на российский рынок. Постепенно они стали важным элементом российского народнохозяйственного комплекса и внесли значительный вклад в российскую экономику, главным образом, в индустрию. И норвежский бизнес принял участие в этом процессе – представленный как компаниями, так и частными лицами. В начале моей статьи я вкратце рассматриваю некоторые возможные причины того, почему международные интересы – включая норвежские – делали ставку капиталом и в других формах – например, технологиями, передачей предпринимательской экономической компетенции - в России с 1890 г. и до Октябрьской революции 1917 года. Далее я делаю обзор учреждению норвежских предприятий в России с уделением особого внимания времени создания этих предприятий, их количеству, отраслям и географическому местоположению.

Представление о масштабе норвежского экономического присутствия на российском рынке может быть получено рассмотрением заявленных размеров убытков, понесенных норвежскими предпринимателями вследствие Октябрьской революции и национализации иностранных предприятий и прочей иностранной собственности в 1917 – 1920-х гг. Указываемые здесь суммы варьируют в пределах между 127 и 215 миллионами норвежских крон.

В период с 1890 г. и до начала нового века в России в общей сложности было 6 норвежских компаний. С 1901 до 1910 мною было обнаружено 22 предприятия. Именно в последовавшие за 1910-м годы произошел значительный рост норвежского участия в России. В период с 1911 и до 1917 года я зарегистрировал 52 норвежские фирмы в России. Таким образом, мы наблюдаем очевидный ежегодный прирост с 1890 года и далее.

Ola Sæther: Brobyggere i et grenseland. Kolonistfamilien Eriksen på Kildin

Nybyggere og brobyggere i grenseland mellom vest og øst, mellom Norge og Russland i nord. Slik kan vi se på de norske kolonistene på den russiske Murmankysten fram mot første verdenskrig. Av disse norske kolonistene vil jeg presentere familien Eriksen, utvandrere fra Skjerstad i Nordland som ble fastboende på øya Kildin i tre slektsledd gjennom nesten 60 år.

Historien om de norske kolonistene begynner egentlig i 1858. Da søkte syv norske familier gjennom den russiske konsul i Finnmark om tillatelse til å bosette seg på russisk side for å drive

fiske og jordbruk. Søknadene utløste et statlig russisk prosjekt for kolonisering av Murmankysten. Kysten ble hvert år besøkt av et stort antall sesongfiskere fra Kvitsjøen, men dette grenseområdet mot Norge var ennå uten fast bosetning. Som de russiske prosjektmakerne så det ville norske kystbønder klare seg godt som nybyggere på Ishavskysten. De kunne innføre nye metoder i fisket og bli forbilder for russiske bønder og fiskere. I 1860 kom en keiserlig forordning som tillot nordmenn å bosette seg her som kolonister hvis de tok russisk statsborgerskap. I 1868 og 1876 ble ordningen utvidet ved at det ble ydet omfattende etableringsstøtte og særrettigheter til kolonistene, russiske statsborgere så vel som utlendinger. Kolonistene fikk bl.a. rett til tollfri innførsel av varer fra utlandet for salg i koloniene, fritt land til hus og gårdsbruk, etableringslån og kontantstøtte, fritak for skatter, avgifter og militærtjeneste, rett til fiske, jakt og fangst til lands og til vanns, og rett til å føre korrespondanse med russiske myndigheter på sitt morsmål. Vi kan også ta med et forhold som ikke var med i noen forordning: Grensa var åpen, ferdsele var fri og i praksis uten kontroll.

Før første verdenskrig var kolonistbefolkningen på Murman vokst til bortimot 3000, en flerspråklig og flerkulturell befolkning av nordmenn, samer, finner, kareler, russere, og andre. Kolonistene bodde sammen i kolonier og fiskevær, ortodokse kareler og russere på Østmurman, men også i Titovka, Petsjenga og russisk Pasvik. Lutheranerne, finner, samer og nordmenn, var enerådende på Fiskerhalvøya med Tsyp Navolok som den største norske bosetningen. Grenselandet dannet en funksjonell region mellom Vardø/Hammerfest i vest og Kvitsjøen i øst. En bru mellom vest og øst, mellom vidt forskjellige samfunn og tradisjoner, og med kolonistene som brobyggere.

Ved revolusjonen i 1917 gikk koloniene på Murman over i historien, og krigen 1939-45 utsløt de sivile bygdene på Vestmurman. De ble ikke gjenoppbygget. De norskættede som overlevde krigsåra ble spredt for alle vinder. Det er disse etterkommerne av norske kolonister som i dag kalles kolanordmenn.

Utvandrerne fra Breivika i Salten

Jeg vil presentere en av de norske kolonistfamiliene på Murman, familien Eriksen på øya Kildin øst for Kolafjorden. Utvandrerne var en ung familie som tok utflytting fra Breivik i Salten i 1867: Johan Peder Eriksen, 25 år, kone Karoline 22 år, døtre Lina to år og Louise seks måneder. Beretningen om disse utvandrerne og deres etterkommere er forholdsvis godt dokumentert i kildemateriale, trykte beretninger fra tida fram mot første verdenskrig, brev, fotos og informantberetninger videre fram til i dag.

Som norske kolonister på Murman er Karoline og Johan Peder Eriksen på Kildin både typiske og spesielle. Typiske på den måten at de var unge folk fra ei kystbygd i Nordnorge som søkte bedre kår og større armslag enn de kunne få i heimbygda. På Murman slo de seg ned helt ute ved kysten, hvor de kunne livnære seg som fiskerbønder under naturforhold og driftsmåter omtrent som der de kom fra. Familien er spesiell både ved sitt stedsvalg og ved sin flid og framgang på sitt nye hjemsted. Som mønsterkolonister på en utpost blir Eriksenfolket omtalt i innberetninger og reisebeskrivelser, og dermed mer synlige enn flertallet av de norske på Murman.

Karoline og Johan Peder og deres barn var de første norske kolonister både på Kildin og på Murman øst for Kolafjorden. På Kildin dannet de sin egen bosetning langt fra allfarveg, og var sammen med sine barn de eneste fastboende i over tretti år. De begynte bokstavelig på bar bakke, men arbeidet seg fram til solid velstand, med kombinasjon av gårdsbruk, fiskeri, handel, og gode kontakter både til Finnmarksbyene og Arkhangelsk. Neste generasjon utvidet bedriften med havgående dekkfartøier og ishavsfangst og reiste vidt, fra Midtnorge til Novaja Zemlja.

Blant pomorene og de russiske kolonistene på Østmurman var Eriksenfolket vel ansett. Kongen på Kildin kaldte pomorene Johan Peder Eriksen, barna med eldste sønn Karl Johan førte arven videre. Men så ble til gjengjeld tida etter 1917 en skikkelig nedtur for familien. Eriksenfamilien ble som de andre kolonistene på Murman del av en historie om statsvold, feilslåtte prosjekter og brutte forhåpninger.

Hvem var de og hvorfor utvandret de?

Hvorfor nettop de, som de eneste fra Breivika? Det var også en annen familie fra Skjerstad som dro til Murman. De vendte heim etter en tid, og reiste seinere til Amerika.

Johan Peder var gårdbrukersønn, født i Breivika, både faren og farfaren var så vidt jeg vet fiskerbønder. Hans kone Karoline var født på Eidsvoll, og hadde sammen med foreldrene bodd flere steder før de slo seg ned i Breivika. Mora var utdannet jordmor, og virket i Ullensaker og Folda til hun i 1853 ble tilsatt i Skjerstad.

Året Karoline og Johan Peder tok utflytting, 1867, er omtalt som det siste barkebrødsåret i Saltendistriktet. Men misveksten rammet først og fremst innlandsbygdene i Salten. Her var det nå mange som forlot sine bruk og dro til Amerika. I kystbygda Skjerstad startet utvandringa til Amerika først 20 år seinere. Kystbygdene, som hadde havet å støtte seg til, ble ikke i samme grad berørt av misveksten som innlandet. Et rikt sildefiske i disse åra skapte dessuten økonomisk oppsving i distriktet. Da Johan Peder og Karoline giftet seg i 1864 var de bare 22 og 18 år gamle. Dette var godt under gjennomsnittet for brudepar, det vanlige var at menn gifta seg når de nærma seg tretti og hadde en jordflekk å fø familien på. Men Johan Peder er oppført som "innerst", han bodde med kone og barn i sin fars hus, og uten snarlig utsikt til å overta. Faren var ennå bare 52 år. Som andre fra heimbygda har Johan Peder sikkert rodd fiske både på Lofoten og Finnmarka, blitt kjent med forholdene her, og kanskje også hørt om muligheter lenger øst. Han skal engang ha fortalt at han flyttet fra Breivika fordi han ikke så noen framtid heime. Den framtida søkte han i nord. Men i 1860-åra begynte det å bli trangt om plassen også i Østfinnmarks fiskevær, samtidig som det var kommet et nytt tilbud øst for grensa, på den folketomme men fiskerike Murmankysten.

Karoline og Johan Peder tar utflytting til Vardø i 1867, men to år seinere er familien alt bosatt øst for grensa. Det framgår av Vardø kirkebok, hvor fisker Johan Peder Eriksen og hustru Karoline, bosatt i Sebuska på den murmanske kyst, blir registrert da deres tredje datter Konstanse Amalie, blir døpt i september 1869.

Om de mellomliggende år har jeg ingen opplysninger. Hvordan reiste de, hvor lenge bodde de i Vardø? Med egen båt, eller på dekksplass med hurtigruta til Hammerfest, og så med Statens postbåt videre til Vardø? Østover fra Vardø var det ennå ingen ruteforbindelse, her måtte de ta egen båt eller leilighets-skyss de ca 40 NM over åpent hav til Fiskerhalvøya.

Sebuska

Kolonien lå på den flate og forblåste nordøstkysten av Fiskerhalvøya, inne i ei bukt noe skjermet av småøyer. Alt 1867 var det 8 norske her, 6 år seinere i 1873 var det 37, en befolkning i jevn velstand, med husdyrhold og sjøbruk, og havgående fartøy. Mange muligheter her, blant landsmenn, godt fiske like utfor støa, kort veg til Norge, gode muligheter for profitabel handel.

Men for Breivikfolket ble Sebuska likevel bare en etappe. Hvorfor flyttet de? For trangt om plassen? For værhardt? For karrig etter breivikingenens smak? I 1871 fikk Johan Peder Eriksen russisk statsborgerskap og status som kolonist. En tid etter flyttet han med familien til øya Kildin øst for Kolafjorden.

Kildin

Det er lang seilas uten skjermende skjærgård fra Sebuska til Kildin. Distanse nærmere 50 mil, det meste over åpent hav. Men Mogilnajakbukta hvor familien bosatte seg var en av de beste havner på hele Murman.

Murmans største øy, 18 km øst-vest med høyder opp til 300 meter. Trebart, men med beiteland, fuglevær og med rekved og drivtømmer. Sel å fange, og kort utror til rikt fiske i sundet og på grunnene utafør øya. Men ei øy utafør folkeskikken, med trøstesløse avstander til nærmeste naboer, 40 mil til Kola by, 20 mil østover til været Teriberka med 30 russiske sjeler. I

sommermånedene ble øya besøkt av sesongfiskere og flyttsamer, om vinteren var familien overlatt til seg sjøl.

Fra Eriksenfamiliens 16 første år på Kildin har jeg ingen sikre opplysninger, en historie gjennom 16 år som ingen lenger kjenner. Spørsmålene står i kø: hvordan klarte deg seg med å bygge hus, skaffe materialer etablere seg med husdyrhold og fiske, skaffe mat og pass til ungeskokken og seg sjøl før barna kan begynne å hjelpe til? Hvordan gikk det til at de klarte ikke bare å overleve, men endog trives og blive mangfoldige og velstående?

Først med den finske reisepastor Hinkulas fortegnelse over lutheranere på Murman 1887/88 har jeg igjen kildemateriale. På Kildin er Eriksenfamilien de eneste fastboende, barneflokket er på 11. Åtte barn, fem gutter og tre jenter er kommet til siden Konstanse Amalie ble født i Sebuska.

Etter Hinkulas besøk igjen år uten informasjon, først mot slutten av 1890-åra blir materialet rikere, trykte beretninger fra embedsmenn og forskere som besøker øya.

Og her er det bare positivt å lese om familien Eriksen. Kolonien på Kildin er blitt et mønsterbruk og forbilde for Murman, nettopp etter intensjonene til de embedsmenn som tok initiativet til norsk innvandring omkring 1860. Viseguvernør Ostrovskij skriver i 1889: "Et mønster for bygninger på Murman: Trehus i to etasjer med trapp og veranda, jernovner og mursteinsovner. Huset er varmt, familien stor og folkene friske, velvoksne og vennlige. De lever propert og velstående."

En russisk statistisk ekspedisjon som besøkte øya i 1899 gir en meget detaljert beskrivelse av dagligliv og arbeidsliv, av fiske og sjøbruk, husdyrhold og handel. Bolighus og driftsbygninger er gode og velutstyrte. Familien har både listerbåt, fembøring og 2 mindre båter. Produkter fra husdyrhold, fiske og fangst selges i Arkhangelsk og Vardø. De har eng og utslåtter, husdyrbestanden består av fem kyr, 50 rein og 18 sauer. De driver også litt handel, og selger te, sukker og annet til sesongfiskerne.

Status ved århundreskiftet

Det skulle vise seg at Eriksenfamilien ikke hadde gjort så dårlig valg ved å bosette seg på Kildin. Tida og utviklingen gikk deres veg. Allerede i 1875 var det blitt regulær dampskipsrute på kysten mellom Arkhangelsk og Vardø, i 90-åra ble seilingstida utvidet, og med ukentlige anløp. Nå kunne de handle direkte med byene, og sende fisken med rutebåten. På Vestmurman ble det vanskeligere å være norsk. Torskeinnsiget flytta seg fra Fiskerhalvøya til Østmurman, til farvatnene nær Kildin.

Russiske myndigheter var etter hvert blitt mindre velvillige til norsk innvandring. Murman var under koloniseringa i økende grad blitt økonomisk orientert mot Norge, med Vardø som nærsenter. Dessuten kunne et stort antall norske kolonister oppfattes som en trussel mot russisk herredømme i grenseområdet. I praksis ble et nå innført innvandringsstopp til Vestmurman fra Norge. Lengre øst var det ennå fritt fram for de norske og finske, og her kom det nye tilflyttere vestfra omkring århundreskiftet.

I løpet av Eriksenfamiliens tretti år på Kildin var innbyggertallet på Murman økt fra 800 til vel 2000. Tallet på norske hadde stabilisert seg, med 36 familier, anslagsvis 250 personer i 1899. Eriksen var fortsatt de eneste norske øst for Kolafjorden.

Det økonomiske liv på Murmankysten var i disse åra i stor grad orientert vestover med Finnmarksbyene som nærsentra. Den russiske stat gjorde fra 1890-åra betydelige investeringer på Murman for å bygge opp en infrastruktur med offentlige tjenester og som støtte til russiske næringsinteresser. Det ble grunnlagt en ny by, Aleksandrovska, ute i Kolafjorden, og lokaladiminstrasjonen ble overflyttet hit fra Kola by. Men problemet var fortsatt Murmankystens isolerte beliggenhet i forhold til resten av Russland.

Den engelske fugleforsker Pearson som besøkte Kildin i 1901 gir en begeistret beskrivelse av Eriksenfolkene i livet på øya, de hadde ikke hatt bruk for lege på 20 år og var alle friske og sunne. På det tidspunkt var Karoline 55 år, mannen Karl Johan 59. Men bare fem år etter var de begge borte. Karoline døde av hjertesvikt i 1903, to år etter døde Johan Peder av kreft i halsen. Begge

ble begravet på den gamle kirkegården på øya, hvor det fra før lå ei datter de hadde mistet som nyfødt.

Professor Usjakov i Murmansk gir i artikkelen "Kongen på Kildin" i Murmanskavisa Poljarnaja Pravda 1994 Karoline og Johan Peder et meget godt ettermæle: "De var vel ansette blant sine russiske naboer, gjestfrie, fortrolige med russisk skikk, og de snakket også selv godt russisk, i motsetning til mange av sine landsmenn i koloniene på Fiskerhalvøya."

Fortsatt framgang etter 1905

Alle de fem sønnene og to av døtrene til Karoline og Johan Peder ble boende på øya. En datter og en sønn fant seg russisk ektemake, de andre sønnene fant seg kone i Vardø.

Annen generasjon Eriksen på Kildin fortsatte i foreldrenes spor som fiskerbønder, men utvidet bedriften med ishavsfangst og handel. Brødrene kjøpte havgående dekkfartøy i Norge og var sammen med sin russiske svoger på fangst i Østisen helt til Novaja Zemlja.

Trafikken til øya kunne være livlig, flyttsamer med rein på sommerbeite, finske båtbyggere fra fastlandet, russiske og norske fastboende for en tid, sesongarbeidere til fiskebruket og gårdsarbeidet. Fram mot første verdenskrig kom det flere russiske fastboende. Hvordan Eriksenfolket ordnet ledelse og eierforhold innen bedriften kjenner jeg ikke til. Russiske kilder framhever Karl Johan Eriksen, den eldste av brødrene, som en dyktig og meget myndig bedriftsleder, og en god og velgjørende arbeidsgiver.

Fra århundreskiftet til 1911 var tallet på norske familier på Murman bortimot fordoblet, fra 36 til 72 familier, et resultat av naturlig tilvekst mere enn av tilflytning. I Aleksandrovska ble det etter århundreskiftet opprettet et luthersk pastorat med egen kirke. To brødre fra Korgen, Nils og Ole Wist, begynte med handel i Teriberka og nabokolonien Gavriloovo på Østmurman.

Verdenskrigen

Snart etter krigsutbruddet i 1914 ble Murmankysten krigssone. Det var fortsatt fri seilas for kolonistene over grensa til Norge. Men de allierte konvoiene til Arkhangelsk trakk tyske ubåter til området, og torpederinger og minesprengninger gjorde også kystfarten utrygg. For første gang kom det nå militære innstillinger på Murmankysten, kystfort, signalstasjoner o.a. På Kildin kom en liten vaktstyrke, og nede i bukta mot Kildinsundet bygget den russiske stat et slippanlegg. Noen norske forlot Murman i krigsåra for å unngå utskrivning til russisk militærtjeneste. Det er ikke opplysninger om at noen av Eriksenfolkene ble utskrevet til krigstjeneste i disse åra.

En av brødrene, Johan Bernhard, f. 1885, står oppført i marinereserven 1914/15, med påtegning: "fritatt etter allerhøieste befaling".

Samme Johan Bernhard Eriksen fikk 1914/15 bygget motorkutteren "Vally" på Rognan ved Bodø, for fiske og fangst, og for lønnsom fraktefart i krigsåra. Johan Bernhard døde i spanskesyke mot slutten av krigen. Det var flere dødsfall i familien i krigsåra. Svogeren Ivan Mikujev omkom på tur heim fra Østisen i 1914, hans kone Louise døde på sykehuset i Vardø samme høst, hennes bror Albert Erksen noen år etter, også av sykdom.

For mange av kolonistene og de næringsdrivende på Murman var det gode tider i krigsåra, bl.a. ved leveranser til militære anlegg og til jernbanen, som i 1916-17 ble ført fram til østsida av Kolafjorden. Ved endestasjonen vokste Murmansk opp som det nye handels og administrasjonssentrum for Murmankysten.

Så kom revolusjonen, og alt ble forandret. I det prosjektet sto de norske kolonistene helt på sidelinjen.

Epilog

De fleste medlemmene av Eriksenfamilien ble boende på Kildin etter borgerkrigen, men flyttet i løpet av 1920-åra. Revolusjonen betød slutten på kolonistenes særrettigheter. Kolonistene var ikke lenger den største og viktigste del av befolkningen, flertallet nå var nykommere fra andre deler av Russland. Under det nye regimet ble forbindelsen med Norge ble brutt, og dermed forsvant mye av forutsetningene for fiskerbefolkningens velstand. På Kildin så flertallet av de norske ingen framtid som fiskebønder på den isolerte øya. I Murmansk var det bedre betalt arbeide å få. Nordmenn var etterspurte både som sjøfolk og på skipsverftene.

Bare Karl Johan, den eldste av Eriksenssønnene, f. 1872, hans kone Anna og deres sønn Erling bodde her da kollektivbruket på Kildin ble opprettet i 1931. Erling gikk inn i fiskerkollektivet, avanserte til skipper på kollektivets fiskekutter, giftet seg med øyas russiske lærerinne, fikk datra Alvilde. Foreldrene nektet å gå inn i kollektivbruket. Dette ble akseptert, men Karl Johan måtte gi fra seg motorbåten.

Eriksenfolkene fikk sin del av forfølgelsene i slutten av 1930-åra. Tre sønner av tredje generasjon ble arrestert og døde i fengsel: Nikolai Mikujev, sønn av Ivan Mikujev og Louise f. Eriksen. Erling Eriksen, sønn av Anna og Karl Johan Eriksen og Øistein Eriksen, sønn av Nora og Hjalmar Eriksen.

I 1939 ble sivilbefolkningen på Kildin tvangsflyttet til fastlandet, russerne til et kollektivbruk ved Litsa, Karl Johan og hans kone Anna til Abram Mys ved Murmansk. Her ble også de fleste andre norskættede fra Murmankysten samlet for en kortere tid, før de ble transportert videre, først til Karelen, seinere til leirer i det indre av Arkhangelsk oblast.

Karl Johan Eriksen døde i en leir i 1942. Kona Anna overlevde krigen og døde i Teriberka på Østmurman i 1949. Datra Ingrid bosatte seg i Norge i 1991. Senere har flere russiske etterkommere av Eriksenfamilien på Kildin fått opphold i Norge som Kolanordmenn.

En dag i slutten av juli 1995 om bord i hurtigbåten fra Kirkenes inn mot Kolafjorden så vi den flate konturen av Kildin 10 NM om babord. Dit kommer ikke vi, her er fortsatt militært baseområde, utilgjengelig for utlendinger.

Dette innlegget er et sammendrag av min artikkel i Årbok for Skjerstad 1998, som også er presentert på russisk på symposiet "Skandinaviske leksjoner" i St.Petersburg 1998, trykt rapport på forlag Nauka, St. Petersburg 1999.

Litteratur

Kiseljov, A.: Norvjeztsy na Murmane. Poljarnaja Pravda 23 og 26.07.1989

Ostrovskij, D.N.: Putevoditelj (Reisefører til Murman) St. Petersburg 1899

Prisjvin, M.M.: Za volsjebnym kolobkom. I Sobranie sotsjinenij, b.2. 1906

Romanov, N.V., red: Materialy po statistitsjeskomu issledovaniju Murmana. I-III. St. Petersburg 1902-03

Sæther, Ola: Om norske kolonister på Murmankysten. Ottar nr. 94-95. Tromsø 1977

Sæther, Ola: Nordmenn på Murmankysten. Familien Eriksen på Kildin. I årbok for Nordland Fylkesmuseum 1981. Bodø.

Sæther, Ola: En norsk koloni i Russland. I red. E. Niemi: Pomor. Gyldendahl 1992

Usjakov, I.F.: Kildinskij korolj. Poljarnaja Pravda 29.06.1994

Ула Сэтер: Создатели контактов в пограничье. Семья колонистов Эриксен на о. Кильдин

В данном докладе рассказывается о молодой паре из Брейвика в Щерстаде (губерния Нурланд), которая в начале 1870-х годов поселилась на о. Кильдин на побережье Мурмана. Каролине и Юхан Педер Эриксен были одними из нескольких сотен норвежцев, которые в период с 1860 и до начала Первой мировой войны стали поселенцами на побережье Мурмана, большая часть из них – на полуострове Рыбачий на Западном Мурмане.

Каролине и Юхан Педер во многих отношениях стояли особняком по сравнению с другими норвежскими поселенцами на Мурмане. На Кильдине вместе со своими детьми они были единственными постоянными жителями в течение более 30 лет. Начинать им пришлось буквально на пустом месте, но благодаря упорной работе они достигли значительного благосостояния и хороших условий, занимаясь ведением приусадебного хозяйства, ловлей рыбы, зверобойными промыслами и торговлей. Поле их предпринимательской деятельности простиралось от Средней Норвегии до Новой Земли, при этом у семьи имелись хорошие контакты как в Архангельске, так и в городах Финнмарка.

История семьи Эриксен в Кильдине хорошо подтверждена документальными источниками, и имеется возможность проследить за жизнью членов семьи различных поколений до сегодняшнего дня. Семья Эриксен из Кильдина пользовалась почтением русских на Мурмане. Поморы называли Юхана Педера Эриксена "королем Кильдина". Мой рассказ об этой семье охватывает период до революции 1917 года. Завершается он коротким эпилогом.

Billedkunst og kunsthåndverk/Изобразительное и прикладное искусство

Анна Познанская: Произведения Фрица Таулова в музеях России

Русские музейные собрания располагают лишь несколькими работами Фрица Таулова, однако все они происходят из наиболее известных частных коллекций рубежа 19-20 веков.

Еще в 1885 году русский художник В.Д. Поленов упоминает имя Таулова в письме к Н.В. Поленовой от 28 мая: "В Champ de Mars меня [захватил] норвежец Thaulow – зимние пейзажи с водой или луной..." (Архив ГТГ 54/607).

Произведения Таулова не только стали своеобразной проекцией вкусов того круга людей, который создавал и поддерживал художественную жизнь Москвы и Петербурга, но и во многом сыграли решающую роль в формировании крупнейших собраний современного искусства в этот период.

Прежде всего это касается знаменитой коллекции Сергея Ивановича Щукина, которая в настоящее время находится в собраниях Пушкинского музея и Эрмитажа.

Сын крупнейшего московского промышленника, Сергей, как и все его братья, рано увлекся коллекционированием предметов искусства. Этому способствовали и родственные связи семьи Щукиных: отец Сергея Ивановича, Иван Васильевич Щукин – видный коммерсант, женился на Екатерине Петровне Боткиной – дочери крупнейшего московского чаеоторговца. Это было не просто большое купеческое семейство – его члены были тесно связаны с известными деятелями искусства: ее брат Михаил был известным художником, критиком и коллекционером, другой брат – Дмитрий собирал европейскую живопись 19 в. Ее сестра, Мария Боткина, была замужем за поэтом Афанасием Фетом, женой племянника Екатерины была дочь Павла Михайловича Третьякова, основателя Третьяковской галереи, а племянница Надежда вышла замуж за художника и попечителя Третьяковской галереи, известного коллекционера Илью Семеновича Остроухова.

Дети Щукина и Боткиной принадлежали тому же поколению, что и племянники Екатерины Петровны и, соответственно, уже в юности оказались погружены в художественную среду. Например, еще в раннем детстве они могли познакомиться с собранием Третьякова задолго до открытия Третьяковской галереи. Но для нас представляется особенно важным тот факт, что впоследствии и Боткины, и Остроухов, возможно не без влияния Щукина, приобретали произведения норвежских мастеров и в том числе Таулова.

В 1882 году Сергей Щукин получил от отца старинный дом в Большом Знаменском переулке. Благодаря жене Щукина, Лидии Григорьевне, особняк 18 века стал центром культурной жизни: здесь в разное время бывали Серов, Кандинский, Малевич, Дягилев, останавливался Матисс. В это же время Сергей покупает первые картины, как и его старшие братья отдавая предпочтение русской школе. Вероятно, он руководствовался советами Боткиных или даже самого Третьякова. Однако постепенно Щукин утратил интерес к русской школе – его всегда интересовало современное искусство, а русская живопись 1890-х годов была достаточно консервативна. Кроме того, как коммерсант, он должен был понимать, что его собрание никогда не достигнет ни по размеру, ни по качеству, масштабов коллекции Третьякова. В тоже время, часто путешествуя в Париж – по делам или для своего удовольствия, Сергей Щукин регулярно посещал Салоны. Однако, и ему нелегко было сделать гигантский прыжок, резко перейти от полотен русских реалистов к ярким картинам импрессионистов, от официального Салона к "Салону Независимых". Решающую роль сыграли три произведения Таулова "Уголок Венеции", "Замерзающая река" и "Бульвар Мадлен в Париже" (1895), приобретенные в Салоне Национального общества изящных искусств. Палитра и стиль исполнения этих картин резко отличались от русской живописи, в то же время привычный сюжет, мягкая лирика, присущая художественной манере Таулова, не могли отпугнуть начинающего коллекционера современного западного искусства. Как вспоминал известный критик Я. Тугенхольд "Первыми произведениями Щукина в конце 1890-х годов были пейзажи Таулова и Патерсона, Котте и Симона – искусство золотой середины, стоящее в стороне от великого и бурного русла современности". Однако, именно эти работы научили русского коллекционера видеть картины европейских школ, воспитали его вкус, позволили в дальнейшем собрать одну из лучших в мире коллекций французской живописи.

Очевидно, что все три полотна были написаны не позже 1896. Однако, из трех полотен датировано только одно – "Бульвар Мадлен в Париже" (1895). Интересно, что подобный вид парижской улицы сверху неоднократно писали французские импрессионисты, с творчеством которых были хорошо знакомы как Щукин, так и Таулов. В коллекции Щукина был и написанный тремя годами позже "Оперный проезд в Париже. Эффект снега. Утро." Камиля Писсарро (1898, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Инв.№ 3323). В этот же период в другом московском собрании оказалось полотно Клода Моне "Бульвар Капуцинок в Париже" (1873, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Инв.№ 3397), имеющее сходную композицию с изображением на картине Таулова. Впоследствии все три картины Таулова попали в Музей Нового Западного искусства, а затем – в ГМИИ им.А.С. Пушкина.

Картина Таулова сыграла важную роль и в истории формирования собрания картин другого крупнейшего московского коллекционера – Михаила Абрамовича Морозова, также изначально собиравшего русскую живопись. Полотна художников Северной Европы: "Река" Галлен-Каллелы, "Ночь" Таулова и "Три девушки на мосту" Эдварда Мунка были одной из самых ранних покупок коллекционера и стали основой нефранцузской части коллекции европейской живописи Морозова. При этом хронологически именно произведение Таулова предшествовало всем последующим приобретениям. В настоящее время эта работа находится в Государственном Эрмитаже, в Петербурге. По мнению специалистов из Эрмитажа, "хотя картина не датирована, она обнаруживает стилистическую близость с произведениями Таулова 1880-х, исполненными в Норвегии. В частности, аналогичным образом трактованы запряженные в сани лошади в пастели "Усадьба зимой" (1886, Национальная галерея, Осло, инв. N 1796), а также заснеженные крыши и изображение талой воды в картине "Заснеженный двор" (1883, Художественный музей, Гетеборг).

Целый ряд произведений Таулова оказался в России благодаря деятельности знаменитого критика, коллекционера и мецената Сергея Дягилева, лично знавшего художника. Как и многие его соотечественники, Дягилев впервые увидел полотна скандинавов во Франции. Здесь он встретил многих северных художников и прежде всего А. Цорна и Ф. Таулова. Летом 1895 он посетил Таулова на его "Вилле Орхидей" в Дьеппе. Об этом свидетельствует письмо Таулова Э.Вереншеллю, опубликованное в статье Маргарет Вереншелль.

Вторично Дягилев посетил Таулова зимой 1896, о чем упоминает А. Бенуа. В письме к К.А. Сомову от 18 декабря 1896 А.Н. Бенуа сообщал из Парижа: "Здесь был три дня Сережа, теперь он уехал в Дьепп к Таулоу, а оттуда в Лондон..." (22). Не исключено, что именно это знакомство способствовало тому, что Сергей Дягилев решил показать в России выставку художников Швеции, Норвегии и Дании. Уже через четыре месяца, 4 апреля 1897, Дягилев писал вице-председателю петербургского Общества поощрения художеств И.П. Балашову: "По поводу предложения г-на секретаря Общества поощрения художеств устроить в течение будущего зимнего сезона выставку скандинавских художников имею честь уведомить Вас, что я согласен взять на себя устройство означенной выставки..." Однако, весьма вероятно, что инициатива организации выставки исходила от самого Дягилева. В начале мая 1897 он упоминает в письме к А.Н. Бенуа: "В конце месяца я еду в Швецию и Норвегию, так как по поручению О[бщества] п[оощрения] худож[еств] устраиваю в будущ[ем] октябре в Питере выставку скандинавов и датчан. Это меня очень занимает". Летом 1897 Дягилев совершил путешествие в Швецию, Норвегию и Данию, отбирая экспонаты для будущей выставки и одновременно приобретая отдельные произведения для своей коллекции. Таким образом, многие произведения норвежских художников оказались в русских коллекциях благодаря Дягилеву и его выставке скандинавских художников, открывшейся 11 октября 1897 в залах петербургского Общества поощрения художеств. Так, достоверно известно, что художник, критик и попечитель Третьяковской галереи Илья Сесенович Остроухов приобрел пастель Таулова через Дягилева. 06.12.1898 Дягилев пишет Остроухову: "Таулоу Вам послан, он по-моему очень блестящ...Если Таулоу не по душе, есть другой, тоже очень эффектный" (ГТГ, 10/№ 2739). Сейчас пастель "Горная река" из коллекции Остроухова находится в ГМИИ имени А.С. Пушкина.

В рецензии на выставку для "Всемирной иллюстрации" (№1502, 08.12.1897) В.В.Чуйко писал: "Подобно тому как Цорн у шведов является великим портретистом, так Таулоу у норвежцев представляется великим пейзажистом. Каждый его пейзаж – нечто единственное в своем роде. Он, если можно так выразиться, индивидуализирует природу, придает ей смысл, характер, вдохновляет ею жизнь, делает ее обаятельной или ужасной" (Дягилев. Т.2, с.345)

Однако каталог выставки свидетельствует, что в момент ее открытия, за исключением Щукина и Морозова, Дягилев и его родственники Ратьковы-Рожновы (З.В. Ратькова-Рожнова, в девичестве Философова, приходилась кузиной Дягилеву) являлись практически единственными владельцами произведений скандинавской живописи и графики в России. Так, в каталоге упоминаются полотна Таулова "Осенний день" (№198), "Зимнее солнце" (№199) и пастель "Старая фабрика в Норвегии" (№ 197) из коллекции Дягилева. В том же каталоге была опубликована пастель Таулова "Северный пейзаж" из собрания Ратьковых-Рожновых. Однако дальнейшая судьба этих произведений неизвестна.

Хотя Дягилев неоднократно встречался с Тауловым во Франции, норвежский художник, по-видимому, так и не побывал в России. В письме к А.Н. Бенуа от 08.10.1897, накануне открытия выставки, Дягилев сообщает: "На днях я жду к себе Zorn'a, Thaulow и Edelfelt. Представь себе, первые 2 останутся у меня!" Однако нет никаких подтверждений, что Таулов все-таки доехал до России – его имя не упоминается в числе участников праздничных мероприятий, посвященных скандинавской выставке в Петербурге.

Спустя 10 лет Дягилев отнесет Таулова "к той плеяде северных художников, которые в начале 80-х годов влили свежую струю в живопись Западной Европы... Все эти молодые силы явились кстати со своей прозрачной поэтической свежестью и искренним культом

природы. Особую прелесть их составляло то элегическое настроение, подчас суровое, подчас холодно-ослепительное, которое они занесли из своей угрюмой родины." (т.1.,с.52)

Творчество Таулова занимало особое место в увлечении русскими скандинавским искусством. Его знали и любили не только коллекционеры и критики, но и художники. Так, русский живописец Николай Кузнецов был лично знаком с Тауловым и приобрел его произведения. Об этом вспоминал А. Рылов: "Он привез из-за границы два чудесных пейзажа Таулоу, норвежского художника, своего большого друга. Мы ходили к нему в мастерскую любоваться совершенно новым для нас тогда искусством. Один пейзаж изображал лунную ночь в норвежской деревне с красными крышами, другой – кузницу в лесу зимой, тоже при луне. Оба пейзажа произвели на меня большое впечатление. С тех пор я полюбил художника и любовался его произведениями, будучи за границей. Его быстро бегущие реки с прозрачной холодной водой, с берегами, покрытыми пушистым снегом, были известны всему миру." (Цит. по Мухиной, с.59). Уже в начале XX века в письме Николая Дмитриевича Кузнецова к В.В. Матэ от 05.06.1907, он пишет "Офорты Таулова дошли до баснословной цены и все поднимаются. Доходят теперь до 1200 франков" (ГТГ, №57/74).

В собрании ГМИИ имени А.С. Пушкина хранится цветной офорт Таулова "Река", поступивший из собрания Государственного музея Нового западного искусства. К сожалению неизвестно, в каком частном собрании находился этот офорт до революции.

В архивах и каталоге Государственного музея Нового западного искусства, расформированного в 1948 году, упоминается десять работ Фрица Таулова, попавших в московский музей после национализации частных коллекций. В настоящее время четыре из них (три картины маслом и одна пастель) находятся в ГМИИ им.А.С. Пушкина и две (одно полотно и пастель) – в Эрмитаже. Это произведения из собрания Щукина, Морозова и Остроухова и пастель "Река", принадлежавшая Ратьковым-Рожновым. Однако, последние располагали еще одной пастелью этого мастера – "Зима. Речка", датированной 1895 годом. Пастель сначала оказалась в Музее Нового западного искусства, а в 1931 была передана в Хабаровский художественный музей. Она опубликована в каталоге этого музея (инв. №336). Еще одна пастель, "Лунная ночь", неизвестного происхождения (она поступила в 1923 году из 1-го Пролетарского музея), была передана в 1930 году в художественный музей Владивостока. Возможно, это была одна из самых ранних работ Таулова, оказавшихся в России, так как, судя по описанию в инвентарной книге музея Нового западного искусства, она имела подпись по-французски слева внизу: "a la prison de Kristiania. Mars, 85". Вероятно, эта пастель и сегодня находится во Владивостоке – у музея нет каталога западноевропейской живописи.

Еще более загадочна судьба двух последних произведений Таулова. Одно из них – картина маслом "Пейзаж", происходило из собрания известной московской купеческой семьи Харитоненко. В 1931 году оно было выдано в распоряжение Наркомпроса (Народного комиссариата просвещения) и с тех пор его судьба неизвестна. И, наконец, последнее полотно Фрица Таулова "У храма", поступившее в Государственный музей Нового западного искусства из 1-го Пролетарского музея в 1923 году, в 1931 было передано Народному комиссариату иностранных дел для советского полпредства (представительства) в Норвегии. Судя по описанию в инвентарной книге, на картине был изображен готический храм. Судьба этой картины также неизвестна и не исключено, что она до сих пор находится в Норвегии.

Остается упомянуть об еще одной пастели "Зимний пейзаж". (1883) из фондов Эрмитажа. По мнению сотрудников Эрмитажа обе пастели Эрмитажа (см. инв. ОР-43784), сюжетно и, судя по одинаковому обрамлению (возможно авторскому), могут считаться парными, но оказались у разных владельцев. "Зимний пейзаж" в 1899 году находился в Петербурге, экспонировался без обозначения владельца на Международной художественной выставке, организаторами которой были княжна М.К. Тенишева и С.П. Дягилев. В Эрмитаж пастель была передана в 1926 году из Отдела охраны памятников в Ленинграде, где были собраны конфискованные или оказавшиеся бесхозными произведения. Отсюда следует, что ранее

она принадлежала кому-либо из петербургских коллекционеров – в противном случае она не осталась бы в городе после окончания выставки 1899 года.

Русские музеи располагают небольшим, но интересным собранием норвежского искусства. Среди них и картина Э. Вереншелля "Пейзаж с озером", купленная у художника Сергеем Дягилевым и впоследствии, спустя более чем полвека, оказавшаяся в Государственном Эрмитаже, и полотно Э. Мунка "Три девушки на мосту" – второй вариант одного из самых любимых сюжетов художника, созданный им специально для экспонирования в парижском Салоне 1903 года. Здесь картина и была приобретена М.А. Морозовым и в настоящий момент является единственным известным полотном Мунка в России (сейчас в ГМИИ).

К сожалению, некоторые произведения норвежских художников, неоднократно упоминавшиеся в источниках рубежа 19-20 веков, безвозвратно исчезли после революции. Так случилось и с акварелями Г. Мюнте из коллекции княгини Тенишевой. Вероятно, они были приобретены по совету Дягилева с выставки 1897 года. В письме к А.Н. Бенуа от 8 октября 1897 Дягилев пишет: "Княгиня [Тенишева] в Петербурге, и я с ней в большой дружбе. Она остается в Петербурге всю зиму до марта... Она полна энергии и кажется – денег. На скандинавской выставке хочет покупать и просила меня ей сделать указания. Я ей, конечно, дряни не подсуну". (С. Дягилев. т.2, с.28). Но позже, в ноябре, в другом письме к Бенуа он упоминает: "Княгиня [Тенишева] купила только две акварели. Правда, было мало акварелей, к сожалению..." (там же, с.29)- несомненно, речь идет об акварелях Мюнте. Названия этих работ нигде не упоминаются, но в архивах ГТГ хранится приписка к тенишевскому аукциону 1903 о том, что А.П. Боткина приобрела акварели Мюнте. Чуть раньше, в письме к И.С. Остроухову от 5 ноября 1903, Боткина упоминает эти акварели и пишет о том, что они восхищают ее (ГТГ №10/1570). После этого следы этих произведений теряются – они могли погибнуть, их могли вывезти за границу, а может и до сих пор хранятся в частных руках. Таким образом, на сегодняшний день только произведения Фрица Таулова, находящиеся в музеях Москвы и Петербурга, а также сохранившиеся документы и восторженные отзывы многих русских художников, критиков, коллекционеров и любителей искусства позволяют нам представить истинный масштаб увлечения норвежским искусством в России на рубеже веков.

Anna Poznanskaja: Verker av Frits Thaulow i russiske museer

I russiske museer finnes det bare noen få arbeider av Frits Thaulow. Disse stammer alle fra de mest kjente private samlinger fra tiden rundt århundreskiftet: S. Sjtsjukin, M. Morozov, I. Ostroukhov, Ratkov-Rozjnov. En rekke verker av Frits Thaulow har havnet i Russland takket være den kjente kunstkritikeren, samleren og mesenen Sergej Dzagilev som kjente Thaulow personlig. Selv om Dzagilev flere ganger traff Thaulow i Frankrike, besøkte den norske kunstneren aldri Russland.

I arkivet og katalogen til Det statlige museum for moderne vestlig kunst, som ble oppløst i 1948, omtales ti arbeider av Frits Thaulow. Disse havnet i museer i Moskva da de private samlingene ble nasjonalisert. I dag er fire av disse (tre oljemalerier og en pastell) i Det statlige Pusjkinmuseet i Moskva og to verker (et olje på lerret og en pastell) i Eremitasjen. Resten av Thaulows arbeider ble gitt til russiske provinsmuseer i 30-årene, eller de forsvant sporløst.

I dag er det derfor bare Thaulows arbeider i Moskva og St. Petersburg foruten bevarte dokumenter og begeistrede reaksjoner fra russiske kunstnere, kritikere, samlere og kunstelskere, som vitner om i hvilken grad man var betatt av norsk kunst i Russland rundt forrige århundreskifte.

Kari Brandtzæg: Nasjonal identitet og modernitet i Norge og Russland – presentert gjennom kunstnerne Gerhard Munthe og Jelena Polenova

Dette innlegget vil fokusere på to kunstnere som er født på noenlunde samme tid; Jelena Polenova i Russland 1850 og Gerhard Munthe i Norge 1849. Begge kunstnerne arbeidet i et utvidet kunstfelt som inkluderte maleri, design til møbler, vevtepper, broderier, romutsmykninger og illustrasjoner. Presentasjonen diskuterer i korte trekk likheter og forskjeller i deres kunst, deres tilknytning til Abramtsevo og Lysaker-kretsen og deres virkningshistorie. Samtidig antyder jeg ulikheter som synes betydningsfulle for distinksjonen mellom det som kunne kalles en russisk og en norsk stilart hos de to kunstnerne og deres samtidige.

På Verdensutstillingen i Paris i 1900 var både Gerhard Munthe og Jelena Polenova godt representert. Før Polenova døde i 1898 hadde hun lagt planer for en kunsthåndverkutstilling i den russiske paviljongen. Polenovas nære samarbeidspartner Maria Vasilevna Jakunsjikova utarbeidet Polenovas idéer, og møblene Polenova hadde tegnet for verkstedet på Abramtsevo inntok en sentral plass i utstillingen. Flere av samtidens kritikere opplevde paviljongen som et godt uttrykk for hvordan bondekunsten og den profesjonelle kunsten kunne arbeide sammen i "perfekt harmoni", og likhetstrekkene mellom de utstilte arbeidene i den russiske paviljongen og i den skandinaviske seksjonen ble ofte bemerket.

I den norske avdelingen vakte Munthes vevde veggtepper stor oppmerksomhet. I følge en artikkel i *The Studio* i 1901 påkalte hans arbeider interesse "...by reason of their strange and weird style. This artist delineates the old, fantastic saga-world of his mountainous country, in various materials, and always in an original and naive style of his own."¹⁷⁹ Kunsthistorikeren Philippe Julian kommenterer både Polenova og Munthe i sin bok *The Triumph of Art Nouveau, Paris Exhibition 1900* (1974). Julian vektlegger i sær den internasjonale Arts & Crafts bevegelsens innflytelse på kunsten før århundreskiftet. Men Julian skiller samtidig mellom en germansk/norsk og en slavisk/russisk stil som forklaring på det folkloristiske og nasjonale særpreg i kunstnernes ulike verk. Derfor må Munthes og Polenovas arbeider også ses i sammenheng med nyromantikkenes sterke posisjon i Europas nordlige periferi i tiden før århundreskiftet.

Kunstnerskapernes kontekst

Likeartede, samfunnsmessige utviklingstrekk gjør at kunsten både i Norge og Russland tok en nasjonal dreining mot slutten av det 19. århundre. Landene i den nordlige, europeiske periferi sto på terskelen til en ny, moderne tidsalder. Selv om urbaniseringen både i Norge og Russland gikk tregt sammenlignet med andre land i Europa, skapte framveksten av nasjonalstatene, ny teknologi, jernbanelinjene, nye kommunikasjonsformer, nye motsetninger og utfordringer for samfunnet.

De nasjonale elitene i Russland og Norge fikk betydning for hvordan man definerte nasjonenes plass i den fremvoksende, moderne verden. Polenova og Munthe var begge representanter for den type kunstnere og intellektuelle som nasjonalisme-teoretikeren Anthony Smith fremhever som sentrale i de nye nasjonalstatenes intellektuelle avantgarde. Forestillingen om nasjonens fellesskap var en attraktiv løsning på identitetskrisen mange opplevde i denne spesielle brytningstid. Flere kunstnere så det som sin oppgave å skape nye holdepunkter for en kollektiv identitet, og kunsten fikk ofte en pedagogisk, oppdragende rolle i det nasjonalstatlige byggeprosjekt.¹⁸⁰

¹⁷⁹ "Scandinavian Decorative Art", S. Frykholm, *The Studio* okt. 1900/jan. 1901, London vol. 21, p. 190–199.

¹⁸⁰ Anthony D. Smith: *National identity* (Penguin 1991) I følge sentrale forskere innenfor samfunnsvitenskapen er idéen om nasjonal identitet knyttet til framveksten av den moderne nasjonalstaten i det 18. og 19. århundre. Men det er uenighet om kulturens egenart. Flere forskere er uenig med Smiths vektlegging av "ethnicity". I Ernest Gellner *Nations and nationalism* (Oxford 1983) framheves det at det kulturelle fellesskapet ikke har noen selvstendig betydning, og at nasjonalismen først og fremst er en

Et interessant sammenfall mellom Norge og Russland i denne tiden er etableringen av kunstnerkolonier som var spesielt engasjert i det nasjonale prosjekt.¹⁸¹ I 1883 ble Jelena Polenova et aktivt medlem av Abramtsevo-kretsen hvor flere av Russlands unge kunstnere (som for eksempel Jelenas bror Vasilij Polenov, Viktor Vasnetsov, Mikhail Nesterov, Konstantin Korovin, Mikhail Vrubel, Maria Jakunskijova og Isak Levitan) samlet seg rundt kunstmesenen og jernbanemagnaten Savva Mamontov på hans landsted Abramtsevo utenfor Moskva. Her ble forholdene lagt til rette med atelierer og verksteder i naturskjønne omgivelser. Tilsvarende dannet Gerhard Munthe et kunstnerisk felleskap med bl.a. Eilif Peterssen og Erik Werenskiold.¹⁸² De holdt til på Lysaker utenfor Oslo og i løpet av 1890-tallet oppførte flere av samtidens intellektuelle sine hus her. Snart snakket man om Lysaker-kretsen i norsk kulturliv. Ikke bare kunstnere fant veien til Lysaker, også den ledende kunstteoretikeren Andreas Aubert, folkloristen Moltke Moe, historikeren Ernst Sars og vitenskapsmannen Fridtjof Nansen regnes til kretsens sentrale personer. Som Abramtsevo ble Lysaker et samlingssted for en rekke kunstnere og intellektuelle, og blant kretsens medlemmer fantes det både vennskap, slektskap og ekteskap.¹⁸³

Både Abramtsevo-kretsen og Lysaker-kretsen var påvirket av Arts & Crafts bevegelsen i Storbritannia og delte en rekke kjennetegn med andre kunstnerkretser fra tiden før århundreskiftet. Et felles ideologisk element fantes i en kritisk holdning til industriell masseproduksjon og fremveksten av det moderne, urbane samfunnet. Abramtsevo og Lysaker delte også en felles tro på betydningen av det nasjonale i kunsten.

Blant Lysaker-kretsens og Abramtsevo-kretsens kunstnere kan man spore flere strategier i utviklingen av en nasjonal kunst. En av disse strategiene gjelder forestillingen om den lokale naturens topografiske og geografiske betydning for det nasjonale. Denne forestillingen gjør at landskapet som motiv gir tilgang til forståelse og fortolkninger av nasjonens egenart. Den andre strategien jeg her vil komme inn på gjelder forestillingen om et opprinnelig folk, gjerne representert ved bondestanden, der den nasjonale egenart var bevart.

1. naturen og nasjonen

Forestillingen om naturen som et uttrykk for nasjonal egenart ble en etablert forestilling både i norsk og russisk kunstmiljø i 1880-årene. I hopetall vendte kunstnerne "hjem" fra Roma, München og Paris for å male fedrelandets natur og klima. Ved å male hjemlandets landskap fanget man inn, ad naturlig vei, det særegne og nasjonale. Landskapet ble mer enn en vanlig billedgenre; det dannet utgangspunkt for nasjonal identifikasjon.

ideologi, skapt av en nasjonal elite. Den nasjonale identitet ses her som en konstruksjon. Eric Hobsbawm formulerte i tråd med Gellners oppfattelse begrepet "invention of tradition" i *Nations and nationalism since 1780* (Cambridge, second edition 1992).

¹⁸¹ Framveksten av kunstnerkolonier synes å være et generelt trekk i Europa og Amerika. Michael Jacobs skriver i boken *The Good and Simple Life – Artists Colonies in Europe and America* (Phaidon, Oxford 1985) at kunstnerkoloniene på 1800-tallet utviklet seg som et resultat av det nye jernbanenettet som sprengte seg vei i Europa. Se også; Kari J. Brandtzæg *Abramtsevo-kretsen og Jelena Polenova – en studie av forestillingen om det nasjonale i russisk kunst 1880-1900*, mag.avh. UiO(1995) kap. 8.1 "Abramtsevo-kretsen og kunstnerkoloniene i Europa" og Laurie A. Stein "German design og National Identity 1890-1914 i *Designing Modernity* (Thames and Hudson 1995), s. 49-79.

¹⁸² Velkjent i norsk kunsthistorie er begrepet "Fleskumsommeren". Sommeren 1886 tilbrakte Eilif Peterssen, Erik Werenskiold, Gerhard Munthe og flere andre malere på gården Fleskum i Bærum. De mange stemningsfulle maleriene med sommerlige motiver kan sies å innlede ny-romantikken i norsk malerkunst. Dette kunstnerfelleskapet kan ses som en forløper for Lysaker-kretsen.

¹⁸³ Til forskjell fra Abramtsevo ble ikke Lysaker ledet av en mésen, men kunstsamleren Axel Heiberg var en ivrig kjøper og bestiller av kunst. For en mer utfyllende behandling av kretsens forskjellige medlemmer se; Tone Skedsmo: "Hos kunstnere, polarforskere og méseener", *Kunst og Kultur* (1982), s. 131-151, se også Nils Messel: "Fra realistisk virkelighetsskildring til dekorativ form" i *Kunst og Kultur* (1982), s. 152-171, og Bodil Stenseth: *En norsk elite – nasjonsbyggerne på Lysaker 1890-1940* (1993), s. 15-33.

Både Polenova og Munthe var opptatt av friluftsmaleriet, og samtidens kunsthistorikere skrev rosende om Munthes landskapsmalerier, især hans beherskelse av detaljer.¹⁸⁴ Polenova ble aldri noen stor landskapsmaler, men uttrykte i flere brev til Russlands store kritiker og forkjemper for nasjonalrealismen i russisk kunst, Vladimir Stasov, at detaljene heller enn det store landskapet, var viktig for henne. I Munthes maleri *Epletreet* og i Polenovas akvarell *I skogkanten* ser vi hvordan de begge behersker og fokuserer naturens små detaljer. Men denne realistiske naturgjengivelsen ble bare viktig i den første fasen av deres nasjonale prosjekt. Som vi skal se senere forlot de begge dette utgangspunktet til fordel for en dekorativ stil der naturen fikk en annen betydning, ikke som naturalistisk motiv, men som opphav til ornamentale og stiliserte former i den nasjonale kollektive fantasi.¹⁸⁵

2. Det utvalgte folk

Idéen om at det nasjonale var bevart i bondebefolkningen sto sentralt både i Norge og Russland. Og blant kunstnerne på Abramtsevo og Lysaker ble bondestanden sett på som det opprinnelige folk hvor den nasjonale egenart fremdeles var ekte og autentisk. Denne forestillingen har sine røtter i Johann Gottfrid Herders idéer om kulturnasjonen som ble formulert på 1700-tallet. Hans historisk-romantiske forestilling om nasjonenes sjel og karakter fikk stor innflytelse på land som lå i periferien av Europas sentrale kultur. Herders begreper "Volkseele" og "Volkgeist" ble anvendt i nasjonalitetsdebattene både i Russland og Norge. Gjennom Herders begreper ble de kulturelle elitene oppmerksomme på sine lands muligheter til å utvikle en nasjonal identitet ved å hente materiale fra nasjonens rene "kilde": bøndene. Derfor kom Munthe til å vandre rundt på den norske landsbygda på jakt etter det norske, mens Polenova stadig ble observert med fotoapparat og skisseblokk på den russiske landsbygda. Blant kunstnerne på Abramtsevo førte denne nye, nærmest vitenskapelige tilnærmingen til folkekunsten, til en utstrakt samlervirksomhet som bidro til grunnleggelsen av Abramtsevovs Folkemuseum, det første i Russland, i 1885.

Kvinnenes posisjon: møbelverkstedet på Abramtsevo

Men som vi skal se senere anes en dypere forskjell mellom Munthe og Polenova når det gjaldt deres sosiale engasjement overfor bondestanden. Med opphevelsen av livegenskapet i Russland i 1861 ble det skapt en større interesse for bøndenes skjebne. Polenova ga tidlig uttrykk for et dypt ønske om å høyne den russiske bondebefolkningens livskvalitet. Munthe var kanskje en større individualist i sitt kunstneriske prosjekt og la aldri de samme sosiale ambisjonene for dagen som Polenova gjorde bl.a. i møbelverkstedet på Abramtsevo som hun begynte å arbeide for i 1885.

En annen interessant forskjell mellom Lysakerkretsen og Abramtsevo-kretsen var kvinnenes rolle og posisjon. På Abramtsevo var Mamontova, Polenova og Jakunjsjikova pådrivere for opprettelsen av både et møbelverksted, et borderiverksted og et keramikverksted.¹⁸⁶ På Lysaker ble det aldri opprettet noen slike verksted, og kvinnene i Lysakerkretsen var i mindre grad involvert i det kunstneriske og intellektuelle arbeidet i kretsen. Sammen med Elizaveta Mamontova engasjerte Jelena Polenova seg i de lokale bøndenes sosiale kår. Allerede i 1876

¹⁸⁴ Jens Thiis: *Gerhard Munthe* (Trondhjem, 1903), s. 12-15. Her skriver han om hvordan Munthe var en forsvarer av naturalismen og friluftsmaleriet på 80-tallet.

¹⁸⁵ Både for Polenova og Munthe ble det avgjørende å vektlegge folkekunstens opprinnelige fantasiformer som utgangspunkt for den nye dekorative kunstens stiliseringsmetoder. Polenova skrev bl.a. at hun ønsket: "(...) å uttrykke det kunstneriske fantasibildet, som lever og livnærer seg i fantasien til det russiske mennesket". Brandtzæg (1995), s. 165, sitert etter Gankina (Moskva, 1963) s. 49. Munthe uttrykker seg på lignende vis og Thiis (1903) mente at: "Munthe følte det norske ikke bare i landets natur og i mennesketypen, men også i det som bonden hadde frembragt gjennom tiderne, frugten av det afsidersboende folks selvstendige fantasiliv og traditionsbårne kunstfærdighet". s. 20.

¹⁸⁶ Se også Brandtzæg (1995) kap. 5.8 Arts & Crafts- bevegelsen og møbelverkstedet på Abramtsevo s. 132- 138.

hadde familien Mamontov opprettet en skole, hvor det fantes et lite treskjærerverksted.¹⁸⁷ Dette ble senere utgangspunktet for møbelverkstedet på Abramtsevo, som var et kombinert forsøk på å bedre bøndenes sosiale kår og fremme kunnskap og ferdigheter om den "evige vakre folkekunsten (narodnoe iskusstvo)", Fabrikproduserte gjenstander var ikke kunst, ifølge Polenova, men bøndenes utskjæringer derimot hadde et fullendt kunstnerisk uttrykk.

Gjennom studier av bondekunsten observerte Polenova at hver eneste gjenstand hadde en særpreget dekor. Dette oppfattet hun som at den lokale treskjærer "uttrykte et naturlig kunstnerisk behov". For å arbeide i tråd med folkekunstens metoder og krav til særpreg ble hvert enkelt møbel egenhendig designet av Polenova. Denne forestillingen var så sentral at da møbelproduksjonen økte og det ble umulig å tegne nok originale skisser, trakk hun seg fra verkstedet i 1894.¹⁸⁸

Munthe/Polenova og romutsmykningens betydning for det nasjonale

Munthe arbeidet også med møbler i en nasjonal stil, men i motsetning til Polenova organiserte han ikke noe møbelverksted med sosial profil. Aubert beklaget offentlig i tidsskriftet *Norden* i 1902 at Munthe ikke var i besittelse av den engelske arts & crafts bevegelsens leder, William Morris, administrative evner til å lede et allsidig kunstverksted.¹⁸⁹ Munthe var i større grad en estetisk teoretiker, men i enkelte kunstneriske prosjekter anes Morris idéer om møbeldesign og romutsmykning. Munthes mest kjente romutsmykning var Eventyrværelset på Holmenkollen Turisthotell fra 1896 (brent i 1914). Rommet forsøkte han å lade med en mytisk stemning som gjenskapte nasjonens heroiske fortid, og som i sine illustrasjoner og vevtepper utviklet han her en gjennomgående nasjonal stil "basert på rytme, klang og karakter". De mørke treveggene og de utskårete fantasihodene bidro til et stemningsmettet samspill mellom rom og møbler.

Munthes stil er tilsynelatende mer abstrakt og dekorativ enn Polenovas ofte mer forfinede, detaljerte stil i møbler. Men hvis vi sammenligner Eventyrværelset med et av Polenovas siste arbeider *Døren til Baba Jagas hus* (1894), heksen i den russiske eventyrverden, ser vi en større likhet med Munthe. Dørens forside er utskåret med stiliserte motiver av busker og stauder og skaper forventning om at en mytisk eventyrverden ligger gjemt bak den. Døren kan i overført betydning ses som en inngang til en russisk folkelig forestillingsverden Polenova forsøkte "å vekke til live" de siste fire årene hun levde. Hun så det som et hederstegn da kunstkritikeren Stasov skrev og sa at "døren kunne være laget av en anonym mester fra det gamle Russland. (...) For meg er dette bare fantastisk, bare legendarisk. Gamle russiske eventyr og poesi gjenoppstår, det gamle Russland kommer liksom glidende fram fra en tusenårig skodde i det fjerne".¹⁹⁰

¹⁸⁷ I skolens treskjæringsverksted var det viktig at bøndene lærte å bevare den gamle treskurdens tradisjoner. Mamontova fryktet at opplæringen i nedarvede framstillingsteknikker ikke lenger var en naturlig del av barns og ungdoms sosialisering. Natalja Polenova skriver i *Abramtsevo. Vospominanija* (Moskva 1922), s. 46: "På landsbygda som ble berøvet sin arbeidstyrke, var jordbruket nedadgående og fattigdommen økende. Ved å etablere et snekkerverksted håpet Elizaveta Grigorevna å gi bøndene mulighet til å la være å sende barna til byene for opplæring, ikke skille dem fra deres familier, men å trene dem som lokale kunsthåndverkere".

¹⁸⁸ Det kunne f.eks. være like skap, men Polenova ønsket at mønstrene og dekoren skulle være forskjellige. Maria Fedorovna Jakunjsjikova overtok viktige administrative oppgaver etter Polenova, mens produksjonen ble ledet av en tidligere elev Jegor Zelenkov. Han satte i produksjon de mest populære og vellykkete arbeidene til Polenova og møblene på Abramtsevo forfalt etterhvert til rutine og masseproduksjon.

¹⁸⁹ Andreas Aubert *Norden* (1902), s. 139-141. Artikkelen går foruten dette ut på å hylle Munthes innsats for "vår nasjonale kultur (...) Det er nettopp hans innsats av nye dekorative tanker og av en fritt skapende fantasi vår kunstneriske kultur for øyeblikket trenger".

¹⁹⁰ Sakharova, J.V. *V.D. Polenov, E.D. Polenova. Khronika semi khudozjnikov* (Moskva 1964), s. 507. Stasov sier videre at hun viser "en uvanlig kjærlighet og lidenskap til vår nasjonale karakters form og farger".

Innunder århundreskiftet nærmet kunst og kunsthåndverket både i Russland og Norge seg Arts & Crafts-bevegelsens grunnleggende tanker om en enhetlig design i arkitektur, møbler og dekor. Polenova arbeidet med romutsmykninger sammen med flere av Abramtsevo-kretsens kunstnere, bl.a. Aleksandr Golovin, Konstantin Korovin og Viktor Vasnetsov. I 1897/98 utførte hun interiøret i spisestuen hos Maria F. Jakunsjikova på landstedet Nara.¹⁹¹ I spisestuen ble møbler og dekorasjoner integrert i en "russisk stil". Akvarellutkastene viser en forståelse for en helhetlig tenkning av interiøret Polenova mente man også kunne finne i gamle russiske bondestuer.

Ved å se på andre romutsmykninger av Gerhard Munthe ser man flere likhetstrekk med Polenovas arbeider, for eksempel i kombinasjonen av det enkle bondeinteriøret og bruken av friske og glade farger. Akvarellene fra Munthes eget hjem Leveld ved Lysaker viser lyse og fargesterke interiører med en blanding av eldre møbler fra by og bygd. Veggfriser og peisen er fantasifullt dekorert. Hans hjem ble av samtidens store kunstteoretiker Andreas Aubert betraktet "som et kunstnerisk raffinert og smakfuldt adlet bondehjem med bidrag fra embedsmannshjemmet" som et mønster for innredning når "vort folk vaakner til kunstnerisk bevissthet".¹⁹²

Å illustrere det nasjonale – mot en ny dekorativ stil

Illustrasjonsoppgaver til den voksende nasjonale bokproduksjon av eventyr, sagaer og historiebøker ble et viktig arbeidsfelt for mange kunstnere rundt forrige århundreskifte. Men mens Munthe ble hyllet som en av våre store nasjonale illustratører, slet Polenova i årevis med å få utgitt sine egne eventyrsamlinger i Russland. Hun samlet og skrev selv ned eventyr, sagn og ordtak på den russiske landsbygda. Slik håpet hun å oppnå en direkte formidling både i tekst og illustrasjoner. Som vi snart skal se kom både Munthe og Polenova til å gå fra en naturalistisk stil til en dekorativ nasjonal stil i sine akvareller og illustrasjoner.

Allerede i 1893 hadde Munthe tatt et definitivt oppgjør med naturalismens formspråk. Da stilte han ut en serie med 11 akvareller på den mye omtalte Sort og Hvitt-utstillingen i Kristiania. Akvarellene var fantasier over norske eventyr, altså ikke illustrasjoner til bestemte eventyr, men mytiske inntrykk fra forskjellige eventyr, viser og kvad. I en forenklet og stilisert form skildret akvarellene figurer og landskap i en knapp form, hvor perspektiv, skygger og fargeavtoninger var bannlyst, som for eksempel i *Nordlysdøtre* eller *Beilere* fra 1893. Munthe mente nå at den "bundne stil", basert på rytmer, klanger og mystikk, overgikk den naturalistiske framstillingsmåten og kritiserte den franske naturalismen for å ta tidsånden fra motivet og gjøre det ungt. Den norske kunsthistorikeren Jens Thiis skrev i 1903 om hvordan Munthe etterhvert følte det naturalistiske dogme som en "spændtrøye om fantasien".¹⁹³ I tilknytningen til utviklingen av den dekorative kunsten skrev Munthe også en rekke artikler av kunstteoretisk art som er samlet i boken *Minder og Meninger* (1919). Gjennom studier og argumentasjon utviklet han også et nasjonalt fargeprogram basert på bondekunstens forkjærlighet for kraftige farger.

Munthe kom i stor grad til å illustrere "nasjonale klenodier" som ble av stor viktighet i det nasjonalstatlige byggeprosjekt. I 1896 startet Munthe arbeidet med illustreringen av Snorre Sturlasons Kongesagaer i samarbeid med bl.a. Erik Werenskiold. Munthe valgte ut papir, typer og utformet en dekorativ strekstil i vignetter og border som bandt verket sammen i en helhet. Illustreringen av *Draumkvedet* (1900-04) var et annet verk av stor nasjonal betydning og i en artikkel skriver han om hvordan han har "tilstræbt at gjøre Bogen norsk".¹⁹⁴

Polenovas brudd med realismen og utvikling av en dekorativ stil gjennomgikk en mer gradvis prosess. Polenovas første eventyrillustrasjoner (Abramtsevo-syklusen) er tydelig påvirket av den

¹⁹¹ Spisestuen blir beskrevet av Netta Peacock i: "A Log House Dining-Room in Russia", *The Artist* (jan-apr, 1899), 1-7.

¹⁹² Aubert: *Norsk kultur og norsk kunst* (Kristiania, 1917), s. 104.

¹⁹³ Thiis: *Gerhard Munthe* (Trondhjem, 1903), s. 28.

¹⁹⁴ Munthe: *Minder og meninger*, Kristiania 1919, s. 88

nasjonalrealistiske retningen i kunsten. I eventyret *Vojna Gribov* (Soppenes krig) baserer hun alle motivene på detaljerte beskrivelser av russisk natur og arkitektur. Detaljer i den gamle russiske byggeskikk blir framhevet, og bruksgjenstander og klær fra Abramtsevovs etnografiske museum blir gjengitt i flere av hennes eventyrrillustrasjoner i 1880-årene. Etter mange vanskeligheter og skuffelser ble eventyrboken *Vojna Gribov* utgitt i 100 eksemplarer i 1889.

I løpet av 1890-tallet (Kostroma-syklusen) ser vi hvordan Polenova begynner å eksperimentere mer med både form og stil. Samtidig er miljøbeskrivelsene, klær og drakter av stor betydning i disse illustrasjonene. Noe som kan minne om Erik Werenskiolds illustrasjoner av Asbjørnsen og Moes eventyr. Spesielt peker illustrasjonen til ordrimet *Den rødhårete og den vene* framover mot en nasjonal dekorativ form.

For å utvikle en nasjonal dekorativ stil hentet Polenova inspirasjon fra naturen, slik hun hadde gjort i *Døren til Baba Jaga*. Hun skrev selv at hun la vekt på "å uttrykke det kunstneriske fantasibildet, som lever og livnærer seg i fantasien til det russiske folk". Slik oppfattet hun sine nye stiliseringsmetoder som autentisk russiske. Polenova var mye syk i tiden fra 1896 til hun døde i 1898 og fikk ikke jobbet så mye som hun ønsket verken med illustrasjoner, romtysmykninger eller på broderiverkstedet Solomenko hvor hun tilbrakte mye tid de fire siste årene hun levde. Stiliseringen hun fant i gamle broderier og mønstre styrket hennes overbevisning om at man ved å stilisere oppnådde en "russisk karakter". I illustrasjonen av *Ildfuglen*, basert på et russisk folkeeventyr, ser vi hvordan Polenova har begrenset antall farger til kun varme, sterke farger i blått, gult, grønt og rødt. Ivan er kledd i en tradisjonell russisk drakt og støvler. Bakgrunnen skiller seg fra Polenovas foregående illustrasjoner og er svært dekorativ og ornamental med stiliserte plantevekster som bukter seg rundt Ivans kropp.

I flere av Polenovas siste arbeider gir hennes stilisering liv til naturen og plantevekster og understreker motivets gåtefulle og eventyraktige stemning. Slik ligger hennes siste arbeider nærmere Munthes. Sammenligner vi Munthes *Eventyrhaven* med Polenovas *Dyret* ser vi hvordan begge benytter organiske og ornamentale former for å få fram en dekorativ helhet. Men mens Munthe her anvender en ren sjablongaktig stil for sine menneskefigurer, er Polenova i større grad fortsatt bundet til en realistisk figurframstilling.

Virkningshistorie og forbindelser til den internasjonale kunstarenaen

De siste årene av sitt liv ble Jelena Polenova trukket inn i en strid mellom nasjonalrealismen og den nye "dekadansen" i russisk kunst. De to nye kunsttidsskriftene i St. Petersburg i 1898, Stasovs *Kunst og kunstindustri* og Sergej Pavlovitsj Dzagilevs *Mir Iskusstva* sto for hvert sitt syn på samtidskunstens rolle, og begge gjorde krav på Polenova som "sin" kunstner. Dzagilev sto Abramtsevo-kretsen nær, inviterte Polenova til å lage et omslag til *Mir Iskusstva* og fikk tillatelse til å trykke hennes arbeider. Dette opplevde Vladimir Stasov som et svik mot det nasjonale og han anklaget Polenova for å forene seg "med russiske og engelske dekadenter". Polenova innrømmer i sitt svarbrev at hun var fascinert av engelske illustratører, spesielt Walter Crane. Men at hun ikke så noen motsetning mellom det å være inspirert av internasjonal kunst og å arbeide med en nasjonal stil og skrev: "om komposisjonen blir eller ikke blir russisk nasjonal er avhengig av om kunstneren har følt det russiske liv og dets karakteristiske kjennetegn". Tilsvarende møtte Munthe kritikk i Norge for sitt oppgjør med naturalismen, og Munthes forsvar for en nasjonal dekorativ kunst er i tråd med Polenovas. I artikkelen "Kunstværdier" i 1898 hevder han at "Nationalitet og Personlighed" ikke kan stilles opp mot hverandre. De var to sider av samme sak.

De to kunstnerskapene viser interessante paralleller og forskjeller, men peker i samme retning mht. forbindelsene til den internasjonale kunsten rundt århundreskiftet. Deres forestillinger om det nasjonale var både tilbakeskuende og avantgardistiske på samme tid, og sto i dialog med kunsthistoriske endringer i Europa ellers. Både Polenova og Munthe var opptatt av det som skjedde på kontinentet innen den nye, moderne kunsten og jeg vil tro at de kjente til hverandres arbeider. Polenova kan ha lest artikkelen om Munthe i *The Studio* i 1896 eller Dzagilevs artikkel i

Severnyj Vestnik fra 1897. Denne var skrevet i forbindelse med Djagilevs utstilling med skandinaviske kunstnere i St. Petersburg høsten 1897¹⁹⁵, hvor Munthe bl.a. ble representert. Munthe kan på sin side ha lest artikkelen om Polenova og den dekorative kunsten i Russland i *The Studio* 1901¹⁹⁶.

Internasjonalt fremstår de to kunstnerskapene som overganger mellom Arts & Crafts og Art Nouveau. Men som jeg har påvist er deres kunstnerskap også interessante som uttrykk for en kompleks tid der det nasjonale i kunsten fikk en overordnet betydning. Polenovas kunstnerskap er blitt nedtonet i fremstillingen av russisk kunst rundt århundreskiftet, men raskt etter sin død i 1898 ble hun av både Djagilev og Aleksandr Benois anerkjent for å ha åpnet veien for utviklingen mot den nye "stil modern" i russiske eventyriillustrasjoner med bl.a. Bilibin, Rerikh og Maljutin. Munthe ble en av de få eksponentene for den dekorative stilen i Norge.

Кари Брандтзэг: Национальное самосознание и современность в Норвегии и России, представленные в работах художников Герхарда Мюнте и Елены Поленовой

Основное внимание в этом докладе было уделено художникам Елене Поленовой (род. в России в 1850 г.) и Герхарду Мюнте (род. в Норвегии в 1849 г.). Оба они работали во многих областях изобразительного искусства, включая живопись, мебельный дизайн, производство ковров, вышивку, изготовление украшений интерьера и выполнение иллюстраций. На Всемирной выставке в Париже в 1900 году их искусство было полно представлено, и схожесть между выставленными в российском и скандинавском павильонах экспонатами была не раз отмечена. Схожие черты общественного развития привели к тому, что искусство как в Норвегии, так и в России сделало поворот в национальном направлении в конце 19 века. Интересное совпадение - в это время были созданы поселения – кружки художников, интерес которых был в значительной степени обращен на национальные проекты. В 1883 году Елена Поленова стала активным членом кружка художников, располагавшемся в селе Абрамцево – поместье мецената и железнодорожного магната Саввы Мамонтова. И Герхард Мюнте учредил подобное общество художников в Люсакере под Осло, членами которого были среди прочих и Эйлиф Петерсен и Эрик Веренскиолд. В течение 1890-х годов многие представители норвежской интеллигенции, как например Фритьоф Хансен, построили здесь дома.

У художников Люсакерского и Абрамцевского кружков можно обнаружить немало стратегий в вопросе развития национального искусства. Одна из таких стратегий заключается в представлении значения топографии и географии местной природы для национальной особенности. Другая стратегия выражается в представлении самобытности народа, крестьянства, сохранившего национальную оригинальность. И Елена Поленова, и Герхард Мюнте развили национальный современный стиль, основывающийся на идеалах народного искусства. Он нашел наиболее яркое отражение в работе Поленовой в мебельной мастерской в Абрамцево. На рубеже столетий искусство и художественные ремесла как в России, так и в Норвегии приблизились к основополагающим идеям движения "Искусство и Художественные промыслы" (Arts & Crafts), заключающихся в однородном едином дизайне в архитектуре, мебели и декоративном искусстве. Поленова

¹⁹⁵ Werenskiold, Marit: Sergej Djagilevs artikkel "Moderne skandinavisk maleri", 1897/oversatt og kommentert av Marit Werenskiold *Kunst og Kultur* (4/1991), s. 194-229

¹⁹⁶ Netta Peacock: "The new movement in Russian decorative art", *The Studio*, London 1901, vol 22, p. 268- 275. I artikkelen fokuserer Peacock på Jelena Polenovas betydning for utviklingen av nasjonal dekorativ stil i Russland: "Helen Polénoff (whose death two years ago proved so great a loss to Russian art) was the first to realize that the decorative art of a country should express popular thought in popular language, and that if not expressive of the instinctive feeling of a people it lacked distinction and was of value only as suitable design, but not otherwise", s. 268

работала над украшением помещений вместе со многими другими членами Абрамцевского кружка. Наиболее известная работа по украшению помещений Герхарда Мюнте – Сказочная комната в Холменколленском туристическом отеле в 1896 г. Два этих художника обнаруживают интересные параллели и различия. Их представления о национальной идее были и ретроспективными, и авангардистскими одновременно, и находились в процессе диалога с художественно-историческими переменами в Европе. Для Мюнте и Поленовой не было противоречием вдохновение международными стилистическими направлениями и одновременное при этом формирование национального стиля и искусства.

Marit Werenskiold: Djagilevs Norgesreise og utstilling av skandinavisk kunst i St. Petersburg 1897

Sommeren 1897 gjorde den 25-årige Sergej Djagilev, den siden så legendariske skaper av Les Ballets Russes i Paris 1909-14, en vel tre ukers reise til Sverige, Norge og Danmark for å studere moderne skandinavisk billedkunst. Reisen var et ledd i forberedelsene til en kjempemønstring av svensk, norsk og dansk kunst, som Djagilev arrangerte høsten 1897 for "Det keiserlige selskap til kunstenes fremme" (Imperatorskoe Obsjtsjestvo Poosjtsjrenija Khudozjestv) i St. Petersburg. Den resulterte også i et 19 siders essay, "Moderne skandinavisk maleri", publisert av Djagilev i Petersburg-tidsskriftet *Severnij vestnik* (Den nordlige budbringer) i november 1897, som introduksjon til utstillingen.

Denne artikkelen, som ut fra lengde, engasjement og ambisjonsnivå må kunne karakteriseres som Djagilevs hovedverk som kritiker, har vært helt ukjent for både sovjetisk og vestlig kunsthistorikere, inntil jeg selv publiserte den i norsk oversettelse 1990-91. Også reisen har vært ubehandlet i den internasjonale Djagilev-litteraturen. Endog utstillingen hadde gått i glemmeboken i Vest, men er omtalt av et par sovjetiske kunsthistorikere som en viktig begivenhet i russisk kunsthistorie omkring århundreskiftet.

Den første dokumenterte kontakt mellom Sergej Djagilev (1872-1929) og norske kunstnere fant sted i badebyen Dieppe på den franske kanalkysten sommeren 1895. Fra "Villa des orchidées" skrev maleren Frits Thaulow 12. august følgende til sin venn Erik Werenskiold, som befant seg i Kviteseid i Telemark:

"Her har været et par Russere hos mig. Den ene af dem er en ung rig Mand der er iferd med at stifte et Galleri i Petersburg – han reiser rundt og plukker ud de aller bedste Ting og er meget intelligent og har en særdeles fin Smag. Han ber mig spørge Dig om du vil sende ham et Billede til 1000 francs. Du kan selv bestemme Motiv, Størrelse og Tid for Aflevering. Jeg indestaar for Mandens Sikkerhed. Hans Adresse er Serge Diaguilew, Le Petersbourg, Fontanka 24."

Den unge adelsmannen Sergej Djagilev fra byen Perm i Ural levde på denne tiden som elegant estet og musiker i St. Petersburg, og var et sentrum i kretsen som i 1898 skapte gruppen og tidsskriftet *Mir iskusstva* (Kunstens verden). Om somrene gjorde han rundreiser i Europa, for å holde seg à jour med det nyeste som skjedde innen billedkunst og musikk. Metodisk skaffet han seg kontakter ved å oppsøke celebriteter og avlegge sin *hommage* på feilfritt fransk. Frits Thaulow (1847-1906) var nærmere femti og meget vel etablert innenfor fransk kunsthistorie, med sine delikate skildringer av norske snølandskap og franske stemninger med rennende vann. Han var ridder av Æreslegionen og omgikk kunstnere som Claude Monet, Auguste Rodin og Pierre Puvis de Chavannes.

Djagilev kjøpte trolig ved denne anledning tre bilder av Thaulow. Erik Werenskiold imøttekom Djagilevs bestilling ved å sende ham maleriet *Aftenstemning fra Kviteseid (Sjø i Telemark, 1895)*, som i dag tilhører Eremitasjen i St. Petersburg og for tiden vises på Pusjkin-museets utstilling av skandinavisk kunst i russiske museer. Djagilev ble meget begeistret for maleriet og skrev et hjertelig takkebrev på fransk, det første av hans fem bevarte brev til Werenskiold. De to utvekslet så en norsk og en russisk utgave av Asbjørnsens norske folkeeventyr med Werenskiolds illustrasjoner, som Djagilev også verdsatte meget høyt.

Erik Werenskiold (1855-1938) var som Thaulow ridder av Æreslegionen og en toppfigur i nordisk kunst. Våren 1895 hadde han malt en serie portretter av Henrik Ibsen, hvorav ett gjorde stor lykke på en utstilling i Ghent. De siste somrene hadde han malt folkeliv og stemningsfulle kveldslandskaper i Kviteseid, en bortgjemt bygd i Telemark, som nylig var blitt lett tilgjengelig gjennom den nye vannveien Telemarkskanalen. Djagilev var blitt oppmerksom på Werenskiolds kunst på en utstilling i München og gjennom Richard Muthers nyutkomne verk *Geschichte der Malerei im XIX. Jahrhundert* (München 1894), der Werenskiold var omtalt som "den mest skapende og poetiske blant norske kunstnere."

Sergej Djagilevs sterke interesse for skandinavisk billedkunst i ungdomsårene avspeiler både den nære kontakt St. Petersburg-miljøet hadde med Norden gjennom storfyrstedømmet Finland, som språklig og kulturelt fungerte som et brohode, og den høye prestisje skandinavisk kunst hadde opparbeidet seg internasjonalt i 1890-årene, ikke minst gjennom Frits Thaulows og svensken Anders Zorns suksess. Skandinavisk litteratur og musikk, representert ved Ibsen, Bjørnson, Strindberg og Griegs verker, sto sentralt i det russiske publikums bevissthet, mens billedkunsten var mindre kjent.

På denne bakgrunn skaffet Djagilev seg våren 1897 i oppdrag å arrangere en stormønstring i St. Petersburg av norsk, svensk og dansk samtidskunst for Det keiserlige selskap til kunstenes fremme, den første i sitt slag utenfor Skandinavia. Utstyrt med en anbefaling fra Selskapets høye beskytter, hertuginne Eugenie av Oldenburg, kusine av kong Oscar II og medlem av tsarfamilien, reiste han i første halvdel av juli til Skandinavia for å samle bilder til utstillingen. I Stockholm pågikk sommeren 1897 den store "Almänna konst- och industri-utställningen", der norsk, svensk og dansk kunst var rikt representert. Her skaffet Djagilev seg et grundig overblikk over nordisk samtidskunst og valgte ut en mengde bilder som han ville ha med i St. Petersburg. Han tok kontakt med malerprinsen Eugen, Oscar IIs yngste sønn, samt fremtredende medlemmer av den liberale gruppen Konsthärförbundet, og gjorde en dramatisk utflukt til dyremaleren Bruno Liljefors i hans villmarksatelier i Järna. Fra Stockholm dro Djagilev til Mora i Dalarna, etter invitasjon fra Anders Zorn. Han seilte med Zorn på Siljan og var med ham på folkedans, dypt fascinert av den store mesters paradoksale *image* som på en gang svensk bonde og parisisk verdensmann.

Fra Mora reiste Djagilev til Kristiania for å treffe Erik Werenskiold, med en anbefaling fra Prins Eugen. Werenskiold var imidlertid i Kviteseid, opptatt med sine illustrasjoner til Snorres kongesagaer. Den russiske verdensmann dro derfor videre via Skien og Telemarkskanalen til Kviteseid, dit han ankom med kanalbåten mandag 26. juli 1897, for å diskutere utstillingsplanene i St. Petersburg og be om Werenskiolds hjelp.

Erik Werenskiold bodde da på gården Kyrkjebø, rett opp for bygdesenteret med kanalbåtkaien. Herfra kunne Djagilev beskue selve motivet for det Werenskiold-bildet han hadde hjemme på sin vegg i Litejnaja 45, utsikten mot syd over Sundkilen, en arm av Kviteseidvannet, med den i dag fortsatt eksisterende bryggen som en gul flekk til venstre. Den 25-årige russer og den 42-årige norske kunstner førte intense drøftelser på fransk utover kvelden om hvilke bilder som burde med i St. Petersburg. Werenskiold viste frem sine malerier og tegningene til Snorre, som han nettopp arbeidet med. Under samtalen ivret Djagilev sterkt for at Werenskiold skulle komme til Russland for å male et portrett av Leo Tolstoj, som de begge beundret. Werenskiold var vel bevandret i russisk litteratur som nevø av slavisten Hans Blom, grunnleggeren av russiskstudiet i Norge.

Etter en morgentur med Werenskiold opp til malerne Thorvald Erichsen og Oluf Wold-Torne på gården Haukom returnerte Djagilev dagen etter til Kristiania, hvor han forhandlet om lån med Nasjonalgalleriet og besøkte en rekke privatsamlinger i Bærum. Han hadde også et åpenbart lite vellykket møte med maleren Christian Krohg. Særlig betatt ble Djagilev av Erik Werenskiolds hjem og malerisamling i hans nybygde villa på Lysaker, der den unge russer ble tatt vel imot av fru Sofie Werenskiold og barna Werner, Basken og Dagfin og valgte ut en rekke bilder til utstillingen i Petersburg. Blant disse var verken Edvard Munchs *Sommernatt (Inger på stranden)*, 1889 eller Krohgs *Sovende mor* (1883), som dengang tilhørte Werenskiold. På fjortenårsringen Werner gjorde Djagilevs besøk dypt inntrykk. Han tok hele livet omhyggelig vare på den malte treskjeen russeren ga ham som souvenir, uten å huske navnet.

Fra Kristiania dro Djagilev via Göteborg til København, der han oppholdt seg første uken i august 1897 og tok kontakt bl.a. med samlerne Alfred Bramsen og Heinrich Hirschsprung. Kanskje traff han her den norskfødte maleren Peder Severin Krøyer, som han også har samtalt med. Videre dro Djagilev til Paris, Bretagne og Dieppe, for å møte den engelske illustratøren Aubrey Beardsley og dikteren Oscar Wilde. Trolig hadde han i Dieppe også en ny samtale med Thaulow. I slutten av august vendte Djagilev tilbake til St. Petersburg, for å forberede utstillingen og skrive sitt store essay om skandinavisk kunst.

Djagilevs "skandinaviske utstilling" (skandinavskaja vystavka) åpnet med pomp og prakt lørdag 23. (russisk 11.) oktober 1897 i Det keiserlige selskaps fornemme lokaler i Bolsjaja Morskaja 38, ikke langt fra Isaak-katedralen i sentrum av St. Petersburg. Den omfattet 289 arbeider av 74 kunstnere, derav 20 svensker, 27 nordmenn og 27 dansker, og pågikk en måned som høstens sosiale begivenhet i den russiske hovedstad. De fleste utstillerne sognet til Konstrnärsförbundet, kretsen omkring Werenskiold samt Den fri Udstilling, altså den liberale fraksjon i svensk, norsk og dansk kunsthiv. Best representert av samtlige var Anders Zorn med 23 arbeider, både malerier og grafikk. Blant svenskene gjorde ellers Carl Larsson, Bruno Liljefors, Karl Nordström, Oscar Björck, Eugène Jansson og prins Eugen seg mest gjeldende. Blant danskene var Julius Paulsen og Vilhelm Hammershøi fremhevet med hele 12 og 10 malerier hver. Også Johannes Larsen, Johan Rohde og P.S. Krøyer var fyldig representert.

Blant nordmennene dominerte Thaulow, Werenskiold, Christian Skredsvig, Gerhard Munthe og Christian Krohg med malerier, akvareller og tegninger. Motivmessig var mønstringen dominert av portretter og tidstypiske nordiske aftenstemninger, mange med måneskinn. Djagilev hadde for øvrig tatt med et bilde av Edvard Munch som sammen med Oda Krohg og tildels Munthe, ble utstillingens mest kontroversielle kunstner. Størst begeistring vakte Zorn, som ankom Petersburg som Djagilevs gjest og ble feiret med en strålende bankett av den russiske kunstnereliten, med den radikale akademiprofessor Ilja Repin presiderende ved bordet. Også Thaulow, Werenskiold, prins Eugen og den i dag mindre kjente Julius Paulsen hadde betydelig suksess hos presse og publikum.

Utstillingen ga opphav til en flom av anmeldelser i russiske aviser og tidsskrifter. De fleste var positive, men bemerket ujevn kvalitet og skjevhet i utvalget. Et unntak dannet det innflytelsesrike bladet *Niva* (Kornmarken), som stemplet utstillingen som publikumsfiasko og en fare for unge russiske kunstnere ved de mange eksempler på impresjonisme, symbolisme, mystisisme og japanisme, altså avvik fra den i Russland nylig aksepterte realismen.

Djagilevs egen artikkel i det ultraliberale tidsskriftet *Severnyj vestnik* november 1897 gir en bred presentasjon og sammenlignende analyse av samtidskunsten i Norge, Sverige og Danmark, til orientering for utstillingens besøkere. Djagilev skildrer norsk, svensk og dansk billedkunst som innbyrdes helt forskjellige "skoler" på høyt internasjonalt nivå. Hans biografiske opplysninger er nokså upresise, men stort sett gir artikkelen god informasjon og treffende karakteristikk, som gjør den til et verdifullt kildekrift. Størst sympati uttrykker han for Erik Werenskiold, hvis rettskafne personlighet og fint følte arbeider beskrives over flere sider innledningsvis. Stor og positiv oppmerksomhet vies også Frits Thaulow, Anders Zorn, Bruno Liljefors og dansken Vilhelm Hammershøi.

Djagilev fulgte opp den skandinaviske mønstringen med en utstilling av russiske og finske kunstnere i januar-februar 1898, som førte til dannelsen av gruppen og tidsskriftet *Mir iskusstva*. Fra første nummer, som utkom fra november 1898, var bladet preget av Djagilevs begeistring for skandinavisk kunst, markert bl.a. med en større illustrert artikkel om Werenskiolds Snorre-tegninger. I 1901 gjenga Djagilev også en rekke av Werenskiolds eventyrtegninger, og året etter brakte han et bilag med hele 52 reproduksjoner etter norsk, svensk og dansk billedkunst, der særlig Hammershøi, Werenskiold og Zorn var fyldig representert. Han trykket også en artikkel av Gerhard Munthe om sagaillustrasjonene, som må ha hatt en særlig appell til russiske lesere på grunn av vikingenes fremtredende rolle i det gamle Russlands historie.

Djagilevs formidling av skandinaviske impulser har også gitt synbare nedslag i russisk billedkunst. Mest iøynefallende er dette hos "zornistene" Valentin Serov, Filipp Maljavin og Abram Arkhipov, som malte elegante portretter og frodige bondekvinne à la Zorn. Impulser fra Werenskiold

erkjennes av eventyrtegneren Ivan Bilibin, mens Nikolaj Rerikhs og Vasilij Kandinskij's vikingmotiver ca. 1901-06 synes inspirert av Werenskiolds og Munthes illustrasjoner til Snorre. Når eksilrusseren Kandinskij, den i dag så berømte skaper av det abstrakte maleri, i München 1901 gjorde energiske forsøk på å få Werenskiold til å delta på "Phalanx"-gruppens annen utstilling, skyldes dette trolig Djagilevs entusiastiske formidling gjennom *Severnyj vestnik* og *Mir iskusstva*. Dessverre avsto Werenskiold invitasjonen, da han ikke kjente innbydernes navn.

Litteratur

"Sergej Djagilevs artikkel 'Moderne skandinavisk maleri' 1897". Oversatt og kommentert av Marit Werenskiold. *Kunst og Kultur*, Årg. 74, 1991, pp. 194-229.

Marit Werenskiold: "Serge Diaghilev and Erik Werenskiold", *Konsthistorisk tidskrift*, Stockholms universitet, Årg. 60, 1991, s. 26-41.

Marit Werenskiold: "Sergej Djagilev and Scandinavia 1895-1904", *Scando-Slavica*, Tomus 38, 1992, s. 46-63.

Marit Werenskiold: "Erik Werenskiold in Munich 1875-1881", *Konsthistorisk tidskrift*, Årg. 68, 1999, s. 81-98.

Marit Werenskiold: "Sergej Djagilev og Skandinavia 1895-1904", i: M. Marcussen og G. With (red.): *Til og fra Norden. Tyve artikler om nordisk billedkunst og arkitektur*, Københavns Universitet 1999 (Akte fra Den 3die internordiske Kunsthistorikerkongress, Ry 1990).

Marit Werenskiold: Diaghilev's visit to Norway and exhibition of Scandinavian art in St. Petersburg 1897

Serge Diaghilev (1872-1929), the illustrious impresario of Les Ballets Russes in Paris from 1909, was in his younger days in St. Petersburg an active promoter of Scandinavian art. His involvement has been little known in the West, but it was of considerable importance for the Russian artistic milieu at the turn of the century 1900. The high point of this activity was Diaghilev's large-scale exhibition of Swedish, Norwegian and Danish painting in St. Petersburg in the autumn of 1897, accompanied by an extensive article presenting his views on modern Scandinavian art. This was also unknown in the Diaghilev literature. His favourite artists were the Norwegians Erik Werenskiold (1855-1938) and Frits Thaulow (1847-1906) and the Swede Anders Zorn.

In July 1897 Diaghilev travelled via Sweden to the remote place Kviteseid in central Norway, the setting of a painting he had bought from Werenskiold two years earlier, to pay his *hommage* to the artist and ask for his help in organizing the Norwegian part of the exhibition. Diaghilev also visited a series of collections in Kristiania (Oslo) and Bærum, including Werenskiold's own in his newly built villa at Lysaker, to select and borrow pictures. The exhibition took place in October-November 1897 in the Imperial Society for Promotion of the Arts, and made a great stir in the Russian public. It included 289 paintings and drawings by 74 artists: 20 Swedes, 27 Norwegians and 27 Danes. Anders Zorn was by far the most successful, though Werenskiold and Thaulow also attracted much favourable attention. Five letters from Diaghilev to Werenskiold 1895-1900 were found by Marit Werenskiold in 1985.

Widar Halén: Russisk inspirasjon på norsk emaljekunst

Fornyselsen av den norske emaljekunsten på slutten av 1800-årene er først og fremst knyttet til det velrenomerte gullsmedfirmaet Jacob Tostrup som ble etablert i Christiania i 1832, året etter at Jacob Tostrup kom hjem fra sin svennetid i St. Petersburg. Tostrup var født i 1806 på gården Sande ved Stavanger, og 17 år gammel reiste han til Bergen hvor han i fem år gikk i lære hos gullsmed Christopher Desingthun. Bergenslauget var Norges største på denne tiden og det hadde ry på seg for å være det beste. Jacob var en ivrig lærling og de to siste år av sin læretid hadde han på eget initiativ supplert sine tekniske ferdigheter ved å bringe dem à jour med fagets seneste utvikling. Det var særlig stålgraving og stanseskjæring han spesialiserte seg på, og det

var denne teknikken som skulle legge grunnlaget for industrialiseringen av gullsmedyrket. Tostrup ble så dyktig til å stikke i stål at han på fritiden utførte oppdrag for andre gullsmeder i Bergen, og på denne måten skaffet seg en ekstra inntekt. Da han i 1828 hadde fullført sin læretid, hadde han 50 riksdaler i lommen til sin svennevandring, og nå gjaldt det å finne et brukbart område for den fire år lange svennevandringen. Det var mange ruter han kunne velge: Den tradisjonelle gikk via København nedover Tyskland til gullsmedsenteret Augsburg som mål. Eller han kunne som de mer "moderne" mestrene i Bergen velge England. Men den unge Jacob valgte St. Petersburg.¹⁹⁷

Dette var et spesielt valg, men det var kanskje ikke så rart for han hadde sikkert hørt om det rikt blomstrende kunstliv som utfoldet seg i St. Petersburg under sen-empiren. Dessuten hadde St. Petersburgs håndverkerstand helt fra gammelt av hatt internasjonal karakter, og blant de mer kjente gullsmedene var det ved siden av de innfødte flere franske, tyske og skandinaviske. Blant disse var svenskene i avgjort flertall, men også dansker og enkelte nordmenn hadde slått seg ned der.¹⁹⁸ Det hadde man selvfølgelig rede på i de Bergenske gullsmedkretser, hvor det også gikk frasagn om de utrolige, omfangsrrike bestillingene, som gullsmedene i St. Petersburg utførte for keiser-familien og for de russiske stormenn.

Og ikke minst gikk ryktene om den helt eventyrlige karriere som den norske kollegaen Iver Winfeldt Buch fra Drammen hadde gjort der. Iver ble antagelig født i 1749 og han gjorde sin svennevandring gjennom Sverige til Russland og kom dit under Katarina den store. Han fikk arbeide hos en hoffjuveler i St. Petersburg, som da hadde i oppdrag å pusse opp en av keiserinnens diademer. Gullsmeden falt for fristelsen å bytte ut en av de store stenene med en falsk, og da Buch skulle levere diademmet, ble dette oppdaget. Han ble forhørt og tilsto hva hans mester hadde gjort, men bedyret at han personlig var uskyldig. Keiserinnen fikk stor sympati for den unge, staute nordmannen og ba ham om å ta den fengslede gullsmedens plass som hoffjuveler. Ryktene forteller også at han ble protegert av Katarina den store, ja at han ble hennes elsker, og at hun hadde betenkt ham rikelig i sitt testamente bl.a. med et gods i Volhynien. Historien forteller at sønnen, tsar Paul I, imidlertid skulle ha revet testamentet i stykker, og vi vet i dag at dette er korrekt. Vi kan også slå fast at Buch sto keiserinnen nær og utførte atskillige oppdrag for henne og for hoffet.¹⁹⁹ Han hørte snart til blant de førende av St. Petersburgs gullsmeder med egen sølvvarefabrikk og arbeider som viste de mest moderne stilformer og progressive teknikker. Hoffarbeidene omfatter store gjenstander som kandelabre og møbler i sølv, og han må ha tjent gode penger.²⁰⁰ Han ble også utnevnt til dansk-norsk konsul og etatsråd, men etter utstrakt reisevirksomhet bl.a. til Norge i 1804, døde han fattig i 1811.

Om Iver Winfeldt Buchs eventyrlige karriere har hatt direkte betydning for Jacob Tostrups reise til St. Petersburg vet vi ikke noe positivt, men han har sikkert kjent til denne historien.

Foruten Tostrup dro senere en annen Bergenssvenn, Andreas Blytt, i 1847 til St. Petersburg, hvor han virket som gullsmed noen år før han reiste videre til New Zealand og Australia hvor han døde i 1901.

Det var våren 1830 at Jacob Tostrup dro av gårde sjøveien, først til Helsingør og derfra direkte til St. Petersburg. Isforholdene i Østersjøen var vanskelige det året og skuten ble liggende isfast i Finskebukten. Dagene gikk og ukene gikk, med den følge at mannskapet til slutt holdt på å gjøre mytteri. Tostrup gjorde sitt for å roe gemyttene med å spille fiolin for matrosene og damm med styrmannen. Da de etter tre ukers strabaser endelig nådde Kronstad, møtte det ham nye vanskeligheter i form av grove utpressingsforsøk fra de russiske havne- og tollautoriteter. Men da han vel var kommet frem til St. Petersburg, sto lykken ham bi, og han fikk snart arbeide hos en av de mest kjente gullsmedene Carl J. Heyne som opprinnelig var tysker. Under arbeidet i

¹⁹⁷ Thor Kielland, *Om Gullsmedkunst i hundre år*, J. Tostrup 1832-1932, Oslo 1932, s. 22.

¹⁹⁸ L. Bäkebacka, *St. Petersburgs Juvelerare, Guld- och Silversmeder 1714-1870*, Helsingfors 1951.

¹⁹⁹ Ada Buch Polak, "Fra Strømsø til St. Petersburg", *By og Bygd*, XVI, (1962), Norsk Folkemuseum, Oslo 1963, ss. 23-36

²⁰⁰ Anne Odom and Linda Paredes Arend, *A Taste for Splendor, Russian Imperial and European Treasures from the Hillwood Museum*, Alexandria Virginia, 1998, ss. 212-214.

hoffjuveler Heynes verksted fikk Tostrup oppfylt sine ønsker om virkelig å lære noe, og han fikk delta i utførelsen av etter norske forhold eventyrlig store bestillinger til det russiske hoff og adelen. Det var særlig korpus arbeide og drivning han ble satt til, og blant annet utførte han alt det drevne arbeide på en kjempestor sølvsamovar for keiserens bror og 12 stykk 4-armede lysesaker til kronprinsen.²⁰¹ Hvordan disse arbeidene ser ut, har det ennå ikke lyktes å bringe på det rene, men antagelig befinner de seg i statlige museer. Dessverre varte ikke herligheten så lenge for Heyne ble tatt for fusk i faget og ble fengslet utpå våren 1831. Jacob fikk nå læretid hos en annen Petersburg-gullsmed, Anton Christian Iwersen, som antagelig også var av skandinavisk opprinnelse. Heller ikke her fikk han arbeide lenge i fred, for sommeren 1831 brøt koleraen ut i St. Petersburg, og da polakkene samtidig gjorde opprør ble tilstanden for utlendinger utholdelig. Tostrup måtte se å komme videre, og han hadde til hensikt å reise til Berlin, men også der brøt det ut kolera. Han reiste da i stedet til København hvor han i to måneder arbeidet hos gullsmed Sahlquist. I november 1831 kom Jacob Tostrup til Christiania hvor han satt mesteråret hos gullsmed J. Munthe Juul, og i oktober 1832 foreviste han sitt ferdige mesterstykke, en kaffekanne, for lauet. Like etter at han fikk sitt mesterbrev og borgerskap, åpnet han sent på året i 1832 sitt eget verksted i Nedre Vollgate 1.²⁰² Selv om dette var beskjedent, hadde han nok de store St. Petersburg- verksteder og sølvmanufakturere i mente. Fra første stund var planen å opprette et verksted etter de mest moderne arbeidsmetoder beregnet på så vel masseproduksjon som på bestillingsverk i forbindelse med et utsalg, som en helt moderne forretning. Jacob Tostrup utvidet etter hvert sin forretning til å bli en av våre første industrielle og masseproduserende gullsmedfirmaer, som snart ble landets ledende.

Jacob Tostrups første produksjon er preget av sen-empiren eller bidermeier som vi kanskje ville kalle det med noe svulmende former. I ett av sine brever fra St. Petersburg forteller han at han kjøpte med seg 52 stansede figurer og ornamenter.²⁰³ Disse må ha vært forbilder for hans egen produksjon av stansede dekorasjoner som var preget av den presisjon og skarphet i detaljene som vi kjenner igjen fra de beste St. Petersburg-arbeidene.²⁰⁴ Her hadde Tostrup fått med seg noe essensielt fra sitt opphold i Russland som skulle føre ham til topps i de store industriutstillingene og verdensutstillingene under annen halvdel av 1800-årene. Vi har intet bevis for at Jacob Tostrup arbeidet noe særlig med emalje, men det gjorde derimot hans talentfulle sønn Oluf Tostrup, som i 1880 overtok ledelsen av firmaet. I 1876 var han også med på å stifte Kunstindustrimuseet, og i 1881 utførte han noen større arbeider med emalje, norske halvedelstener og forgylt sølv, som kan minne om det rike og eksklusive uttrykket i samtidige russiske arbeider. Skrivestellet og skrinet ble gitt som gaver til det svensk-norske kronprinsparets bryllup. Året etter døde dessverre den unge Oluf, og Jacob måtte igjen ta ledelsen. Oluf hadde i 1881 engasjert en ung venn, arkitekt Torolf Prytz, som var utdannet under Conrad Haase i Hannover, til å tegne noen arbeider. I 1884 inviterte Jacob Tostrup ham til å bli kompanjong i firmaet og Prytz giftet seg med barnebarnet Hilda Tostrup.

Samme år ble Prytz sendt på studiereise til den store emaljeutstillingen i Budapest der både ungarske og russiske emaljer var utstilt, og han kom hjem med inntrykk som for ettertiden skulle endre firmaet Tostrups profil. Det var særlig de øst-europeiske trådemaljene som vakte Prytz' s interesse, og han så straks at denne teknikken kunne kombineres med den norske filigranteknikken. Så fort han var tilbake på verkstedet, begynte Prytz å eksperimentere med emalje, men vanskelighetene var store og han holdt på å gi opp. Hverken de gamle filigranslegeringene eller loddingen var bestandige under brenningen av emaljen. Inntil videre

²⁰¹ Brev fra Jacob Tostrup, datert 14. august 1831, St. Petersburg, i Riksarkivet, Oslo. Takk til Lars Roede, Norsk Folkemuseum, for bistand til tydning av brevene.

²⁰² Thor Kielland, op.cit. ss. 22-26

²⁰³ Brev fra Jacob Tostrup, op.cit.

²⁰⁴ Jacob Tostrup, Tegninger af udpressede Sølvplader fra J. Tostrups Presseindretning, (Katalog), Christiania 1860.

måtte han nøye seg med å legge emaljen i utgravde celler i sølvgodset, såkalt celle- eller grubeemalje.²⁰⁵

Etter fire år kunne han endelig stille ut noen vellykkede arbeider i trådemalje på den Nordiske kunst og industri utstillingen i København i 1888. Dette var mindre gjenstander som dåser, skåler, vaser etc. Stilistisk er flere av disse klart inspirert av de ungarske og russiske emalje-mønstrene Prytz beundret i Budapest.²⁰⁶ I København fikk han anledning til å studere en stor samling russiske emaljer av nyere dato, som var utstilt i den imponerende Russiske paviljongen i ny-russisk stil. Tidsskrift for Kunstindustri innholdt en egen artikkel om den Russiske Gullsmedkunsten og her ble det fremhevet at "nasjonalitets-ideen, denne moderne tanke som har vakt så meget strid og splid, har i Russland vakt til liv det som vi forgjeves har lette etter, en ny stil. En ny stil, som med røtter i folkets dypeste lover, tuktet i Byzantinismens strenge skole, en dag lover å utvikle seg i uanet storhet og prakt". Det ble også fremhevet at det var fra trearkitekturens ornamenter at man hadde hentet en ny ornamentikdom, med fugler og dragehoder, knutebånd- motiver etc., – på samme måte som man i Norge hentet dragestilens motiver fra Stavkirkene og vikingskipene.²⁰⁷ Gullsmedfirmaene Khlebnikov, Ovtjinnikov og Gratsjev hadde de største emaljekolleksjonene. Fabergé arbeidet mest med kopier av greske smykker på denne tiden, men noen typiske russiske smykker stilte han også ut. Det var Pavel Ovtjinnikov med designerne G. Kral og S.F. Komarov som fikk den største rosen for sin storslagne utstilling med en rekke større emaljearbeider.²⁰⁸ Spesielt beundret ble vindusemaljene, en meget komplisert teknikk som både Tostrup, David Andersen og Marius Hammer i Bergen senere kom til å imitere. Blant Ovtjinnikovs arbeider hører vi bl.a. om store pokaler og skrin med lokk i vindusemalje og dessuten om kombinasjon av glasskarafler og vindusemalje, som både Tostrup og David Andersen senere imiterte. Den russiske kommisjonæren Georg Scamoni skrev at man fikk inntrykk av å være i et kapell omgitt av de fineste glassmalerier, når man skuet inn i disse farvesprakende vindusemaljene.²⁰⁹ I Ovtjinnikovs avdeling kjøpte Kunstindustrimuseet i Christiania en kovsj i vindusemalje og en stor flott vase i trådemalje som kom til å inspirerer det norske emaljemiljøet.

Firmaet Ovtjinnikov som var etablert i 1851 var på denne tiden det største gullsmed- og emaljeringsfirmaet i Russland. Det ble også nevnt at Ovtjinnikov hadde startet et såkalt artell, som tilsvarte middelalderens laugs-innretning, et slags håndverker kollektiv med verksteder og skole for unge elever etter mønster av Arts & Crafts bevegelsen i England. Her arbeidet 350 håndverkere som var utdannet på verkstedene, 220 geseller og fire direktører.²¹⁰

De norske emaljearbeidene må ha fortonet seg beskjedne i forhold til de russiske, men den norske gullsmedavdelingen fikk også ros av danske kritikere: "Ualmindeligt smukt staaer de norske Gullsmede" uttalte Erik Schiødte og han roste spesielt filigran og emaljearbeider fra Tostrup. Han nevner også David Andersen, som hadde åpnet sin forretning i 1876, og som viste noen mindre saltkar etc. med emaljedekor.²¹¹ Både Torolf Prytz hos Tostrup og Johan Lund som var sjefsdesigner hos David Andersen ble nå besatt av ideen om å lage emaljearbeider på høyde med de russiske, og russerne selv oppmuntret dem: "Neste gang vi møtes vil dere ha overgått

²⁰⁵ Kielland, op.cit. ss. 104-116.

²⁰⁶ Jan Lauritz Opstad, Norsk Emalje Kunsthåndverk i Verdenstoppen, Oslo, 1994, ss. 45- 48.

²⁰⁷ Jac. Ahrenberg, "Rysk gullsmedskonst på utställningen i Köbenhavn", *Tidsskrift for Kunstidnustri*, IV 1888, ss. 169-178.

²⁰⁸ Georg Scamoni, Die Russische Abtheilung in der Nordischen Kunst, Landwirthschaft- und Industrie-Ausstellung in Kopenhagen 1888, St. Petersburg 1888, s. 22.

²⁰⁹ Scamoni, op. cit. ss.21-23.

²¹⁰ Ahrensberg, op. cit. s. 176.

²¹¹ Erik Schiødte, Guld- og Sølvsmedkunst paa Udstillingen 1888, *Tidsskrift for Kunstindustri*, IV 1888, pp. 161-68.

oss”, sa de til Prytz.²¹² Det skulle vise seg at selv om man ikke kom til å overgå russerne, så kunne i alle fall både Tostrup, David Andersen og Marius Hammer i Bergen konkurrere med dem i sine forbløffende emaljearbeider. I København viste nordmennene riktignok noen arbeider i dragestil, men formene var av den mer konvensjonelle typen som punsjeboller og drikkehorn med drageborder. Det må ha vært russernes rike nasjonale formrepertoar med khanstoler, lokaer og kovsjer, som inspirerte de norske gullsmeder til å ta i bruk hele vårt eget spekter av nasjonale former som ølhøner, vikingskip og tiner etc. Dette sees tydelig i den store produksjon av slike nasjonale former sent på 1880- og utover på 1890-tallet, særlig fra Tostrup, David Andersen og Marius Hammer i Bergen.²¹³

Neste gang russiske og norske gullsmeder møttes var på Verdensutstillingen i Paris året etter, men da var J. Tostrup utenfor konkurranse siden Torolf Prytz satt i juryen. Ikke desto mindre skrev flere kritikere at både Tostrups og David Andersens emaljearbeider faktisk overgikk de russiske i form og eleganse. I *Tidsskrift for Kunstindustri* skrev Henrik Grosch at ”de norske Arbeider udmærkede seg i Virkeligheden fremfor de russiske ved Formernes Afvexling, Ornamentets Rigdom og Udførelsens overordentlige Nøiaktighed”, og han understreket at trådemaljetechnikken kanskje egnet seg bedre for oss enn for noe annet folk fordi den bygget videre på vår gamle filigransteknikk.²¹⁴ Prytz hadde blant annet tegnet en praktfull tine og en større vase som viste at firmaet Tostrup nå endelig mestret de forskjellige emaljetechnikene trådemalje og den kompliserte plique-à-jour, vindusemaljen. David Andersen med sjefsdesigner Johan Lund lå like etter og i 1892 utførte de et mesterstykke i trådemalje og plique-à-jour, en erkjentlighetsgave fra norske leger til Louis Pasteur på 70-års dagen. Lunds stilling ble nå besatt av Gustav Gaudernack fra Wien, som der hadde lært emaljemaling og nå fortsatte David Andersens emalje-produksjon på et høyt internasjonalt nivå. Se bare på hans elegante mokkaservis med blå og hvit emalje i russisk stil fra ca. 1895, og et fint plique-à-jour vikingskip fra slutten av 90-tallet.

Under 1890-tallet bygget norske gullsmeder videre på de erfaringer man hadde høstet under eksperimentene i tiåret før. Spekteret av gjenstander økte betraktelig, og ved siden av en omfattende serieproduksjon ble det laget adskillige unike og omfangsrike arbeider av meget høy kvalitet. Virtuositet kunne man tillate seg når den tekniske siden nå ble behersket. Blant Tostrups første større vindusemaljer er en buketholder i russisk stil som er bevart på kunstindustrimuseet fra ca. 1895. Samme år utførte han et stort skrin til Kong Oscar II som har forbausende likhetstrekk med et av Ovtjinnikovs skrin fra Københavnutstillingen i 1888.²¹⁵

I 1897 laget Prytz ennå et praktskrin til Oscar II ved hans 25 regent jubileum - en gave fra det norske hoffet. Her var det ikke spart på finessene og selv om vi vet at han hadde studert Hedalskrinet, så kjenner vi igjen enkelte russiske detaljer.

Den utviklingen av emaljekunsten på et høyt internasjonalt nivå hos Tostrup og hos David Andersen var noe av det mest interessante som skjedde på det kunstneriske området i Norge i siste del av 1890-årene og ved århundreskiftet. De to sjefsdesignerne Torolf Prytz og Gustav Gaudernack var internasjonalt skolerte og interesserte, og fulgte med i de nyeste trendene.

Det var innenfor art nouveau-stilen som utviklet seg rundt 1900 at deres force skulle komme fullt til uttrykk. De følger her den franske art nouveau-stilen med svungne linjer, blomster og insektmotiver, som lot seg perfekt kombinere med vindusemalje. Disse lette, nesten eteriske kreasjonen kan måle seg med det beste av internasjonal art nouveau, og de fikk da også priser på de store verdensutstillingene under første del av 1900-tallet. På den store verdens-utstillingen i Paris vant J. Tostrup som eneste skandinaviske gullsmedfirma Grand Prix, og den franske kritiker Henry Havard skrev at vindusemaljene var så praktfulle at de burde vært laget i purt

²¹² Kielland, op.cit. s. 116.

²¹³ Widar Halén, *Drager, Gullsmedkunst og drømmen om det nasjonale*, Oslo 1992, Moskva 1998.

²¹⁴ Henrik Grosch, ”Norsk Gullsmedkunst i Nutiden, firmaet Tostrup”, *Norsk Tidsskrift for Kunstindustri*, III 1897, ss. 179-188.

²¹⁵ Scamoni, op.cit. ss. 22-23.

gull.²¹⁶ Det fortelles at da kassene med disse emaljene skulle åpnes, sto museumsdirektører i kø for å kjøpe inn til sine museer.²¹⁷ Så å si hele kolleksjonen ble solgt, men heldigvis har noen av disse gjenstandene kommet tilbake som gaver til kunstindustrimuseet. Også her kan vi tydelig se Torolf Prytz's inspirasjon fra russiske emaljearbeider, og da spesielt fra Fabergé som på denne tiden var regnet som Europas mest eksklusive gullsmed. Prytz kjente sikkert til de berømte påskeeggene som Fabergé begynte å lage for tsar Alexander III i 1884. Se bare på dette egget fra 1899 og Prytz fabelaktige egg for Paris- utstillingen, en tour de force som kan konkurrere med Fabergés fineste arbeider.

Видар Хален: Русское влияние на норвежское искусство росписи эмалью

Обновление норвежского искусства росписи эмалью в конце 19 века происходит одновременно с подобным явлением в России. В обеих странах оно связано с национально-романтическими течениями, которые набрали особую силу во второй половине 19 века. В Норвегии того времени взоры были обращены на искусство росписи эмалью и ювелирное искусство позднего средневековья; то же самое происходило и в России. Такие фирмы в Осло как Якоб Тоструп (учр. в 1832 году) и Давид Андерсен (учр. в 1876 году), а также Мариус Хаммер в Бергене были лидерами в области росписи эмалью в Норвегии, а в России таковыми были фирмы Овчинникова, Хлебникова, Грачева и Фаберже. Нам известны истории некоторых норвежских ювелиров, которые на пути своего обучения оказались в Санкт-Петербурге. Среди наиболее известных – Ивер Винфельд Бух, ставший ювелиром при царском дворе в конце 18 века, и Якоб Тоструп, который в 1831 году проходил годичное обучение у ювелира Карла Й. Хейне. Тоструп привез с собою несколько штамповочных фигур и орнаментов, которые и стали основой промышленного производства, и фирма Якоба Тострупа вскоре стала самой крупной ювелирной фирмой Норвегии. В 1880-х годах были начаты серьезные эксперименты с эмалью, и в 1884 г. тогдашний художественный руководитель архитектор Торолф Притц отправился на учебу в Будапешт с целью знакомства с крупной выставкой эмали, на которой были представлены работы из Венгрии и России. Притц заметил, что в особенности эмали по Скани могли бы быть сравнены с норвежской филигранью, и что с помощью развития искусства росписи эмалью и филигрании можно было бы оживить норвежское ювелирное искусство. Он проводил эксперименты в течение 5 лет для совершенствования сложных техник под названием "шамплеве" и "плик-а-жур" (витражная эмаль), и на Большой Скандинавской выставке искусства и промышленности в 1888 году в Копенгагене его фирма продемонстрировала несколько миниатюрных эмалевых работ. Другая норвежская фирма, Давид Андерсен, почти в тоже время начала работать с эмалью и также показала несколько предметов в Копенгагене. Норвежские фирмы получили очень высокую оценку, и русские участники заявили, что в следующем году "норвежцы их превзойдут". Российский павильон на выставке 1888 года показал ряд великолепных крупных эмалевых работ, особенно фирмы Овчинникова, однако также и фирм Хлебникова, Грачева и немного работ Фаберже. Здесь норвежцы смогли увидеть обширное использование национальных орнаментов и форм, представленных, например, ханским креслом, лодками и ковшами, что, несомненно, вдохновило их на подобное же использование кораблей викингов в норвежском ювелирном искусстве в конце 19 века. На этой выставке Музеем промышленного искусства в Осло были приобретены две прекрасные работы Овчинникова: ковш, выполненный в технике витражной эмали и большая ваза, выполненная в манере эмали по Скани. Русские приемы росписи эмалью, орнаменты и сочетания цветов сыграли значительную роль в развитии норвежского искусства росписи эмалью. На Всемирной выставке в Париже в 1889 году Норвегия продемонстрировала эмалевые работы, которые были сравнены с русскими, а на Всемирной выставке 1900 года Якоб Тоструп получил Главный приз за свои великолепные эмали. Крупное яйцо,

²¹⁶ *Revue de l'art*, VII 1900, ss. 451-52.

²¹⁷ Kielland, op.cit. s. 128-30.

выполненное в технике витражной эмали стало настоящим "тур де форс". Его можно сравнить с самым красивым пасхальным яйцом Фаберже.

Caroline Serck-Hanssen: Nikolaj Rerikh – fra vikinger til Peer Gynt

Den kjente russiske maleren, scenografen, arkeologen og forfatteren Nikolaj Konstantinovitsj Rerikh (1874-1947) er fra et norsk perspektiv en interessant skikkelse av minst to grunner. For det første var han både i sine bilder og litterære tekster svært opptatt av de skandinaviske vikingenes nærvær i det eldste russiske riket (*Kievskaja Rus*). I spørsmålet om vikingenes betydning for Russlands historie, som i over 250 år har vært et meget omstridt emne i landets historieskrivning, sto Rerikh klart på de såkalte normannistenes side. Hans innlegg i debatten følger imidlertid ikke vitenskapens strenge regler, men er av en friere kunstnerisk og estetisk karakter. For det andre tegnet Rerikh kulisser og kostymer til oppsetningen av Ibsens *Peer Gynt* på Moskva Kunstnereteater (MKhAT) i 1912.

Rerikh regnet seg som etterkommer av de skandinaviske vikingene, hvilket kan ha vært medvirkende til hans nærmest lidenskapelige interesse for norrøn kunst og kultur. I 1895, mens han ennå var student ved Kunstakademiet i St. Petersburg, malte han bildet *En væring. I Grekenland / Varjag. V Greki*. Den barske skandinaviske krigeren med helskjegg og lange lokker under hjelmen forestiller trolig en leiesoldat i den bysantinske keisergarden. I et brev til den kjente kunstkritikeren V. Stasov datert 26. februar 1897 skisserte Rerikh sine planer om en billedsyklus på opptil 12 malerier med fellestittelen *Slavere og væringer / Slavjane i varjagi*. Bildene skulle korrespondere med Nestorkrønikens beretning om den russiske statens grunnleggelse og dekke årene 860-862. Bare det første maleriet i den planlagte syklusen ble utført, *Budbringeren*. "Stammene har reist seg mot hverandre" / *Gonets*. "Vosstal rod na rod". Bildets tema er stridighetene blant de slaviske stammene som i følge krøniken ledet til innkallelsen av vikingkongen Rurik og hans brødre for å gjenopprette ro og orden i landet. Maleriet er fra 1897 og sikret Rerikh den offisielle kunstnertittelen.

Tydelig inspirert av Eirik Raudes saga som kom i russisk oversettelse i 1890 skrev Rerikh i 1899 den korte fortellingen *Vikingen Grimr / Grimr-viking*. Han forsøker her å etterlikne sagagenrens lapidariske, nøkterne fortellerstil, og har gitt personene typiske norske navn, så som Olav, Eirik, Harald og Ingerd. Endog det gamle stedsnavnet Gula er brukt.

Det uten sammenlikning mest kjente vikingmotivet i Rerikhs kunst er *Handelsmenn fra den andre siden av havet / Zamorskie gosti*. Vikingskipenes seilas nedover de russiske vannveiene er her skildret i klare og feststemte farger. Motivet foreligger i en rekke varianter. Den første versjonen, som også er den mest berømte, er fra 1901 og henger i Tretjakovgalleriet i Moskva. Motivet forelå først i litterær form som innledning til Rerikhs essay *I østerled / Po puti iz varjag v greki*, som han skrev i år 1900. I essayet beskriver kunstneren en reise han foretok med dampskip på vikingenes gamle ferdselsveier, fra St. Petersburg til Novgorod, sommeren 1899:

"De nordlige handelsmennene seiler.

Finskebuktas slake kyst strekker seg bortover som en lys stripe. Det er som om vannet er mettet av den klare vårhimmelens blåfarge. Vinden lager krusninger på vannet og danner ugjennomsiktige lilla striper og ringer. En flokk måker har landet på bølgene og gynger sorgløst frem og tilbake, først når den er rett under baugen til det forreste, skipet tar den vingene fatt. Noe ukjent som den aldri har sett før har forstyrret dens fredelige liv.[...]

Skipene seiler i en lang rekke, deres klare farger gløder i solen. Forstevnene som ender i en høy, smekker baugdrage, svinger seg kjekt. Røde, grønne, gule og blå striper oppstår [i vannet] langsetter skipene. Dragekjeften er rød, halsen er mørkeblå, mens manken og fjærene er grønne. Ikke et tomrom er å se på stavnen, alt er utskåret: små kors, prikker og sirkler fletter seg inn i hverandre i det mest intrikate mønster. [...] Ved baugen og akterenden på skipet er det hengt skjold, de gløder i solen. Ved sin fargerikdom inngir seilene fienden med frykt. På deres hvite overkant er det sydd fast røde ringer og mønstre, selv er seilet sjelden ensfarget. Oftest er det stripete, stripene løper enten nedover eller på tvers, alt etter hva som måtte passe. Skipets midtre

del er dekket av en presenning. Den er kastet over stenger som holdes oppe av kryssede vindskier med vakre utskjæringer. Om det så er regn eller hete kan roerne sitte i ly under presenningen.

På et havgående skip er det mye folk, omlag 70. På dekk sitter opptil 30 roere. Ved styreåren står den med høyest rang, den viktigste. Der står kongen [*konung*] selv. [...]

Vinden stilner, og i det samme heves årene. Hvor taktfast de treffer vannet og fører skipene nedover Neva, Volkhov, Ilmensjøen, Lovat og Dnepr til selve Miklagard. Væringene er på vei til handel eller [krigs] tjeneste.”²¹⁸

Maleriet kom til å ligne svært på denne skildringen. Både teksten og maleriet formidler en entydig positiv tolkning av vikingenes nærvær i Russland. De er ikke ute etter å plyndre og brenne, men er fredelige handelsmenn som bringer med seg velstand og ny teknologi til sine naboer i øst.

Kunsthistorikeren Marit Werenskiold har i flere artikler antydnet en mulig forbindelse mellom *Zamorskie gosti* og Erik Werenskiolds Snorre-illustrasjoner. Hun viser til at et utvalg av disse var illustrert i tidsskriftet *Kunstens verden / Mir Iskusstva* nr.1, november 1898. Inspirasjon fra Gerhard Munthes vikingmotiver er også tenkelig, påpeker hun, ettersom noen av hans billedtepper var gjengitt i samme tidsskrift i 1902.

Vi vet med sikkerhet at Rerikh leste det første nummeret av *Mir Iskusstva*. I 1898 arbeidet han nemlig som assistent for sjefsredaktøren i det konkurrerende St. Petersburg-tidsskriftet *Kunst og Kunstindustri / Iskusstvo i khudozhestvennaja promysljenost*. I artikkelen *Våre kunstneriske anliggender / Nasji khudozhestvennye dela* som Rerikh skrev under pseudonym mot slutten av 1898, kommenterer han årets begivenheter i kunstverdenen. Her omtaler han også Djagilevs og Benuas nye magasin: ”Om det kan man ennå ikke si noe bestemt, tatt i betraktning dets overmåte spesifikke karakter.”²¹⁹

Komposisjonen i *Zamorskie gosti* har klare likhetstrekk med en av de gjengitte Snorre-illustrasjonene, *Seierherrenes skip vender hjem etter slaget ved Svolder*, fra Olav Tryggvasons saga. Ved nærmere undersøkelse synes imidlertid det berømte Bayeux-teppet fra siste halvdel av 1000-tallet å ha vært en vel så viktig inspirasjonskilde. Dette ser man særlig tydelig i fremstillingen av vikingskipenes seil, som samles i en spiss nederst, og i skjoldenes mandelform. Rerikh har etter alt å dømme også kopiert detaljer fra Gokstadfunnet, så som de korslagte telstengene med utskårne dragehoder. Gokstadskipet ble gravd ut i 1880 og publisert av antikvar Nicolay Nicolaysen i 1882 på norsk og engelsk. Rerikh som var medlem av det arkeologiske selskap i St. Petersburg og dessuten utga en rekke arkeologiske skrifter, har sannsynligvis kjent til Nicolaysens betydningsfulle verk. Før det sensasjonelle Osebergfunnet i 1903 fremsto Gokstadskipet som selveste ”Vikingskipet” i folks bevissthet. Det ble ytterligere kjent for det brede publikum da Magnus Andersens nøyaktige kopi *Viking* i 1893 krysset Atlanteren til verdensutstillingen i Chicago.

I årene 1905-1910 opptrer vikingmotivet særlig hyppig i Rerikhs kunst. I denne perioden skapte han en hel suite med vikingmotiver: det monumentale oljemaleriet *Slaget / Boj* (1906), *Sangen om en viking / Pesn' o vikinge* (1907), *Vikinggraven / Mogila vikinga* (1908), *Østersjøen / Varjazjskoe more* (1910) og *Vikingdatteren / Dotsj vikinga* (1910). Skandinaviske brynjekledde krigere og langskip opptrer også i hans dekorative kunst, i mosaikk, glassmaleri, møbeldesign og fasadeutsmykninger. I 1905 tegnet han eksempelvis utkastet til majolika-dekorasjonen *Nord / Sever* for forsikringsselskapet Rossijas hovedkontor i St. Petersburg. Den nå tapte rytterfrisen på fasaden syntes å gjenspeile impulser fra både Werenskiolds Snorre-illustrasjoner og Munthes billedtepper.

I essayet *Glede til kunsten / Radost iskusstva* fra 1908 hvor Rerikh gir uttrykk for sitt dekorative kunstsyn, tillegger han de skandinaviske vikingene avgjørende betydning for utviklingen av den eldste russiske statsdannelsen. Blant annet heter det her at ”den skandinaviske stål-kulturen,

²¹⁸ N.K. Rerikh: *Izbrannoe*. V. M. Sidorov (red.) Sovjetskaja Rossija, Moskva 1979, s. 74-75.

²¹⁹ Sitert etter E.I. Poljakova: *Nikolaj Rerikh*, Iskusstvo, Moskva 1985, s. 53.

oversådd med Bysants' skatter, ga oss Kiev".²²⁰ Kunstneren lovpriser skandinavenes kunst for sin særskilte strenghet og edelhet. "De nordlige klippenes eventyrlige 'Hallristninger' [sic!], de høye gravhaugene ved veiene i nord, de lange sverdene, de tunge fibulaene, som holdt de mønstrede klærne på plass, får en til å elske det nordlige livet."²²¹ Kunstneren slår fast at "det skandinaviske spørsmål er en av de aller skjønneste blant de kunstneriske oppgaver".²²²

Det er nær sammenheng mellom motivene i Rerikhs malerier og hans teaterkunst. Han konsentrerte seg utelukkende om stykker der handlingen var lagt til en fjern fortid eller hadde et mytisk eventyrlig preg. I 1911 fikk han i oppdrag av Moskva Kunstnerteater (MKhAT) å tegne scenebildene og kostymene til den russiske urfremføringen av *Peer Gynt*. Med denne oppsetningen avrundet MKhAT en serie på hele ni ulike Ibsen-stykker som ble vist i perioden 1899-1912. Sjefsregissøren for *Peer Gynt* var V. Nemirovitsj-Dantsjenko. Oppsetningen, som hadde premiere 9. oktober 1912, regnes ikke til teaterets mest vellykkede, men kritikkerne roste stort sett Griegs musikk og Rerikhs scenografi.

Rerikh fikk tilbud om å følge med ensemblet på en forberedende studietur til Norge, men takket nei. I følge kunstnerens egne ord ville han "unngå ethvert etnografisk preg og lage en allmennmenneskelig tragedie".²²³ Likevel viser de 14 scenebildene og utallige kostymene at Rerikh i detalj har studert norske folkedrakter og byggeskikk. Blant annet opptrer Solveig i et kostyme med elementer hentet fra Hardanger-bunaden, og forbildet for Åses hjem har utvilsomt vært den tradisjonsrike årestuen. Utkastet til det sterkt Bayeux-inspirerte sceneteppet viser en vikingrytter i kamp med et syvhodet uhyre. Sceneteppet utgjør således et interessant bindeledd mellom Rerikhs vikingtematikk og *Peer Gynt*.

I Rerikhs dekorasjonsutkast til Rimskij-Korsakovs opera *Legenden om tsar Saltan / Skazka o tsare Saltane* som han utførte i London høsten 1919, dukker det uventet opp en norsk stavkirke av samme type som Borgund og Gol i de forøvrig slavisk-inspirerte arkitektoniske omgivelsene. Om våren samme år hadde kunstneren for første (og eneste) gang besøkt Norge på vei til London. Vi har svært lite informasjon om denne reisen, men det er svært sannsynlig at Rerikh besøkte Kristiania ettersom han kom via Sverige. Det er derfor nærliggende å anta at han i dette scenebildet bygde på ferske inntrykk fra sin Norgesreise, nærmere bestemt fra Gol stavkirke på Norsk Folkemuseum.

Каролине Серк-Ханссен: Николай Рерих – от викингов до Пера Гюнта

Известный русский художник, сценограф, археолог и писатель Николай Константинович Рерих (1874-1947) с норвежской точки зрения фигура интересная по крайней мере по двум причинам. Во-первых, как в своих картинах, так и в литературных текстах его занимало присутствие скандинавских викингов на Киевской Руси. Во-вторых, Рерих создал декорации и разработал костюмы в связи с постановкой ибсеновского "Пер Гюнта" в МХАТе в 1912 году.

Уже будучи студентом Академии художеств в Санкт-Петербурге им была написана картина "Варяг. В Греки" (1895). В письме художественному критику В. Стасову датированному 1897 годом, Рерих наметил план создания цикла из 12 картин с общим названием "Славяне и варяги", однако лишь первая картина из задуманного цикла, "Гонец", увидела свет. Явно воодушевленный сагой Эйрика Рауде, переведенной на русский в 1890 году, Рерих написал короткий рассказ "Гримр-викинг" в 1899 году. В нем он пытается подражать лапидарному, сжатому и четкому стилю, характерному для жанра саги, а основных

²²⁰ N.K. Rerikh: "Radost iskusstvu", *N.K. Rerikh Ob iskusstve*, Mezjdunarodnyj tsentr Rerikhov, Moskva 1994, s. 19.

²²¹ Samme, s. 23.

²²² Samme, s. 22.

²²³ N.K. Rerikh: "Vstretsj", *N.K. Rerikh: Iz literaturnogo nasledija*, M.T. Kuzmina (red.), "Izobrazitelnoe iskusstvo", Moskva 1974, s. 193.

персонажей его нарекает типичными норвежскими именами – Улав, Эйрик, Харальд и Ингерд.

Вне всякого сомнения, наиболее известным сюжетом с викингами в искусстве Рериха является его произведение "Заморские гости" (первая версия была написана в 1901 году). Сюжет изначально присутствовал в литературной форме как вступление к эссе Рериха "По пути из варяг в греки", написанном им в 1900-м году. В 1905-1919 годах мотив с викингами присутствует в живописи Рериха наиболее часто. В этот период им была создана целая "сюита" с викинговыми мотивами: монументальная картина "Бой" (масло, 1906), "Песнь о викинге" (1907), "Могила викинга" (1908), "Варяжское море" (1910) и "Дочь викинга" (1910). Мотив с викингами проходит красной нитью и в его декоративном искусстве, в мозаике, росписи по стеклу, мебельном дизайне и украшении фасадов. В другом эссе, "Радость искусству" 1908 года, он признает за скандинавскими викингами решающее значение в становлении древнероссийской государственности и воздает хвалу скандинавскому искусству за его особую суровость и благородство.

Между мотивами рериховских картин и его оформительской работой для театра существует тесная связь. Рерих сконцентрировал свое внимание исключительно на тех постановках, действие которых происходило в очень отдаленном прошлом или носило на себе печать мистицизма. В 1911 году по заданию МХАТа он создал сценические декорации и костюмы к российской постановке "Пер Гюнта". Рерих получил предложение совершить подготовительную поездку вместе с труппой в Норвегию, но отклонил его. По его собственным словам, ему хотелось "избежать какого бы то ни было этнографического влияния и создать обычную трагедию". Тем не менее, 14 декораций и бесконечное количество костюмов указывают на то, что Рерих детально изучил норвежские национальные костюмы и зодчество.

В рериховском эскизе декораций к опере "Сказка о царе Салтане" Римского-Корсакова, которую он поставил в Лондоне осенью 1919 года, неожиданно возникает традиционная норвежская деревянная церковь такого же типа, что и Боргунд и Гол – на фоне типично славянских архитектурных сооружений. Весною того же года художник в первый (и последний) раз посетил Норвегию на пути в Лондон. У нас имеется крайне хрупкая информация об этой поездке, однако вполне очевидно, что Рерих посетил Христианию, поскольку он прибыл через Швецию. Поэтому недалеким от истины может быть предположение, что в этой сценической картине он использовал свежие впечатления, полученные во время путешествия по Норвегии, а если быть более точным – от деревянной норвежской церкви Гол, что находится сейчас в Норвежском этнографическом музее.

Arnt Fredheim: Munch og Dostojevskij²²⁴ – *Russerens betydning i Edvard Munchs kunst*

Hva vet vi egentlig om Edvard Munchs forhold til den russiske forfatteren Fjodor Dostojevskij (1821-1881)? Munch skrev som kjent tusenvis av personlige notater og brev, alle skriftstykker som i stor grad kan fortelle om mannen bak kunsten, fortelle om hans intensjoner, om hans liv og virke forøvrig. I dette veldige materiale er det få direkte referanser til Dostojevskij. Hist og her dukker han opp, stort sett som vage hentydninger i brev til og fra Munch. På den annen side, leser en litt i *Raskolnikov* eller *Brødrene Karamasov*, virker det som om sammenhengen er helt åpenbar. Fra den unge Raskolnikovs nervøse og angstfylte vandringer gjennom St. Petersburgs gater til Dmitrijs sjalusi overfor sin far, den gamle godseieren Karamasov, overalt er det mulig å se for seg Munch-motiver. Det er bare vanskelig å sette fingeren på hva det er som vekker assosiasjonene.

Vår første strategi måtte være å gå til Munchs malerier for å finne svar, svar på om noe knytter de to sammen, og i tilfelle *hva*. Hvor Munch selv plasserte Dostojevskij i europeisk litteratur, kan vi

²²⁴ Martin Nag, "Dostojevskij og Edvard Munch", *Kunst og Kultur*, Nr. 1, 1993, s. 41-55.

se i et interessant brev fra Munch til Dr. Hoppe fra 1929, der han skriver: "Det har interessert mig meget at De vil holde foredrag på utstillingen og at De vil tale om det sjælelige ved min kunst. Man har med urette kaldt dette litterært og med endmere uret kalt det tysk "Gedankenmaleri". Man tænker da mest på den slette idékunst. Jeg verdsetter nok den gode tyske kunst men ikke den med rette berygtede tyske "Gedankenmaleri". Slet Gedankenmaleri fins forøvrig overalt, også på salongene i Paris fins nok heraf ... Det glæder mig at De kalder det [dvs. foredraget] "Nordiske Sjæleliv". Man har villet puffe det ned til Tyskland – Her har vi jo Strindberg, Ibsen, Søren Kierkegaard og Hans Jæger og i Russland Dostojevskij ..."²²⁵

Sitatet forteller både hvordan Munch, da 66 år gammel, ønsket å bli sett på som kunstner, samtidig som vi også får et lite innblikk i den aldrende Munchs litterære preferanser. Arne Eggum har flere steder påvist Kierkegaards betydning for Munchs kunst – ikke rart, ettersom de to i deres eksistensielle spørsmålstillinger griper inn til selve kjernen i enkeltindividet. Munch selv forteller jo at han bevarte sine sjælelige problemer fordi han kunne bruke dem i sin kunst, eller som han et sted sier: "En tysker spurte meg: – Men De kan bli kvitt meget av Deres plager. Da svarte jeg: – De hører meg og min kunst til – De er blitt ett med meg, og det vil knekke min kunst. Jeg ønsker å beholde disse lidelser." Den samme sjelegransking – eller sjeledissekering som er et ord Munch selv bruker – fant han også hos Ibsen og Strindberg, og ikke minst hans mentor fra bohem-tiden i Kristiania på 1880-tallet, Hans Jæger. Av andre forfattere som gjorde et særlig inntrykk på ham må nevnes Stanislaw Przybyszewski og ikke minst Friedrich Nietzsche. Dostojevskijs plass i denne helheten er vanskeligere å fastslå. At Munch var interessert i ham, er hevet over enhver tvil.

Ved Munchs død i 1944 arvet Oslo Kommune hans rikholdige bibliotek med rundt 3000 bøker. Her finnes det seks Dostojevskij-utgaver: *Brødrene Karamasov*, Kristiania 1915, *Et svakt hjerte og Den unge kvinde*, Kristiania 1917, *Die Brüder Karamasoff*, München 1919, *Djævlene*, København/Kristiania 1919, *Der Spieler og Der ewige Gatte*, München 1920.²²⁶ Vi vet ikke med sikkerhet hvilken bok av Dostojevskij han leste først, men vi vet at Munch var relativt språkmektig og på 1880-tallets begynnelse kan han utvilsomt ha rukket å bla i tyske oversettelser. Den første direkte referansen til Dostojevskij hos Munch som undertegnede er kjent med, og da til en norsk/(dansk) utgave utgitt hos Cammermeyer Forlag i Kristiania i 1883, finner vi i et brev til malervennen Olav Paulsen fra julen 1884. Han hadde da lest *Raskolnikow: Roman af F.M. Dostojewskij* etter Wilhelm Henckel's tyske utgave oversatt av Kristian Winter-Hjelm. Det er her Munch sier de meget siterte ordene: "Det findes ting i *Raskolnikow* som hører til det bedste jeg nogensinde har læst. Enkelte sider er kunstværker i og for sig." Noen år senere forteller han i et brev til dikteren og hans samboer fra Paris-dagene i 1890, Emmanuel Goldstein, datert Nizza 22.2.1892, at hans reisebibliotek da besto av 3 bøker, *Bibelen*, *Fra Kristiania-bohemen* og *Raskolnikow*. Dette altså 8 år senere.

I 1887 kom en oversettelse av Dostojevskijs *Idioten* ut på dansk under tittelen *Fyrst Myschkin*²²⁷, en oversettelse han må ha lest når Hans Dedekam i sin bok om Edvard Munch²²⁸ fra 1909 kan fortelle at Munch erkjente overfor en venn at: "Dostojevskijs Fyrst Myschkin (...) havde gjort det dybeste indtryk paa ham." Johs Roede, forfatteren av den lille boken *Edvard Munch som vi kjente ham* (s. 52), nevner også denne romanen: "Én stor kjærlighet hadde Munch og jeg felles – det var Dostojevskij. En del av hans verker leste Munch stadig opp igjen, snart på norsk, snart på andre språk. "Idioten" (Fyrst Mysjkin) var visstnok den han satte størst pris på. Da han døde lå "Djævlene" på hans nattbord."

Hans Dedekam diskuterte også litteratur med ham. Et annet sted i overnevnte bok forteller han: "Da jeg engang talte med Munch om den kunst der har gjort det dypeste inntrykk på ham, nevnte han Edgar Poes 'Fantastiske fortellinger' og Dostojevskijs 'Fyrst Myschkin' og 'Brødrene

²²⁵ Brev datert februar 1929, cf. Ingrid Langaard, *Edvard Munch – Modningsår*, Oslo 1960, s. 260 og n. 72.

²²⁶ Cf. Olav Myre, *Edvard Munch og hans boksamling*, Oslo 1946, s. 17.

²²⁷ *Fyrst Myschkin: roman / paa dansk* ved Erna Juel-Hansen, Kjøbenhavn: Gyldendal, 1887.

²²⁸ Hans Dedekam, *Edvard Munch*, Kristiania 1909.

Karamasow". Dedekam parafaserer antagelig Munchs videre forklaring, og fortsetter: "Disse to diktere er også hans nærmeste åndsfrender. Ingen har ennå som dem i kunsten nådd så langt ut i sjelens mystiske utkant, mot det oversanselige, det 'under-bevisste'. De oppfatter begge den ytre, synlige verden som blott tegn, symboler for den sjellege og oversanselige verden."

Så her har vi litt å begynne med: *Raskolnikov*, *Idioten*, *Brødrene Karamasov* og *Djævlene* på den ene siden; på den andre en symbolistisk, ekspresjonistisk og syntetiserende kunstner, hypersensitiv overfor alle ytre og indre påvirkninger. Forskere så tidlig i hvilken grad stemningene i Dostojevskijs romaner lett kunne sidestilles med Munchs malerier, ikke så rart når vi tenker på hvilken stilling Dostojevskij hadde i Nord-Europa på 1880- og 1890-tallet. Samtiden kjente igjen Raskolnikovene, Nastasjene, Fyrst Mysjkinene og stemningene fra St. Petersburg i Munchs bilder. Karakteristisk er f.eks. tyskeren Peer Lhots brev til Munch, datert 24.3.1927, der han entusiastisk forteller: "I Weimar for en del år siden så jeg 'Måne' [litt utklart hvilket bilde han mener] ... Jeg utbrøt den gang overrasket: 'Munch maler Dostojevskij!'" Forskere som Ingrid Langgard, Gösta Svenæus, Ragna Stang og Arne Eggum henter frem Dostojevskijs navn i sammenheng med Munchs kunst, særlig sistnevnte har berørt dette og nevner blant annet romanen *Raskolnikow* som en mulig inspirasjon for Munchs maleri *Skrik* fra 1893 og *Bohemens død* fra 1925.²²⁹ Videre ser han likhetene mellom Munchs maleri *Spillebanken i Monte Carlo* (1892) og Dostojevskijs beskrivelser av opplevelsene til jeg-personen i hans roman *Spilleren* fra 1866. Litteraturviteren Martin Nag er meg bekjent den eneste som har skrevet spesielt om relasjonene mellom russerens skriftstykker og Munchs malerier (se note 1). Nags artikkel beskriver i korthet kunstnerens verker ut fra perspektivet "Munch som litterær maler", altså kontrært til måten Munch selv betraktet sin kunst, jfr. ovenstående brevsitat av februar 1929. Nå trenger ikke vi å bekymre oss for dette, ettersom historien gang på gang har vist hvordan kunstnere selv ikke evner å se omfanget av sin virksomhet i nåtid, skjønne bredden i sin egen forståelses-horisont.

I artikkelen er det en rekke interessante observasjoner, hvor han blant annet berører likheten mellom Fyrst Myschkins beskrivelse av et portrett av den gåtefulle Nastasja Filippovna i *Idioten* og Munchs portrett av Dagny Juel Przybyszewska fra 1893²³⁰. Han trekker også paralleller mellom hovedpersonene i *Idioten*, Rogosjin, Mysjkin og Nastasja, et betent trekant-forhold, og det trekant-forholdet vi finner i Munchs maleri *Sjalusi* (malt 1895)²³¹ fra Berlin-tiden, der Stanislaw Przybyszewski står sjalu i bildets front, mens en mann og en kvinne (Dagny Juel og kanskje Munch), står og flørter foran et epletre. Videre nevner Nag kort stemningslikheten mellom Munchs maleri *Natt i St. Cloud* fra 1890, *Natstemning. Nordstrand* fra samme år og Dostojevskijs roman *Lyse Nætter*, som kom ut i to utgaver på norsk i 1890.²³² Dette kun en kursorisk forskningshistorie.

Til de ovenstående bøker (dvs. *Raskolnikow*, *Idioten*, *Brødrene Karamasov* og *Djævlene*) kommer altså kortromanen *Lyse nætter* (*Hvite netter* vanligvis på norsk). Men, hvordan kan vi bekrefte disse observasjonene ved å analysere Munchs verker og deres genese? Og videre: er det noen flere linjer mellom den norske maler og hans berømte russiske forfatteryndling? Dette fordrer at vi ser mer systematisk på Munchs og Dostojevskijs bruk av virkemidler og ikke minst hvordan de begge bruker sine egne liv som skaperverksteder for deres kunst. Begge strategier krever dessverre mer tid enn de 20 minutter vi her har til disposisjon. Derfor kun noen summerende betraktninger.

²²⁹ Arne Eggum, *Edvard Munch – Livsfrisen fra maleri til grafikk*, Oslo 1990, s.234f, se også s. 18 og s. 21; Se ellers Gösta Svenæus, *Edvard Munch – Das Universum der Melancholie*, Lund 1968, s. 62; Samme forfatter, *Edvard Munch – Im männlichen Gehirn*, Lund 1973, s. 35, 115, 121, 122, 214, 316; Ingrid Langgaard, op.cit., s. 232, 244, 266, 269, 295, 296, 426.

²³⁰ Nag, op.cit., s. 51.

²³¹ Nag, op.cit., s. 51.

²³² Nag, op.cit., s. 51f. I note 16 bemerker Nag at en dansk oversettelse allerede forelå i 1887. Han oppgir ingen referanser utover dette.

I lys av ovenstående kommentar om ettertidens forståelse av en enkeltkunstners intensjonstenkning, er det klart at Munchs berømte sitat: "Mine bilder er mine dagbøker"²³³ må behandles med en viss kritisk forsiktighet. Et maleri som *Det syke barn* fra 1886, blir ofte litt for raskt satt i sammenheng med Munchs opplevelse av søsteren Sofies død i 1877, selv om maleriet i like stor grad formidler smerten ved sykdom og død i et videre perspektiv – altså er en almengjøring av dødstepets psykologi, mer enn nærsynt selvbetraktning fra Munchs side. På den annen side er det selvbiografiske aspekt i Munchs kunst åpenbar. I andre motiver griper han direkte tilbake til sin egen historie. Det med ovennevnte maleri beslektede *Døden i sykeværelse* fra 1893, er lett å tolke i denne retningen, noe Munch selv i stor grad er skyld i, fordi han formidler motivets innhold i en av sine mange litterære notater. Det ville være rart om han ikke plukket opp dette i bohem-miljøet i Kristiania på 1880-tallet, ettersom jo en av parolene der, formidlet gjennom de såkalte bohem-budene, var at "Du skal skrive ditt eget liv". I de nevnte bilder finner vi altså et generelt budskap som går på smerten ved tapet av ens kjære, samtidig som vi kikker inn i Munchs egen erindringsverden. Den samme tosidighet finner vi nesten overalt i Munchs kunst, i Dagny Juel-portrettet, i *Sjalusi*, i *Natt i St. Cloud*, i *Spillebanken i Monte Carlo*. I alle bildene finner vi fremstillingen av både det partikulære og det generelle. Sjalusi-bildet er like mye en fremstilling av *Sjalusi* som en altomfattende, lidelsesfylt psykisk tilstand som en direkte hentydning til forholdene i den såkalte Ferkel-kretsen tidlig på 1890-tallet, der Stanislaw Przybyszewski tok sin hustru Dagny Juels utroskap svært tungt (hun var tydeligvis underlagt andre regler enn ham selv). At det også har dette biografiske aspektet røper både portrettlikheten i bildet og det faktum at Stanislaw Przybyszewski ble så irritert på Munchs maleri, at han hevner seg på Munch ved i sin bok *Overbord* fra 1896 å la den unge vakre kunstneren Henrik ta selvmord etter at han har gjort ferdig maleriet *Skrik*.²³⁴

Det samme forholdet finner vi hos Dostojevskij. Se bare på hvordan hans skjebnesvangre opplevelser med Apollinaria Suslova som han traff i Sankt Petersburg, lå til grunn for hans kvinneskildringer i både *Spilleren*, der hun heter Polina, i *Idioten*, der hun spiller rollen som Nastasja Filippovna og i *Brødrene Karamasov*, der som Grusjenka. Begge skriver/maler de egne erindringer inn i verkene, og får ved det satt egne opplevelser i perspektiv, samtidig som personene heves til symboler, ikoner for spesifikke egenskaper.

Munchs kvinner på sin side trer på samme vis frem i malerier som *Kvinnen i tre stadier*, *Madonna* og *Livets dans*. I sistnevnte bilde, malt 1899, har vi direkte referanser bevart fra Munchs penn. Han hadde da akkurat innledet sitt forhold til Tulla Larsen, og likheten mellom henne og de to ytterste skikkelsene i *Livets dans* er påfallende. Selv sier han i et brev til henne: "Du har et uttrykk af den dybeste sorg – noget af det mest udtryksfulde jeg har seet – som de gamle prærafaelitters grædende madonnaer – så når du er glad – jeg har aldrig seet et sådant udtryk af strålende glæde som om pludselig sol gavdes over Dit ansigt – Så har du det tredje ansigt og det er det som gjør mig bange – det er skjæbneansigtet, sfinxen – der finder jeg alle kvinders farlige egenskaber."²³⁵

Ved hjelp av egne erindringer og personlige opplevelser personifiserer kunstnerne både mennesketyper og begreper. Et trekk tydelig hos Munch, men også klart tilstedeværende i Dostojevskijs verker. Et godt eksempel ser vi i *Brødrene Karamasov*, en roman om forbrytelse og straff, om ideer og karakterer som støter sammen i konflikter, om Guds og Satans kamp om sjelene – for å parafrasere Carl Stief²³⁶. Her finner vi de impliserte familiemedlemmer som representanter for mennesketyper. Dmitrij – sulten på livet, lidenskapelig, med medlidenhet og generøsitet i all sin brutale fremferd. Ivan – den intellektuelle, dialektikeren, tvileren. Aljosja – den legemliggjorte godhet, bare for å nevne noen få av skikkelsene.

²³³ Ragna Stang, *Edvard Munch – mennesket og kunstneren*, Oslo 1988, s. 11 og note s. 287.

²³⁴ Eggum, *op.cit.*, s. 129.

²³⁵ Utkast til brev fra Munch til Tulla Larsen. Brevsamlingen i Munch-museet. Se Eggum, *op.cit.*, s. 109.

²³⁶ Carl Stief, "Russisk litteratur" i *Verdens Litteraturhistorie*, Oslo 1972, bind 9, s. 478.

Fordelene med å låne fra ens egne opplevelser og integrere dette i kunstuttrykket er selvsagt at motivene blir troverdige. Verken Munch eller Dostojevskij kunne malt eller skrevet slik de gjorde det, uten at de hadde følt lengslene, smertene, gledene og livets forgjengelige gang på kroppen, deres egne kropper. I dette ligger også forutsetningen for at verkene griper leserne og betrakterne uavhengig av tid. Munchs verker fremprovoserer følelser av plagsom gjenkjennelse og uro, like meget som Dostojevskijs verker gjør det. Jeg tør påstå at det er mulig å få psykiske problemer av å lese *Raskolnikov*, dersom man er uheldig med tidspunktet man leser boken. Scener i den er bare for sterke til at man takler gjenkjennelsen av egenskapene så nådeløst felles for alle mennesker.

At de begge opererer i sjeledypet burde stå relativt klart. Munchs "indre landskap" griper betrakteren fordi han skjønner at Munch selv har vandret i det. Dostojevskijs evner i samme retning gikk heller ikke upåaktet hen. Freud uttalte engang om ham at han (sammen med forfattere som Shakespeare og Goethe) hadde kommet nærmere de fundamentale sannheter om psykoanalysen enn noen lege hadde.²³⁷

Til denne listen kunne Freud godt føyet Munchs navn. Freuds psykoanalyse har forøvrig vært en yndet metode for å dissekere "sjeledissekererens" egne forutsetninger for sin kunst.²³⁸ Vi kunne derfor i denne sammenhengen også nevnt Munchs grensetilstand som ifølge psykoanalysen finner sitt uttrykk i bilder som f. eks. *Murer og Mekaniker* fra 1908. Et annet aspekt er Munchs bruk av en slags dobbeltgjenger, her nevnt fordi en av Dostojevskijs tidligste romaner som kjent heter *Dobbeltgjengeren* (1848) og i sin tid forvirret leserne ved at fortellingen ble berettet som sett gjennom den sinnsykes øyne. Munch brukte i sine notater gjerne pseudonymet Brandt eller Nansen om seg selv, sistnevnte noe han antagelig plukket opp fra Herman Colditz' Kjærka: et atelier-interiør, der Munch går under navnet Nansen.

Men i utkanten av Munchs bilder, finner vi gjerne Munchs dobbeltgjenger, ham selv slik han lever i Munchs billedverden. Et godt eksempel er *Kvinnen i tre stadier*, men vi har det samme i *Spillebanken i Monte Carlo* og i *Aske* (1894). På samme måte som Munch leser sin egen skikkelse inn i sin billedverden, skjønner vi ved lesningen av Dostojevskij at mange av personene i hans samlede verks *dramatis personae*, simpelthen er Dostojevskij selv, hans litterære dobbeltgjenger. Likheten mellom Munch og Dostojevskij risikerer med dette å være likheten mellom Munch og alle forfattere. Jeg tror Martin Nag har rett når han skriver at Munch "maler" Dostojevskij, men jeg tror det er riktig å nyansere påstanden med ordene: "Ja, han maler Dostojevskij, men han maler også Edvard Munch, Hans Jæger, Søren Kierkegaard og Henrik Ibsen og mange, mange andre." Munchs forhold til Dostojevskij kan neppe beskrives som noe mer enn en litterær og kunstnerisk fascinasjon hva gjelder stemninger, narrative grep og personkarakteristikker. Dostojevskijs ideer og skildringer føyer seg inn i Munchs intellektuelle horisont, og er mer eller mindre tilstede i kunstnerens penselstrøk. Jeg tror at Edvard Munch følte et slags slektsskap med den russiske forfatteren, og at hans interesse for "russerens" skriftstykker lå i behovet for å få satt ord på ideer han selv hadde eller hadde hatt. Kanskje ligger svaret på Dostojevskij-stemningen i noen av Munchs bilder nettopp der.

Arnt Fredheim: Munch and Dostoyevsky – the meaning of "The Russian" in the works of Edvard Munch

Is it possible to discern an influence of the writings of Fedor Dostojevskij (1821-1881) on the art of Edvard Munch (1863-1944)? How did Edvard Munch appreciate the books of this famous Russian author? Some researchers have emphasized this relationship (Arne Eggum, Gösta Svenæus, Martin Nag), referring to famous quotations of the artist himself and of friends that knew or shared Munch's literary tastes. Edvard Munch never underestimated the significance of his great Russian colleague, stating in a letter (1884) that "there are things in Raskolnikow, that

²³⁷ Roland N. Stromberg, *European intellectual history since 1789*, s.197

²³⁸ Et godt eksempel er Tove Aarkrogs *Edvard Munch, Et livsløb af en grænsepersonlighed forstået gennem hans billeder*.

belong to the best I have ever read. Some pages are works of art in themselves...”, or 8 years later in a letter to his friend Emanuel Goldstein: “My travel library now consists of three books: *From the Christiania-bôhéme* [by Hans Jæger – 1885], the Bible and *Raskolnikow*”. Some of Munch’s paintings have been associated with scenes and characters in the books of Dostojevskij. Thus *Raskolnikow* have been seen as a possible inspiration behind paintings like *Evening at Karl Johan’s Street* or even *Scream* (Nag), the Portrait of Dagny Juel has been associated with descriptions in *The Idiot*, just to mention a few. What these observations have in common, however, is the lack of a distinct connection. They are mere “Stimmung”s, and hence not possible to pinpoint with certainty. Despite Munch’s extensive collection of Dostojevskij editions and the fact that Munch read the works by the Russian over and over again, according to his friends, Dostojevskij alone cannot be endorsed with the honour of the definite inspiration for any of Munch’s paintings. He is clearly a part of Munch’s intellectual horizon. We recognize his presence, but are unable to describe how and why. The Russian thus shares his position together with August Strindberg, Søren Kierkegaard, Henrik Ibsen as part of Munch’s mental luggage.

Musikk og scenekunst/музыка и театральное искусство

Елена Кривцова: Кристиан Синдинг и его музыка в России (1880-е - 1910-е годы)

Имя норвежского композитора Кристиана Синдинга в наши дни практически неизвестно в России: это относится в равной мере, как к среде музыкантов-профессионалов, так и любителей музыки.²³⁹

Эта ситуация кардинальным образом отличается от того положения, которое занимали Синдинг и его музыка в России в конце 19 – начале 20 веков. Произведения Синдинга регулярно исполнялись в Москве, Санкт-Петербурге, а также во многих других городах России, его имя часто фигурировало в программах концертов, на страницах ведущих музыкальных газет и журналов – “Русская музыкальная газета”, “Музыкальное обозрение”, “Музыкальный современник”, “Музыка” и др. Не случайно русский музыкальный критик Николай Финдейзен в 1909 году назвал Синдинга *“наиболее выдающейся и своеобразной музыкальной личностью современной Норвегии”*.

Творческая биография композитора обнаруживает довольно тесные связи с культурой России. Эта “русская” линия в жизни и творчестве Синдинга складывается из нижеследующих составляющих:

1. “Русские контакты”

Синдинга, исходным пунктом которых явилась встреча со скрипачем Адольфом Бродским²⁴⁰ в 1886–1887 гг. Именно в его доме (в Лейпциге) Синдинг попадает в среду русских музыкантов, где знакомится с пианистом Василием Сапельниковым²⁴¹ и

²³⁹ Пожалуй, единственным относительно “популярным” опусом его является Сюита для скрипки с фортепиано ля минор (ор.10), звучащая время от времени на концертах в залах Московской консерватории: одно из последних исполнений – 28 марта 2001 на концерте, посвященном 100-летию Я. Хейфеца. I часть Сюиты – Presto – входит в программу музыкальных школ и училищ для исполнителей на скрипке и альте.

²⁴⁰ А. Бродский стал первым исполнителем Сюиты ор.10 Синдинга (1888), а также инициатором концертов 1889 и 1890 в Гевандхаузе, на которых прозвучал Фортепианный квинтет ор.5.

²⁴¹ Исполнившим впоследствии на одном из концертов в Москве в 1898 году (с квинтетом И. Грижимали) Фортепианный квинтет Синдинга.

композитором Петром Ильичем Чайковским²⁴² и влюбляется в свояченицу скрипача – Ольгу Пикар, намереваясь жениться. Значительно позже, уже в 1931 году, Синдинг встречается в Осло с другим русским композитором – Игорем Стравинским.

2. "русский след" в творчестве

Из письма Синдинга к Анне Бродской (от 3.06.1889), мы узнаем, что летом 1889 года композитор работал над романсами на русские тексты в переводе Тура Ланге, из которых сохранился лишь один – "End er jeg stemt", опубликованный в приложении к газете VG 14.12.1890.

3. Синдинг в России

а) Поездка в Одессу в 1910 году прошла, как следует из заметки в "Русской музыкальной газете" (1910 №12) весьма успешно: "29 января состоялось VII симфоническое собрание И.Р.М.О. под управлением выдающегося норвежского композитора и дирижера Христиана Синдинга, при участии пианиста К.Ниссена. Программа была составлена исключительно из произведений именитого гостя, а именно: симфонии d-moll №1, фортепианного концерта Des-dur с оркестром, фортепианных вариаций "Fatum" и "Rondo infinito" для большого оркестра. Синдинг был очень тепло встречен публикой, а перед исполнением последнего номера оркестром и публикой ему была устроена продолжительная овация".²⁴³

б) Сочинения Синдинга в концертных залах России в период 1890-х – 1910-х годов исполнялись достаточно часто и пользовались успехом²⁴⁴, на что указывает материал музыкальных журналов, газет и концертных программ указанного периода. Ареал распространения произведений Синдинга был достаточно широк и включал более десятка городов.²⁴⁵

Среди русских исполнителей музыки Синдинга следует назвать Василия Сапельникова, Веру Тиманову, Болеслава Яворского (впоследствии крупного музыкального теоретика), Феликса Блуменфельда, Ефрема Цимбалиста, Леопольда Ауэра, Льва Цейтлина, Яшу Хейфеца, Мстислава Ростроповича и мн. др.

в) Отзывы русских критиков носят в большинстве своем положительный характер, нередко с выражением сожалений по поводу недостаточной известности музыки Синдинга, композитора "*талантливом и оригинальном*", в России. Егоopus относят к разряду "*интереснейших новинок*", "*до которых наши обычные концертанты боятся прикоснуться*". Главные качества музыки Синдинга, на которые обращают внимание рецензенты – с одной стороны, новизна, "*оригинальность и сила*" ее звучания, а с другой – "*красота и задушевность*".

²⁴² В дневниках П.И. Чайковского имя Синдинга встречается трижды: 26 декабря 1887/7 января 1888, 29 января/17 января 1888, 18 февраля 1889.

²⁴³ РМГ 1910 №12, с.339–340.

²⁴⁴ Некоторые из произведений Синдинга были даже изданы в России, это касается, прежде всего его камерно-вокальных сочинений и знаменитой пьесы "Шорохи весны". Так один из анонсов в журнале "Музыка" (1913, №112, 12 января, с.45) гласит: "*Издания, поступившие в редакцию. Скандинавские композиторы. Романсы и песни (в переводах М.Слонова): Альнэс, Григ, Кьерульф, Синдинг "Из века в век", ц.25 к., "Не надо и свет зажигать" ц.25 к., Семь кубков ц.35 к., "Король Артур" ц.40 к. Издания М. Слонова и Н. Шибалева*".

²⁴⁵ В их числе Санкт-Петербург, Москва, Киев, Харьков, Ростов-на-Дону, Тифлис, Одесса, Житомир, Нижний Новгород, Екатеринослав (ныне Днепропетровск), Чернигов, Астрахань, Новочеркасск, Рига, а также Варшава и Хельсингфорс (ныне Хельсинки), имевшие в то время статус российских провинций.

Sреди прочих рецензий необходимо выделить цикл статей Николая Финдейзена под названием "Музыка Норвегии. Очерк ее развития", опубликованных в нескольких номерах Русской Музыкальной газеты в 1909 году и охвативший историю становления и развития норвежской композиторской школы на протяжении 19 века и до начала 20 столетия (включая также обзор народной музыкальной культуры).

В оценке произведений Синдинга Финдейзен подчеркивает индивидуальность и своеобразие стиля композитора и одновременно – его принадлежность к норвежской композиторской школе: *"В иных оборотах Синдинга все-таки сразу чувствуется северянин, с его угловатыми, но своеобразными очертаниями, с его резкими контрастами-переходами от мощи и бури к ласковому женскому лепету"*.

В завершении очерка Финдейзен высказывает предположение о том, что "творчество этого истинного мастера еще далеко не достигло своего зенита" и замечает, что в России сочинения Синдинга "исполнялись не раз, но все-таки менее, чем они заслуживают".

Нам остается надеется, что в России представления о музыкальной жизни Норвегии не будут ограничены исключительно творчеством Эдварда Грига и в заключении присоединиться к словам одного московского корреспондента, опубликованным в 1907 году на страницах РМГ: *"Можно не сомневаться, что Синдинг [...] сделается у нас популярным, если только артисты хоть немного освежат свой репертуар, включив в него норвежцев."*

Jelena Krivtsova: Kristian Sinding og hans musikk i Russland (1880 til 1920-årene)

Den norske komponisten Kristian Sinding er i våre dager nesten ukjent i Russland, både blant profesjonelle musikere og musikkelskere. Denne situasjonen skiller seg vesentlig fra den posisjon Sinding hadde i Russland rundt forrige århundreskifte. Sindings verker ble regelmessig fremført i Moskva, St. Petersburg og i mange andre russiske byer. Hans navn figurerte i konsertprogrammer, i musikkaviser og -tidsskrifter, som "Russkaja muzykalnaja gazeta", "Muzykalnoe obozrenie", "Muzykalnyj sovremennik", "Muzyka" og andre. Det er ikke tilfeldig at den russiske kritikeren Nikolaj Findejzen i 1909 kalte Sinding "den mest fremragende og egenartede musikkpersonlighet i det moderne Norge".

Komponistens biografi legger for dagen tette forbindelser til russisk kulturliv. Den "russiske" linje i Sindings liv og virke viser seg i det følgende.

Sindings russiske kontakter begynte med møtet med fiolinisten Adolf Brodskij i 1886-1887. Nettopp i dennes hjem i Leipzig havner Sinding i et miljø av russiske musikere, der han blir kjent med pianisten Vasilij Sapelnikov og komponisten Petr Ilitsj Tsjajkovskij. Han forelsker seg også i Sapelnikovs svigerinne Olga Pikar, og han har planer om å gifte seg med henne. Betydelig senere, i 1931, møter Sinding en annen russisk komponist i Oslo, Igor Stravinskij.

Russisk påvirkning kan spores i Sindings musikk. I et brev til Anna Brodskaja, datert 3. juni 1889, skriver komponisten at han denne sommeren arbeidet med romanser til russiske tekster oversatt av Tora Lange. Av disse er kun en bevart, "End er jeg stemt", publisert i et bilag til Verdens Gang 14.12.1890.

I 1910 besøkte Sinding Odessa. Denne reisen var i følge en artikkel i "Russkaja muzykalnaja gazeta" (1910 nr. 12) meget vellykket: "29. januar gikk IRMOs VII symfoniske samling av stabelen under ledelse av den norske dirigenten Christian Sinding, der også pianisten K. Nissen deltok. Programmet besto utelukkende av gjestens verker, nærmere bestemt: symfoni i d-moll nr. 1, pianokonsert i dess-dur med orkester, pianovariasjonene "Fatum" og "Rondo infinito" for fullt orkester. Sinding ble varmt mottatt av publikum, og før fremførelsen av siste nummer fikk han vedvarende applaus av orkester og publikum."

Sindings verker ble mellom 1890 og 1920 relativt hyppig fremført i russiske konsertsaler og nøy stor suksess. Dette kommer frem i russisk musikkpresse og konsertprogrammer fra denne

perioden. Det geografiske området hvor Sindings verker ble fremført var vidt og omfattet mer enn et titalls byer.

Blant russiske utøvere som fremførte Sindings musikk kan nevnes Vasilij Sapelnikov, Vera Timanova, Boleslav Javorskij (senere en betydelig musikkteoretiker), Feliks Blumenfeld, Jefrem Tsimbalist, Leonid Auer, Lev Tsetling, Jasju Khejsets og Mstislav Rostropovitsj.

Russiske anmeldelser er i hovedsak positive. Ofte uttrykkes en beklagelse over at "den originale og talentfulle" Sindings musikk ikke er tilstrekkelig kjent i Russland. Hans verker sorterer under "interessante nyheter", "som våre vanlige konsertfolk er redde for å prøve seg på". De kvalitetene ved Sindings musikk som anmeldelsene trekker frem er på den ene siden det nyskapende i musikken, dens "originalitet og kraft", på den andre side fremheves "skjønnhet og inderlighet".

Blant øvrige kritikker og omtaler kommer man ikke utenom Nikolaj Findejzens artikkelserie "Norges musikk. En oversikt over dens utvikling" som ble publisert i "Russkaja muzykalnaja gazeta" i 1909 og tar for seg oppkomsten og utviklingen av den norske komponist-tradisjonen gjennom 1800-tallet fram til begynnelsen av 1900-tallet. Artikkelserien tar også opp folkelige kultur- og musikktradisjoner.

Ved vurdering av Sindings verker understreker Findejzen både komponistens individualitet og egenartede stil, samt hans tilhørighet til den norske komponist-tradisjonen. "I Sindings verker legger man med det samme merke til *nordboeren*, hans kantete, men like fullt egenartete konturer og hans brå kontrasterende overganger fra kraft og storm til kjærlig, feminin pludring".

Avslutningsvis kommer Findejzen med en antakelse om at "verkene til denne oppriktige mesteren har langt fra nådd sitt zenit", og han bemerker at Sindings verker i Russland har blitt fremført "mer enn en gang, men likevel mindre enn de har fortjent".

Det gjenstår å håpe at bildet av norsk musikkliv i Russland ikke utelukkende begrenses til Edvard Griegs verk. Vi slutter oss til en Moskva-korrespondents ord i Russkaja muzikalnaja gazeta fra 1907: "Det er hevet over tvil at Sinding (...) vil bli populær hos oss dersom artister ville friske opp sitt repertoar en smule og inkludere nordmenn".

Михаил Мищенко: Юхан Свенсен и его музыка в России

С музыкой Юхана Свенсена (1840 – 1911) в старой России познакомились довольно рано. Его сочинения распространялись в странах Западной Европы и в России одновременно.

Произведения выдающегося норвежского мастера быстро и надолго вошли в концертные программы и получили признание как в широкой публике, так и в среде музыкантов. Первые упоминания об исполнении свенсеновской музыки относятся к 1860-м годам. На протяжении полувека, вплоть до Первой мировой войны, все основные его произведения занимали прочное место в репертуаре русских симфонических оркестров. Сочинениями Свенсена дирижировали Эдуард Направник, Макс Эрдмансдёрфер, Василий Сапельников, Василий Сафонов, Александр Глазунов, Александр Орлов, Вячеслав Сук, Эмиль Млынарский, Роберт Каянус и другие. Музыку Свенсена включали в свои программы также иностранные гастролеры, не считая самого автора. Так, например, Жан Луи Никоде дирижировал симфоническим эпизодом "Карнавал в Париже" (op. 9, 1872) в Москве в 1898 году.

Весьма широка география исполнений Свенсена. Помимо Петербурга (а также его пригородов Сестрорецка и Павловска с их летними сезонами) и Москвы, его музыку слушали в Казани и Самаре, Одессе и Ялте, Тифлисе и Баку. Наиболее популярными сочинениями Свенсена, по всей вероятности, были "Карнавал в Париже" и симфоническая легенда "Зорахайда" (op. 11, 1874). По частоте упоминаемых в прессе исполнений эти два сочинения превосходят остальную музыку Свенсена. Дирижеры охотно обращались также к обеим симфониям (№1 D-dur, op. 4, 1867; №2 B-dur, op. 15, 1876), Норвежским рапсодиям (чаще других, видимо, играли третью (op. 21, 1877), посвященную Э. Григу). Реже упоминаются "Карнавал норвежских артистов" для оркестра (op. 14, 1874),

Виолончельный концерт (ор. 7, 1871), оркестровая фантазия "Ромео и Джульетта" (ор. 18, 1876).

В атмосфере всеобщего увлечения музыкой Свенсена закономерным было приглашение на гастроли самого автора – конечно, в двойном качестве: как композитора и дирижера. Свенсен посетил Россию дважды. В первый приезд он выступил в концерте Русского музыкального общества в Петербурге 16 февраля 1885 года. Вот некоторые из критических отзывов того времени:

"В восьмом симфоническом собрании музыкального общества мы слышали в качестве дирижера и композитора г. Свендсена, норвежца родом. Он исполнил свою симфонию D-dur, "Парижский карнавал" и две норвежских мелодии, положенные для струнного оркестра. Как дирижер г. Свендсен не представляет ничего особенного: оркестр его слушает, он хорошо ведет его и дело тем ограничивается. Как композитор он гораздо интереснее. В его симфонии слышен здоровый дух неиспорченного еще народа, не тронутого разными рефлексам и мировыми скорбями. Темы его отличаются простотою и свежестью. [...] Контрапунктическая работа интересна, а оркестровка прекрасна, напоминая несколько Берлиоза. Все части симфонии одинаково интересны, но скерцо отличается более пикантною оркестровкой, и потому было повторено. Гораздо менее удлетворительным можно считать "Парижский карнавал", уже по самой художественной идее, положенной в основу, мало определенный и столько же неопределенный по музыкальному выполнению. Норвежские темы красиво звучат в оркестре. Успех г. Свендсен имел положительный"²⁴⁶; "Нельзя сказать, чтобы мотивы Свендсена были всегда новы и оригинальны, но он умеет их выставить в обстановке, в высшей степени интересной. [...] Увертюра Свендсена, как скерцо Берлиоза "Фея Маб", мыслима исключительно для оркестра"²⁴⁷;

"[...] Свендсен же, называя по примеру Листа свои переложения для оркестра норвежских мотивов "рапсодиями", слишком преувеличивает значение своих произведений. [...] Мотивам этим присуща какая-то деревенская ограниченность. Они могут дать материал для хорошего "попурри", но вдохновить композитора не способны. Свендсен из этих народных мелодий ровно ничего и не делает, а только покрывает их блестящим оркестровым колоритом"²⁴⁸.

Вероятно, первый визит был особенно знаменателен: именно на 1880-е годы, как писал впоследствии один из критиков, пришелся "апогей русской славы Свендсена"²⁴⁹. Во второй раз Свенсен выступал в Москве в марте 1896 года. Он дирижировал в 7-м и 8-м симфонических собраниях, и на этот раз не только своей музыкой. В программах значились: Пасторальная симфония Бетховена, увертюра "Тангейзер" Вагнера, Andante cantabile из Первого квартета Чайковского, Второй фортепианный концерт Листа (соло – Юкельсон), Четвертый фортепианный концерт Сен-Санса (соло – Штауб); из самого Свенсена – снова Первая симфония, "Зорахайда", "Парижский карнавал", Норвежская рапсодия №3 и Норвежская народная песня в обработке для струнных.

В прессе находим узнаваемый по первому визиту критический тон:

"...у него [т.е. Свенсена] большая ритмическая изобретательность, знание тонкостей контрапункта, а в инструментовке мощь, ширь, яркий разброс красок. И все же он часто поступает всеми этими качествами, все же не всегда предан им неуклонно, а потому иногда и сворачивает с дороги в общие, забытые места, являясь элегантно европейцем с

²⁴⁶ М. Иванов. Музыкальное обозрение // "Нувеллист" № 3, март 1885. - С. 4.

²⁴⁷ О. Левенсон. "Парижский карнавал" // О. Левенсон. Из области музыки. - Москва, 1885. - С. 162.

²⁴⁸ О. Левенсон. "Норвежская рапсодия" // Там же, с. 163.

²⁴⁹ А. Коптяев. Смерть Свендсена // А. Коптяев. К музыкальному идеалу. – Петроград, 1916. – С. 117.

изящными, элегантными манерами письма. Свенсен превосходный дирижер, и не только своими произведениями [...] Дирижирует г. Свенсен внятно, спокойно..."²⁵⁰.

Особое внимание в московской программе привлекает имя Чайковского. Присутствие его пьесы не было случайным. Его музыка к тому времени уже заняла прочное место в репертуаре Свенсена-дирижера. Из письма Грига к Чайковскому узнаем: "От Свенсена сегодня получил письмо. Он пишет мне, что выразил Вам свое уважение, исполнив ряд Ваших произведений как в Копенгагене, так и в Христиании, и что в будущем году он надеется на Ваше участие в одном из филармонических концертов"²⁵¹. В свою очередь Чайковский в одном письме к датскому импрессарио и нотоиздателю просил передать привет Свенсену: "Si Vous connaissez Swendsen veuillez lui transmettre l'expression de ma tres vive admiration. (Если Вы знакомы со Свенсенем, благоволите передать ему выражение моего живейшего восхищения.)"²⁵².

По-видимому, музыкально-исполнительская деятельность Свенсена не только способствовала распространению музыки Чайковского в странах Скандинавии, прежде всего в Дании²⁵³, но и пробуждала интерес вообще к русской музыке. Вероятно, не обошлось без влияния Свенсена, прямого или косвенного, в деле, о котором Цезарь Кюи сообщал в письме к Глазунову:

"Многоуважаемый Александр Константинович,

Один Датчанин²⁵⁴, который пишет очерк о нашей музыке, очень бы желал иметь Вашу фотографическую карточку. Если у Вас таковая имеется, то доставьте мне ее, я ее передам Датчанину вместе с моей.

Ваш Ц. Кюи."²⁵⁵

Известно, что сам Свенсен интересовался русской народной песней. Глазунов писал Н. А. Римскому Корсакову: "Гильдебрандт [Hildebrandt] очень просил прислать ему обещанные сборники русских песен для Свенсена"²⁵⁶. Скорее всего, норвежский композитор подумывал о переложениях, аналогичных тем, что он сделал для струнного оркестра на основе скандинавских напевов. Интересно, что в России критика иногда признавала, в духе тогдашней национально-музыкальной эстетики, русский колорит в некоторых фрагментах музыки Свенсена. "Со своими простонародными темами, гармоническими прихотями и пикантной оркестровкой рапсодия талантливого норвежца, ни дать, ни взять, произведение русской школы, нечто вроде "Казачка" или "Чухонской фантазии" Даргомыжского", – писал Г. А. Ларош²⁵⁷. Финдейзен отмечал сходство halling'a из финала Второй симфонии с

²⁵⁰ Ив. Липаев. Хроника. Москва // РМГ, №3, март 1896 - С. 372.

²⁵¹ Э. Григ – П. Чайковскому, Лейпциг, 27 февраля [18]88 г. // Чайковский и зарубежные музыканты. Избранные письма иностранных корреспондентов / Сост. Н. А. Алексеев. – Ленинград, 1970. – С. 82.

²⁵² П.И. Чайковский - Х. Хеннингсу, 29 Janvier / 10 Fevrier 1892, Klin, neben Moskau // П. Чайковский. Литературные произведения и переписка / Полное собрание сочинений. Том XVI-Б. – М., 1979. – С. 30.

²⁵³ В 1883 – 1908 гг. Свенсен занимал пост главного капельмейстера Королевской Оперы в Копенгагене.

²⁵⁴ О ком идет речь, выяснить пока не удалось.

²⁵⁵ Кюи – Глазунову, [Петербург, 27 марта 1895] // Ц. А. Кюи. Письма (26) А.К. Глазунову. 1890-1916 и б[ез] д[аты] / Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, Ф. 187, архив Глазунова, № 939, л. 4.

²⁵⁶ А. К. Глазунов – Н. А. Римскому Корсакову, 10 февраля 1890 // Н. Римский-Корсаков. Литературные произведения и переписка / Полное собрание сочинений. Том VI. - М., 1965. – С. 88.

²⁵⁷ Г. Ларош. Последние концерты великопостного сезона // "Голос", №121, 1878. – Привод. по:

трепаком²⁵⁸. Эти курьезы отнюдь не исключительны. Цитированные рецензии относятся к позднему периоду в истории так называемой "национальной" музыки (последняя четверть XIX – начало XX вв.), когда критика и эстетика вплотную подошли к признанию условности национального колорита в музыке²⁵⁹.

В конце XIX века Свенсен был одним из наиболее вероятных кандидатов на приглашение дирижировать в России. Кюи в письме к Сафонову (май 1897) обсуждал возможность пригласить на симфонические концерты предстоящего сезона Грига или Свенсена, взамен Сен-Санса, если тот откажется²⁶⁰. (Правда, ни один, ни другой, ни третий ни в тот сезон, ни впоследствии в Россию не приезжали.)

Популярность Юхана Свенсена в России была столь велика, что смерть композитора в 1911 году вызвала дружный, с обстоятельными некрологами, отклик музыкальной прессы. В частности, Русская музыкальная газета писала:

"... большой друг Э. Грига, Свендсен вместе с последним по праву считается главой современной скандинавской школы. ... Ряд его симфонических и камерных произведений (достаточно назвать обе симфонии, популярную "Зорагайду", "Карнавал в Париже", скрипичный концерт и великолепный струнный октет) завоевал почетное положение в концертных программах и, вместе с тем, положил основание новому, национальному направлению в музыкальном творчестве Норвегии. ... почетное значение Свендсена в истории норвежской музыки неизгладимо"²⁶¹.

С Первой мировой войной, можно сказать, закончилась большая эпоха Свенсена, хотя некоторые его произведения, в особенности "Зорахайда", оба "Карнавала" и скрипичный Романс, на протяжении ушедшего столетия эпизодически появлялись в концертных программах. Свенсена играли такие известные дирижеры как Александр Гаук, Кирилл Кондрашин, Натан Рахлин, Геннадий Рождественский, Неэми Ярви. В конце 1930-х годов его музыку охотно исполняли на летних выездных сезонах оркестра Ленинградской филармонии в Кисловодске. Редким событием оказалось исполнение крупного сочинения – Второй симфонии под управлением Карла Элиасберга²⁶² в Большом зале Ленинградской филармонии (11 октября 1954).

Очевидно, уже в 1900-е годы музыка Свенсена начинала устаревать, приобретала характер антикварной редкости. "Его дарование, – писал Финдейзен, – менее крупное и сильное, менее самостоятельное и далеко не столь яркой национальной окраски; его музыка, в особенности симфоническая, не теряя своего изящества и значения по законченности формы, начинает понемногу блекнуть и увядать, если сопоставить ее с музыкой Грига, полной глубокого чувства, гораздо большей вдумчивости, оригинальности и художественного совершенства"²⁶³. По мнению А. Коптяева, Свенсен заменил бурную стихийность на лейпцигский классицизм; его "Зорахайда" – "пример средней, почти

Г. Ларош. Избранные статьи. В пяти выпусках / Сост., ком. А. С. Розанов. Общ. ред., вст. ст. А.А. Гозенпуд. Вып. 4. - Л., 1977. - С. 173.

²⁵⁸ Н. Финдейзен. Музыка в Норвегии // РМГ, 1909, № 15. - С. 389. Трепак – старинная русская одиночная мужская пляска либо пляска-соревнование импровизационного характера.

С норвежским халлингом трепак роднит двудольная ритмическая формула.

²⁵⁹ В XX столетии на эстетическую условность "национальной музыки" указывал, в частности, К. Дальхауз. См.: Nationalism and Music // С. Dahlhaus. Between Romanticism and Modernism. Four Studies in the Music of the Later Nineteenth Century. – University of California Press, 1980. – P. 95.

²⁶⁰ Ц.А. Кюи. Избранные письма / Сост., вст. ст. и прим. И. Л. Гусин. – Л., 1955. – С. 187, 188.

²⁶¹ РМГ, 1911, № 26-27. - С. 557.

²⁶² Карл Ильич Элиасберг (1907 – 1978) получил известность как исполнитель Седьмой симфонии Шостаковича в блокадном Ленинграде в августе 1942 года.

²⁶³ Н. Финдейзен. Цит. соч. // РМГ, 1909, № 15. - С. 386-87.

салонной оркестровой музыки, которая могла бы не существовать", а в Романсе – "старческий классицизм", который по ошибке принят за бетховенский²⁶⁴.

В судьбе свенсеновской музыки в XX столетии (по меньшей мере в России) можно наблюдать выразительный историко-культурный поворот, который вообще предполагает вопросы *когда, как и почему* что-либо в искусстве востребовано. В музыке Свенсена, как заметил Катаринус Эллинг, преобладает мажор²⁶⁵. Очевидно, дело не только в мажор-ладовом наклонении, но и типе звукоосозерцания – трудноуловимом качестве *мажорности* как полноте благозвучия. Вне этого качества образ свенсеновской музыки невозможен. Оно прочно связало ее с "прекрасной эпохой" (*belle époque*) – настолько прочно, что в XX столетии произведение Свенсена вообще, в отличие от Грига, уже не вызывали того энтузиазма, которым они были окружены при жизни их автора. Отсюда, казалось бы, легко можно вывести привычный тезис о жизнеспособности музыки. Однако в культуре не бывает однонаправленных, прогрессистски-линейных процессов. Жизнеспособность предполагает встречное движение эпох или традиций, а значит волю и ответственность современности в отношениях с ближайшим прошлым. Прошлому привычно предъявляют требование быть "созвучным" настоящему или отвечать "запросам современности". Там, где этого нет, говорят об "исторической ценности" или "преходящем значении". Но этого недостаточно. Необходимо помнить, что поддерживать и продолжать традицию²⁶⁶ является серьезным затруднением для современности. Поэтому сегодня бессмысленно говорить, к примеру, о несоразмерности прижизненной славы Свенсена фактической ценности его музыки. В этом случае очевидна подмена исторически изменчивых критериев.

Ценность музыки Свенсена в ее красоте, ее принадлежности к ведущему вплоть до XX века эстетическому канону прекрасного – безусловного и, нередко, академизированно-косного. Частичная утрата вкуса к прекрасному, вытеснение его идеалом возвышенного в ушедшем столетии непосредственно повлияли на характер бытования свенсеновской музыки. Другой причиной была давняя и неумирающая эстетическая концепция оригинальности и стремительный ход оригинального творчества, на фоне которых музыка многих композиторов рубежа XIX-XX веков звучала прижизненным анахронизмом.

Признаки будущего поворота намечаются уже в критике позапрошлого столетия. Музыку Свенсена принимали в целом сочувственно и благожелательно. Но и без преувеличений, точно оценивая, с прогрессистской точки зрения, масштаб дарования и значения творчества норвежского художника. С точки зрения строго историчной, прохладное отношение к искусству Свенсена, напротив, свидетельствует о полутрате традиции прекрасного, о непонимании эстетических и технических задач композитора.

Суть претензий к музыке Свенсена сводится к неоригинальности, недостаточной изобретательности. По обычаю XIX века, критика зачастую воспринимала и толковала его музыку в понятиях эффекта, технической детали, в той или иной мере "удачных".

Об Октете:

"Произведение молодого композитора, нелишенного некоторых дарований. Октет этот принадлежит к числу лучших сочинений автора, в нем хотя и не заметно особенное творчество, но встречаются недурные гармонии и местами довольно интересная разработка"²⁶⁷;

²⁶⁴ Коптязев, цит. соч. – С. 118 – 19.

²⁶⁵ Цит. по: Н. Гриндэ. История норвежской музыки: Пер. с норвеж. – Л., 1982. – С. 117.

²⁶⁶ Речь идет о традиции ремесла, которая вступает, рано или поздно, в противоречие с Традицией, или традицией творчества, - обновлением-"вечным возвращением". В таковом понимании традиции принадлежат, в частности, Бетховен, Вагнер, Шенберг.

²⁶⁷ Музыкальный листок, 1872-73, № 14. – С. 219.

"...сочинение это не отличается выдающимися качествами, оно сплошь написано ловко для исполнителей и местами производит эффект превосходною инструментовкою"²⁶⁸.

О Первой симфонии:

"К сожалению, к средним периодам этой [1-й] части мало интереса, так как автор, хотя вообще ловкий контрапунктист, не дал нам соответствующей тематической разработки и почти прямо перешел на вторую тему, нежную и ласкающую. От того первая часть симфонии вышла сжатой, короткой и как бы скомканной, а заключение звучит банально, в роде того, как оканчивались старые увертюры итальянцев. Andante растянуто, несколько однообразно, но не утомляет слух, благодаря талантливой инструментовке. Она и тонко задумана и красива по наличности голосовых сочетаний. Самые темы Andante отзываются Бетховеном. Зато третья часть Allegro scherzando выдержанная сплошь в двухдольном ритме, поражает жизненностью, нарядным убранством, простосердечным весельем, смелостью скачков деревянных духовых, преимущественно фаготов и гобоев. Ими Свендсен вообще любит шалить: в "Парижском карнавале" например.[...] Вступление финальной части симфонии глубоко по содержанию, появляющаяся же главная тема с обликом народного настроения, молодцевата и отдает отвагой. Вся эта часть страдает отсутствием цельности: в ней больше пестроты, нежели смысла и логики, а окончание опять шаблонно. Вот уже "Зорахайда" положительно пленительна"²⁶⁹.

О "Карнавале в Париже":

"Влияние "Римского карнавала" чрезвычайно сильно: не говоря уже об оркестровке, в которой все современные композиторы более или менее обязаны Берлиозу, но самые темы и ритмы нового "Карнавала" очень похожи на старый"²⁷⁰.

Примечательны слова критика о *творчестве*, которое малозаметно у Свенсена. Коннотация творчества в XIX веке еще хранила свежесть открытия, произведенного Бетховеном, композитором, искусство которого впервые в истории музыки обрело смысл творчества и творений, а сам автор был объявлен творцом. Концепция искусства, понятого как творчество, наделила новым смыслом старую идею оригинального духа или оригинального гения. Оригинальность смешалась с понятием неповторимо индивидуального искусства. В этом смысле "творчество" у Свенсена отсутствует. Самосознание музыканта в нем скорее общинное, ремесленно-цеховое. Умение, техника решают в музыке Свенсена больше, чем воображение, интуиция и порыв. ("Ум преобладает над вдохновением", – говорилось в отзыве на I часть Второй симфонии²⁷¹.) Критика была едина в том, что Свенсен – тонкий, ловкий контрапунктист, мастер оркестровки, пусть и малосамостоятельный композитор, мысли которого слишком напоминают Бетховена и Мендельсона, Шумана и Берлиоза. Эти характеристики весьма точны. Они составляют в Свенсене тип художника-эклектика. Его искусство собирательно и реминисцентно. Зависимость от предшественников для него не только возможна, но и желательна. В нем говорит чувство родовой принадлежности традиции ремесла, и каждая новая композиция возобновляет ее, открывает в ней интерес. Такое искусство имеет преимущественный смысл *содержательной техники*²⁷².

Как видно, критика нередко не замечала у Свенсена совершенного согласия техники и эстетики, не умела охватить его музыку в цельности. Редкое понимание находим в словах Лароша о Второй симфонии: "I часть по грандиозности темы ("главной партии"), по широкому потоку богатой гармонии, по густоте и ослепительному блеску оркестровых

²⁶⁸ Музыкальный листок, 1876-77, № 7 - С.102.

²⁶⁹ Липаев, цит. соч. – С. 371-72.

²⁷⁰ Г. Ларош. Музыкальные письма из Петербурга. Письмо первое // Московские ведомости, 1878, № 300. – Привод. по: Г. Ларош, цит. соч. - С. 184.

²⁷¹ Русский музыкальный вестник, № 6, 1880. – С. 3.

²⁷² Определение, данное В. Каратыгиным музыке Глазунова.

красок занимает чрезвычайно высокое место в современной симфонической литературе; сколько я знаю произведения даровитого норвежского мастера, никогда еще вдохновение его не парило на такой высоте"²⁷³. Такое признание значительного, серьезного характера в творчестве Свенсена было типично скорее не для критиков, а для композиторов, в особенности участников Беляевского кружка²⁷⁴; техническое совершенство увлекало, искупая собой художественную односторонность.

Знакомство с музыкой норвежского коллеги было заметным событием для Н. А. Римского-Корсакова и А. К. Глазунова. По свидетельству очевидца (26 ноября 1891), Римский-Корсаков восхищался "изящной и поэтической музыкой "Зорагайды" Свенсена"²⁷⁵. В передаче того же очевидца отзыв Корсакова звучал так: "До чего прелестно начало коды волшебной симфонической поэмы "Зорагайды", где основная тема так причудливо и изящно звучит на фоне хроматически понижающихся басов, а также следующее за этим эпизодом тремоло, – до чего оно воздушно и упоительно! Не говоря уже об изображении фонтана, этом чуде инструментально-декоративной музыки. Какое удачное, тонко художественное звукоподражание!" (13 марта 1895)²⁷⁶. "Зорахайда" была не единственным произведением Свенсена, удостоившимся корсаковской похвалы (в тот же день): "Что же касается "Исландских мелодий", то это опять-таки своего рода chef d'oeuvre: музыка колорита мрачного, нередко доходящая до жестокости! Во всем так и сквозит пасмурная Исландия с ее бесконечными мхами, туманами, потухшими вулканами, крутыми, скалистыми берегами"²⁷⁷.

Отзыв об Исландских мелодиях для струнных кажется особенно выразительным: похоже, Римский-Корсаков, вообще склонный к картинной звукописи, воодушевился свенсеновскими миниатюрами. Слова о сочинениях Свенсена сказаны в пору первых эскизов оперы "Садко" (1894-96), в которой, как известно, есть "нордический" фрагмент – Песня Варяжского гостя, первая из трех Песен иноземных гостей. набросок этого номера относится к лету того же, 1895 года²⁷⁸, когда была сочинена и записана большая часть музыки "Садко" в первоначальной версии. Стихи в Песни варяжского гостя звучат как реминисценция или прообраз программной характеристики Исландских мелодий:

*"О скалы грозные дробятся с ревом волны,
И с белой пеною крутятся бегут назад;
Но твердо серые утесы
Выносят волн напор,
Над морем стоя.*

*От скал тех каменных у нас, варягов, кости,
От той волны морской в нас кровь-руда пошла;
А мысли тайны от туманов.
Мы в море родились,
Умрем на море*

²⁷³ Ларош. Концерт и квартетный вечер музыкального общества // "Голос", 1878, № 360. – Привод. по: Ларош, цит. соч. - С. 200.

²⁷⁴ Группа композиторов и любителей музыки, собиравшихся в 1880-х – 1900-х гг. на музыкальных вечерах (так называемых Беляевских пятницах) в доме лесопромышленника, мецената, нотоиздателя Митрофана Петровича Беляева (1836 – 1903/04). Во главе кружка стоял Римский-Корсаков, среди постоянных участников были его ученики, известные композиторы Витол, Глазунов, Лядов. На собраниях кружка играли, по меньшей мере, одно из камерно-инструментальных сочинений Свенсена – Октет.

²⁷⁵ В. Ястребцев. Николай Андреевич Римский-Корсаков. Воспоминания / Т.1. - Л., 1959. - С.39.

²⁷⁶ Там же, с. 273.

²⁷⁷ Там же, с. 273.

²⁷⁸ Там же, с. 399.

*Мечи булатны, стрелы остры у варягов,
Наносят смерть они без промаха врагу.
Отважны люди стран полных,
Велик их бог Один,
Угрюмо море."*

Очевиден образно-языковой параллелизм двух текстов: Мрачно, жестоко скалы грозные, рев волн, пасмурная Исландия, угрюмое море туманы, скалистые берега, серые утесы.

Композиционно-технические манеры пьес Римского-Корсакова и Свенсена тоже параллельны в некоторых элементах. Корсаковская мелодическая фигура волны в оркестре обнаруживает близкое сходство с волнообразным рисунком начальных мотивов во второй Исландской мелодии. Не остались без последствий для Песни варяжского гостя характерная модальная переменность мелодических терций *g-b* и *a-c* (в особенности в кадансе) и хроматическая гармонизация в первой Исландской мелодии: во 2-й строфе Песни хроматизировано движение средних голосов, и в кадансе сталкиваются терции в подобном соотношении – *c-es* и *d-f*. Скорее всего, это сходство неслучайно, и, говоря о пьесах Свенсена, Римский-Корсаков уже запечатлел в памяти образ этой музыки – в ближайшем будущем "подказку" для музыки Варяжского гостя.

Глазунов, ярчайший в русской музыке академист и эклектик, мог найти у Свенсена созвучные своим наклонностям музыкальные идеи – например, контрапунктическую технику в оркестровом письме, а также общий тонус *мажорности*. (В одном из музыкально-критических текстов начала XX века имена Глазунова и Свенсена (а также Грига) соседствуют в весьма торжественном и многозначительном смысле: "...Вагнер – гениальный, но тяжеловесный и ультра-сериозный – явился могучею силою, противодействовавшей развитию ритмического или танцевального элемента в музыке. Но могучий отпор должен вызвать и обратную реакцию, не менее сильную. Северные народы – русские и скандинавы – еще не оскудели ритмическою свежестью: Свендсен, Григ и Глазунов призваны спасти ритм, т.е. танцевальный элемент в музыке"²⁷⁹.)

Интерес к музыке Свенсена дополнился личным контактом Глазунова со старшим коллегой. Помимо косвенного общения через виолончелиста Р. Н. Гильдебрандта (в связи с вышеупомянутой просьбой Свенсена о сборниках русских песен) Глазунов посетил Свенсена в Копенгагене во время очередной поездки по странам Западной Европы. О встрече, которая состоялась 14 июня 1903 года, Глазунов сообщал в письме к С. И. Танееву:

"Вчера я был с визитом в сообществе с виолончелистом Гильдебрандом у Свендсена и увидел у него на пульпитре рояля партитуру Вашей симфонии²⁸⁰. Я был страшно удивлен и восхищен, что и выразил Свендсену, который просит меня заочно очень Вам кланяться"²⁸¹.

Еще одна подробность из письма к Римскому-Корсакову: "...В Копенгагене пароходы свистят не трезвучиями, как у нас, а в чистую октаву! Свендсен не признает Рихарда [Штрауса]!"²⁸².

Общение со Свенсеном, пусть и весьма краткое, произвело на Глазунова сильное впечатление. (Они сошлись даже на почве неприязни к "модернисту" Р. Штраусу!) Через

²⁷⁹ А. Коптяев. Глазунов. Второй музыкальный портрет // Коптяев. Музыка и культура. Сборник музыкально-исторических и музыкально-критических статей. – М., 1903. – С. 45.

²⁸⁰ Речь идет о Симфонии № 4 *c-moll* (1896-98).

²⁸¹ А. Глазунов – С. Танееву, Копенгаген, 15 июня 1903 // А.К. Глазунов. Письма, статьи, воспоминания. – М., 1958. – С. 239.

²⁸² А. Глазунов – Н. Римскому Корсакову, Озерки, 1 июля [1903] // Там же, с. 242.

два месяца, 8 августа 1903 года, Глазунов дирижировал Норвежской рапсодией № 3 Свенсена в одном из летних концертов в Павловске, близ Петербурга²⁸³. Последней встречей, в некоем мистическом смысле, было избрание Глазунова в 1911 году членом-корреспондентом Института Франции [Institut de France] – на место умершего Свенсена.

"Страшное" удивление и восхищение, о которых говорил Глазунов, были вызваны, вероятно, поразившим его неслучайным присутствием танеевской симфонии. Танеев – выдающийся мастер контрапункта, и увлечение этой техникой было почвой, на которой, в том числе, сдружились Глазунов и Танеев. Кроме того, симфонию, о которой шла речь, Танеев посвятил Глазунову, возвратив, таким образом, "долг" посвящения: Глазунов посвятил ему предшествовавшую танеевской свою Пятую симфонию (1895).

Тональность Пятой Глазунова – B-dur – это тональность Второй симфонии Свенсена, тональность общего для них звукоззерцания и отчасти родственных между этими симфониями музыкально-тематических идей. Родство обнаруживается между первыми темами обеих сонатных Allegri (I часть) – в беспрепятственном охвате широкого диапазона диатонической мелодии, в ритмической фигурации аккомпанемента, в характерной нисходящей мелодической последовательности VII-VI с упорами на второй из этих ступеней (как вариант так называемого *григовского лейтмотива*). Пятая – единственная симфония и одно из немногих глазуновских сочинений вообще, в котором столь явно и неоднократно в каждой части проведены варианты *григовского лейтмотива*. Также оба композитора явно отдают предпочтение 2/4-ному скерцо перед 3/4-ным.

Как и в случае Римского-Корсакова, некоторое сходство симфоний могло получиться в результате не случайного совпадения, а осознанных или даже несознаваемых импульсов, идущих от одного сочинения к другому. Прямыми свидетельствами автор этих строк не располагает, но косвенные говорят за то, что так могло быть.

Следует предупредить возможное толкование так называемого *влияния* Свенсена на русских композиторов. Сходство или подобие не обязательно указывают на влияние, как и наоборот, влияние не гарантирует сходства. Влияние предполагает зависимость несамостоятельной мысли либо освоение открытых кем-то, доселе невиданных средств музыкального выражения. Перед нами же – встреча родственных художественных натур на общем материале стиля и тематизма. Кроме того, в рассмотренных случаях, как во многих других, Римский-Корсаков и Глазунов привержены старому, доромантическому типу искусства композиции: сочинение должно подтвердить принадлежность композитора традиции, что означает *пересочинение* уже сочиненного другими – в *преумножение* или *во улучшение*, подобно практике И. С. Баха²⁸⁴.

Mikhail Misjtsjenko: Johan Svendsen og hans musikk i Russland

I det gamle Russland ble man relativt tidlig kjent med Johan Svendsens (1840-1911) musikk. Den fremragende norske komponistens verker gikk raskt og for lang tid inn som en del av konsertprogrammene og vant anerkjennelse både hos det brede publikum og blant musikere. De første henvisninger til fremførelse av Svendsens musikk stammer fra 1860-årene. I det kommende halve århundre helt frem til første verdenskrig skulle alle hans hovedverker få en ubestridelig plass i russiske symfoniorkesteres repertoar. Svendsens verker ble dirigert av dirigenter som Edvard Napravnook, Maks Erdmansdorfer, Vasilij Sapelnikov, Vasilij Safonov og Aleksandr Glazunov. Foruten i Moskva og St. Petersburg med sine forsteder Sestroretsk,

²⁸³ Остальную часть программы составили сочинения самого Глазунова: Седьмая симфония, Баллада для оркестра, Песня менестреля для виолончели с оркестром (соло – Жакобс).

²⁸⁴ Лаконичной иллюстрацией такого понимания композиторского ремесла может быть комментарий Глазунова в автографе одной из его ранних фуг: "Тема собственная. Тема напоминает G-dur'ную тему Баха". (Цит. по: Глазунов. Исследования. Материалы. Публикации. Письма / В двух томах. Том второй. – Л., 1960. – С. 496.)

Pavlovsk i sommersesongen, ble Svendsens musikk spilt i Kazan og Samara, Odessa og Jalta, Tbilisi og Baku.

Den store begeistringen for Svendsens musikk gjorde det naturlig å invitere komponisten på turné. Svendsen besøkte Russland to ganger. Første gang holdt han konsert i Det russiske musikalske selskap i St. Petersburg 16. februar 1885. Andre gang optrådte Svendsen i Moskva i mars 1896.

Johan Svendsens popularitet i Russland var så stor at komponistens bortgang i 1911 fremkalte et samstemt kor og lange nekrologer i musikkpressen.

Etter første verdenskrig var det slutt på Svendsens store epoke, skjønt noen av hans verker tid om annen har dukket opp i konsertprogrammer gjennom 1900-tallet. En sjelden begivenhet var fremføringen av Svendsens store verk, den 2. symfoni, under Karl Eliasbergs ledelse i Leningrad filharmoniens store sal 11. oktober 1954. Eliasberg (1907-1978) ble for øvrig berømt for å ha dirigert Sjostakovitsj 7. symfoni under blokaden av Leningrad i august 1942.

I løpet av 1900-tallet har Svendsens musikk begynt å bli gammelmodig og har antatt en karakter av antikvarisk sjeldenhet. I historien om Svendsens musikk i Russland kan man tydelig se den historisk-kulturelle vending som i det hele tatt reiser spørsmål som *når, hvordan og hvorfor* noe er etterspurt i kunsten.

Bekjentskap med sin norske kollega var en stor begivenhet for Rimskij-Korsakov og A.K. Glazunov. To Islandske melodier for strykere kan ha vært den direkte inspirasjonen for "Den varjagiske gjestens sang" i Rimskij-Korsakovs opera Sadko fra 1895. Svendsens 2. symfoni kan likeledes ha vært inspirasjonskilden for Glazunovs 5. symfoni (1895).

Jeg vil gjerne advare mot en mulig tolkning av såkalt *innflytelse* fra Svendsen på russiske komponister. Likhetstrekk er ikke nødvendigvis uttrykk for innflytelse. Og vice versa – innflytelse medfører ikke nødvendigvis likhet. Det dreier seg snarere om et møte mellom liknende kunstnere omkring felles materiale og tematikk. Dessuten er Rimskij-Korsakov og Glazunov tilhengere av den gamle, førromantiske komposisjonsform: verket skal bekrefte komponistens tilhørighet til tradisjonen med å *omskrive*, mangfoldiggjøre eller forbedre, det som allerede var skrevet av andre. En tilsvarende praksis finnes også hos Johan Sebastian Bach.

Аркадий Климовицкий: Русский Григ – от Чайковского к серебряному веку

Русский Григ – это уникальный культурно-психологический феномен, теснейшим образом связанный как с характером гениального дарования композитора, так и с ментальными особенностями России, где его музыка получила мощный резонанс: Грига здесь полюбили сразу и навсегда. При жизни возведенный на пьедестал общенационального лидера, художник, чье творчество в глазах всего мира стало и остается ни с кем не сравнимым по самобытности воплощением духа, народно-национальных идеалов Норвегии, Григ оказался неотъемлем от культуры и истории России, среди всех европейских стран наиболее остро почувствовавшей и востребовавшей его художественный мир. Поэтому *Григ* – это еще и великий опыт самопознания и самоопределения *русской* культуры. *Что* узнала о себе, *какой* увидела себя русская культура благодаря встрече и общению с музыкой Грига, *что* приобрела с ними и *какой* стала – таков круг вопросов, сопряженных с задачей постичь структуру феномена *русский Григ*.

Музыка Грига впервые публично прозвучала в России в конце 1876 г. – в Петербурге был исполнен его Концерт для фортепиано с оркестром – и сразу стала здесь *своей и родной*. Пафосом художника национально-почвенного, напрямую связанного с фольклором, Григ оказался близок композиторам-кучкистам; романтическая одухотворенность, лиризм и непосредственность сближают его с Чайковским, с постчайковским и посткучкистским поколениями отечественных композиторов. Интенсивность бытования его музыки в исключительно широком социокультурном пространстве России была обеспечена уравновешенной созерцательностью, гармонизирующей хрупкость, изысканность,

импрессионистичность, нервность и мимозность, присущие мироощущению Грига – *европейца конца века*: его творчество оказалось востребовано как культурной элитой, в среде которой формировалось устремленное в XX век новое искусство, так и самыми широкими, умеренных эстетических ориентиров, кругами.

Между тем Григ никогда не был в России, хотя и стремился к этому, а русская культура занимала в его духовном мире место совершенно особое – и это одна из загадок "русского Грига". Поэтому каждый факт, имеющий касательство к *русской теме* в жизни Грига и *григовской теме* в России, приобретает особую важность.

Его неоднократно и в разное время приглашали с концертами в обе российские столицы, он был в переписке с Ц.Кюи, с А.Зилоти, его посетили Н. и Э.Метнеры, встречался и – по видимому – переписывался Григ с Н.Жиляевым. Однако самый яркий и значительный фрагмент темы *русский Григ* связан с П.Чайковским – энтузиастом и первым пропагандистом творчества Грига в России, его единственным и душевно близким здесь другом.

Поразительность сюжета *Чайковский – Григ* носит системный характер: в нем невероятно решительно все. И прежде всего – легкость и непосредственность, которыми отмечено их сближение: мгновенно возникшая глубокая взаимная симпатия и благодарное доверие. Психологические основания этой внезапно и неожиданно возникшей искренней дружбы, согласно Чайковскому, – "несомненное внутреннее родство двух музыкальных натур"²⁸⁵. Много лет спустя Григ, прочитав книгу Модеста Чайковского "Жизнь Петра Ильича Чайковского", потрясенно восклицал: "Иногда мне кажется, что я заглядываю в собственную душу. Я во многом узнавал самого себя"²⁸⁶.

Они были почти ровесниками (Григ тремя годами младше, что никак не влияло на их положение в исторической диспозиции XIX столетия), принадлежали к одному поколению, у них был общий исторический, культурный и музыкальный опыт. Помимо известного сходства их психотипических свойств, музыкальных симпатий и антипатий, которыми отмечено их взаимное притяжение, их объединяет как культурно-географическое, культурно – историческое, культурно-психологическое положение России и Норвегии – стран по отношению к центральной Европе *окраинных, далеких, северных, холодных, снежных*, так и особенности приобщения к мировой культуре – *из окраины*: Григ едет из Норвегии в лейпцигскую консерваторию, чуждую всему, что связано с проблемами *национальных традиций*, Чайковский – первый выпускник первой русской петербургской консерватории, ориентированной при ее организации на лейпцигскую. И хотя оба они не раз более чем критично и даже едко высказывались каждый о своей alma mater, их преследовали упреки в академической "выученности".

Их личной встрече, столь обрадовавшей обоих, предшествовала удивительная *невстреча* их: в августе 1876 г. оба были на знаменитых Байрейтских торжествах как музыкальные корреспонденты, оба высказали свои впечатления в серии статей, публиковавшихся в августе-сентябре 1876 г., оба поразительным образом не заметили друг друга.

Их *невстреча* в Байрейте – единственная в своем роде: ведь не заметили там друг друга, хотя как будто бы и не могли не встретиться, не только Чайковский и Григ, но и каждый из них – с Брукнером, с Малером. Но с Григом – и только с ним! – Чайковского связывает то самое таинственное "избирательное сродство", о котором оба так проникновенно и почти одними словами выскажутся лишь в 1888 г., теперь уже после личной встречи, но которое отчетливо проявилось уже в их оценках байрейтского события. К решению этой задачи они пришли с разным опытом реального знания музыки Вагнера и размышления о ней.

²⁸⁵ Чайковский П.И. Автобиографическое описание путешествия за границу в 1888 году // Чайковский П. Полн.собр.соч. Лит.произведения и переписка. Т.I – XVII. – М., 1951 – 1981. Т.II, с.344. В дальнейшем – ЛПП, римскими цифрами – том, арабскими – страница.

²⁸⁶ Э. Григ – Ф. Бейеру, 6 янв. 1906 // Григ Э. Избранные статьи и письма / Составление, комм., вступ.статья О.Левашевой. – М., 1966. С 352.Далее – Григ Э. Избр. .

Чайковский услышал ее не ранее 1859 г. 18 января 1876 г. в Петербурге он был на "Тангейзере" – и это первая опера Вагнера, которую Чайковский услышал полностью. Григ был связан с музыкой Вагнера с юношеских лет. Он слышал "Тангейзера" 14 раз.

Но их отношение к Вагнеру и его творчеству совершенно различно отнюдь не только по биографическим причинам. Чайковскому Вагнер изначально глубоко чужд *психологически*. Отношение Грига к творчеству Вагнера обычно характеризуется как *восторженное*. Тем более поразительно, что оба они в Байрейте словно бы одними ушами слушают музыку, одними глазами смотрят на сцену, их размышления обо всем, происходящем здесь, в главном следуют в одном направлении.

Оба избрали для своих корреспонденций форму писем-отчетов. Для Чайковского это – событие, имеющее "по великости своих размеров и силе возбужденного интереса значение исторической эпохи"²⁸⁷. Григ называет тетралогия творением "гиганта, подобного которому история искусств знавала, может быть, только в Микеланджело"²⁸⁸, оба дают в целом сходную оценку услышанному и увиденному.

Резонируют друг другу и их критические суждения. Оба безоговорочно выделяют симфонические эпизоды тетралогии, одновременно сомневаясь в верности вагнеровского взгляда на оперу. Оба одинаково не приемлют в а г н е р и а н с т в а и с изрядным юмором описывают атмосферу светского ажиотажа, царящую на байрейтских торжествах.

Трудно увидеть в подобном только совпадение. Вагнер в корреспонденциях Чайковского и Грига – это первое проявление их незаурядной, им самим еще неизвестной, духовной - родственности. И действительно, их творческий ген во многом общей природы. Отсюда и общие кумиры: Моцарт, Шуман, Бизе.

Моцарту в жизни и творчестве обоих принадлежит роль совершенно особая и в общем-то схожая: *моцартовский культ* сформировался у них в детстве, Моцарт – в их дирижерском репертуаре, о Моцарте оба много размышляют, пишут, к Моцарту обращаются в своем творчестве: "Моцартиане" Чайковского резонируют григовские обработки 4 фортепианных сонат Моцарта для двух фортепиано – своего рода "моцартиана" Грига. Шумана оба боготворят, о "Кармен" восторженно говорят одними словами.

Жизненные *невстречи*, которыми отмечен сюжет *Чайковский – Григ*, преодолевались отмеченными геном *избирательного сродства их встречами* в музыке. Такими, например, как свойственный обоим высочайший заряд коммуникативности, обусловленный необыкновенным даром доверительно-собеседнического обращения к слушателю. Как присущий обоим тип проявления глубоко национального характера – без "обязательности цитат"; творческий интерес к XVIII веку и связанные с этим опыты преднеоклассицизма; как *чайковско-григовская* поэтика "элегического" и "осеннего" и поэтика восторженно-экстатического озарения – неслучайно несколько тактов мелодии одного из самых упоительно-проникновенных (и хочется сказать – одного из самых *чайковских*) романсов Грига "Люблю тебя!" процитировал Чайковский в дарственной надписи на партитуре своей Третьей сюиты, подтекстовав мелодию словами признания: "Ich liebe Grieg, ich schätze Grieg", техника мелодических ниспаданий и секвенций, выразительные подголоски, которыми дышит фактура; тип претворения речевого прообраза, знаменитые "хроматизмы вразбивку". Словом, соединительный союз в формуле *Чайковский и Григ* – метафора, за которой стоит очевидная реальность.

Итак, Чайковский – *единственный* из *крупнейших* русских композиторов, в биографии которого с именем великого норвежца связан значительный личный и творческий сюжет. Они переписывались, Чайковский посвятил Григу увертюру-фантазию "Гамлет" ор.48, под его управлением 5 ноября 1891 г. в Москве прозвучал фортепианный Концерт Грига. В библиотеке Чайковского – его произведения, из них 4 – с дарственными надписями автора.

²⁸⁷ Чайковский П. Байрейтское музыкальное торжество-V // ЛПП, II, 325 – 328.

²⁸⁸ Григ Э. Избр., с. 112 .

Дарственные надписи Чайковского Григу – на партитурах "Ромео и Джульетты", Первого фортепианого концерта, Торжественной увертюры "1812 год", Третьей сюиты; восхищенный артистическим и музыкальным талантом жены Грига, он посылал свои романсы певице с дарственными надписями.

"Я считаю Грига громадно-талантливым"²⁸⁹, – такой оценке Чайковский никогда не изменял: несколько месяцев спустя он напишет рядом с именем Грига *гениальный*, – кажется, единственный раз воспользовавшись таким чрезвычайным эпитетом по отношению к своему современнику.

Григ Чайковского, решительно повлияв на бытование сочинений великого норвежского композитора в России, проникших во все сферы и области музыкальной жизни, инспирировал – и продолжился в них! – множество промежуточных сюжетов, в разной мере развернутых и в разной мере доступных наблюдению. В творчестве это – Григ Рахманинова, Метнера, Скрябина, Лядова, Стравинского, Мясковского, Прокофьева, Шостаковича, в исполнении – это Григ в репертуаре крупнейших русских артистов рубежа XIX-XX столетий, среди них – Зилоти, Рахманинов, Шаляпин, Метнер, Игумнов. Конечно же, творческие "пересечения" русских композиторов с Григом зачастую мимолетны, но и при этом, будучи локальными, они весьма выразительны.

В особенностях концертного бытования музыки Грига в России сказалась присущая ей драгоценная *консолидирующая "равнодокладность"*: любовь к ней и заинтересованность решительно всех сколько-нибудь общественно значимых и заметных групп. Поэтому она естественно сочетается со всей музыкой, которая звучит в России, и желанна для всех концертных организаций, даже соперничающих между собой.

Не потому ли музыка Грига часто и естественно оказываются рядом со знаменательными событиями-премьерами в жизни композиторов новых поколений? Она – "при" премьерах Первой симфонии Скрябина и Второй симфонии Рахманинова, "при" двух едва ли не самых знаменитых публичных выступлениях молодого Прокофьева – его *дебюте* композитора и пианиста 18 декабря 1908 г. и в скандально знаменитой премьере "Скифской сюиты" » 16 января 1916 г.

Встречи с музыкой Грига *молодых* – представителей нового искусства – тема весьма интригующая прежде всего потому, что они происходят, как правило, в детские и юные годы. В дальнейшем же их творческие последствия, даже когда они достаточно существенны, отнюдь не всегда осознаются, доступны напрямую наблюдению и носят латентный характер. «Мои первые музыкальные впечатления, – вспоминал известный композитор Н.Набоков, двоюродный брат знаменитого писателя-однофамильца, впоследствии друг И.Стравинского и многих других выдающихся музыкантов, о днях своего детства и отрочества в Петербурге (1911 – 17 г.), – соответствовали музыкальным вкусам моего окружения. Я начинал с нежной привязанности к северно-весенним раскатам Эдварда Грига – музыкальная испарина, невиннейшая из детских хворей. Часами игрывал учтивый "Танец Анитры" и горестную "Смерть Озе" из "Пер Гюнта"²⁹⁰.

Другой, по типу аналогичный случай, – Григ Игоря Стравинского. 22 апреля [5 мая] 1900 г. на гимназическом музыкальном вечере восемнадцатилетний Стравинский исполнил 2 фортепианные пьесы Грига – Колыбельную (№ 1 из цикла "Транскрипции собственных пьес для ф-но" ор. 41) и Народный напев (из цикла "Настроения" ор. 73 № 4)²⁹¹. Сохранившаяся программа концерта – *первая* в жизни композитора, где упомянуто его имя.

²⁸⁹ П.И. Чайковский – М.И. Чайковскому, 1 февр./20 янв.1888 // ЛПП, XIV, 345.

²⁹⁰ Nicolas Nabokov / "Bagāzh. Memoirs of Russian Cosmopolitan". New York, 1975. Цит. по: Толстой И. Композитор Набоков [вступ. статья] // 1998, № 10. С. 72.

²⁹¹ И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами: Материалы к биографии. Т.1. 1882 – 1912 / Вступ. ст., сост., текстологич. ред. и комм. В.П. Варунца. – М., 1988, с.82. Далее – И.Ф. Стравинский. Переписка.

Позднее Стравинский слышит музыку Грига на домашних вечерах Н.Римского-Корсакова, где семь лет спустя сам играет в 4 руки с М.Штейнбергом «Норвежские танцы», слышит Грига в исполнении неперменного участника корсаковских вечеров Н.Рихтера. В посвященном Н.Рихтеру Скерцо для фортепиано (1902) – отголоски оборотов музыки Грига. Григовские отзвуки в музыке Стравинского неоднократно отмечала критика начала века. В 1909 г. для одного из номеров балета (хореографические эскизы) «Ориенталии» он сделал оркестровку пьесы Грига «Кобольд»²⁹².

А вот – продолжение григовского сюжета Стравинского в другом времени. «Все темы “Норвежских впечатлений” взяты из сборника норвежской народной музыки...»²⁹³. Можно полагать, что хранимые в глубинах подсознания впечатления далекой юности композитора от григовской музыки «сработали» как в замысле «Четырех норвежских впечатлений» (1942), так и в выборе названий частей – Интрада, *Песня*, *Свадебный танец*, *Шествие*, в трех из которых отчетливо слышатся аллюзии названий самых популярных сочинений Грига, а в *Интраде* – Прелюдии, открывающей *Сюиту в старинном стиле* (вряд ли на это мог не отреагировать Стравинский!), – «Из времен Хольберга».

Детское и юношеское увлечение Григом не прошло бесследно для Прокофьева. Вспоминая о впечатлении, произведенном на ребенка «Шествием троллей» – с его тотальной остинатностью, почти *пред-прокофьевским* по тембро-фактурно-артикуляционному «разгулу» хроматики и даже опять-таки *пред-прокофьевскими* гармоническими «колючками», реализованными, разумеется, в системе сказочно-фантастической романтической обр-разности, вполне возможно предположить, что оно отразилось и в «Наваждениях», и даже в «Токкате» (в последнем случае примечательно и совпадение тональности – d-moll). «Григовское» узнается в «Сказках старой бабушки», в «Мимолетностях», в сочинениях зрелого Прокофьева – вплоть до D-dur'ной темы трио Скерцо Пятой симфонии и сказочно-хрупкой заключительной темы I части Седьмой.

Однако в сюжете *Чайковский – Григ* существует некий надличный и надындивидуальный слой. Он становится очевиден, если осознать культурное значение того факта, что музыка Грига – увлечение не только Чайковского, но позднее – и русских символистов.

Факт этот перерастает рамки лично-биографические в свете обостренного интереса к скандинавскому миру русского «серебряного века», с особенно значимыми для него гиперборейскими устремлениями. «Северные» мотивы занимают важнейшее место в поэтике поэтов символистского и акмеистского кругов. И именно Чайковский *впервые* почувствовал и отметил «северное» в Григе, столь импонирующее гиперборейским устремлениям символистов: «...Григ сумел сразу и навсегда завоевать русские сердца. В его музыке, проникнутой чарующей меланхолией, отражающей в себе красоты норвежской природы, то величественно-широкой и грандиозной, то серенькой, скромной, убогой, но для души с е - в е р я н и н а всегда невысказанно чарующей, есть что-то нам близкое, родное»²⁹⁴.

«Северный колорит» художественного мира Грига – в центре стихотворений крупнейшего поэта серебряного века – Игоря Северянина. Одно из них – «Рифмодиссо» (1916) – шедевр и квинтэссенция русской поэтической григианы. В особенностях развертывания этого текста легко обнаруживается собственно *музыкальное* начало – как его прототип, первостимул и структурный принцип: последовательность кратких – *музыкальных* – фраз и более мелких их сегментов создает эффект ритмомелодических циклов-кругов, основанных на повторе единств, рельефно очерченных темпо-ритмо-интонационно-фонически и даже звуковысотно. В другом стихотворении Северянина – сонет: "Григ" (1927) – наряду с северными мотивами мелькают тени особенно характерных для композитора сюжетов и образов.

²⁹² И.Ф. Стравинский. Переписка., с.205, 506.

²⁹³ Стравинский И. Диалоги. – Л., 1971, с.169.

²⁹⁴ Чайковский П.И. Автобиографическое описание путешествия за границу в 1888 году, с.350 (разрядка моя. – А.К.).

Однако самый таинственный и глубокий по интенсивности взаимодействия мира музыки Грига с отечественной культурной традицией опыт связан с его романсом "Лебедь". Этот шедевр мировой камерно-вокальной музыки единодушно называют лирико-философским, потрясающим своим афористическим лаконизмом и возвышенной поэтичностью, скульптурной чеканностью и плавностью линий, рельефностью и – одновременно – таинственной зыбкостью звуковой палитры.

Он сразу получил оглушительную популярность, войдя в репертуар величайших исполнителей – Шаляпина и Рахманинова, чьи совместные выступления всегда оказывались событиями культурной жизни России. Полагаем, его впечатлениями навеяно стихотворение Бальмонта «Лебедь»: в нем отчетливо звучат реминисценции мотивов «Лебедя» ибсеновско-григовского, и прежде всего – *Лебедя умирающего*.

Бальмонт использует в нем уникальную модель строфы, имеющую явно экспериментальный характер, что указывает на *имитационную* природу стихового строения и делает оправданным стремление обнаружить «имитируемый объект» – независимо от того, намеренна или случайна эта позиция по отношению к нему самого автора: лексическими акцентами, фонической инструментальной, знаковой функцией метра и композиционной идеей оно «подсказано» музыкой.

Для символистов музыка Грига – важнейший из импульсов поэтического творчества. Один из юношеских лирических отрывков А.Белого написан, по его признанию, «на мотив романса Грига "Лебедь"», "Северную симфонию" питали: мелодии Грига и романс "Королева" Грига; "лесные чащи были навеяны балладою Грига", легшей в основу второй и третьей части "Симфонии" на которой значится: «Посвящаю Эдвардсу Григу».

Григ у Белого проходит по разряду «новой» музыки. Поэтому так естественно его имя часто самым непосредственным образом оказывается рядом с именем другого властителя дум русского символизма: Григ и Вагнер. Именно в их пересечении раскрывается значение Грига для культуры русского "серебряного" века. Устремленность символизма к Вагнеру далеко не всегда обеспечивалась реальными, а не умозрительными, возможностями его постижения. Между тем, музыка Грига предоставляла возможность общения с миром и языком, явно *"напоминавшим"* вагнеровский²⁹⁵. Поэтика диссонантности, нонаккордики, "межтональных мерцаний", мир экстатического, порой почти "тристановская" подъемность и упоительность, явленные музыкой Грига, воспринимались как эстетически совершенная, психологически доступная и потому неотразимо притягательная *"редукция"* грандиозного мира вагнеровского театра, осуществляемая в принципиально ином социокультурном пространстве – *вне* театра, доступная домашнему музицированию. Это и определило драгоценно интимное, личностно окрашенное отношение к музыке Грига в России.

Она (впрочем, как и музыка Чайковского), готовила широкие слои русского общества к встрече с новым искусством. В этом – культурное предназначение феномена "Русский Григ".

Arkadij Klimovitskij: Den russiske Grieg – fra Tsjaikovskij til sølvalderen

Den russiske Grieg er et unikt kultur-psykologisk fenomen som er tett forbundet både med Griegs spesielle begavelse og med mentale særtrekk i Russland hvor denne begavelsen fant så kraftig resonans: Man forelsket seg i Grieg en gang for alle. I sin levetid ble han ansett som en kunstner av internasjonalt format, en kunstneren hvis verk i hele verdens øyne er på en enestående måte avspeiler ånd og nasjonale idealer i Norge. Grieg har blitt en integrert del av russisk historie og kultur, siden Russland var det land i Europa som dypest følte og forsto hans kunstneriske verden. Derfor er også Grieg så viktig for russisk selverkjennelse og har bidratt til å forme den russiske

¹² Поразительно наблюдение Э. Курта: музыкант, находящийся вне русской традиции, он отмечает в гармонии Грига большое влияние вагнеровского "Тристана" в сочетании с *северным* колоритом (*Курт Э. Романтическая гармония и ее кризис в "Тристане"* Вагнера. М., 1975. С. 245.)

identitet. Hva lærte man av Grieg? Hvordan påvirket Griegs musikk den russiske selvoppfattelsen? Hvilke trekk ble overtatt, og hvordan ble de endret? Dette er blant de spørsmål vi vil stille for å bedre å forstå fenomenet den russiske Grieg.

Det mest tydelige fragment av denne historien er knyttet til Tsjajkovskij, som var entusiast og propagandist for Griegs musikk i Russland. Ikke bare var de like av gemytt, hadde dels samme musikalske sympatier og antipatier – et komplisert tilfelle av valgslektskap. De var også forbundet gjennom de kulturelle fellestrekk som bunner i geografi, historie og folkelyne. Både Norge og Russland er land som i forhold til Sentral-Europa er randstater; fjerne, nordlige, kalde og snefylte. Begge nærmet seg verdenskulturen fra sidelinjen. Grieg reiser fra Norge til konservatoriet i Leipzig der problemstillinger rundt nasjonale tradisjoner er fremmed. Tsjajkovskij gikk ut av det første russiske konservatorium der man orienterte seg mot Leipzig. Skjønt begge kritisk og gallefylt uttalte seg om sin respektive "alma mater" ble begge beskyldt for å være for "akademiske".

Mellom Tsjajkovskijs Grieg og Sølvalderens Grieg har vært direkte kontinuitet. Tsjajkovskij understreket i sin selvbiografi at skjønnheten i den norske naturen som Grieg skildrer i sine verker alltid vil være utsigelig trolldom for *en nordboers sjel* og at den skjuler i seg noe nært og kjær. Dette utsagnet har vært en slags katalysator for de russiske symbolistenes fascinasjon for det nordskandinaviske og for hele kulturen i den russiske sølvalderen.

De russiske symbolistenes store begeistring for Griegs musikk (Andrej Belij, Igor Severjanin) er forbundet med deres higen etter det nordlige. Griegs romanse "Svanen" har vært viktig for utviklingen av svane – motivet i den russiske sølvalderen (Balmont, Ivanov, Pasternak, Tsvetajeva, Akhmatova).

Griegs navn ble av de russiske symbolistene ofte nevnt i samme åndedrag som Wagners. Denne sammenstillingen lar oss forstå Griegs store betydning i den russiske sølvalderen. Symbolismens higen etter Wagner bunnet langt fra alltid i en reel forståelse av hans musikk. Griegs musikk ga muligheten til å tale med verden på et språk som "liknet" Wagners. Ekstatisk, til tider nesten Tristan-aktig, opphøyet og fortryllende. Griegs form ble ansett som estetisk uklanderlig, psykologisk tilgjengelig og derfor en så uimotståelig "forenkling" av Wagners grandiose verden. Denne formen var også egnet for et grunnleggende annerledes sosiokulturelt rom, den var tilgjengelig for hjemlig musisering. Nettopp dette betinget den så dyrebare, intime, og personlig fargete forholdet til Griegs musikk i Russland.

Griegs musikk forberedte det brede lag av det russiske samfunn til møtet med en ny kunstart – nettopp i dette ligger fenomenet "Den russiske Griegs" store betydning.

Harald Herresthal: Ole Bull og Russlandsreisene hans

Da Ole Bull etter store suksesser i Italia, Frankrike og England planla en konsertreise gjennom Tyskland og oppover langs Østersjøen til St. Petersburg, fulgte han en reiserute som mange europeiske musikere hadde benyttet helt siden begynnelsen av 1800-tallet. Det kan synes merkelig og uforståelig at kunstnerne når de skulle til St. Petersburg gjerne dro av sted i januar og februar måned, på et tidspunkt av året da vinteren i Russland kunne være på sitt aller verste. En viktig årsak var at den gresk-ortodokse kirke ikke tillot teater- og operaforestillinger i fastetiden, bare konserter. Dette medførte et enormt behov for konsertvirksomhet, og tilreisende kunstnere kunne regne med å tjene en formue på kort tid. Mange berømte europeiske musikere benyttet anledningen, blant dem den tyske pianisten og komponisten Carl Arnold (1794-1873), som fra 1848 slo seg ned i Christiania som dirigent for Det philharmoniske Selskab, som organist i Trefoldighetskirken og som lærer for kjente norske komponister som Halfdan Kjerulf og Johan Svendsen. Han oppholdt seg første gang i St. Petersburg i perioden 1821-1824 sammen med sin hustru, som var sangerinne. Smykker som kunstnerparet fikk av tsar Alexander I finnes fortsatt i etterkommernes eie.

Kunstner-ruten gikk gjerne fra Paris via Berlin til Danzig, Königsberg, Vilnius, Riga for så å ende opp i St. Petersburg. På tilbakereisen tok kunstnerne enten båt tilbake til Tyskland eller fortsatte

via Finland over til Sverige. Fra Gøteborg kunne turen gå tilbake til kontinentet, men en del valgte å ta en avstikker til Norge. Flere av de tyske musikerne som i 1850-årene for en tid slo seg ned i den norske hovedstaden, kom fra besøk i St. Petersburg og kunne til og med smykke seg med tittelen keiserlig kammer- eller hoffmusikus.

De musikalske forbindelsene mellom St. Petersburg og Norge ble sterkere jo lenger oppover på 1800-tallet man kommer. Det skyldtes både en bedret kommunikasjon og et økende musikkliv, også i Norge og den norske hovedstaden. Det hendte til og med at kunstnere valgte å reise langs norskekysten helt opp til Tromsø, for derfra å ta veien videre til Arkhangelsk og på den måten komme seg til St. Petersburg.

Til å begynne med hadde Russland, akkurat som Norge, få egne musikere og komponister, men dette endret seg i løpet av annen halvdel av 1800-tallet. Russisk musikk ble mer og mer kjent i Norge, og russiske pianister og fiolinister kom ofte på konsertbesøk, blant dem pianistene Stanislaus Barcewicz (1881) og Anton Rubinstein (1882).

I 1878 ble den norske musikeren Edvard Bræin etter prøvespill ansatt som trompetist ved den keiserlige opera i St. Petersburg. Hans korrespondanse med familien gir et interessant innblikk i russiske musikkforhold og hverdagsliv før utbruddet av 1. verdenskrig. På begynnelsen av 1900-tallet studerte flere norske fiolinister med den berømte fiolinpedagogen Leopold Auer, og en komponist som impresjonisten Alf Hurum (1882-1972) fikk også vesentlige impulser fra russisk musikk under sitt studieopphold i St. Petersburg i 1916.

Det finnes mange interessante relasjoner mellom Norge og Russland på det musikalske området. Noe av forutsetningen var den russiske importen av europeisk musikk via de opparbeidede kunstner-rutene. Hvordan det foregikk kan eksemplifiseres gjennom den norske fiolinvirtuosen Ole Bulls fire Russlandsbesøk.

Ole Bulls første konsertreise til St. Petersburg i 1838

Ole Bulls første turné til Russland fant sted i 1838. Etter at han i 1834 hadde hatt sitt internasjonale gjennombrudd som fiolinvirtuos i Italia, hadde han lagt Frankrike og England for sine føtter. Etter en hektisk konsertvirksomhet i Nord-Tyskland, forlot han 31. januar Berlin med Russland som neste mål. Kunstnerne var på denne tiden avhengige av å ha med seg anbefalinger og introduksjonsskriv for å få innpass i de fornemme kretser de ville opptre i. Ole Bull hadde blant annet med seg en anbefaling til det russiske hoff fra prinsessen av Orleans, som var storhertuginne i Mecklenburg-Schwerin. Hun var datter av den preussiske konge og søster av tsarinaen.

Bull hadde i Hamburg kjøpt en stor engelsk vogn som var innrettet slik at både han og hans danske sekretær, cellisten Christian Kellermann, kunne sove mens de om natten reiste mot nye konsertsteder. Det må ha vært en svært herskkelig vogn, for den vakte oppsikt overalt hvor han kom. Underveis kom det så mye snø, at Bull fikk laget meier, som erstattet hjulene på vognen. Den lange og strevsomme reisen nordover langs Østersjøkysten tok på, og på fødselsdagen sin den 5. februar lå Bull til Kellermans store forundring i vognen og gråt hele dagen både av lengsel etter familie og som en følge av de depresjoner som han ofte led av.²⁹⁶

På veien til St. Petersburg holdt han to konserter i Danzig, fire konserter på fire dager i Königsberg²⁹⁷ og fire konserter på fem dager i Riga. Kellermann og Bull ankom St. Petersburg i midten av februar. Den første opptreden skulle i følge avisomtalen ha funnet sted den 25. februar,²⁹⁸ men ble avlyst. Bakgrunnen var at konsertmesteren for den keiserlige opera, Heinrich

²⁹⁶ "Le 5 Février j'ai voyagé entre Dantzic et Königsberg et je pleurais toute la journée dans la voiture au grand étonnement de Kellermann." (brev til Félicie, 6.4.38)

²⁹⁷ *Königsberg*. – Der berühmte Virtuose *Ole B. Bull* macht hier mit seinem ausgezeichneten Geigenspiel Furore und setzt durch seine Leistungen Kenner und Liebhaber in Erstaunen. (HMZ, 1838, Nr.8, 21.2.)

²⁹⁸ Concert. Nous nous empressons d'annoncer aux amateurs de la bonne musique, que le concert du célèbre violon, M. Ole Bull, aura lieu vendredi prochain, 25 février, au Grand-Théâtre. Nous ne

Romberg (1802 – 1859), under prøven skulle ha uttalt seg på en slik måte, at Ole Bull nektet å medvirke. Tsarfamilien hadde meldt sin ankomst, men uteble da episoden ble kjent. Kapellmester Joseph-Henri Mees (1777-1856) og konsertmester Heinrich Romberg fikk etter dette en skarp irrettesettelse fra teatrets direktør for deres oppførsel mot Ole Bull.

Bull skal selv ha ledd av hele affæren og kunne ironisk fortelle at man før avreisen til Russland hadde sagt til ham, at han der bare ville treffe på barbarer. Men i St. Petersburg hadde Bull ikke oppdagat andre barbarer enn de "fremmede Musici" (DC 13.6.38). Det var ikke første gang Ole Bull var involvert i denne type skandaler. I Bull-biografiene fremstilles disse konfliktene mellom konsertmestrene og Ole Bull gjerne som uttrykk for misunnelse og intriger for å skade Bulls omdømme. Det kan ikke utelukkes, men musikernes reaksjoner kan like gjerne ha hatt sammenheng med at de hadde et annet musikalsk ståsted, eller at de ble provosert av en del negative personlighetstrekk hos Ole Bull. Bull hadde til og med fått adelen og de fleste av avisene mot seg. En av årsakene var at han ikke som andre tilreisende kunstnere avla visitter. Men skandalene og forsøkene på å bakvaske ham økte bare publikums nysgjerrighet, og han ble møtt med voldsom entusiasme i de selskaper han ble invitert til. Bull hadde akseptert å assistere ved konserten som den keiserlige teaterdireksjonen arrangerte den 4. mars med tsar Nikolai I (1796-1855), hoffet og hele adelen til stede.²⁹⁹ Bull ble møtt med enorm applaus: "Da Orchesteret endelig kunde høres, paafulgte en her usædvanlig Stilhed, da man her almindeligvis gaaer paa Concerter for at conversere under Orchestrets Introduction, og jeg har aldrig seet Publicum saa begjærlige efter at høre en Kunstners første Toner", skrev et øyenvitne etter konserten. Som ekstranummer improviserte Bull over den russiske nasjonalhymnen. "Jeg erindrer mig aldrig før at have været Vidne til en saa almindelig udeelt Henrykkelse", fortsatte øyenvitnet. "Bulls Toner havde smeltet Isen endog i hans Fienders Hjerter, og en bekjendt Kunstner sagde om ham, at han begyndte at spille for Venner og Fiender, men sluttede med at spille blot for Venner. Alle Tidender ere fulde af hans Berømmelse." (Kjøbenhavnsposten gjengitt i DC, 23.4.38)

Med denne suksessen som utgangspunkt våget Bull å gi tre konserter på det store teatret for firedobbelte priser. Ingen hadde tidligere våget å sette prisene så høyt. Til Félicie skrev han at han hadde forlangt 25 fr. i parterre og 100 fr. på første logerad (brev til Félicie 17.3.38). Både konserten den 8. og den 16. mars var likevel overfylte (DC, 23.4.38 etter Kjøbenhavnsposten). Publikum syntes de hadde betalt så mye at de kunne be om det ene ekstranummer etter det andre. Til slutt improviserte Bull en triumfmarsj, som var komponert slik at den mot slutten forsvant i det fjerne i pianissimo. Bull ville med det antyde at han etter denne konserten ville forlate byen (brev 17.3.38). Før den planlagte avreisen ga tsarinaen ham en ring med 80 små diamanter som takk for hans opptreden ved hoffet.³⁰⁰ Orkestret skal ha overrakt ham en diamantring.

reproduirons pas ici les éloges don't toutes les feuilles de France et d'Angleterre ont comblé cet artiste; il faut l'entendre pour se faire une juste idée de la perfection de son talent, dans lequel rien n'est donné à l'imitation; chez lui point d'escamotage, de charlatanisme de hestes ou d'effets, tout est pur, naturel et plein d'expression, de force et de grace. Nous en appelons avec confiance aux personnes qui ont déjà eu le plaisir de l'entendre; elles saisiront sans doute avec impatience l'occasion qui leur en est offerte de nouveau. On peut se procurer des billets de loges et fauteuils chez M. Ole Bull, petite Morskaïa, Hôtel de Paris, No 10, el le jour du concert à la caisse du Grand-Théâtre. (Journal de Saint-Pétersbourg – politique et littéraire, jeudi 24 février - 8 mars, No. 24)

²⁹⁹ Concert. M. Ole Bull aura l'honneur de donner, avant son départ de cette capitale, son second et dernier concert, au Grand-Théâtre, vendredi prochain, 4 mars. Il y jouera deux morceaux de sa composition, *un Adagio religieux et une Polacca guerriera*, et des variations de Paganini sur l'air *Nel cor piú mi sento*. On peut se procurer des billets chez M. Ole Bull, Petite-Morskaïa, hotel de Paris, No. 10, au magasin de musique de Paez, dans la rue des Ecuries, maison de l'église de St. – Pierre, et à la caisse du Grand-Théâtre. (Journal de Saint-Pétersbourg – politique et littéraire, jeudi 3- 15 mars, No. 27, 1838)

³⁰⁰ "j'ai reçu de l'Impératrice ici une bague ornée de 80 Diamants à peu près à un grand valeur. Tu le porteras sur ta poitrine quand il sera arrangé après ton désir " (brev til Félicie 17.3.38). Winter-Hjelm

Men konsertene og kampen mot "kabalene" hadde tatt på Bull. Den 18. mars, dagen etter den siste konserten, ble Bull liggende syk med stygge feberdrømmer som handlet om at han aldri mer skulle få se sin hustru og sitt barn igjen. Straks han ble bedre, kjørte Bull dag og natt i fire døgn for å komme tidsnok fram til Moskva i følge den opprinnelige tidsplanen. Her var man allerede godt orientert om hans suksesser, for de dyre logeplassene til hans andre konsert den 6. april var allerede utsolgt, før noen overhodet hadde hørt ham opptre. Bull ble i Moskva i påskeuken og ga onsdagen etter påske en stor konsert i "L'Assemblée de la Noblesse", en sal med plass til 5 000 mennesker. I motsetning til konsertene i teatrene valgte han å holde moderate billettpriser. Nede i salen tok han 10 fr., mot bare 5 fr. i høyden. Hvis konserten ble utsolgt, ville han likevel sitte igjen med en enorm inntekt. Bull regnet med å tjene 20 000 franske franc. Bull ga i Moskva fem offentlige konserter i tillegg til diverse opptredener i private selskaper. Noen dager klarte han likevel å holde seg helt for seg selv og kunne da arbeide med noen av sine komposisjoner. I et brev til Félicie nevner han at han blant annet arbeidet med et nytt verk som han kalte *Variazioni di bravura*.

Ole Bull var en kjær gjest i huset til Moskvas guvernør Nikolai Borcich Galitzin, som var en stor musikkelsker. Det var han som i sin tid hadde stått bak bestillingen av Beethovens tre siste strykekvartetter og som også hadde tatt initiativet til å urfremføre *Missa solennis*. Fyrstinne Marie Galitzin inviterte ved flere anledninger Bull til å spise middag hos familien og delta på utflukter.³⁰¹

Under oppholdet i Moskva fikk Bull et brev fra sin bror Edvard med den sørgelige melding om at deres far var avgått ved døden. Samme kveld skulle Bull spille hos fyrst Nikolai Galitzin (1794-1866). Fyrstinnen, som kjente til Bulls sorg, ville ikke la ham spille, men han insisterte og fremførte Mozarts g-moll kvintett på en slik måte, at alle damene gråt med ham og hans fiolin. Så forlot han selskapet.³⁰²

Ved avreisen fra Moskva skjenket fyrstinne Galitzin ham en smaragdbrosje omgitt av små diamanter. Dette var en gave til hans hustru Félicie. Mademoiselle Manckhanoff forærte ham tre diamantknapper og hadde samtidig lagt ved et meget sentimentalt brev – "une lettre très sentimentale". Av Mademoiselle Volkoff fikk han "un cachet de perle de nacre et or" – en signet av perlemor og gull, og av madame Naschokine "une bague avec un grand émeraude" – en ring med en stor smaragd (brev til Félicie 28/29.4.38).

Tiden var begynt å bli knapp for Ole Bull. Han ga derfor ingen konsert i St. Petersburg på tilbakeveien. Til gjengjeld spilte i den finske byen Wiborg. Byen ligger 140 kilometer vest for St. Petersburg, og en god del av St. Petersburgs musikkelskere reiste den lange veien for å høre Ole Bull en siste gang.

I St. Petersburg hadde Ole Bull møtt den fransk-svenske maleren Carl-Peter Mazer, som laget et portrett av ham under oppholdet. I dag finnes portrettet bare som en tegning³⁰³ og som en litografi av Johan Elias Cardon. Den fikk Bull laget, straks han kom fra St. Petersburg til Stockholm. Ole Bulls tippoldebarn, Knut Hendriksen, hevder at det er det mest private og ukonvensjonelle portrett som finnes av Ole Bull, der han sitter i det kjølige St. Petersburg,

(1852) skriver at hun "forærede ham en prægtig Ring, bestaaende af 140 Diamanter om en stor Smaragd". Også Jonas Lie (1882:62) nevner dette antall diamanter, som altså ikke er korrekt.

³⁰¹ "Monsieur, Nous comptons faire une excursion aujourd'hui. Si vous voulez être des nôtres, vous nous feriez bien plaisir. Voulez- vous avoir l'amabilité ds ce cas de venir dîner chez nous à 1 heure et demie et tout de suite après nous comptons nous mettre en campagne. En attendant avec impatience une réponse favorable, je vous envoie mes saluts. P^{ssc} Marie Galitzin. Dimanche matin. " (Universitetsbiblioteket i Bergen, Ms. 953 II/4)

³⁰² "Figure-toi ma chère Félicie ma douleur d'être obligé le même soir de la triste nouvelle de jouer chez le Gouverneur de Moscou[,] le Prince Galitzin.. en arrivant tout le monde avait appris mon malheur et la Princesse ne voulait point que je joue mais je voulais montrer la fermeté de caractère.. je jouais un quintett de Mozart en sol mineur et les dames pleuraient avec moi et mon violon.... après quoi je suis parti..... " (brev til Félicie 28.4.38)

³⁰³ Tegningen finnes på Nationalmuset i Stockholm.

halvkledt og med ustelt hår, iført en pelsforet slåbrok (2000:66). Etter et begivenhetsrikt opphold i Stockholm reiste ekteparet sammen til Norge, der Bull overalt ble møtt som landets store sønn.

I oktober forlot han igjen Norge for å dra ut på en ny turné. Turen gikk først til København. Her fikk Ole Bull et brev fra Barbe Aladynn i Moskva. Bull hadde i sine brev fra oppholdet i Moskva fortalt Félicie om det arme vennskapet med familien Aladyn, som han kjente fra tiden i Italia. De fire barna i huset var så glade i ham at de hele tiden kom inn på hans soverom for å plage ham, som han sa. Det hadde vært stor sorg i familien da han forlot dem (Bulls brev til Félicie, 19.5.1838). Nå skrev Brabe Aladyn et brev til Bull i hvilket hun klandret ham for han hadde ikke latt høre fra seg etter at han hadde forlatt Russland. Hun var derfor overbevist om at Bull hadde glemt henne og vennene i Russland: "Har De bare gjemt på minnene om de anstrengelser og smerter som de måtte gjennomgå?" spør hun. "Det er leit for meg å tenke på at min fødeby, som er det stedet der jeg har lært å kjenne livet og hvor ønsker å dø, – at det er kommet i vanry hos den kjære Bull, som man her venter på med så stor utålmodighet!" Barbe Aladyn mente at selv om Bull kom til å møte entusiasme og suksess over alt hvor han spilte, så ville han likevel ikke finne noe annet sted enn Russland, der interessen for ham var så seriøs, så glødende. I Moskva hadde han venner, ikke bare for en dag, men av et helt og fullt hjerte og for hele livet. Hun håpet derfor at han ville komme i januar som han hadde lovet, og hun kunne garantere ham at moskovittene da ville gjøre alt for å vise at de fortjente å bli satt pris på. Som søster og venninne tillot Barbe Aladyn seg å refse Bull. Han, som var blitt mottatt hos dem som et familiemedlem, som en nødvendighet for familielykken, – hvordan kunne han nå bare glemme dem? Hun ville heller ikke unnså, at hennes mann led over å være forsømt av ham på denne måten, selv om han elsket ham like høyt som før. Barbe Aladyn kunne ellers fortelle at hun hadde mistet ett av sine barn. Midt i sorgen gledet hun seg over hvordan ett av barna, den eneste gjenlevende sønnen prøvde å imitere sitt store forbilde. Han snakket stadig om Ole Bull og innbilte seg at han spilte *Polacca guerriera* ved å plassere fingrene på sin lille fiolin akkurat som Bull. Når de ønskede toner ikke lyktes ham, sang han dem for foreldrene.³⁰⁴ Barbe Aladyn svermet selv ved minnene om hvilken virken musikken hadde på henne, når Bull spilte "Rondo Ridente". Hun håpet at han ville skrive til henne, men at det aller beste ville være, om diligenzen en dag stoppet utenfor porten hennes med den sublime fiolinen (egentlig: archet = buen) som hele tiden klang i hennes ører.³⁰⁵

Brevet gir et rørende og ekte inntrykk av hvor glade Bulls nære venner i Russland var i ham. De hadde håpet han ville komme igjen året etter, men noen ny tur til Russland kom ikke istand før på våraparten i 1841, men da uten at Bull klarte å reise helt til Moskva.

Ole Bulls 2. reise til Russland (1841 – 1842)

I april 1841 la Bull ut på en ny reise til Russland. Etter å ha spilt 12 konserter på en måned i Prag, reiste han via Polen til St. Petersburg. Som sekretær hadde han denne gang engasjert pianisten Franz Ulm. På veien spilte han blant annet i Breslau og Warszawa. Bull vanket for det meste i kretsene til den russiske overklassen i Warszawa, en by som etter den polske oppstanden i 1830 var blitt gjenstand for en systematisk russifisering. Bull ville videre, men oppdaget at noen bevisst forsinket utstedelsen av et pass så han kunne reise videre. Bull kunne endelig reise fra Warszawa den 7. april. Han stoppet i Vilnius for å gi to konserter, men ble i fortsettelsen hindret av snøsmelting og fryktelige veier, som i det hele tatt gjorde turen til et mareritt med mange omveier. Fra Vilnius til St. Petersburg gikk vognen tre ganger i stykker. Sølen på hovedveiene var enkelte ganger høyere en hjulene på vognen. Bull hadde leid åtte hester, som likevel hadde den største møye med å trekke vognen frem. Han hadde en såkalt podorosjna, en spesialtillatelse fra den russiske regjeringen som ga ham fortrinnsrett når han trengte å bytte hester på skyss-stasjonene.

³⁰⁴ "Paul, mon fils aîné, le seul qui me reste, car il y a trois mois que le petit Alexandre nous a été enlevé par une maladie cruelle, parle souvent de vous il croit jouer la Polacca guerriera sur son petit violon où il imagine placer les doigts comme vous et faute de ne pouvoir produire le son désiré il nous la chante." (Barbe Aladyns brev til Bull, 3/20.11.1838)

³⁰⁵ "La meilleure seroit la diligence, qui vous débarqueroit à notre porte avec cet archet sublime qui résonne toujours à l'oreille de votre sincère amie. Barbe Aladyn" (Barbe Aladyns brev til Bull, 3/20.11.1838)

Likevel måtte han ofte vente til det kjedsommelige. Etter ankomsten til St. Petersburg ønsket Bull egentlig å reise rett videre til Moskva uten å gi konserter, men igjen ble han sittende fast. Russland hadde i nesten tre år vært hjemløst av hungersnød. De fleste mennesker var blitt fattigere, og ingen av de kunstnerne som Bull møtte på sin vei nordover, hadde hatt noe særlig utbytte av konsertene sine.

I St. Petersburg var Bull en hyppig gjest hos den italienske diplomaten Carlo Rossi, som hadde oppholdt seg i den russiske hovedstaden siden 1838. Han var gift med den berømte sangerinnen Henriette Sontag (1806-1854), som med sin koloratursopran hadde lagt hele Europa for sine føtter i slutten av 1820-årene. Bull nølte med å spille offentlig, for han syntes betingelsene var for dårlige, og han kom seg heller ikke videre til Moskva som planlagt. Årsaken var både dårlige veier og det faktum at tsaren med sitt følge hadde beslaglagt alle hester på skyss-stasjonene til sin egen reise. Det kan også ha vært andre grunner til at Bull ble forsinket. Et usignert brev som han fikk mens han var i Warszawa tyder på at han var omsvermet av en kvinne høyt oppe i aristokratiet, og fra tiden i St. Petersburg eksisterer det et annet usignert brev, som tyder på relasjoner som kan ha vært noe mer enn et vennskap: " Crois-moi que si je m'intéresse à toi c'est que je t'aime plus que moi-même " (Tro meg, når jeg interesserer meg for deg, så er det fordi jeg elsker deg mere enn meg selv). Til sin mor skrev han at han trengte ro etter så mange anstrengelser: "Siden vi saas sidst har jeg givet flere hundrede Concerter og døiet Kulde og Hede og Nattevaagen; det bider paa i Længden." (brev til moren 12.5/15.5.41). Samme dag orienterte han Félicie om at han hadde bendelorm, som han tok medisiner mot. Et lyspunkt i tilværelsen var noen sjøkapteiner fra Bergen, som han feiret 17. mai med.³⁰⁶

Da det ble allment kjent at han ville reise fra St. Petersburg uten å gi konserter, ble han oppsøkt av representanter for orkestret som bønnfalt ham om i alle fall å gi en konsert, om ikke annet, så for å avsnitte ryktene om at orkestret var skyld i at han ikke ville opptre. Bull aksepterte å spille på betingelse av at man arrangerte alt for ham. Av brevene kommer det frem at han begynte å lengte etter familien og hadde behov for å reise hjem. Det var tydelig at han mistrivdes og at han til tider følte seg som i et fengsel. Ikke minst led han over at han var alene med alle sine problemer. Han håpet på en vellykket konsert, og ville før avreisen kjøpe mange vakre ting som var rimelige i Russland og som det var vanskelig å få tak i andre steder. Han hadde kjøpt persiske og astrakhanske stoffer. Han var også ute etter sjeldne ting som spisebestikk, blandet med gull, sølv og stål (brev til Félicie, 22.5.1841).

Bulls andre opphold i Russland ble langt fra så vellykket som han hadde håpet på, og det gikk derfor mange år før han igjen gjestet landet.

Ole Bulls 3. Russlandsreise i 1866

Det skulle gå 25 år før Ole Bull igjen fant veien til Russland. I mellomtiden var tsar Nikolai I død, og hans sønn Alexander II (1855-81) hadde overtatt. Bull besøkte Russland i 1866 og 1867. Disse to årene skal i følge biografene ha vært den lykkeligste tiden i Ole Bulls liv, men opplysningene om oppholdene er likevel meget sparsomme. Forfatteren Jonas Lie skrev i sin biografi, at Bull "med det gamle vante Bifald optraadte i St. Petersburg og i Moskva". Sara Bull fatter seg likeledes i korthet, men skriver: "He used to say that no professional trip ever gave him more pleasure, and he would not venture to repeat it" (Sara Bull 1886:249). Mortimer Smith skriver i sin biografi (1960:188) at den vellykkede turneen ikke minst skyldtes det faktum, "at han hadde med seg en tyveårs russisk pike som nettopp på den tid var hans protegé". Kilden for denne opplysningen har foreløpig ikke latt seg verifisere.

Ole Bull skal også ha vært innblandet i politikken. Den amerikanske journalisten J. Jay Watson omtalte dette i en artikkel i New York Herald i 1867. Alexander II (1818 – 1881) hadde i sin regjeringstid satt i gang en rekke reformer, men det kunne ikke dempe en voksende uro, ikke minst i studentkretser. I 1866 forsøkte studenten D.V. Karakozow å drepe ham i et attentat.

³⁰⁶ "Avant-hier quelques capitaines de vaisseau arrivant directement ici de Bergen ont été me voir et nous avons célébré le 17 Mai chez moi." (Brev til Félicie, 22.5.1841 ; Ms. 953/II/4)

Tsaren svarte med å frata studentene deres tidligere privilegier. Ole Bull hadde sympati med studentene og ville i Moskva gi en konsert til inntekt for dem. Til det var det nødvendig med en tillatelse fra generaldirektøren for de keiserlige teatre. Bull telegraferte til St. Petersburg og fikk det nødvendige klarsignal. For anledningen komponerte Bull et nasjonalt preget stykke for orkester, 200 studenter og fiolin. Verket, som fikk tittelen "Hommage a Moscou", ble avsluttet med Keiserhymnen. Før konsertens begynnelse fikk han overrakt en notepult i sølv som takk for sitt engasjement. Høytidelig ble det ferske partituret plassert på notepulten. Etter konserten gikk Ole Bull i spissen for et tog av 500 studenter, som marsjerte gjennom gatene til guvernørens residens mens de sang hymnen som Bull for anledningen hadde flettet inn i komposisjonen sin sammen med andre russiske nasjonal-melodier. Foran guvernørens palass overleverte en student en petisjon, der studentene ba tsaren om å være velvillig innstilt mot dem under løfte av å være trofast og lojal. Guvernøren ble rørt til tårer av sympati og uttrykte at han var overbevist om at tsaren ville bli like beveget over studentenes bønn om tilgivelse, og at han ville gi dem alle de privilegier tilbake som han hadde fratatt dem som en følge av attentatforsøket. Tsaren gjorde alt guvernøren sa, og i tillegg til at de fikk tilbake sine privilegier, fikk de også lov til å gi konserter i fastetiden til inntekt for seg selv (New York Herald, 21.12.67). I et brev til sin venn Johan Hennem nevner Bull episoden, "hvor vi gjorde den storartede Demonstration i Anledning af Attentatet. Hvilket Held, at det løb saa godt af, thi Studenterne havde opfordret mig til at være Anfører, og jeg begyndte med at tilkalde Folket (første Gang dette var bleven gjort) og istemme Hymnen til Keiseren" (Brev til Hennem, 4.6.1866; UBB 953 I/2).

Skal vi virkelig tro Ole Bulls egne ord, spilte han en meglers rolle i striden mellom studentene og tsaren etter det dramatiske attentatforsøket.

Ole Bull hadde helt siden samværet med Henrik Wergeland i 1829 vært glødende opptatt av politikk, og han elsket tydeligvis å være i fokus ved slike begivenheter. Det er ennå mange uklare sider ved hans politiske engasjement i Moskva, men notestativet i sølv som han fikk av studentene som takk for sin innsats, er et bevis på at han på en eller annen måte var involvert.

Ole Bull var selvsagt interessert i mer enn politikk. Under oppholdet kjøpte han blant annet verdifulle fioliner: "en herlig Antonius og Hieronimus Amati; en Joseph Guarnerius har jeg ogsaa kjøbt i Moscou. Disse Instrumenter har jeg faaet saa billigt at istedetfor at tabe saa uhyre paa Coursen har jeg heller lagt Penge i Instrumenter som jeg naar jeg vil, kunne erholde det dobbelte for", skrev han til Hennem (sst).

Et mer eksotisk kjøp var to hester av arabisk avstamning. Bull mente selv det var første gang man fikk ekte arabiske hester til Norge. Den ene hadde Bull kjøpt av den persiske ambassadør i St. Petersburg, den andre hadde vært i storfyrst Constantins eie (Bulls brev til Jens, 29.5./2.6.66).

Ole Bulls fjerde og siste Russlandsreise i 1867

Opplysningene om Bulls siste opphold i Russland i 1867 er svært sparsomme. I Bulls etterlatte papirer finnes det en kladd til et brev, der han ber om tillatelse til å gi en matiné i la Salle de Noblesse den 12. februar (kladd datert Moskva, 5.2.67; 953 I/4) ³⁰⁷

Det eksisterer også et brev, som Bull skrev til sin eldste sønn Alexander fra St. Petersburg den 17. april. I følge dette hadde han nettopp komponert ferdig et nytt verk, "en Fantasi over en russisk Sang kaldet "Nattergalen", som Adieu til Moskwa og maatte spille den to Gange. Noget videre musikalsk Værd har den egentlig ikke, blot Stemnings-Effekt. Mulig vil Du synes om den; men den er helt igjennem trist, og jeg vil desaarsag omarbeide den paa Valestrand" (Bulls brev til

³⁰⁷ Votre Excellence, D'accord avec le Direction du grand Theatre de Moskou le sousigné ose prier V.E. de bien vouloir aupres de S.E. le Ministre del'Interieur pour faire obtenir la permission de donner un Concert le Matin dans la Salle de la Noblesse le 12 courant. Vue le peu det temps qu'il rest pour faire annoncer, le dit Concert le sous... prie encore le V.E. poudrait bien faire Savoir a l'administration du grand Theatre ici par le telegraphe..... Le sousigné prie encore V.E. bien accepter des epressions ... de son très devoui service a... a tant d'obligation ... Ole Bull

Alexander, 17.4.67; 953 I/2). Ole Bull var klar over at musikkstykket ikke hørte til hans beste. Da Halfdan Kjerulf hørte verket første gang på Christiania Theater den 28. oktober 1867, hadde han følgende kommentar: "laften spillede han en ny Komposition, "Nattergalen". Det var desværre en overmaade tynd Ting. Melodien selv, den bekjendte russiske Sang, var det Eneste som var værd at høre paa. Det Andet var altsammen nichtswürdigt". (Dagboken 28.10.1867).

"Nattergalen" er altså ikke noe mesterverk, men like fullt musikalsk minne om Bulls relasjoner til Russland. Fiolinstykket ble for kort tid siden gjenfunnet i USA og bør kunne klinge med, når den planlagte Norge-Russland – utstillingen åpnes.

I det russiske strykermiljø ble Bull aldri glemt. Han er nevnt blant de store virtuoser i russiske lærebøker om fiolinspill.

Харальд Херрестал: Уле Булл и его российские путешествия

Когда после большого успеха в Италии, Франции и Англии Уле Булл планировал свою поездку с серией концертов в Германии, затем в странах Балтийского моря и в Санкт-Петербурге, он избрал маршрут, которым пользовались многие европейские музыканты с самого начала 19 века. Может показаться странным и непонятным, почему музыканты, собиравшиеся в Санкт-Петербург, выезжали в январе и феврале – в то время, когда зима в России могла показать себя самым неприятным образом. Основной причиной тому было то, что греко-кафолическая церковь не разрешала театральных и оперных представлений во время Великого поста, лишь концерты. Это выливалось в невероятную потребность в концертах, и художники-гастролеры могли рассчитывать на получение огромных прибылей за короткое время. Многие известные европейские музыканты пользовались данной возможностью, среди них – немецкий пианист и композитор Карл Арнольд (1794-1873), с 1848 года поселившийся в Христиании, служа дирижером в Филармонии (Филармоническом обществе), органистом в Трефолдихет-церкви (Троекратной церкви) и учителем известных впоследствии норвежских композиторов Халфдана Кйерульфа и Юхана Свендсена. Впервые в Санкт-Петербурге он побывал в период с 1821 по 1824 гг. вместе с женою, которая была певицей. Украшения, подаренные этой чете музыкантов царем Александром I, по-прежнему находятся во владении их потомков.

Маршрут художников-гастролеров зачастую пролегал из Парижа через Берлин в Данциг, Кенигсберг, Вильнюс, Ригу и завершался в Санкт-Петербурге. По возвращении художники либо отправлялись на корабле в Германию, либо ехали в Швецию через Финляндию. Из Гётеборга они могли продолжить путь домой, но некоторые решили вернуться в Норвегию. Многие немецкие музыканты, которые в 1850-х годах осели в норвежской столице, прибыли сюда из поездок в Санкт-Петербург и даже могли титуловать себя камерными или придворными музыкантами Его императорского Величества.

Музыкальные связи между Санкт-Петербургом и Норвегией стали более прочными к концу 19 века. Это связано и с улучшением коммуникаций, и с развитием музыкальной жизни в Норвегии и ее столице. Иногда случалось даже, что музыканты предпочитали путешествие вдоль побережья Норвегии в Тромсё, а оттуда – в Архангельск и затем уже в Санкт-Петербург.

Для начала нужно заметить, что у России, так же как и у Норвегии, было немного своих собственных музыкантов-профессионалов и композиторов, но ситуация переменялась во второй половине 19 века. Русская музыка становилась все более известна в Норвегии, российские пианисты и скрипачи часто приезжали с концертами, среди них – пианисты Станислав Барцевич (1881) и Антон Рубинштейн (1882).

В 1878 году норвежский музыкант Эдвард Брэнн после испытательного выступления получил место трубача в Императорской опере в Санкт-Петербурге. Его переписка с семьей в Норвегии позволяет узнать много интересного о положении в российской музыкальной и повседневной жизни в России накануне Первой мировой войны. В начале 20 века многие норвежские скрипачи учились у знаменитого преподавателя по классу скрипки Леопольда Ауера, а композитор-импрессионист Альф Хурум (1882-1972) также

зарядился импульсами от русской музыки во время своей учебы в Санкт-Петербурге в 1916 году.

Между Норвегией и Россией имеется множество интересных связей в области музыкального искусства. Одним из условий данных связей был "импорт" Россией европейской музыки через отработанные "музыкальные маршруты". Как все это происходило можно продемонстрировать, используя примера Уле Булла, норвежского скрипача-виртуоза, нанесшего в Россию 4 визита – в 1838, 1841-1842, 1866 и 1867 гг.

Первая поездка стала для него очень прибыльной и вдохновляющей. Он был хорошо принят повсюду и завязал множество контактов. Однако путешествия в Россию также носили печать тех нагрузок, которые сопровождают дальние поездки, и особенно во время второй поездки тоска по родине была велика. Во время 3-ей поездки в 1886 году он включился в студенческое политическое движение. Студенты Москвы потеряли свои привилегии после покушения на царя, и Уле Булл дал концерт в их пользу.

Waldemar Hansteen: Den norske ballet – avgjørende impulser fra Russland

Innledningsis vil jeg kort redegjøre for den tankemodellen som lå til grunn for min hovedoppgave i teatervitenskap: "Om scenedansens utvikling og vilkår i Norge". Hovedpoengene i modellen er at scenedansen tilsynelatende mangler i vårt kulturliv. Det skyldes at bare de sporadiske blomstringsperiodene er synlige når vi skuer bakover. Kontinuiteten i tradisjonen, som er helt nødvendig i en kunstart basert på overlevering, er "usynlig". Den består av pedagogisk virksomhet, og lavstatus danseformer (innen for eksempel revy, kabaret m.v).

Men det finnes et mønster for når blomstringsperiodene inntreffer. Det må foreligge en økonomisk oppgang som faller sammen med gunstige impulser utenfra. Disse kan bare nyttiggjøres i det norske dansemiljøet dersom det finnes gunstige personkonstellasjoner. Etter en blomstringsperiode avleires de nyvunne erfaringer i den "anonyme" del av tradisjonen.

Modellen er ganske banal, men stemmer forbøffende. Og ballettens første virkelige blomstringsperiode som egen kunstart her til lands følger mønsteret til punkt og prikke. Den intraff på Nationaltheatret i jobbetiden under 1. verdenskrig.

Det eksisterte fra 1800-tallets andre halvdel en ikke ubetydelig bruk av ballett ved teatrene i Oslo. Men da Den norske ballett oppsto på Nationalteatret, var det et gjennombrudd for dansen som selvstendig kunstform. Avgjørende her var de impulser som kom til Norge fra russisk ballett.

All vestlig ballett står i stor gjeld til russisk ballett. Her ble dansekunsten "berget" i romantikken da hele kunstarten truet med å dø hen i Vesten. Det er derfor ingenting sensasjonelt i å henlede oppmerksomheten på at norsk ballett står i gjeld til den store russiske tradisjon. Men det å nevne norsk dansekunst i samme åndedrett som russisk gir uttrykket "spurv i tranedans" en ny dimensjon.

Til daglig driver jeg et hotell på Hamarøy, og avstanden er stor fra mitt daglige virke i fjæresteinene ved Vestfjorden til det å stå i denne lærde forsamling og holde foredrag. Bakgrunnen er at jeg trolig er den eneste som har skrevet om scenedansens utvikling og vilkår i Norge. Det var tema for min hovedoppgave i teatervitenskap ved Universitetet i Oslo i 1987. Siden ble dette boka "Historien om norsk ballett" på Universitetsforlaget i 1989.

I utgangspunktet var det mange som tvilte på at det ville være mulig å samle nok stoff om et så sært emne. For vi nordmenn er jo liksom ikke dansende av oss. Under nasjonsbyggingen på slutten av 1800-tallet og begynnelsen av 1900-tallet var det endog mange som hevdet at Norge overhodet ikke eide en dansetradisjon, især kunstdans. Så effektivt var våre folkedanser trengt til side av pietisme. Men hvordan går det an å overse for eksempel hallingen, kron-eksemplet på at også våre gamle danser i det minste hadde et viktig element av fremvisning og bravour?

Men dette foregikk utenfor det sfæren som interesserte den kulturdefinerende klassen, overklassen og storborgerskapet. Det var bare den danske koreografen Bournonville som så skjønnheten og kraften i for eksempel hallingen, slik at han flettet den inn i et av sine mange dansede reisebrev: "Brudéfærden i Hardanger".

Fremvisningsdans inngikk også i alle former for folkelig scene-underholdning, som for eksempel på markedsdagene. Bildene her er fra Christiania Marked i 1875, hvor vi mellom gjøglerbodene kan oppleve "Knut Valders og Norsk Pepita" som fallbyr et spennende danseprogram, "og større moro kan ingen få i hele verden".

Mot slutten av 1800-tallet opplevde Christiania en voldsom oppblomstring av kommersielle teaterforetak. De bød på det siste nye innen sceneteknisk ekstravaganza, melodrama, musikk – og først og sist: dans. Her er bilder fra Eldorado Theater som åpnet i 1891. Dansenumrene her var oftest iscenesatt av svenske koreografer, og var ofte så populære at de ble flettet inn i mange ulike oppsetninger.

På vårt nystartede Nationaltheatret satset man også på musikkteater, for også her var man avhengige av å få penger i kassa. Selv om man ønsket å profilere seg som Bjørnsons, Ibsens og Holbergs hus, var det musikk og dans som ble frembudt hyppigst.

Gyda Christensen startet sin karriere på Nationaltheatret som skuespiller og sanger, men hennes enestående talenter gjorde henne med tiden til en av våre viktigste iscenesettere. Hun var også hjernen bak oppbyggingen av Den Norske Ballett – uten at hun selv var skolert danser. Her ser vi henne imidlertid i ballettpantomien "Brudesløret" fra 1910. Samme år etablerte hun en ambisiøs ballettskole på teateret. For å få til dette hentet hun gjestelærere fra Det Kongelige Teater i København.

Men i vår sammenheng er det viktigere å vite at hun selv dro til Den keiserlige ballett i St Petersburg i 1912. Der fulgte hun nøye med i undervisningen som ble gitt – og greide å overføre øvelsene til elevene hjemme i Kristiania. Dette forteller om hennes enestående evner som pedagog og formidler.

Datteren, Lillebil (Ibsen), ble sendt til Djagilevs Ballets Russes i Monte Carlo somrene 1913 og 1914 for å trene med de russiske danserne der. Og Ivan Tarasov fulgte med tilbake som gjestelærer i Kristiania for et år.

Lillebil må ha vært en god danser, og hadde en utstråling som bergtok publikum. Det forteller sitt om hennes kvaliteter at Mikhail Fokine innstuderte "Svanens død" med henne, hun var den første som fikk gå inn i Pavlovas glansnummer.

Gjennombruddet for denne satsingen kom på hjemmebane i 1914. Tarasov hadde bygget videre på det tekniske nivået som danserne hadde, og drevet dem så langt at det gikk an å vise koreografier fra det mest aktuelle internasjonale repertoar. I desember 1914 var det premiere på "Coppelia" (40 forestillinger!). Året etter inneholdt 17-mai-matineen tre koreografier av Fokine: "Les Sylphides", "La Spectre de la Rose" og "Svanens død", alle med Lillebil som midtpunkt. Skolen hadde gått over til å bli et ensemble, og kaltes Den Norske Ballet, selv om den aldri ble en fast, integrert del av Nationaltheatrets virksomhet.

Og det mest forbløffende er at man takket være Gyda Christensens innsats sto i direkte kontakt med det fremragende russiske ballettmiljøet: både det tradisjonelt orienterte (St. Petersburg) og det innovative (Ballets Russes).

Det er lett å forstå at publikum i Kristiania lot seg begeistre. Men et bevis for at dette ikke bare var bra i forhold til hva som for øvrig kunne tilbys i en liten provinsial hovedstad er det faktum at Max Reinhardt engasjerte hele ensemblet til sitt teater i Berlin. Her ble det endog skapt egne forestillinger omkring Lillebils enestående scenepersonlighet, som for eksempel "Lillebil Hochzeitreise". Det sies at i virkeligheten hadde ingen norsk utøvende kunstner så til de grader revet med seg et utenlandsk publikum siden Ole Bulls dager.

Da freden kom, ble det et økonomisk krakk i Norge. Nationaltheatret valgte å si opp sitt orkester, og dermed falt bunnen ut for satsingen på musikkteater og ballett. Ensemblet ble spredt. Mange fikk seg arbeid ved ulike revyteatre, og flere dro utenlands.

Love Krohn var ved siden av Lillebil, den dyktigste av danserne fra Nationaltheatret. Men hennes bakgrunn som datter av en general, tillot ikke at hun fortsatte sin karriere på de simple teatrene. Hun startet i stedet sin egen skole, som raskt ble den mest respekterte. Og her formidlet hun helt frem til 1950 trofast det beste fra russisk ballett. Hun hadde selv sin utdanning fra St. Petersburg.

Det paradoksale er dermed at den fornemme keiserlige tradisjon slik i mellomkrigstidens Oslo først og fremst skulle fostre stødige dansere til revyteatrene. Etter å ha blitt kastet ut fra Nationaltheatret levde kunstarten dans en hjemløs tilværelse, og gjorde lite av seg helt frem til Den Norske Ballett så dagens lys i gjenreisningsårene etter 2. verdenskrig.

Валдемар Ханстеен: Норвежский Балет – важные импульсы из России

Со второй половины 19 века в театрах Осло балет был представлен довольно полно. И все-же, когда Норвежский Балет появился на сцене Национального Театра, это стало прорывом для танца как самостоятельной формы искусства. Решающими при этом стали импульсы, принятые в Норвегии от русского балета и поступившие сюда следующим образом:

Гида Кристенсен отправилась в Санкт-Петербург, где ей удалось перенять местную методику обучения для последующего применения ее в Национальном театре. Дочь Гиды, Лиллебил (Ибсен), обучалась в Русском балете Дягилева. Артисты Русского балета прибыли в Осло с целью проведения обучения и выступлений.

Луве Крун получила образование в Санкт-Петербурге и после завершения его руководила наиболее значительной школой балета в Осло. Таким образом, импульсы из России были переданы далее и после прекращения существования балета в Национальном театре.

Litteratur/Литература

Erik Egeberg: Russland og Norge – kulturer i kontakt

Kontaktene mellom Russland og Norge går langt tilbake i tiden, men det er først i det 19. århundre vi kan se klarere konturer og fylligere detaljer. Dette henger sammen med høynet utdanningsnivå, dernest med bedre kommunikasjoner; for Norges vedkommende er det dessuten viktig at landet ble en selvstendig stat (om enn i union med Sverige) – og ikke lenger gikk via København i sin kontakt med utlandets kultur. Så har vi endelig det faktum at i dette århundret ble både russisk og norsk kunst størrelser hele verden la merke til – og dermed økte også den gjensidige interessen.

En av de første som omtaler russisk litteratur – om enn flyktig – i vårt land, er Nicolai Wergeland, som sammenligner sin berømte sønn med Aleksandr Pusjkin. Men prestens kjennskap til Russlands nasjonaldikter har neppe vært særlig intimt, for han anser ham for en Byron-elev – en temmelig vanlig bedømmelse den gang, men ikke rettferdig allikevel. Et grundigere, førstehånds kjennskap til russisk diktning skulle først komme senere i århundret.

I kulturutvekslingen spiller reisebeskrivelser en viktig rolle: de bringer det fremmede nært, men fra et synspunkt leseren er fortrolig med. Av norske Russlands-beskrivelser har vi tre betydelige i det 19. århundre: Christopher Hansteens beretning om sin reise til Turuchansk – på jakt etter den magnetiske nordpol – i 1828-30 (utgitt først i 1859), og professorene (og fetterene) Ludvig Kr.

Daas og Jens Andreas Friis' skildringer av sin ferd i grenseområdene mot Norge og Finland i 1867. Dette var bøker som alle sammen fikk en temmelig vid utbredelse i Norge. Russere var også på farten i vårt land, men vi har ingen reiseskildringer fra denne tiden som kommer opp mot Hansteens, Daas og Friis' bøker. Norge hadde – forståelig nok – ikke samme interesse for russere som Russland for nordmenn.

Av de tre ovennevnte professorer er Daa av spesiell betydning for oss. Han var en mann med vide interesser og originale meninger, og den slaviske verden synes å ha opptatt ham spesielt. I 1851 utga han avhandlingen "Om den litauiske Folkestammes Forhold til den slavoniske", det første norske videnskapelige arbeide om slaviske sprog. I 1873 møter vi ham igjen, denne gang som redaktør av "Tids-Tavler", hvor forhenværende rektor ved Tromsø lærde skole, Hans Blom, publiserte et utvalg russisk litteratur, deriblant dikt av Pusjkin og andre lyrikere.

Hans Blom er en viktig person i de norsk-russiske kulturforbindelser. I ham forenes den folkelige kontakt det lenge hadde vært mellom russere og nordmenn i nord, med den akademiske studietradisjon. Foruten å oversette skrev han en liten bok om den russiske kirke og fremfor alt en stor russisk grammatikk (1878) – den første i Norge. Tromsøs betydning for russiskstudiets oppkomst i vårt land blir enda tydeligere når vi nevner at Blom noen år senere fikk følge av Carl Olaf Fosse, som i 1894 utga en russisk grammatikk – riktignok kortfattet – og som ble den annen nordmann som oversatte direkte fra russisk.

Når vi nærmer oss slutten av århundret, kommer oversettelsene hyppigere. I åttiårene utgis både Turgenev (81), Dostojevskij (83) og Tolstoj (87) i vårt land, og i 1894 presenterer Fosse (sammen med den russiske emigrant Abraham Kaaran) Anton Tsjekhov. Det kan utsettes mye på oversettelsene fra denne tiden og langt fremover – ofte er de gjort fra tysk, fransk eller engelsk, og ikke sjelden er de frisert og beskåret. Men selv sekundæroversettelsenes har betydd overmåte mye som kanaler for kunnskap om opphavslanets kultur.

Men oversettelsene går også den andre veien; Ibsen blir en svært viktig figur i Russland mot slutten av århundret. Tidspunktet gjør for øvrig sitt til at Ibsen-resepsjonen av nordmenn kan oppleves som nokså spesiell: Ibsen oppfattes i 1890-årenes Russland primært som en symbolistisk dikter, ikke som realist. Men Ibsen står ikke alene, for norsk litteratur generelt er populær i Russland i denne perioden. En grunn er alt nevnt – at også norsk kunst på denne tiden står i fremste rekke i Europa, en annen er at Russland nettopp under symbolismen fokuserer på sin identitet som en nordlig nasjon – og dermed retter blikket mot sine naboer i Norden.

Nest Ibsen er Hamsun det store norske navn i Russland; og dessuten blir han for nordmenn en viktig Russlands-formidler med sin bok "I Æventyrland", den eiendommelige beretningen om reisen til Kaukasus i 1899. Men russernes kjærlighet til norsk diktning stanser ikke ved Hamsun; det kan nevnes at i 1890-årene kom Bjørnsons samlede verker på russisk i 12 bind.

Og russiske og norske diktere leste hverandre; Tsjekhov hadde et meget ambivalent forhold til Ibsens dramatik, mens Ibsen anså Tolstoj "for en stor mann når han ikke er forrykt" – for bare å nevne et par eksempler.

Det var mange som hadde en hånd med i oversettervirksomheten på russisk side, men fremfor alle andre må ekteparet Peter og Anna Hansen nevnes – han dansk, hun russisk av fødsel, altså den perfekte kombinasjon for oversettelse begge veier mellom russisk og de skandinaviske sprog (ikke bare dansk). Fremdeles leses norske klassikere i Hansen-oversettelse i Russland.

Til slutt må en viktig norsk begivenhet helt i slutten av perioden nevnes: Olaf Brochs utnevning til dosent i slavisk filologi ved universitetet i 1896 og til professor i 1900. Dermed var grunnen lagt for et systematisk russiskstudium i vårt land, og Broch selv ble ved sine tallrike artikler om ulike russiske forhold en viktig formidler, samtidig som hans oversettelser av sentrale verker etablerte en ny og bedre standard.

Эрик Эгеберг: Россия и Норвегия – Культуры в контакте

Контакты между Россией и Норвегией уходят корнями в далекое прошлое, однако лишь в 19 веке можно различить более отчетливые контуры и полные детали отношений между двумя странами. Это связано с возросшим уровнем образования, а затем уже с улучшением коммуникаций. Для Норвегии, кроме того, важным стал факт обретения страной независимости (хотя и в унии со Швецией). И, наконец, то что в этом столетии российское и норвежское искусство достигло высот, на которые обратил внимание весь мир – повлекло за собой возросший взаимный интерес друг к другу.

Одним из первых заговоривших о русской литературе в нашей стране стал Николай Вергеланд, сравнивавший своего знаменитого сына с А.С. Пушкиным. Однако знакомство священника с российским национальным поэтом вряд ли было столь близким, поскольку он рассматривает его как ученика Байрона – достаточно распространенное суждение в то время, и все-же несправедливое. Более основательное, из первых рук, знакомство с российской поэзией произошло позднее, в 18 веке.

В культурных обменах значительное место занимают путевые заметки: они знакомят с неизвестным, при этом с точки зрения близкой читателю. Из норвежских описаний России в 19 веке 3 – наиболее значительные: повествование Кристофера Ханстеенса о путешествии в Туруханск – в поисках Северного полюса (1828-1830 гг.), изданное впервые в 1859 году, и заметки профессоров Людвиг Кр. Дааса и Йенса Андреаса Фрииса о путешествии в пограничные области с Норвегией и Финляндией. Все эти книги получили значительное хождение в Норвегии. Русские также были в поездках по Норвегии, однако их путевых заметок нет. Норвегия, что вполне понятно, не представляла такого же интереса для россиян, как Россия для норвежцев.

Из трех упомянутых выше профессоров Даас представляет для нас наибольший интерес. Это был человек с разносторонними интересами и оригинальными воззрениями, и похоже, что славянский мир занимал его в высшей степени. В 1851 году он издал статью "Об отношении литовских народов к славянским", первую норвежскую научную работу о славянских языках. В 1873 г. мы встречаем его вновь, на сей раз в качестве редактора "Тидс-Тавлер", где тогдашний ректор академии Тромсё Ханс Блом выборочно публиковал русскую литературу, в том числе стихотворения Пушкина и других поэтов.

Ханс Блом – важная фигура в норвежско-русских культурных связях. Кроме переводческой деятельности он также написал небольшую книгу о русской церкви, но прежде всего – крупное сочинение о русской грамматике – впервые в Норвегии (1878). За ним последовал Карл Улаф Фоссе, в 1894 году издавший "Краткую Русскую грамматику" – и ставший вторым норвежцем, переводившем напрямую с русского.

К концу века переводов становится все больше. В 1880-х годах в Норвегии издаются Тургенев (1881), Достоевский (1883), Толстой (1887), а в 1894 г. Фоссе вместе с Абрамом Кораном представляют на суд публики Чехова.

Переводились и норвежские писатели: Ибсен становится крайне важной фигурой в России конца 19 века. В России 1890-х годов его воспринимают как писателя-символиста, а не реалиста. И Ибсен не одинок в своей популярности в России – норвежская литература в целом является таковою. Одна из причин уже упомянута: норвежское искусство находится на передовых позициях в Европе, а прочею является та, что именно в рамках символизма Россия ставит в центр угла свою принадлежность к северным нациям – и таким образом обращает взор на скандинавских соседей.

После Ибсена Гамсун – другой почитаемый в России писатель. Для норвежцев же он – рассказчик о России, в своей книге "В сказочной стране" он поведал читателям о поездке на Кавказ в 1899 году. Любовь русских к норвежской поэзии не заканчивается на Гамсуне. В 1890-х годах 12-томным собранием сочинений издается Бьернссон.

Норвежские и российские поэты и писатели читают произведения друг друга. В России многие занимались переводческой деятельностью, но особенно стоило бы отметить

супружескую пару Хансен – он – датчанин, она – русская. По-прежнему норвежских классиков в России читают в переводах Хансен.

В заключении можно упомянуть весьма важный эпизод, происшедший в конце 19-ого века: Улаф Брок был назначен доцентом славянской филологии в Университете Осло в 1896 году, а в 1900 г. – стал профессором. Таким образом, была заложена основа для систематического изучения России в нашей стране.

Geir Kjetsaa: Dostoevskij and Hamsun at the Roulette Table

No Russian writer has exercised such a deep and lasting influence on Western literature as Fedor Dostoevskij. One of the many writers who called himself Dostoevskij's pupil was Knut Hamsun, the Nobel Prize winner of 1920 who found that the Russians were leading "the most modern cultural life in the world". The love of Hamsun for Russia is only paralleled by the love of Russia for Hamsun. Small wonder, then, that Hamsun at present is more read in Russia than he has ever been in his native country. Significantly, when the Norwegians discussed after World War II how to punish Hamsun for his Nazi sympathies, the Soviet foreign minister Vyacheslav Molotov, according to widespread anecdote, indignantly replied: "Do not touch Hamsun! (Ne trogajte Gamsuna!)."

Hamsun's love of Dostoevskij is richly documented. His words on "Krotkaja" are among the best characterizations ever given of a work by Dostoevskij: "There is, for example, a little story entitled "Krotkaja". A tiny little book. But it is too great for us all, too unattainably great. Let everyone acknowledge that". And the following words from 1910 are probably the highest prize a great writer can give a fellow writer: "Dostoevskij is the only writer I have learnt something from, – he is the mightiest of the Russian giants." (...)

Hamsun and Dostoevskij were spiritually kindred souls, who had many things in common, not only in literature, but also in life. Hamsun's literary connections with the great Russian writer have been dealt with by others. Here I shall briefly outline the importance of gambling in both men's lives. Also in this area, Hamsun, both in his life and in his works, eagerly followed Dostoevskij's example, to the extent that it even led to accusations of plagiarism.

To Hamsun, roulette was not only a tool for painful losses and guilty conscience. His addiction to the game was also instrumental in the charge that had been brought out against him for having plagiarized Dostoevskij's novel *The Gambler* in his story "Hazard" (1889).

Not surprisingly, Hamsun flatly rejected the accusation of plagiarism. He had never called "Hazard" "a new story", he said. "Hazard" was only a tifle that he did not pay any attention to at all, until he in December 1889 learned that a Norwegian translation of *The Gambler* was soon to appear. He then immediately asked his chief editor to return his manuscript, but unfortunately it was too late. Hamsun's story was serialized three weeks after Dostoevskij's novel came out, and this caused much distress to the author. It gave him a feeling of being pursued and it was also damaging to his reputation.

However, judging from modern standards, it would be a mistake to regard Hamsun's little sketch as a piece of plagiarism. Indeed, the argumentations for conscious plagiarism does not hold water. In our book on the so-called plagiarism of Sholokhov in *The Quiet Don*, we have demonstrated how strict the definition of plagiarism ought to be. Unless we want to make unjust accusations against a great number of the best authors in the world for "borrowing", plagiarisms must be defined as "taking or closely imitating the language and thoughts of another author and representing them as one's own." Experience shows that a wider definition of plagiarism in the direction of "borrowing" (e.g. of motifs, situations, types, Characters) may easily damage the reputation of the party bringing the charge.

For his little skech Hamsun has evidently used chapters 8-10 of *The Gambler*. He may have borrowed parts of Dostoevskij's theme, but he has not copied anything, or imitated the language and thoughts of Dostoevskij. Since both workes describe the life of the gambling house, they are – to use Hamsun's English – "like mostly in the technical language at the roulette, the gambler

language". To prevent this would have been impossible, given the similarity of the situations and the game played. "In my heart I have committed no plagiarism," Hamsun concluded. He was right. Quite another matter is the fact that the story was rather weak and later found a more satisfactory form in his story "Father and Son".

In my opinion, then, we are rather faced with a product of apprenticeship which necessarily shows Dostoevskij's influence. But Hamsun, while still echoing Dostoevskij in many of his future works, soon began to demonstrate his independence. To paraphrase a Swedish colleague: The man who had once been a weak copy of Dostoevskij returns with his new novels to influence a whole generation of Russian writers.

Astrid Sæther: The Concept of Action in Ibsen and Chekhov

Through his practice, Ibsen came to change the very form of drama. We shall be taking a closer look at the concept of action in some of Ibsen's contemporary dramas, and by way of conclusion, compare this with the corresponding concept in Chekhov. Our point of departure will be *A Doll's House*. Then we shall look more closely at the staging in *Ghosts* and *Rosmersholm*, and a final comment will be linked to *When we dead awaken*.

In his historical dramas – as well as in *Brand* and *Peer Gynt*, the action is marked by its dynamics and high activity. A number of situations ("tableaux") succeed one another, at a driving pace, mixed with elements of reflection (which have the effect of "poetic relief"). It is striking how this driving pace is gradually replaced by an absence of action in his contemporary dramatic works, on account of the fact that the character concerned is either incapable of acting or is unwilling to act, or because reflection gets the upper hand. Finally the dramatic situation may be characterised by "non-accomplished action", in the sense that the dialogue is "beyond the addressee", that there is extensive use of pauses, silence etc.

The question of the nature of the action is particularly significant, since the principle of action (since Aristotle) has been considered not only as the fundamental dramatic parameter in Greek and classicistic drama, but also a principle to which modern (or modernistic) drama must relate. In drama, the performing characters – alone or in interplay with others – engage in a goal-oriented activity that intervenes and changes a situation. Thus a chain of events arises which are displayed on stage. The play's character of *here and now* will in Ibsen's case to a considerable degree be marked by reflection on the past, which alone with its epic content is a distinctive feature of Ibsenian dramatic literature. The conflict in a drama must be developed by the dialectics of the action. In the following we shall be focusing on the acting individual and on the *relationship between cognition and action* in the main characters of the drama in the crucial final phase. Our question will be concerned with the degree/kind of individual action and the other dramatic means the playwright decides to use. We shall not be concerned with evaluating the "overall" effect the play might have (on us as members of the audience or as readers), but we shall be concerned with the question of cognition, of insight and of understanding on the part of the main character. We shall particularly ask whether the individual's cognition and action run up against a barrier. To pre-empt some of the conclusion: Different theatrical means (the rhetoric of drama), such as visual arrangements, tableaux and pictorial confrontations are increasingly important to the thematic, superordinate action in these plays.

On the relationship between cognition and action

In *A Doll's House*, the action ends with the slamming of a door (and this produces an echo throughout the world). Nora goes out into the cold, and her deliberate, conscious act is the consequence of reflection on her own situation, an awakening awareness we might say, to use a modern expression. In this drama progressive cognition takes place, partly as a result of the uncovering of the past, and partly as a result of an identification of situations on the level of the present that make further life together impossible. The actual action goes hand in hand with cognitive acknowledgement. The theatrical means that are put to use are minimal (change of clothes, a withering Christmas tree, the slamming of a door). The intentional, unambiguous and

goal-oriented aspect of her exit stands in contrast to the final scene in *Ghosts*. Here Mrs. Helene Alving is implored by the sick Oswald to stretch out a helping hand. He demands that she gives him the capsule of morphine the next time he has a fit, because that will be the moment “there is no more hope”, as the doctor has told him. In the course of the conversation, Mrs. Alving has been forced step by step to realise the full extent of the illness, both its organic consequences (death) for Oswald and its consequences with respect to the “joy of living”. The promise she gives Oswald to help him when that moment comes contains an important reservation on her part: “But that won’t be necessary. No, no, it’s simply not possible.” When, against all her hopes, Oswald then gets the fit, it is in desperation and impotence that she screams her ambiguous: “No, no, no! Yes! No, no!”. The final scene fades out with her desperate scream, not with a strong and unconditional act (like Nora’s).

The end of this play demonstrates the resolution of a dramatic conflict in which cognition and action part, that is to say that the main character’s cognition does not trigger the anticipated action. In spite of the insight that Mrs Alving has fought to acquire, though limited, she does not manage on the basis of her new knowledge to intervene in an intolerable situation. To Mrs. Alving, the idea of complying with Oswald’s wish is self-contradictory or impossible. It would be incompatible with her perspective on the future and with her struggle for liberation. (It is nevertheless only the latter alternative action that can cast Mrs. Alving as a tragic figure). In every respect, Mrs. Alving’s capacity to act is paralysed or ceases, also concerning language.³⁰⁸ The main character in the drama cannot complete the act for which the way has previously been opened and which tragedy as a genre takes as necessary. The transition from reflection to tragic action seems in other words not to be possible within the framework of the play.

In this play we can observe two contemporaneous, diametrically opposed tendencies: On the one hand the determining and fatalistic dimension, with consequences for the individual possibilities of action; on the other hand the main character’s active, interrogatory attitude to the past. These two tendencies “combat” each other, and it is in this context, out of this dissonance of form that the metaphors and symbols take on such an important function in the play, first and foremost linked to “the illness” and to “the sun”. In the final phase these two polar symbols bind past, present and future together and contribute to the unity in the play that would otherwise have been produced by the main character’s definitive act. In the final scene “the sun” is contrasted with “the illness”, but these two symbols are brought together at the end by Oswald’s monotonous cry: “Mother, give me the sun. (...) The sun. The sun. (...) The sun.” The final scene has been widely discussed. Is the sunrise intended to serve as a kind of revelation or a reconciliation ideology? Some critics hold this view with support in the nature tableau of the scene’s description: Is it thus the world of nature that is to reveal the “deeper meaning”, the meaning that cannot be acted out on the stage? Is the visual element, the sunrise, intended to serve as an “idealistic” harmonising? The sceptical or pessimistic attitude to the main character’s struggle for liberation is clearly present, not in the form of a concluding pointing finger, but the open dénouement gives readers/the audience the possibility of investing their own subjective interest.

Rosmersholm ends, as we know, with a double suicide. This the audience cannot observe. The act is only spoken about via an omniscient commentator, who furthermore gives an interpretation of the end which hardly corresponds with an idealistic solution: Madam Helseth’s comment is: “The Blessed Lady took them”, as Rosmer and Rebekka go into the falls. Ibsen lets their final act be played out off stage, where the audience cannot see it. The action is in a way subjected to a kind of “ban on pictures”, it is not portrayed realistically mimetically on stage. The compelling question becomes: Why this dénouement; what drives these two people into the falls? Then: why is this act not shown?

The first question calls for an analysis. We shall here point to the distance between the characters’ cognition and their actions. After Mr Kroll, the headmaster, has unmasked Rosmer

³⁰⁸ D. Haakonsen takes it that the act that O asks for is performed; this is a necessary condition for the interpretation of the play as a classical tragedy and of Ibsen as a writer of classical tragedy. However, there is no evidence that any helping hand of this kind is in fact given.

and Rebekka through his interrogations and collected evidence (Act III), Rebekka must acknowledge that she has had her “own courageous will curbed” and “has lost the capacity to act”. She wants to put an end to the whole business, not drag out a stunted and wasted life: “I must get out of the game, Rosmer”. But to bring the game to an end is easier said than done, particularly when one cannot act. The matter is brought to a head when Rosmer – in order to combat “this nothingness and this terrible emptiness” so that he can win back his faith in the most important cause in his life – demands proof from Rebekka of her love for him: He wants her to “walk Beate’s path”. This demand is put forward after Brendel’s second appearance at Rosmersholm. It is he who plants the idea of “gladly sacrificing” oneself. In the way Rosmer interprets his ideas, they gain a provocative power. On both occasions he appears, this creates drive and pace in the main characters’ behaviour, they both borrow thoughts and ways of speaking from Brendel, ironically enough, the fantasist, isolated in his own delusion, full of insight, yet incapable of acting on his own behalf.

It is thus via two supporting characters (Brendel and Madam Helseth) that the main characters’ actions are set in motion and interpreted. Both are in a double position: they are both in the game and outside it. Madam Helseth is an omniscient teller of a story within a story, she introduces and concludes the play, she makes the connection between the visible and the invisible, between past and present, between the factual events and the “netherworld” laws. She is a witness and informant.

When Rosmer demands a sacrifice of Rebekka, namely that she must walk Beate’s path, in other words copy or repeat an act which was originally a sacrificial act, she then declares that she will expiate the wrong she has done. She wishes herself “overboard”. This then engenders a need for judgment and reckoning in Rosmer too, but on his part (ironically enough) with reference to “our liberated view of life”. In the end doubt arises about who follows whom: They say that they “follow each other” and that now the two “are (...) one”. But who is the driving force? “That we shall never get to the bottom of”, we are told. This act (the double suicide) does not appear to be motivated by their joint will at all. It is surrounded by contradictory, vague statements about why they act as they do. Here we have, in contrast to the situation in *Ghosts*, a completed act, but there is no conscious, acknowledged ground for this act. It is striking that the relationship between cognition and action is broken, just as it also was in *Ghosts*: In the one case (Mrs. Alving) there is cognition, but no subsequent corresponding action. In the second case (*Rosmersholm*) the characters act, but deep down they do not know why.³⁰⁹

True enough it is the case that there are notions of guilt and expiation in both the protagonists, but these notions are undermined in the text. The end has more the character of a kind of “ceremony” than an idealistic representational act. It brings out contradictory and problematic sides of dramatic form. The individual act’s incompleteness as a *deliberate act* makes the rhetorical means necessary for the progression of the play. It is necessary to introduce a commentator who can contribute to strengthening the protagonists’ “explanations” (this commentator must give coherence to a train of events that ends dramatically). This device shows that the Ibsenian form of drama is in a tight corner: The crucial, violent events at the end are not allowed to be shown on stage (even though technically speaking this would have been possible) “here and now” – they are simply reported to us from the point of view of the informant.

When the focus in the dramatic presentation in this way is turned away from the visible and the events are epicised, the question of what happens and why will be left to our imagination. The rhetorical “devices” thus seem more to reinforce uncertainty and doubt about the intention of the act than to provide clarity about the meaning of the end of the play.

In the final phase of the drama the main character(s) is/are taken away from the stage; the crucial act is set in a place outside the frame of the “peephole” and the perspective of the stage. What

³⁰⁹ In the case of this “break” between cognition and action, the question of the dramatic conflict’s (tragic) character must be raised. Insight is “demanded” on the part of the protagonist for his action to be able to be termed “tragic”.

happens now is communicated to us via supporting characters' comments – on what they perceive of the endgame beyond our horizon. The crucial "test" is intended to take place in public, but the event is not however shown on stage. From the point of view of stage technique this "solution" seems peculiar for several reasons: As in the preceding play the naturalistic form of drama is not supposed to place restrictions on violent feelings and sudden death, which could now be expected. It is not the intention that the public must be spared from such events in naturalistic drama, as was the case in older tragedy.³¹⁰ The fact that we are not allowed to see the end directly must be due to other reasons: The exposing of the characters' vision in the outer room must not be represented in such a way that this deprives the characters of their possibly poetic and imaginary force. The act that the main character was not able to perform as a symbolic act, shows itself correspondingly *not* to be portrayable here and now within the confines of the traditional naturalistic stage room; it can only be reproduced indirectly through a description of what has been observed. It seems as if the "aura" of the image – the meaning of the play in the dénouement – must be significantly ensured through our power of imagination, in an epic form.

The problematic relationship between cognition and action and between action and stage representation is also actualised in Ibsen's last drama, *When we dead awaken*, which has its setting outdoors, partly in the garden of the asylum and partly in an open landscape and in the high mountains. This play is to a particular degree characterised by the fact that most of the content is *past*. Its dramatis personae are bored. They are tired of life and melancholic. Dialogue has ceased and their speech is meaningless. This is among other things a consequence of the main characters' insight into and attitude to their surroundings. Their cognition does not change character. Even though the action contains dramatic ingredients (a wife, Maja, leaves her husband, Rubek), this takes place without any fuss. It is not until the final sequence of the play that anything actually happens: an avalanche is triggered and it buries two people (Rubek and Irene). Here Ibsen has let the forces of nature take over what the dialogue and the dialectic of the action cannot manage. The play's "conflicts" are toned down, the train of events is stationary, speech is silenced or is meaningless. The absurd is just round the corner. The nature of the characters' cognition makes any form of action superfluous, because nothing can happen. It seems as if the only possible "solution" to this human/existential idling is to let the forces of nature fill the room. The individual act can change nothing. The individual's cognition as well as the will and ability to act have run up against a barrier. This is Nietzsche's period. Ibsen started his literary production with a strong belief in the individual's possibilities, for cognition, for action that brings about changes. With his trust in the notion that exemplary action can improve the human condition, his early contemporary dramas have a marked optimism and activity. But gradually the seeds of doubt are sown (around 1884 *The Wild Duck*), and after his "pessimistic turn" the individual (decisive) act often gets the character of being repetitive or reduplicating (repetition of a previous act). In and through the fact that the individual's act becomes more problematic when considered as action, the question of form comes into the foreground in a particular way in his drama. When the action is "curbed", when the individual act is "weak" or even absent, the play must make use of other means to create the necessary progression. This also has consequences for form.

The theatrical and rhetorical means that are used to compensate for the "deficiencies" of the individual act, do not contribute without reservation to cognitive knowledge. Decorative elements, tableaux, stage directions, mythically symbolic markers set out in the dramatic trains of events, insertion of natural surroundings or direct use of the forces of nature as creators of tension or – release – show that Ibsen's dramatic form had reached a limit. Of this he was himself aware. In 1900 (6 March) he wrote to Count Prozor: "Whether I shall write any new drama, I do not yet know; but if I am still allowed to retain my mental and physical powers, in which I can as yet take pleasure, then I shall not in the long run be able to keep myself away from the old battlefields. But in that case I should then enter the fray with new weapons and in new armour."

³¹⁰ Nor can the technological stage apparatus of that time have been an obstacle to presenting the public sphere directly on the stage, which Ibsen did earlier in both *Pillars of Society* and *An Enemy of the People*.

Chekhov is aware of the limitations in the Ibsenian dramatic form. There is no doubt that he was Ibsen's apprentice, and his dramatic practice will show that the Ibsenian form of drama was coming to its end. Chekhov sets to work where Ibsen fades out. In the first place Chekhov uses a far broader cast of characters and sets up groups of characters where Ibsen lets one character be representative of the group. Chekhov provides few stage directions and says little about non-verbal communication. It is only in *Ivanov* that we find a central figure, a main character, and a traditional train of action. Here we have a hero with vitality and the power to act, one the public can identify with. In his other plays the action is reduced to a state of standstill, the abstract. In *Three Sisters* the action dissolves and the characters are empty of positive energy. This is connected with the nature of the dialogue. Dialogue is interaction. When this ceases, the action comes to a standstill. The dialogue in Chekhov does not have a linear-causal structure, but it is circular ("equifinale").

In *Three Sisters* the dialogue – as in the absurdists – is conversation. The conversation departs from the principle of linear causality; it uses phrases, is often incongruent, it is split up into segments. Second, the conversation has a stabilising effect and does not promote action. In Chekhov we find long poetic monologues which are completely missing in Ibsen. The absurdists go even farther: the dialogue ceases in the end, and silence steps in. Dialogue, which in Ibsen served the action by virtue of the fact that it had the function of creating awareness and generating conflict, ceases after Chekhov. The lack of dialogue (interaction) reflects modern times, marked by absence of the power to act. Action designates a movement from one situation to another, a transition or change. A change cannot occur until a character, consciously and intentionally, sets in motion something goal-oriented in a given context.

A distinction can be drawn between "action" and "event": In the case of action, the subject consciously changes the situation; in the case of an event the subject becomes an object, yet a conscious object of a changing situation. In *Three Sisters* the women are not able to act, they are unwilling to identify themselves with their opponent, or they have other inadequate reactions to their surroundings. The absence of action is not necessarily connected with lack of cognition; it may also be a matter of reflection's having taken the upper hand or of their being dominated by "inner or mental action". A distinctive feature of Chekhov's characters is un-uttered inner action. Stanislavsky emphasised that action had been replaced by restricted emotions.

When lines are drawn between Ibsen and Chekhov, it is usually done by setting up their dramas in pairs: *Three Sisters* and *Hedda Gabler*, *The Seagull* and *The Wild Duck*, *Uncle Vanya*, *The Cherry Orchard* and *Rosmersholm*. This parallel interpretation of the thematic aspect has not been our purpose. What we have done is to point to Ibsen's gradual dissolution of the action, and the increasing discrepancy between cognition and action. Then we pointed briefly to the way in which Chekhov further develops this in the direction of the absurdists.

Петр Палиевский: Кнут Гамсун в европейской культуре

Кнут Гамсун очевидно перебрался со своими проблемами в XXI век, и нам надлежит встретить его здесь достойно. Его образы вышли за пределы Норвегии в разные стороны, и я буду говорить о нем тоже со стороны, – где его, правда, приняли с увлечением и радостью. Сторонний взгляд, возможно, дает повод увидеть стереоскопически его нынешнее присутствие в Европе.

И первое, что бросается в глаза в его значении для всех нас, что это писатель природы. Верность природе проходит через всю его жизнь. В его последней книге³¹¹, идеи которой во многом пропадают оттого, что в ней ищут политических выводов, он думает о ней прежде всего. Его тревожит молодая ель, он следит, появится ли ее желтеющая верхушка и старается убрать мешающие ей ветви старого тополя; его волнует, посреди, кажется, куда более важных дел, первый неумелый крик петуха: "Бедняга, он был один в целом

³¹¹ Интересно, что ее "природное" заглавие почти совпадает с названием книги Мартина Хайдеггера "Hozwege" (1950), который также выдерживал в то время обвинения в сотрудничестве с нацистами.

мире, у него не хватило мужества подчиниться естественному ходу вещей³¹²; он прислушивается к стихиям: "шум леса я теперь не слышу, но я вижу, как колышутся ветви, и одного этого уже достаточно, чтобы порадоваться"³¹³. Мысль начала его пути – "кровь подсказывает мне, что я нахожусь в духовной связи со всей вселенной, со стихией"³¹⁴ – ничуть не ослабевает и остается для него ведущей.

Эта мысль, видимо, отличает его от другого великого норвежца Ибсена, который больше погружен в общественные коллизии, и его человек прежде всего социальный. Гамсун, кажется, заглянул глубже, в неразделенный ствол всяких обществ, в природу. Правда, тот же сторонний взгляд находит, что Ибсен предвидел Гамсуна в характере Пер Гюнта и даже описал заранее виды его странствий, а гений Грига возвысил их до мирового признания. Может быть, нападки Гамсуна на Ибсена, совершенные вдобавок в его присутствии, были несправедливы и неблагодарны. Но все-таки предвидеть кого-либо еще не значит им быть, и Гамсун, конечно, явился в Европейскую культуру с новым открытием.

Новизна его выступит отчетливо, если мы сравним Гамсуна с его литературными родственниками, которые вошли вместе с ним в XX веке в Европе и не слишком любимой им Америке. Вспомнив таких писателей как Киплинг, Джек Лондон или мало знакомый Европе Михаил Пришвин или Александр Куприн, мы найдем, что они тоже были провозвестниками стихийных, естественных, первозданных сил. Они расслышали язык птиц и животных, у них загорелись лесные чащи, снежные пустыни, джунгли и их обитатели.

Но Гамсун сразу пошел дальше. Он поднял природу внутри самого человека, внутри самой высокой и тонкой духовной организации. Гордый европеец, привыкший полагать, что он призван природу покорять, через Гамсуна вдруг узнал, что ее ни с чем несравнимая мощь продолжает, не обращая внимания на ее деловое употребление, руководить им изнутри, что она обеспечивает свободу души, выводит к тайнам мироздания, питает любовь. Перегородки, искусственные средостения между природой и человеком у Гамсуна отпали. Он сумел воочию, в живых характерах восстановить, как он сказал в одной статье, "ощущение нашего кровного родства со всем сущим"³¹⁵.

Вполне возможно, что эта способность была рождена неповторимым обликом Норвегии. По крайней мере так это понимает лучший в современной России знаток и поклонница Гамсуна Элеонора Панкратова; она пишет: "природа Норвегии и по настоящее время сохраняет свою первозданную нетронутость, и человек с его радостями и страданиями, а также объектами его деятельности – фабриками, заводами, верфями, – кажется здесь каким-то маленьким и ничтожным перед лицом ее Величества, ее гор, моря, лесов"³¹⁶. Но не менее очевидно, что Гамсун вызвал в каждом голос его собственной природы, какой бы она не была, поднял в сознание ее всю.

Участие природы в жизни души было для него первым условием культуры. Понятна его привязанность к тому, что сохраняло и поддерживало эту связь: к сельскому быту, к сельскому труду. Я не могу, к сожалению, судить, как это выглядит в норвежском языке, но в некоторых других, в частности, в русском, понятие "культура" соединено с возделыванием земли, оно вошло в термин "сельскохозяйственные культуры" – "культура пшеницы", "культура овса" и т.п. То есть нечто такое, что требует выращивания, сотрудничества с неизведанными силами жизни, а не, так сказать, фабричного изготовления. По мнению одного русского мыслителя, П.А. Флоренского, современный

³¹² К. Гамсун. На заросших тропинках, М., Старт, 1993, с. 144.

³¹³ Там же, с.163.

³¹⁴ Письмо Эрику Скрану, 1888, цит. по статье Э. Панкратовой к сборнику "К. Гамсун. Избранное", М., Терра, 1996, с. 9.

³¹⁵ Статья "О бессознательной духовной жизни". К. Гамсун. На заросших тропинках. М. Старт, 1993, с. 361.

³¹⁶ Э. Панкратова. Вступительная статья к книге К. Гамсун. Избранное. М., Терра, 1996, с. 7-8.

ученый "не с природою живет, но усиливается ей устроить тюрьму из понятий"³¹⁷. Эту разницу, видимо, остро чувствовал Гамсун, и его художественная натура постоянно искала пути победить узко-утилитарный примитив, освободить скрытые возможности "первопорядка".

По всем этим привязанностям и склонностям Гамсуна, наверное, можно считать представителем Континентальной Европы, Европы земли. Он так и назвал произведение, за которое получил Нобелевскую премию, "Плоды земные". Его германская ориентация в этом мироощущении тоже естественна. В Германии родился первый "философ природы" Шеллинг, в Германии был Гете, вся поэзия и научная деятельность которого подтвердила его мысль "Wie herrlich leuchtet mir die Natur". Немцы подняли в XIX веке целую дисциплину, практически неизвестную в других странах Европы "Naturkunde"; в Восточной Пруссии, неподалеку от Норвегии, сложилось образцовое земледелие, основанное на глубоком уважении к природе, уходу за ней ("Pflege"), а в послевоенный период, уже в наши дни, Германия дала Европе самое сильное движение "зеленых".

Правда и то, что от прогерманских настроений до пангерманизма один шаг, и Гамсун не удержался от того, чтобы его сделать. Национализм, это сильнейшее искушение национальной идеи, не миновал и его, что имело тяжелые последствия для него самого и для его родины.

Но не забудем: в существо его художественных созданий, в сердцевину известных нам и переживаемых людьми характеров этот подход не проник. Он остался печальным эпизодом истории, а его образы сделались общим достоянием. Почти одновременно с восторженной статьей о Гамсуне (1908) Александр Куприн в России написал статью о Киплинге, которого тоже привествовал, но с оговорками: "В его рассказах – особенно если прочитаешь все, без перерыва, залпом, - чувствуется не гений, родина которого мир, а Киплинг англичанин, *только* англичанин... Как бы ни был читатель очарован этим волшебником, он видит из-за его строчек настоящего культурного сына жестокой, алчной, купеческой современной Англии... повторяю, только узость идеалов Киплинга, стесненных слепым национализмом, мешает признать его гениальным писателем"³¹⁸. По-видимому разница эта сказывается при чтении обоих авторов и сегодня.

Отношения Гамсуна с англо-саксонским миром, как известно, были нелегкими. Они определялись, конечно, не какими-то расовыми пристрастиями, но его пониманием культуры как высшего развития природы и цивилизации – как способа ее употребления, использования, овладения. С этой точки зрения "атлантический" мир его во многом не удовлетворял.

Книга Гамсуна "Духовная жизнь Америки" толкуется нередко как антиамериканская, что только снова возвращает нас в круг национальных самолюбий и претензий, выбраться из которых, оставаясь на их уровне, невозможно. Между тем, речь идет о другом, о типе цивилизации, которая не является не собственностью, ни изобретением Америки, и только достигла в ней показательной остроты. Гамсун попытался сказать об этом с самого начала несколько прямолинейно: "В Америке до сих пор господствует вся та же старая английская цивилизация, которую принесли туда еще первые колонисты; она уже состарилась, ее износили, использовали другие народы, она отжила свой век в Европе..."³¹⁹. Но в очерке 1928 года "Festina lente" высказался более взвешенно и панорамно. Он обратился прямо к Европе, и, учитывая опыт Америки, в том числе положительный (например, в организации труда), посоветовал всем нам, как он выразился, "не спешить". Гамсун смотрел выше национальных пристрастий, исторически. Он говорил: труд, обращенный исключительно на приобретение, обладание, присвоение, теряет смысл, теряет Бога, "и всемогущий доллар,

³¹⁷ Свящ. Павел Флоренский. Столп и утверждение истины. М. Путь, 1914, с. 736.

³¹⁸ А. И. Куприн. Собр. соч. В 9 томах, т.9, М., 1973, с.11.

³¹⁹ К. Гамсун, Духовная жизнь Америки, гл. II, К. Гамсун. Полное собр. соч. Т. 12, М., 1910, с. 77.

кажется, не может заменить его"³²⁰. "Мы проявляем тем самым цивилизованность, но никак не культуру"³²¹; еще: "Дело обстоит следующим образом: мы идем по пути цивилизации, все больше и больше цивилизуемся, но теряем в духовном развитии"³²². Против соображений и примеров, которые он приводит, вряд ли можно что-либо возразить; с течением времени они только набирают вес и каждый может многое к ним добавить.

Гамсун не успел к тому же увидеть, что и в самой Америке, в ее молодой культуре, раздались голоса, независимо развивающие его идеи. Это был Уильям Фолкнер, который провозгласил высшей ценностью "крошечную почтовую марку родной земли"³²³ и заговорил о "равнодушии природы к колоссальным ошибкам людей"; Маргарет Митчелл, хотя и не признаваемая в интеллектуальной среде, но с громадной убедительностью раскрывая те же искания; многие иные. Что касается Англии, то странно, что что Гамсун не пожелал опереться на ее традицию критики последствий той самой цивилизации, которая в ее недрах родилась, – начиная с пророческого "Франкенштейна" (1818) Мэри Шелли, "Егдина" (Egwhon, 1872) Самюэля Батлера и других. А в неприязни "американизма" там были люди не менее глубокие чем Гамсун, такие как в XIX веке Диккенс, в XX – Олдос Хаксли или уже после Гамсуна Грэм Грин. Великая культура Англии противостояла омертвлению духа. Так что мы можем теперь, наверное, считать, что в известном споре англофила Сигрид Унсет и германофила Гамсуна оба поклонника каждой из этих стран были правы.

Другое дело – некоторые предрассудки социальной жизни, с которыми не мог согласиться Гамсун. Англия оставалась страной гибкой, хорошо разработанной, но жестоко соблюдаемой иерархии. Человек, продвигавший свои ценности снизу вверх, не мог принять этот порядок за идеал социального устройства; при встрече с Гамсуном все подобное неизбежно вступало в столкновение. Знаменитый выпад профессора Р. Андерсена против Гамсуна в 1909 году весь построен на том, что он, г-н Посол, был приглашен в "знатную семью" – "И тут я очутился в этом чрезвычайно избранном обществе за одним столом с Кнудом Гамсуном, крестьянским парнем из Норвегии и извозчиком из Чикаго"³²⁴ (Гамсун работал там трамвайным кондуктором, но это дела не меняло).

Гамсун здесь был, наверное, ближе давним надеждам русской культуры. В 1835 году Пушкин записал: "Освобождение Европы придет из России, потому что только там совершенно не существует предрассудков аристократии. В других странах верят в аристократию, одни презирая ее, другие ненавидя, третьи из выгоды, тщеславия и т.д. В России ничего подобного, в нее не верят"³²⁵. Говоря это, Пушкин не знал, что где-то на севере Европы единственный раз в ее истории победившие крестьяне сумели еще в XII веке поставить на трон "своего" короля (на что много позже отозвался Толстой, приветствуя перевод "Короля Сверре" Бьернсона), что в год, когда он учился в Лицее, принятая там же Конституция упразднила существование баронов, графов и князей, процветавших в России. Информационная война, получившая свое название в XX веке, умело применяла свои методы умолчаний уже тогда. К тому же, в России началась историческая борьба с новой имущественной аристократией, несравненно более изворотливой и сильной, поскольку в отличие от прежней, простодушно настаивающей на своих правах, она действовала неизменно обманом.

³²⁰ К. Гамсун. *Festina lente* в сб. К. Гамсун. *На заросших тропинках*, М., 1993, с. 366.

³²¹ Там же, с. 369.

³²² Там же, с. 369.

³²³ *Lion in the Garden. Interviews with William Faulkner*, L., 1968, p. 255.

³²⁴ Проф. Р. Андерсен в июле 1909 года в норвежской газете "Эйдсвольд", издававшейся в Америке. Цит. по: М.П. Благовещенская и А.А. Измайлов. *Кнут Гамсун. Биография по неизданным источникам*. Спб., Шиповник, 1910, с. 62.

³²⁵ А.С. Пушкин, ПСС в 10-ти т. М.-Л. Academia, 1949, т. VII, с. 539.

Но когда явился Гамсун – эти настроения сошлись и он был принят в России, как родной. Дело дошло до того, что в первой русской книге о Гамсуне (1910) сказано следующее: "Его тонкая, чрезвычайно сложная и запутанная психология непонятна для норвежцев. По своей натуре Гамсун ближе нам, русским... Нам понятны его полная независимость во взглядах, его презрение к традициям, к тому, что "признано всеми", нам понятна его безграничная смелость..." и т.п.³²⁶.

Языковой барьер помешал мне познакомиться с книгой Мартина Нага "Гамсун – норвежский Достоевский", и когда я пишу эти слова, мне еще не известен доклад профессора Гейра Хетсо о Гамсуне и Достоевском. Но, мне кажется, Гамсун еще более похож на своего старшего сверстника в России, одинокого последователя Достоевского Василия Розанова (1856-1919). Именно Розанов исповедовал у нас, как и Гамсун, священное отношение к естественным началам любви; вламывал, где мог, омертвелую кору жизни; не боялся отбрасывать логику, где она противоречила правде и т.д. Для сравнения приведу лишь одну мысль Гамсуна в его критике Эмерсона, опечаленного "легкомысленной жизнью" Шекспира: "Его психологический взгляд не идет дальше наименее человеческого в человеке, т.е. морали"³²⁷. И вот Розанов: "я еще не такой подлец, чтобы думать о морали. Миллионы лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет; и вдруг бы я ей сказал: ты, душенька, не забывай и гуляй "по морали". Нет, я скажу ей: гуляй, душенька, гуляй, славенькая, гуляй, добренькая, гуляй, как сама знаешь. А к вечеру пойдешь к Богу"³²⁸. Оба, кстати, никогда не отходили от Бога, а Гамсун в очень близких Розанову выражениях жалел неверующих: "странно, что неверующие так бездумно равнодушны к собственному благу"³²⁹.

Очень привлекало русских и до сих пор действует у нас через его книги его личное нравственное здоровье. Представить только, что девяностолетний человек, находясь в его положении, записывает: "внутри меня клокочет радость бытия"³³⁰. Портреты его современников, созданные Эдвардом Мунком, чуть ли не все несут на себе тревожный прерывистый свет времени, включая автопортреты. И только лицо Гамсуна обрисовано с естественностью и простотой, к которой, кажется, ничего не добавляет стиль художника (1896). Это лицо цельного, нераздерганного человека, может быть, способного – вследствие излишней самонадеянности – поддаваться обманам, но недопускающего их до внутреннего ядра; человека, готового честно ответить за все, во что он верит. Это не худшее наследство из тех, что оставляет нам XX век.

У нас в России не забудут также, что сказал Гамсун на суде: "Немецкий народ относился ко мне с уважением, так же как народ русский. Эти две могучие нации благоволили ко мне и не всегда отвергали мои обращения"³³¹. Нам приятно сознавать не только то, что оно было так сказано, но и то, что это правда.

Pjotr Palievskij: Knut Hamsun og den europeiske kultur

Knut Hamsuns betydning og interessen for ham blir stadig større fordi han er naturens forfatter. Til forskjell fra sine litterære jevnaldrende som Kipling i England, Jack London i Amerika og Mikhail Prishvin i Russland, begrenser ikke Hamsun seg til å skildre naturens kraft og skjønnhet. Han hever naturen opp til selve menneskets indre, lar naturen gå inn i de tynneste åndelige mønstre. På denne måten foregriper Hamsun dagens økologiske bevissthet og legger veien inn i fremtiden.

³²⁶ М.П. Благовещенская... цит. соч., с. 11.

³²⁷ К. Гамсун. Духовная жизнь Америки, гл. IV, в кн.: К. Гамсун. ПСС., т. 12, М., 1910, с. 148.

³²⁸ В. Розанов. Уединенное. Пг., 1916, с. 85.

³²⁹ К. Гамсун. На заросших тропинках... цит. соч., с. 158.

³³⁰ Там же, с. 208.

³³¹ Там же, с. 193.

I Russland ble Hamsun mottatt med entusiasme også som en følge av hans demokratiske og sosiale legning. Forfatterens nasjonalsosialistiske sympatier berørte ikke kjernen i hans skaperverk og forblir en bedrøvelig, men overvinnelig, episode i historien.

Marit Bjerkeng: Norge og nordmenn i pomorenes fortellertradisjon – noen glimt fra Boris Sjergins forfatterskap

Da jeg i 1993 ble tilsatt ved Høgskolen i Finnmark for å undervise i russisk på heltid, var det helt naturlig for meg å orientere meg i nordrussisk litteratur. Jeg fikk da råd fra en ung russisk kollega fra Arkhangelsk om å lese Boris Sjergin, på grunn av hans nordrussiske tematikk og hans språk.

Den første historien jeg begynte på, *Et skip blir født* (Рождение корабля) begynner slik: "De berømte skandinaviske skipsbyggerne fra forrige århundre – Heinz Schiffmeister og Ole Alvik, som hadde studert og sammenlignet skipsbygging i mange land, var opp i under over den kunsten de så hos mestrene i Arkhangelsk".³³² Det var åpenbart at dette var et eksempel på russisk litteratur der bevisstheten om naboskapet med Norden og med Norge var tydelig til stede. Det skulle vise seg at det langt fra var det eneste eksemplet, og i denne artikkelen vil jeg vise hvordan Norge og nordmenn dukker opp i Sjergins fortellinger.

Hans verker er et speil av et samfunn som eksisterte i hans barndom omkring år 1900 og hadde eksistert i århundret før ham, men som endret seg drastisk med revolusjonen i 1917 og den utviklingen som fulgte. Sjergin er en sjelden representant for dem som i en tid med nye krav ikke nøyde seg med å være en del av den muntlige tradisjon i sitt område, men også festet ballader og fortellinger til papiret og på den måten innlemmet dem i litteraturen. Og det går tydelig frem av hans verker at pomorene kjente og hadde et forhold til Norge og nordmenn. Norge har en naturlig plass i hans verden.

Norske skildringer av Russland og russiske skildringer av Norge finnes – vi kan lese *I Æventyrland* av Knut Hamsun (1903) og *På sporet etter eventyrpannekaka* (За волшебным колобком) av Mikhail Prisjvin fra 1908, for ikke å nevne Jens Andreas Friis' fantastiske reiseskildring etter en reise på Nordkalotten i 1867, *En sommer i Finmarken, russisk Lapland og Nord-Karelen* (1871). I disse verkene er forfatterne spesielt ute etter å beskrive og karakterisere nabofolket. Det bildet av nordmennene som fremkommer i Sjergins ballader og fortellinger er av et annet slags. Hans tekster formidler pomorenes gamle muntlige fortellertradisjon og viser oss hva pomorene med selvfølghet fortalte om nordmennene og om Norge, de gir talrike vitnesbyrd om forholdet som eksisterte mellom våre folk fra gammel tid og frem til ca. 1900.

Boris Viktorovitsj Sjergin ble født i Arkhangelsk i 1893 (noen kilder sier 1896). Faren seilte på Skandinavia og Novaja Zemlja både som matros, som styrmann og skipper, og var i tillegg skipsbygger. Moren var datter av en seilmaker i bydelen Solombala i Arkhangelsk. Fortellertradisjonen lærte Boris å kjenne gjennom foreldrene, særlig moren, men også gjennom venner av huset.

Boris Sjergins verker formidler en kultur han kjenner, som han vokste opp i og satte pris på – den nordrussiske pomorkulturen – og han viser oss de forskjelligste mennesker i ulike livssituasjoner. Han forteller alvorlig om staute fangstmenn, sjøfolk og skipsbyggere fra gamle dager, bringer videre deres kunnskap om havet de seilte på, og viser oss deres moralske standarder. Han beskriver barneskjebner og kvinners liv. Med sans for saftig språkbruk og bisarr komikk skildrer han sine samtidige i novelleform, og han forteller gjøglereventyr så man må tørke lattertårer. Med hensyn til sin egen rolle er han meget beskjeden, han fremholder stadig at han bare gjenforteller det han selv har hørt.

Sjergin skal ha vært en utmerket muntlig forteller – en ungdomsvenn som selv ble forfatter, sier at "man kan glemme det man har lest i en hvilken som helst bok, om den er aldri så vakker. Men å

³³² Boris Sjergin, *Drevnie pamjati. Pomorskie byli i skazanija*, Moskva 1989, s. 63. Alle oversettelser er gjort av artikkelforfatteren.

glemme hvordan Sjergin fortalte eventyr, det er umulig".³³³ Språket hans, også i stor utstrekning det skriftlige, er nordrussisk dialekt, en fargerik og blomstrende uttryksmåte som får en til å tenke på kreativiteten og humoren i nordnorsk fortellertradisjon slik vi kjenner den fra Peter Wessel Zapffes *Vett og uvett* og Arthur Arntzens Oluf. I humoristiske dialogpregede tekster finner vi det nordrussiske talespråket, som kan være vanskelig å oversette. Enkelte tekster burde man kanskje prøve å gjengi i nordnorsk språkdrakt? For et nordnorsk publikum skulle Sjergin være spesielt interessant, siden det i hans fortellinger stadig vekk er referanser til Nord-Norge.

Når man skal fortelle om Sjergin i kortversjon står man overfor et stort problem: Det er vanskelig å velge ut sitater, for man har lyst til å gjengi så mye. Her skal vi imidlertid konsentrere oss om de norske motivene vi finner i Sjergins verker, og vi vil se at de reflekterer temaene i praktboka *Pomor* fra 1992, og i artikkelsamlingen *Den menneskelige dimensjon i nordområdene* fra 1994.

Røvere

Enkelte av Sjergins fortellinger henter sitt stoff helt fra vikingtiden og skildrer skandinaviske vikinger i østerled. Fra sagaen husker vi beretningen om Tore Hund som plyndret Jomale – et finsk-ugrisk gudebilde ved Dvina, og nordiske vikingers plyndringstokter finner vi også i noen av Sjergins tekster. Som i den lille fortellingen *Ravnen* (Ворон), der en navngjeten pomorskipper hjelper en samegutt å jage vekk en flokk svensker som har gjort strandhugg og stjålet og slaktet rein.³³⁴ Det later til at ordet for svenske som Sjergin bruker her – svei (svei) – i andre tekster brukes som synonym til варяг (varjag = væring) – og at det like gjerne kan være tale om norske vikinger.

I en annen fortelling, *Kjærligheten er sterkere enn døden* (Любовь сильнее смерти), lyder det slik: "Da vinteren tok slutt, kom den nyheten flyvende til pomorlandet sammen med fuglene, at vikingrøvere var på vei til Dvina med skip, og at de lå i iskanten og ventet til pomorene dro på fangst. De hadde en slik nedrig vane: de overfalt landsbyer når bare kvinner og barn var hjemme." Russerne tar ublidt imot de "ubudne gjester", og svarer med piler og spyd på vikingenes rop: "–Kor ifra? Kor ifra?" Her gjengir Sjergin det norske spørsmålet med kyrilliske bokstaver (Курь фпа? Курь фпа?) og forklarer i en fotnote at det betyr: "Hvem der?" Hovedpersonen i fortellingen, pomorlederen Kirik, fører an og det går hardt for seg: "Dvina-menn! Vi slipper ikke varjagene inn i Rus! Vi skal slå fra oss! Våre hjerter skal fryde seg!... Skipene la seg rekke mot rekke, og dvinamennene kastet seg som en havets bølge over i varjagskipet. Kiriks hjerte sang en gledessang. Ståløksen blinket. Som en dyktig slåttekar slår gress, slik sneiet Kirik fiendens hoder av..."³³⁵

En annen fortelling om skandinaver er *Ingvar* (Ингвар), der hovedpersonen kommer sammen med sine menn til Kvitesjøen, "kanskje for å handle", som det står. De går i land, og mannskapet begynner å plyndre landsbyen der bare kvinner og barn er hjemme. Ingvar blir rasende på sine menn og vil stanse dem, han "begynte å velsigne dem med en jernstang", men en av dem "kom tilbake og slo skipperen i pannen med en stein". Kameratene hans stikker av, Ingvar selv blir satt fast og ført for igumen Filipp i Solovkiklosteret. Han ber om å få bli i klosteret, tar navnet Igor og dør som en gammel mann med tilnavnet "den bløthjertede".³³⁶

Russiske røvere

Det fortelles imidlertid også om russiske røvere, blant annet i en av de balladene Sjergin hadde på repertoaret, *Balladen om den norske kjøpmannen* (Старина о госте норвежине). Det er en ganske skrekkelig historie: En pomorkone hadde ni sønner og en datter. Tre av sønnene mistet

³³³ Il'ja Brazjnin, *Sumka volsjebnika*, Leningrad 1973, s. 350.

³³⁴ Sjergin, s. 200-201.

³³⁵ Ibid, s. 236-237.

³³⁶ Ibid, s. 249-251.

livet, de seks som var igjen, dro ut med en lodje for å plyndre kjøpmannsskip. Datteren, derimot, ble giftet bort med

*"en nordmann
en utmerket og klok kjøpmann.
Og nordmannen tok henne med over det blå hav
til sitt eget land, til sin store slekt."*

Etter flere år får den unge kjøpmannskonen overtalt mannen sin til å ta henne med til Russland på besøk, men det går ikke bedre enn at de blir overfalt av sjørøvere som dreper mannskapet og den norske kjøpmannen, hugger ihjel det lille barnet til kjøpmannsparet, tar varene og senker båten deres og skjender den unge enken som de har tatt til fange. Hennes klagesang om natten overhøres av den av de seks røverbrødrene som står til rors, og den grusomme sannheten går opp for ham...³³⁷

Felles sagntradisjon

Sjergin forteller om en annen ballade som heter *Balladen om Varlamij fra Keret* (Старина о Варламии Керетском). Hovedpersonen her er Varlamij, som var prest i Kola i det 16. århundre. Han drepte kona si av sjalusi fordi hun bedro ham, og det med en skandinav som het Olaf (enkelte ganger i teksten har han navnet Farlaf). Som soning for sin udåd måtte Varlamij seile på havet til evig tid. Videre forteller Sjergin at de gamle brukte å si, når det kom tåke inn til kysten ved Kvitesjøen, at "Varlamij's båt er kommet". Og så fortsetter han: "Min far, som hadde vært i Nord-Norge, fortalte at når det kom tåke inn mot Vardø og Vadsø fra Murmanskysten, spøkte de norske fiskerne: – Det er russepresten som kommer med kona si."³³⁸ Dette sagnet refererer Unni Sildnes til i sin hovedoppgave om Trifon fra Petsjenga, men da med opphav i et helgenvita om Varlamij.³³⁹ Vi har altså i hvert fall ett eksempel fra Sjergins tekster på en felles norsk-russisk sagntradisjon, og han kjenner denne tradisjonen fra en gammel ballade.

I denne gamle tradisjonen er Sjergin formidler mer enn forfatter. Han gjengir også tradisjon i fortellingen *Kjøpmannen fra Dvina* (Гость с Двины). Denne fortellingen henter sitt motiv fra den gang Velikij Novgorod hersket i nordområdene, forteller Sjergin, og plasserer den slik i en svært gammel tradisjon. Den handler om den hederlige Andrej, som sammen med sine menn "i fellesskap drev handel etter avtale med den skandinaviske byen Varjager-Jutta". Uten at jeg har andre belegg for en slik teori, kan det være nærliggende å tippe at det her er snakk om Tjøtta på Helgeland. Russerne leverer skinn til nordmennene: "Han kom til laugget og leverte de avtalte varene til sekretariusen og skattmesteren. Han fikk utbetalt hele summen etter avtalt pris – fem hundre skandinaviske gullgrivner".

Andrej kunne også snakke "skandinavisk": Kvelden før han skal reise, får han se en kvinne ved havnen. Andrej er i fortellingen karakterisert som en mann av streng livsførsel, men denne kvinnen "ligner ikke en synderinne". Andrej henvender seg til henne av nysgjerrighet: "Andrej kunne skandinavisk, og spurte henne: venter du på noen, frue?" Hun forteller at mannen sitter i gjeldsfengsel, og at hun ikke vet hvordan hun skal skaffe barna mat. Andrej tar da, mot alle uskrevne regler, sin del av inntektene av handelen og gir henne. Med disse pengene kan hun dekke gjelden. Når han kommer hjem, blir Andrej sterkt klandret for å ha tatt av felleskassen, og bryter med sitt skipslag. Noen år senere dør han på Novaja Zemlja.

Imidlertid vil nordmannen som ble hjulpet, betale tilbake, men kommer til Arkhangelsk for sent. Han og Andrejs kamerater, som nå får vite hvordan alt hang sammen, blir enige om å bruke pengene til ære for Andrej og sette opp en varselklokke på et skjær ute i havet: "på Vest-

³³⁷ Ibid. s. 447-451. Denne historien har karakter av vandrehistorie, og finnes visstnok i andre sagn og eventyr, men det interessante i vår sammenheng er at den er knyttet til et norsk miljø.

³³⁸ Ibid. s. 466.

³³⁹ Unni Sildnes, Trifon Pečengskij. En ortodoks helgen i norsk og russisk tradisjon. Hovedoppgave i russisk litteratur, Universitetet i Tromsø 1997.

Murman, i nærheten av Bussesundet. Dette stedet kaller dere skandinaver for "Tåkenes bolig". Stedet angis til "på Busseklippen" ("на Бусой вараке"), altså i nærheten av Bussesundet. Sundet mellom Vardø og Varangerhalvøya heter Bussesundet, men det slås ikke fast at det er dette sundet det er tale om. Klokken skal ha ringt i tre hundre år, men så kom et jordskjelv som rystet området, skjæret forsvant, og klokken sank – den "fløy som en fugl ned i havdypet". Sjergin husker fra sin barndom at sjøfolkene fortalte at den fremdeles ringte på havets bunn.³⁴⁰ Om dette sagnet finnes i Norge, vet jeg ikke. Men historien om Varlamij er opphav til sagn som har vært levende både i Norge og Russland, og historiene forteller at vi fra gammelt av har hatt mange slags kontakt.

Handel

Pomorhandel er først og fremst et norsk begrep, og den behandles naturlig nok ikke eksplisitt hos Sjergin, men kontakten med Norge berøres stadig i forbifarten, for eksempel når han i fortellingen Barndom i Arkhangelsk (Детство в Архангельске) nevner at de hjemme hadde "blått norsk servise på hyllene". Sjergin forteller også av og til at helten har kjøpt klær, gjerne litt spesielle plagg, i Norge, eller det nevnes om en eller annen person at han har seilt på Norge.

Det beste eksempelet på en russisk melskipper jeg har funnet hittil, er fra historien *Matvejs glede* (Матвеева радость), historien om en fattiggutt som arbeider seg opp til velstand. Her forteller Matvej selv om sin første båt:

"Tiden da snøen brukte å komme, nærmet seg, men den unge skipperen kjøpte fem tonn mel og utstyrte farkosten sin for å ta det til Norge. Havet skal du frykte mer om høsten enn ellers, men et ungt, vågalt hjerte banker heftig. Jeg var femogtyve år gammel på denne tiden. Jeg syntes jeg kunne tatt båten i armene og sprunget over bølgene med den...

Vi lastet ombord. Så seilte vi sjø og hav. Vi hadde ikke nådd Tanafjorden ennå, da det kom over oss et vær så vi ikke så en hånd for oss. Seilet ble revet løs, masten brakk, roret ville ikke lystre. Karbasen ble liggende langs bølgene og de slo overbord. Ikke rakk vi å hive sekkene overbord, og båten gikk rundt og ble liggende med kjølen i været. Mannskapet var på fem, tre av oss greide å hugge tak i kjølen, de to andre ble feid vekk...

Et helt døgn lekte sjøen med karbassen som med en ball. Da han hadde lekt fra seg, kastet han den opp i fjæresteine. Vi krabbet oss i land, alle tre, men båten forsvant. Jeg var stivfrossen i beina og om livet, og greide ikke å gå. Jeg sendte kameratene i vei for å varsle folk, men selv lå jeg i to døgn på haugen der og dro meg selv i håret og gispet etter luft. Hvorfor hadde jeg slitt og strevet i tolv år, og ikke unnet meg nok verken av vått eller tørt? Farvel, frihet...

Noen gode mennesker sørget for at jeg kom hjem til Karelen igjen."³⁴¹

Pomorene og folk i Nord-Norge delte skjebne, de kjempet for livets opphold imot vær og naturkrefter – og samfunnskrefter. At pomorskipperne hadde forskjellige vilkår, viser Matvejs fortelling: "Jeg arbeidet i rene trelldommen hos en rikmann. Men hvordan hadde det seg at slik trelldom var mulig? Jeg hadde ikke noen egen båt – og du kan ikke seile til havs i en treskje. Rikmannen hadde skip – til og med havgående, tremasters. Utstyr hadde han fått fra Norge og fra England, alle muligheter var åpne for ham...

I pomorlandets jord vokser ikke kornet. Vinteren tyner oss, og så går vi til vår velgjører: la meg få mel, brød, gi meg litt gryn, litt penger, gi meg ditt og datt. Han er snill – og gir på borg, så kan vi gjøre opp for oss om sommeren med å ta hyre på skip hos ham, kanskje dra på fangst for ham.

Hvordan går det, tror dere? Han skaffer oss varene sine til de mest skamløse priser, mens arbeidet vårt, det verdsetter han til en slikk og ingenting. Vi klarer ikke å tjene inn vintergjelda på én tur. Og snart kommer en ny vinter – og vi setter oss i ny gjeld hos samme husbond. "³⁴²

³⁴⁰ Sjergin, s. 241-247.

³⁴¹ Ibid. s. 265.

Vi vet hvor mye pomorhandelen betydde for den nordnorske befolkningen når det gjaldt å frigjøre seg fra handelsmennenes og nessekongenes maktgrep. Pomorområdet var i russisk sammenheng et forholdsvis egalitært samfunn, men Sjergin forteller her litt om klasseforskjeller som kunne ligne de nordnorske.

Sjøfart og skipsbygging

I fortellingen *Et skip blir født* beretter Sjergin om faren som seilte til Danmark-Norge med *sjnjaka* (шняка) – en eldgammel farkost uten dekk, selve ordet er det samme som vår *snekke*, og opplevde at professorene i Stockholm eller København kom med studentene sine så de fikk studere en skipstype som nedstammet fra de gamle "normannere" – мурманы. I den samme fortellingen får vi vite at mester Konon etter å ha lært pomorenes skipsbyggerkunst har vært i Skandinavia og lært skipsbygging og norsk og mye annet. Han levde i Sjergins barndom og måtte ha vært født ca 1850. En av svennene hans heter Olaf. Studentutveksling mellom Norge og Russland er åpenbart ikke noe nytt fenomen.

Samtidig som Sjergin fremhever hva pomorene lærte i Skandinavia, er han opptatt av å poengtere deres egne gamle sjøfartstradisjoner: han forteller i teksten *Gjetord og ry* (Запечатленная слава) at de allerede før 1500 "gikk til Novaja Zemlja, Grumant og til Skandinavia", og mener at de så tidlig som på 1500-tallet begynte å skrive ned sine kunnskaper om havforhold og sjøfart og om seilingsruter bl. a. til Skandinavia.³⁴³

Han refererer også pomorenes irritasjon over at utsendinger fra *Peterburgkomiteen for støtte til pomorene* i 1900 hentet skipstegninger i Norge til et skoleskipsprosjekt, og forteller at komitéens utsending Breitfuss ble møtt med kritikk i Arkhangelsk: "–Hvorfor måtte dere gå tiggergang til varjagene? Har vi kanskje ikke våre egne erfarne skipsbyggere i Nord-Russland?"³⁴⁴

I fortellingen *Dvinalandet* (Двинская земля) påpeker han også at Arkhangelsk var utgangspunkt for ishavsforskning og for seiling til mange mål: "Fra kaiene i Arkhangelsk seilte det stadig avsted skip i alle himmelretninger. Vestover – til Norge, Sverige, Danmark, Tyskland, England og Amerika".³⁴⁵

Det kom også utenlandske skip til Arkhangelsk. I fortellingen om *Danske-Vanja* (Ваня датский) er dette helt sentralt for handlingen: "Et norsk skip rekker neppe å kaste ankeret, før Ivanusjko kommer på besøk og spør: har de hatt en fin reise? De trakterer ham med salte "bisjki" – kjeks, og forteller om fjerne land. Vanja snakker engelsk med nordmennene."³⁴⁶

Kjærlighet og ekteskap

Denne fortellingen har også som tema ekteskap på tvers av grensene. Fjorten år gammel rømmer Ivan hjemmefra til Skandinavia, gifter seg i Danmark og kommer tilbake som voksen for å hilse på moren. Vanja tar siden med seg de eldste sønnene for å la dem bo hos bestemoren et år, og de vil ikke tilbake til Danmark. Historien ender med at Vanja flytter hjem igjen med hele familien, fordi hans danske kone også liker seg:

*"John, la oss bli her! Folk er så snille her.
Agrafena moret seg:*

³⁴² Ibid. s. 266.

³⁴³ Ibid. s. 17-18.

³⁴⁴ Ibid. s. 28.

³⁴⁵ Ibid. s. 37.

³⁴⁶ Ibid. s. 145.

– *Very good, svigerdatter. En lodje kan danse på mange hav, men kaste anker skal den til slutt.*"³⁴⁷

I Sør-Varanger kommune, den som grenser til Russland, var i fjor 25% av alle ekteskap som ble inngått, ekteskap mellom russisk og norsk statsborger. Dette er heller ikke noe nytt.

Vi vet at det var mange russisk-norske giftermål i pomortiden. Men ikke alle fikk et så heldig utfall som Vanjas. Hos Sjergin møter vi flere: Anisa i fortellingen av samme navn *Anisa* (Аниса), som gifter seg med en norsk kjøpmann, men havner i den tids "sex-show": "Jeg ville gjerne kunne skryte til venninnene mine av å ha en utlending til mann. Jeg giftet meg for moro skyld, tenkte liksom at jeg giftet meg med Europa, med Norge. Men jeg lærte jo siden... Gamlingen hadde en flott restaurant på den tiden, med kortspill og... Og jeg var hovedtrekkplaster. Engelskmennene betalte med penger og amerikanerne med briljanter bare for å se på meg."³⁴⁸ Til slutt greier hun å lure ektemannen og reiser hjem igjen til Arkhangelsk sammen med sin store beundrer fra ungdommen. Det ser for øvrig ut til å være typisk at Sjergins personer ønsker seg hjem til Arkhangelsk.

Sjergin befolker sine fortellinger delvis med sine foreldres samtidige, delvis med mennesker fra svunne tider. Han står trygt forankret i en fortellertradisjon med meget gamle røtter. Rammen for vårt seminar er russisk-norske forbindelser i det 19. århundre. Det viktige med Sjergins verker i dette perspektivet, er at de viser hva som ble fortalt, hva som satt i pomorenes bevissthet om naboene i vest på den tiden da pomorhandelen var på sitt livligste. Vi ser at vi i det nye samarbeidet mellom våre folk bygger på tradisjonene fra pomortiden. Sjergins fortellinger hører utvilsomt med til den arven vi gjør klokt i å ta vare på.

Марит Бьеркенг: Норвегия и норвежцы в устной традиции поморов – краткий очерк о творчестве Бориса Шергина

Борис Шергин (1896-1973) – выдающийся представитель литературы Русского Севера. Один из его рассказов начинается следующими словами: "Знаменитые скандинавские кораблестроители прошлого века – Хейнц Шифмейстер и Оле Альвик, рассмотрев и сравнив кораблестроение разных морей, много дивились искусству архангельских мастеров". В шергинских сочинениях много примеров того, что рассказывали о норвежцах и о Норвегии поморы. С устной традицией поморов Борис познакомился ещё в детстве, прежде всего через родителей, и в своих рассказах он знакомит читателей с северо-русской поморской культурой, которую он сам хорошо знает, в которой он вырос и которую всегда любил.

Шергин должен вызывать особый интерес у норвежской публики, так как в его рассказах часто есть упоминания о Норвегии. "Норвежские мотивы" – следующие:

- 1 Разбойники: скандинавские варяги в восточных походах, русские пираты.
- 2 Общая устная традиция на севере, как, например, в старине (балладе) о Варлаамии Керетском.
- 3 Так называемая "поморская торговля" как самый важный контакт между народами наших стран.
- 4 Мореходство и кораблестроение – плавание русских "в Датску-Норвегию", прибытие в Архангельск заграничных кораблей. Обучение русских в Скандинавии не только кораблестроению, но и языкам и другим предметам.
- 5 Любовь и брак – бракосочетания между норвежскими и русскими гражданами.

³⁴⁷ Ibid. s. 150.

³⁴⁸ Ibid. s. 181.

В сочинениях Шергина мы сможем познакомиться с тем, что поморы думали и рассказывали о западных соседях в самом разгаре поморской торговли. В сегодняшнем обновленном сотрудничестве между нашими народами мы всё чаще являемся свидетелями тому, что люди ссылаются на традиции периода поморской торговли. Рассказы Бориса Шергина – важная часть культурного наследия того времени.

Forskningsekspedisjoner/Научные экспедиции

Светлана Хоркина: Норвегия и Россия в Арктике. Сравнительный анализ норвежской и русской традиций полярных исследований периода 1890-1917

Конец 19 начало 20 века – период, богатый событиями в истории полярных исследований. В течение этого времени мечта многих поколений полярников наконец-то осуществилась. И Северный, и Южный полюс были достигнуты, осуществилось плавание как Северо-восточным, так и Северо-западным проходом. Большая часть арктических территорий была положена на карту, открыты новые острова и развенчаны старые мифы о полярных районах. Несмотря на то, что многие арктические загадки так и не удалось разгадать, развитие современной науки и появление новых методов организации полярных исследований значительно обогатили человеческие знания о полярных районах за этот период. Значительные достижения произошли в развитии техники полярных путешествий. Научный анализ продовольственного рациона помог спасти путешественников от цинги – наиболее страшного врага полярных исследователей.

Все эти достижения стали результатом совместного вклада ученых и путешественников разных наций в дело развития освоения полярных регионов. Каждая нация – участница сыграла свою роль в этом процессе. Некоторые страны снарядили по одной экспедиции, в то время как у других сложились национальные традиции организации и проведения полярных исследований. На общем фоне достижений в освоении Арктики и обогащения человеческих знаний об этом регионе каждая страна представила свои типичные методы и стиль организации и проведения полярных экспедиций. Историки в этой связи преимущественно ведут речь о национальных традициях (школах) таких стран, как Великобритания, США, Германия, Швеция и Норвегия. Однако настоящее исследование показывает, что и российская деятельность по освоению полярных регионов в 1890-1917 демонстрирует специфические национальные черты, и в этой связи справедливо будет говорить и о русской национальной традиции полярных исследований в международном контексте. Поэтому для того, чтобы выявить реальный размер российского вклада в дело освоения Арктики в международном контексте, необходимо принимать во внимание специфические черты русской традиции.

Специфические черты феномена легче всего определить с помощью сравнительного метода. Российские полярные экспедиции периода 1890-1917 сравниваются здесь с норвежскими экспедициями того же периода. С одной стороны, благодаря географическому положению, обе страны тесно связаны с Арктикой, и общий для них северный культурный фактор сыграл значительную роль в развитии национальных традиций в арктических исследованиях. Как норвежцы, так и русские считали себя собственниками арктических территорий с незапамятных времен и обладали определенным опытом адаптации к суровым климатическим условиям Арктики и субарктических территорий. С другой стороны, Норвегия и Россия принадлежат к разным ветвям европейской культуры. Норвегия конца 19 начала 20 века была частью западноевропейского культурного сообщества, в то время как Россия того же периода принадлежала к особому, восточному типу европейской христианской культуры. Несмотря на некоторые общие черты, норвежский менталитет и идеология были в значительной степени ближе к западному миру, чем к России.

Общая для России и Норвегии близость к северу послужила причиной значительного сходства в русских и норвежских традициях арктических исследований периода 1890-1917. Этот геополитический и культурный фактор способствовал развитию интереса к исследовательской активности в Арктике в обеих странах. Как Норвегия, так и Россия считали полярные исследования своим национальным долгом. Географическая привязанность к северу повлияла на то, что и в России, и в Норвегии политические и экономические интересы в Арктике играли значительную роль при организации и проведении экспедиций и способствовали участию государственных органов в этой деятельности.

Северный фактор способствовал тому, что русские и норвежцы имели значительное преимущество в отношении снаряжения и техники передвижения. Обе нации применяли народные способы путешествий в полярных регионах, выработанные поколениями. Россия представила специальную конструкцию судна для ледовых плаваний, использование собак и оленей в упряжках и особый вид саней. Норвежцы усовершенствовали аналогичный русскому вид судна и в 19 веке представили лучший тип деревянного судна, приспособленного для плаваний в Арктике. Значительным достижением норвежцев стало использование лыж. Знаменитые сани Хансена также имели народные норвежские корни. Норвежский путешественник усовершенствовал традиционные крестьянские сани и приспособил их к условиям полярного путешествия.

В полярной литературе часто говорится, что основной чертой норвежской традиции полярных исследований было активное заимствование у северных народов, особенно эскимосов. Однако не только норвежцы учились у коренных народностей Севера. Использование национальных способов передвижения, одежды и транспортных средств северных народов являлось также характерной чертой русских полярных экспедиций. Русские жили в тесном контакте с коренными народами Севера и Сибири с 12-15 веков и заимствовали многое из их опыта жизни в суровых условиях Арктики и субарктических районов. Русские ученые и путешественники начали использовать традиционные транспортные средства народов Севера в научных экспедициях гораздо раньше своих европейских коллег, а именно уже в 18 веке. В 19 веке это уже стало установившейся русской традицией. В отличие от норвежцев, которые усовершенствовали и модернизировали традиционные средства и методы арктических путешествий, русские использовали их в чистом виде.

В то же время между норвежской и русской традициями полярных исследований существует множество различий. В Норвегии, как и в других европейских странах и США, полярные экспедиции были частным делом путешественника. Инициатива снаряжения экспедиции, а также ответственность за ее планирование, финансы, оборудование и личный состав лежала на руководителе экспедиции. Норвежское правительство играло достаточно пассивную роль в организации национальных экспедиций и поддерживало их только в том случае, если экспедиция могла служить интересам государства. Так, например, норвежский парламент поддержал экспедицию Хансена на судне "Фрам" в основном потому, что ее успешное завершение содействовало бы укреплению престижа нации в условиях униженной унии со Швецией и повышению международного авторитета Норвегии. Другими важными факторами, заставившими норвежское правительство поддерживать исследования в Арктике, стали защита национальных интересов и демонстрация норвежских прав на определенные арктические территории (Шпицберген и Новая Земля), а также создание и укрепление образа "просвещенной северной нации". Отказ в государственной финансовой поддержке не означал, однако, что экспедиция не состоится. Частное финансирование как дома, так и из-за рубежа, всегда являлось доступной альтернативой государственной поддержке для норвежских полярных путешественников.

Российские полярные исследования 1890-1917 г.г. проводились под контролем правительства, Военно-морского флота и поддерживаемых правительством научных учреждений (Академии наук и Русского Географического общества). Экспедиции финансировались из государственной казны, и за счет монополии финансов правительство

оказывало влияние на определение целей, района и масштабов русских научных экспедиций. Со времен Петра Великого географическая наука была поставлена на службу наиболее насущным потребностям Российской империи, и только экспедиции, направляющиеся в районы интересные в военно-стратегическом или экономическом отношении, могли рассчитывать на адекватную финансовую поддержку со стороны государства. Снарядить экспедицию на частные средства в России было практически невозможно, поэтому отказ в государственной поддержке отнимал всякую надежду на возможность реализации того или иного проекта. Эти факторы определяли пассивность России во "всемирных скачках к полюсу": многие планы не получили дальнейшей реализации именно из-за финансовых причин, поскольку их цели, по мнению компетентных лиц, не сулили никакой выгоды для удовлетворения насущных потребностей страны. Кроме того, в русском общественном мнении научные исследования считались прерогативой государства. Примеры неудачных частных экспедиций в России свидетельствуют о том, что русские путешественники просто не были готовы взять на себя всю ответственность за снаряжение и организацию своих экспедиций. С другой стороны, в то время как в других странах в конце 19- начале 20 века полярные экспедиции развивались в направлении от крупномасштабных государственных к маленьким частным, в России государственное участие в освоении Арктики напротив, возрастало. Конец периода ознаменован крупнейшей государственной военно-морской экспедицией – Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана 1910-1915, по своему масштабу не имевшей зарубежных аналогов в то время.

Интересно отметить, что в практических вопросах организации полярных экспедиций русские практически не отличались от своих западноевропейских коллег, в то время как норвежцы продемонстрировали абсолютно новый подход. Как англичане, американцы и немцы, русские тратили на снаряжение своих экспедиций, как правило, несколько месяцев, в то время как норвежцы готовили свои предприятия несколько лет. Норвежцы тщательным образом проверяли и испытывали свое снаряжение и контролировали каждую деталь процесса подготовки, что, в свою очередь, стало основным фактором норвежского успеха. Также порядком отбора людей для экспедиции в России был во многом схож с английским, в то время как норвежский порядок представлял собой нечто совершенно новое. В России и Англии персонал подбирался уже для определенных должностей, часто учитывая социальное положение и ранг кандидатов. Между офицерами и командой существовала значительная разница в обязанностях, условиях проживания и даже в рационе. В норвежских экспедициях подбиралась единая команда без иерархического разделения. Основными факторами отбора были хорошее здоровье и физическое развитие, заинтересованность в успехе предприятия и привычка к тяжелой работе.

Существенным различием между норвежской и русской традициями в полярных исследованиях является роль личности. В отличие от западных стран, в российской традиции не существовало идеала героя-одиночки. Коллективизм имел достаточно глубокие корни в русской культуре, и деятельность по освоению Арктики рассматривалась в России как общественное дело, поставленное на службу благополучию страны. Среди русских путешественников периода 1890-1917 трудно найти подобного западному герою-одиночку. Несмотря на то, что в российских исследовательских кругах было много ярких личностей, все они работали на общее дело, и их личный вклад рассматривался как часть коллективной работы. В Норвегии, как и в других западных странах, роль личности в полярных исследованиях играла значительную и более видимую роль. Западная цивилизация создала образ героя – одиночки, великого путешественника. Деятельность таких ярких личностей, как Франклин, Пири, Скотт, Шаклетон, Норденшельд, Нансен и Амундсен оказала решающее влияние на развитие национальных традиций полярных исследований и служила примером для подражания многим поколениям полярников в разных странах.

Появление образа героя-одиночки стало продуктом культурного и идеологического развития в Западной Европе 19 века. Сначала этот образ связывался с христианством (образ героя-мученика), однако к концу века с развитием социального дарвинизма

победила идеология "выживания сильнейшего". В английской традиции конца 19 века мы еще можем найти оттенки мученичества в образе героя-путешественника, в то время как норвежский идеал героя целиком и полностью основан на идее "выживания сильнейшего". Главной целью для норвежского исследователя было не столько достижение той или иной географической точки, сколько благополучное возвращение домой после этого, поэтому норвежцы уделяли достаточно серьезное внимание вопросам жизнеобеспечения, снаряжению и способам передвижения. Они старались избежать лишнего риска и выбирали наиболее удобный и практичный способ достижения цели. Страдание и мученичество потеряли свое основополагающее значение при создании норвежского образа героя, в основе которого лежали рационализм и расчетливость. В русской традиции мы тоже видим проявления мученичества и самопожертвования, хотя в русском культурно-религиозном контексте их значение отличается от западного. В то же время элементы норвежской практичности и рационализма в русской традиции параллелей не имеют.

Норвежская и русская традиции в полярных исследованиях продемонстрировали также различие в отношении к природе. В этой связи можно опять найти много сходства между англичанами и русскими, в то время как позиция норвежцев заметно отличается и от тех, и от других. Русские и англичане рассматривали полярные экспедиции как вид военных действий, где они стремились победить силы природы. В начале 20 века для этих целей были изобретены новые виды оружия – английские моторные сани и русские ледоколы и самолеты. Норвежцы, напротив, старались сотрудничать с природой и использовать ее силы вместо того, чтобы стараться их преодолеть. Это выразилось в максимальном приспособлении снаряжения и транспортных средств к конкретным условиям района проведения экспедиции. Наиболее известный пример тому – дрейф "Фрама", однако тщательный отбор других способов передвижения, одежды и провианта для норвежских экспедиций свидетельствует о большом уважении путешественников этой страны к силам природы.

Настоящее исследование не охватывает все аспекты норвежской и русской деятельности в Арктике и полярных регионах в целом. Многие культурные и идеологические вопросы, связанные с полярными исследованиями в России и Норвегии, требуют дополнительного рассмотрения. Однако если эта работа помогла в некоторой мере расширить знания о российских и норвежских исследованиях в Арктике периода 1890-1917 и лучше понять их национальные особенности, я считаю свою задачу выполненной.

Svetlana A. Khorkina: Norge og Russland i Arktis. En sammenliknende analyse av norske og russiske tradisjoner innen polarforskning i perioden 1890-1917

Mange land bidro til den rivende utviklingen innen polarforskning i perioden fra 1890-1917. De enkelte landene utviklet egne spesifikke trekk ved sin virksomhet. Polarhistorikere skiller gjerne mellom engelske, amerikanske, tyske, svenske og norske nasjonale tradisjoner. Denne studien viser at også de russiske ekspedisjonene viste klare nasjonalspesifikke trekk. For å tydeliggjøre de russiske ekspedisjonenes spesifikke trekk, vil jeg i det følgende sammenlikne russiske og norske ekspedisjoner.

En felles nordlig kulturbakgrunn resulterte i mange likhetstrekk mellom russisk og norsk ekspedisjons- og forskningsaktivitet i Arktis i 1890-1917. På grunn av landenes geografiske beliggenhet spilte politiske og økonomiske interesser i Arktis en betydelig rolle i både russiske og norske polarekspedisjoner.

Begge nasjoner utnyttet dessuten sine tradisjonelle metoder i utforskningen av polare strøk, og både russiske og norske ekspedisjoner hentet ideer fra arktiske urfolk.

I Norge var polarforskning i stor grad et privat anliggende der alt ansvar lå på ekspedisjonslederen, og det var alltid en mulighet for å finne privat finansiering. I Russland ble utforskningen av Arktis i stor grad styrt av myndighetene og ekspedisjonene ble nesten utelukkende statlig finansiert. Mens polarforskning og polarekspedisjoner i andre land utviklet seg fra storstilte statlige marine-ekspedisjoner til mindre ekspedisjoner organisert av individuelle

oppdagere eller uavhengige vitenskapelige institusjoner, var myndighetenes rolle i russiske polarekspedisjoner stadig økende.

Også på det organisatoriske området var det forskjeller. Mens russere, i likhet med engelskmenn, tyskere og amerikanere, gjerne utstyrte ekspedisjonene på noen måneder, kunne nordmennene bruke år til å undersøke og teste utstyret til den minste detalj. Dette var en av hovedårsakene til den norske suksessen. De norske ekspedisjonene var mindre hierarkisk oppbygd enn de russiske. Deltakere i russiske ekspedisjoner, igjen i likhet med de engelske, ble plukket ut til bestemte posisjoner i et hierarki, ofte i samsvar med sosiale rang, og det var stor forskjell mellom offiser og mannskap både når det gjaldt arbeidsoppgaver, boforhold og matrasjoner.

De norske og øvrige vest-europeiske ekspedisjonene skilte seg dessuten fra de russiske med tanke på individets rolle. Kollektiv identitet hadde sterke røtter i russisk kultur, og polarekspedisjoner og polarforskning ble først og fremst sett på som en kollektiv aktivitet med det formål å tjene landets interesser, og det er vanskelig å finne noen individuell polarhelt blant russiske oppdagelsesreisende i perioden 1890-1917. I Norge og andre vesteuropeiske land var individets rolle i polarekspedisjonene og polarforskningen langt mer synlig.

Vestens bilde av "helte-oppdageren" var et produkt av 1800-tallets kulturelle og ideologiske utvikling. Til å begynne med utviklet dette bildet seg på bakgrunn av vestlig kristendom (martyr-helten), men på slutten av århundret hadde sosial-darwinisme og ideologien om "the survival of the fittest" erstattet det romantiske heltebildet. Den engelske helten beholdt imidlertid også martyrens glorie til utpå 1900-tallet, mens det norske helteidealet var bygd på evnen til å overleve. For det norske helteidealet mistet lidelse og martyrdød betydning, mens rasjonalisme og evne til å forutse alle detaljer ble viktigere. Interessant nok kan vi også finne elementer av selvpoppofrelse og martyrdød i den russiske polarekspedisjons-tradisjonen, men i en russisk kulturell kontekst hadde disse elementene ikke samme betydning som i Vesten.

De norske og russiske tradisjoner viste også en forskjellig holdning til naturen. Både russere og engelskmenn oppfattet polarekspedisjonene som en form for krig mot naturkreftene der det nyeste, gjerne militære, utstyr ble satt inn. Det norske idealet var å samarbeide med naturen og utnytte dens krefter. Det mest prominente eksempelet var *Fram* som lot seg drive med isen, men også den nitidige utvelgingen av andre reisemåter, klær og forsyninger viste nordmennene at de behandlet naturen med stor respekt.

Мария Матвеева: Норвежские географы и путешественники – почетные члены Русского географического общества

В первой половине XIX века в наиболее развитых странах Европы создаются географические общества. По времени своего основания Русское географическое общество – четвертое в Европе. Раньше всех (1821) возникло Географическое общество в Париже, вслед за ним – Берлинское (1828), затем Королевское географическое общество в Лондоне (1830), а в 1845 – Русское в Петербурге.

Авторы идеи создания Русского географического общества – адмирал Федор Петрович Литке, академик Карл Максимович Бэр и адмирал Фердинанд Петрович Врангель – встретили "сочувствие своему замыслу среди довольно широкого круга мореплавателей, офицеров Генерального штаба и ученых, которые и вошли в число членов – учредителей Общества".

Основной сферой деятельности Русского географического общества было определено "собрание и распространение достоверных сведений о России в географо-статистическом и этнографическом отношении"¹. Создание общества было поддержано двором, с 1851 года оно именовалось Императорским. Первым его председателем стал сын Николая I Великий князь Константин Николаевич.

¹Архив Русского географического общества (АРГО). Фонд 1 - 1845, оп.1, № 1.

На следующий год после основания Общества Председатель Общества учредил золотую медаль за лучшие географические труды. Константиновская медаль – высшая награда Общества.

Русское географическое общество уже на начальном этапе своей деятельности объединило многих передовых и образованных людей того времени, которые были готовы “сослужить России незабвенную службу, способствовать своими бескорыстными трудами познанию русской земли и русского народа, а равно и тех стран и народов, сношения с которыми обуславливают его развитие и благосостояние”².

Список состава ИРГО наглядно показывает как много выдающихся путешественников и общественных деятелей были его действительными и почетными членами.

В 1847 году иностранным членом-корреспондентом Общества был избран директор Норвежского географического Департамента профессор Хансен. Русские ученые с большим уважением относились к научным исследованиям проф. Хансена, в отчете Общества за 1873 год мы читаем: “Он был членом почти всех ученых обществ Европы и в том числе, с 13 декабря 1861 г., почетным членом нашего Общества. Его отличные наблюдения над магнитными явлениями в России дают превосходный материал для изучения последовательных изменений магнитных элементов почти на всем пространстве обширного отечества нашего. В Норвегии им положено начало известному Метеорологическому Институту, который уже во многом оправдал ожидания своего основателя, и вместе с физическими обсерваториями в Петербурге, Риме, Париже, Вульвече и Вашингтоне стоит в первом ряду учреждений, изучающих климатологию земли”³.

В 1853 году завершилась самая выдающаяся в истории работа по измерению дуги земного меридиана от Дуная (г. Измаил) до Ледовитого океана (Фугленес, Норвегия). С норвежской стороны в этой работе участвовал профессор Хансен. В России работы выполнялись учеными Пулковской обсерватории, под руководством ее директора, академика В.Я.Струве. В 1861 году результаты многолетнего геодезического труда были опубликованы. В этом же году профессор Хансен был избран Почетным членом Русского географического общества.

“Норвегия есть родина многих выдающихся людей в конце XIX - начале XX столетий, эта страна дала человечеству несколько замечательных исследователей в области физической географии, метеорологии, океанографии и путешествий, главным образом полярных”⁴, – писал Ю.М.Шокальский.

В 1896 году почетным членом Русского географического общества был избран знаменитый исследователь полярных стран, выдающийся путешественник и общественный деятель Фриульф Нансен. В архиве хранится письмо Нансена в Русское географическое общество от 14 января 1893 года, в котором он информирует о планах экспедиции к Северному полюсу на шхуне “Фрам” 1893-1896 гг.

“От норвежско-шведского министра господина М. Рейтерскельда я узнал, что уважаемое Общество желает подробнее узнать о моей экспедиции; это меня очень обрадовало и я считаю это большой честью. К сожалению, я не знаю русского и вынужден прибегнуть к немецкому или английскому языку. При этом я высылаю только одну статью, которую я имею на одном из этих языков. К сожалению, она не издана, но я ее посылаю, так как не

² П.П. Семенов-Тянь-Шанский. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества. 1845 -1895.

³ Отчет ИРГО за 1873 год. Спб. 1874

⁴ Шокальский Ю.Мю Руальд Амундсеню 1872-1928ю АРГО. Фонд 44, оп. 1, № 489.

хочу терять времени. В ней уважаемое Общество несомненно найдет достаточно обстоятельное описание моей экспедиции.”⁵

Русские ученые поддержали проект Нансена: “Нансену были предоставлены морские карты северных морей, сведения о населенных пунктах на севере Сибири, данные о гидрологии и климате некоторых районов Арктики. Э.Толль, ставший впоследствии большим другом Нансена, приобрел и отправил для экспедиции несколько десятков лучших сибирских ездовых собак, а также создал на необитаемых Ново-сибирских островах три продовольственных депо.”⁶

По завершении экспедиции ученые Русского географического общества дали высокую оценку научным результатам дрейфа. В отзыве о заслугах Нансена Ю.М. Шокальский писал: “До Нансена за 109 лет исследований подвинулись к полюсу всего на 150 миль, а Нансен за 3 года успел придвинуть предел неизвестных нам полярных пространств еще на 170 миль ближе к полюсу... Главная заслуга Нансена – отыскание нового способа исследования полярных пространств и блестящее доказательство рациональности предложенного им приема”⁷. В 1897 году Нансен был удостоен высшей награды РГО Константиновской медали “за беспримерный подвиг им совершенный и составляющий эпоху в исследовании северного Ледовитого океана”. В апреле 1898 года РГО чествовало знаменитого путешественника в своем общем собрании.

Вице-председатель общества – известный русский географ и путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шанский произнес приветственную речь, а Нансен рассказал о своей экспедиции на “Фраме”. В архиве хранятся письма Ф. Нансена Ю.М. Шокальскому – известному русскому океанографу, президенту Общества. Их переписка продолжалась 25 лет (с 1899 по 1925 г.). В письмах между учеными шел активный обмен мнениями по различным вопросам географии и особенно по истории изучения полярных стран.

В 1913 году Нансен совершил плавание вдоль берегов Северного Ледовитого океана к устью Енисея, в том же году посетил РГО и выступил с докладом “О морском пути в Сибирь”. Текст доклада Нансена и фотографии пребывания его в Петербурге хранятся в архиве.

Вся история исследования северного полярного пространства тесно связана с отысканием так называемых северо-восточного и северо-западного проходов, т.е. морского пути вокруг северных берегов Евразии или Северной Америки.

Северо-восточным проходом впервые прошел Норденшельд в 1878 году на судне “Вега”. “Зато Амундсену принадлежат: первое плавание на корабле северо-западным проходом, первые двухлетние наблюдения в области Северного магнитного полюса, первое посещение Южного полюса, первый перелет через северное полярное пространство и наконец, хотя и не первое, а второе плавание северо-восточным проходом с запада на восток”⁸.

В 1906 году РГО избрало Амундсена своим почетным членом. В мае 1907 г. Амундсен приехал в Петербург. Выступил с докладом в РГО об исследовании им области около Северного магнитного полюса во время экспедиции 1903-1905 гг.

Он пробыл в Петербурге неделю, вместе с русскими учеными ездил по окрестностям Петербурга, посетил Павловскую магнитно-метеорологическую обсерваторию, где встретился с академиком М.А. Рыкачевым. Свои впечатления о пребывании в Петербурге

⁵ Нансен Фю Письмо в ИРГО. АРГО. Фонд 16, оп 4, № 176.

⁶ Волков Н.А. Сотрудничество в Арктике. В сборнике “Исторические связи русского севера и Норвегии”. Архангельск. 1989.

⁷ Документы о русско-норвежский контактах собрания архива РГО. Ст. в журнале “Известия РГО” т. 8. вып. 2, Спб. 1996.

⁸ АРГО. Фонд 44, оп. 1, № 489.

Амундсен изложил в письме к Ю.М. Шокальскому от 29 мая 1907 г., прекрасным приложением к письму была фотография Амундсена с его автографом.

“У кого заложено от природы стремление к какому-нибудь роду деятельности, тот только осуществляет свои мечты. Сказано вполне справедливо по отношению к Амундсену”⁹.

В 1911 г. Амундсен первым достиг Южного полюса. “За исследования Антарктического материка на пространстве от Земли Эдуарда VII до Южного полюса” ученый был удостоен в 1912 г. Константиновской медали РГО.

В 1910-1915 гг. была организована Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана. Русскими гидрографами совершено первое в истории Северного морского пути сквозное плавание с одной зимовкой из Владивостока в Архангельск. Вершиной же достижений прославленной экспедиции явилось открытие 3 сентября 1913г. архипелага Северная земля (Земля императора Николая II).

В этот период совершенно неожиданно началась связь между русской географической экспедицией Б.А. Вилькицкого и экспедицией О. Свердруп. Отто Свердруп принадлежит к числу выдающихся полярных исследователей Норвегии – член-корреспондент Русского географического общества (1904г.).

В начале 1914 года русское правительство обратилось к Отто Свердрупу с просьбой организовать экспедицию по розыску трех исчезнувших русских экспедиций – Г.Я. Седова, В.А. Русанова, Г.Л. Брусилова. О. Свердруп охотно согласился. Государственная дума отпустила на снаряжение экспедиции деньги. Для экспедиции был приобретен зверобойный барк “Эклипс”. По тем временам шхуна “Эклипс” была отлично оснащена, на ней была хорошая радиостанция. Экипаж состоял из 21 человека: 18 норвежцев, 1 финн и 2 русских. Осенью 1914 года экспедиция работала в Карском море, что позволило вовремя оказать содействие русской географической экспедиции Северного Ледовитого океана на транспортах “Таймыр” и “Вайгач”, о которой говорилось выше. По договоренности с Б.А.Вилькициким он дал согласие принять на свой корабль половину состава экспедиции с застрявших судов.

Мужественный норвежец со своими матросами на 270-километровом пути следования к “Таймыру” устроил четыре продовольственных склада, что позволило ему без больших проблем провести на свое судно 42 человека таймырцев и вайгачцев.

В архиве сохранились телеграммы Свердрупа к Вилькицкому от 28 июля 1915 г.: “Сообщите Ваше мнение о необходимости для Вас склада провизии. Лед немного разрядился. Хочу попытаться пройти Диксон, где возьму уголь, провизию и пойду Вам навстречу, если к тому времена Вы не выйдете на открытую воду”¹⁰. В фонде Б.А.Вилькицкого хранятся несколько десятков фотографий о прибытии весной 1915 года капитана “Эклипса” Отто Свердрупа на зимующее судно “Таймыр”.

Первая мировая война прервала работу русских гидрографов. Исследования полярного маршрута продолжил Амундсен. В 1918 г. специально построенное для этих целей моторное судно “Мод” вышло из Норвегии. Преодолев нелегкий ледовый путь в Карском море, судно “Мод” прибыло в порт Диксон. Сюда ожидался приход экспедиции Б.А. Вилькицкого. “Нетрудно представить себе, писал Амундсен, как мне хотелось встретиться с этим человеком. Его опыт был бы для нас полезен”¹¹. Прождав безуспешно “знаменитого молодого офицера”, экспедиция на “Мод” продолжила дальнейшее плавание. Благополучно пройдя вдоль берега Таймырского полуострова, судно, миновав мыс Челюскина, вошло в безымянную бухту. Ей присвоили наименование “Гавань Мод”. Оказавшись в ней как в ледовом мешке, экспедиция стала на зимовку. Она продолжалась целый год. Научными исследованиями полярной экспедиции Амундсена на судне “Мод”

⁹ Там же.

¹⁰ АРГО. Фонд 19, оп. 1, № 27

¹¹ Свердруп Х.У. Плавание на судне "Мод" в водах морей Лаптева и Восточно-Сибирского" 1930.

руководил видный норвежский полярный исследователь Харальд Свердруп. В архиве хранится письмо ученого от 7 марта 1931 г. к Ю.М. Шокальскому, в котором он сообщает о научных результатах экспедиции на судне "Мод".

Во время зимовки экспедиции судно "Мод" покинули два матроса – П.Тессем и П. Кнутсен. Они направились к о. Диксон, но не дойдя до него, в пути потерялись. На поиски норвежских матросов советское правительство организовало поисковую группу во главе с Никифором Алексеевичем Бегичевым, который ранее возглавлял команды матросов барона Э.В. Толля 1900-1902 гг., в санно-шлюпочной экспедиции А.В. Колчака 1903 г., Б.А. Вилькицкого. Норвежское правительство снарядило также поисковую экспедицию на шхуне "Хеймен" во главе с капитаном Ларсом Якобеном. Поисковым экспедициям удалось обнаружить останки матросов, а также почту. В архиве хранятся рапорт капитана найденной на мысе Вильда, схематическая карта пути поисковых отрядов и др. документы.

Документы норвежских полярных исследователей из архива экспонируются в музее "Истории Географического общества". К памятным датам организуются чтения, выставки. В декабре 1974 года состоялось заседание Полярной комиссии Общества, посвященное 120-летию со дня рождения О. Свердрупа. В 1997 году в Обществе состоялась международная конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Р. Амундсена, на которой с докладом выступила Лив Арнесен, совершившая лыжный поход к Южному полюсу. В мае 2000 года, в день независимости государства Норвегия, в Русском географическом обществе была открыта выставка "Россия – Норвегия" (по документам архива). На выставке было представлено более 300 документов из архива Общества.

Неоднократно с научными докладами в Обществе выступал его почетный член Тур Хейердал (1961, 1969, 1984 гг.). В августе 2000 г. Тур Хейердал участвовал в работе XI Русского географического общества в г.Архангельске.

В заключение следует отметить, что сотрудники архива Общества продолжают поиски новых документов о русско-норвежских связях.

Maria Matvejeva: Norske geografer og oppdagelsesreisende – æresmedlemmer av Russisk geografisk selskap

Russisk geografisk selskap ble grunnlagt i St. Petersburg i 1845 som det fjerde geografiske selskap i verden, og siden grunnleggelsen har mange nordmenn blitt utnevnt til æresmedlemmer av selskapet.

Først ut var den norske geofysikeren Christopher Hansteen, som var medlem av selskapet allerede fra 1847. Hansteen var høyt respektert i Russland for sine vitenskapelige arbeider. For sin deltagelse i et stort prosjekt for å beregne jordbuen fra Donau til Nordishavet ble Hansteen utnevnt som æresmedlem i 1861.

Fridtjof Nansen ble æresmedlem i 1896. Allerede før han la ut på Framferden i 1893, hadde han informert selskapet om sine planer. Det russiske miljøet støttet Nansens ekspedisjon med kart over Nord-Sibir, opplysninger om klima og havforhold i Arktis, samt med hunder og matdepoter. De vitenskapelige resultater fra Framferden ble meget høyt vurdert, og i 1897 fikk Nansen Konstantinovskij-medaljen, selskapets høyeste utmerkelse. Russisk geografisk selskaps president og Nansen brevvekslet i 25 år. Korrespondansen finnes i selskapets arkiv. Ved to anledninger holdt Nansen foredrag i Russisk geografisk selskap: i 1898, da han fortalte om Framferden, og i 1913 etter sin reise langs Jenisej og gjennom Sibir. Fotografier og foredragsteksten finnes i selskapets arkiv.

Roald Amundsen ble æresmedlem av Russisk geografisk selskap i 1906. I selskapets arkiver finnes fotografier og dokumentasjon fra et foredrag Amundsen holdt for selskapets medlemmer. Også Amundsen fikk Konstanstinovskij-medaljen i 1912 for sin sydpolferd.

I 1918 la Amundsen ut på en ny polarferd med Maud. Ruta gikk østover langs nordkysten av Sibir, der Maud ble innesperret i isen og måtte overvintre. I selskapets arkiver finnes brev fra

ekspedisjonens vitenskapelige leder, Harald Sverdrup, til Russisk geografisk selskap, og også dokumenter om leteaksjonen etter to av mannskapet som forulykket under overvintringen.

Otto Sverdrup var medlem av Russisk geografisk selskap fra 1904. I 1914 henvendte den russiske regjering seg til Sverdrup med oppfordring om å organisere en leteaksjon etter tre russiske ekspedisjoner. Sverdrup ble finansiert fra russiske side, og høsten 1914 bisto fartøyet Eclipse ekspedisjoner som var innesperret i isen, de hjalp til med forsyninger og med evakuering av deler av mannskapet. I selskapets arkiver finnes både telegrammer mellom Sverdrup og Vilkitskij og fotografier av Sverdrup om bord på det overvintrende fartøyet Tajmir.

Russisk geografisk selskap har et eget museum der dokumenter fra arkivet stilles ut. Til spesielle merkedager og jubileer arrangeres seminarer og utstillinger. I 1974 ble Otto Sverdrups 120-årsdag feiret, og i 1997 Roald Amundsens 125-årsdag. 17. mai 2000 åpnet utstillingen "Russland-Norge" med mer enn 300 dokumenter og kart fra arkivet.

Også Thor Heyerdahl er æresmedlem av Russisk geografisk selskap. Han har gjentatte ganger holdt foredrag i selskapet.

Steinar Wikan: Johan Koren – norsk feltzoolog og polarforsker

Johan Koren eller Ivan Paulovitsj Korin, som han het i Russland, hadde sitt virke som feltzoolog og oppdager i det norsk-russiske grenseområdet på Kola og på Novaja Zemlja i perioden 1900-1905 og i Øst-Sibir i 1908-1919. I Jakutia i Sibir planlegges et naturreservat i hans navn og det skal etableres et minnemuseum, men her hjemme er han fremdeles nesten ukjent. Hvem var han og hva gjorde han? Hvorfor er han så dårlig kjent?

I de senere år er flere norske pionerer innen arktisk forskning og oppdagelse hentet fram fra glemsele. Johan Koren er en av dem. Det virker underlig at han på denne måten er gått ut av nasjonens hukommelse, for han var en "medieyndling" mens han levde. Hans bedrifter ble gjengitt i nesten alle Norges aviser, og hans eventyrlige liv er skildret i en guttebok som kom ut i 1938. Den er skrevet som en spenningsbok for ungdom og er ikke helt etterrettelig i detaljene. Likevel er den regnet som biografi. Betegnende nok heter den "Gutten som Norge glemte", og er skrevet av Håkon Evjenth. Utdrag og kapitler er brukt i ukeblader, julehefter og annen litteratur for allmennheten.

Allerede i 1938 var han altså nesten glemt. Boka vekket en del interesse, men i ettertid er han igjen gått ut av hukommelsen til folk flest, selv blant biologer og polarinteresserte. Paradoksalt er han til dels bedre kjent i utlandet enn i Norge; både i Amerika og til i en viss grad i Russland.

Helt siden studiedagene har jeg vært fascinert av denne "eventyrgutten", og det har resultert i en bok som kom ut i 2000: "Johan Koren – feltzoolog og polarpioner" (Schibsted Forlag). En russiskspråklig utgivelse er under planlegging.

Kort biografi

Johan Koren er født i Fredrikstad i Norge i 1879 og døde i Vladivostok i Sibir i 1919, knapt 40 år gammel. Til tross for sitt korte liv utretter han mye til vitenskapens beste, selv om han gjennom hele livet blir forfulgt av ulykker og tragedier.

Allerede som barn er han grepet av zoologien, og han bestemmer seg tidlig for å bli oppdagelsesreisende. 17 år gammel deltar han i den belgiske ekspedisjonen "Belgica", hvor Roald Amundsen er styrmann. Dette er den første overvintring i Antarktis noen sinne. Deretter følger mange år som jeger og zoologisk samler i Pasvik i Finnmark. Han bor sammen med ornitologen Schaanning på russisk side av grensen og foretar forskning og innsamling i Finnmark, Nord-Finland, Kola og har en overvintring på Novaja Zemlja (1902-03) som deltaker i professor Birkelands nordlysekspedisjon. På tur dit møter han den russiske biologen Sergeij Buturlin, som han senere skal krysse spor med i Sibir. Buturlin skriver om Koren i russiske aviser og tidsskrift.

I 1906 er han igjen på vei til Antarktis, nå som zoologisk fagmann på en selfangstekspedisjon. Båten forliser under dramatiske omstendigheter utenfor øya Crozet, men mannskapet berger seg i land. Her får Koren vist sine evner til å leve under ekstreme forhold, og han holder motet og moralen oppe blant de skipbrudne. Ved en tilfældighet blir de funnet og reddet til Australia. Koren slår seg ned der for å spare penger til sin påtenkte Sibirekspedisjon.

I 1908 drar han via Kamtsjatka til Anadyr hvor han skal overvintre sammen med en annen nordmann. Her forliser han igjen. Kameraten drukner, og Koren blir i siste liten reddet av tsjuktsjere. Det vitenskapelige materialet som er samlet inn, blir berget, og med dette drar Koren til Nome i Alaska. Gjennom en kontakt får han sendt det til en amerikansk zoolog som fatter interesse for Koren. Han fortsetter innsamlingen på nordkysten av Tsjuktsjerhalvøya og rundt Beringhavet i 1909 og 1910. Resultatene vekker oppsikt i det vitenskapelig miljøet. I 1911 utrunder han en større ekspedisjon til Kolyma med skonnerten "Kittiwake". Den blir det første skip som kommer sjøveien til landsbyen Nisjne Kolymsk, Tsar-Russlands ytterste utpost i Sibir. Dette blir Korens hovedbase for resten av livet.

Tilbakereisen til Alaska i 1912 blir en ny tragedie. Skipet brytes ned, og Koren fortsetter til fots over Beringstredet. Han er i Alaska regnet som den første hvite mann som har gjort dette. Det meste av materialet som er samlet inn på ekspedisjonen, blir imidlertid berget i land før forliset, og det blir hentet året etter. Disse samlingene vekker enda mer oppsikt i Amerika, og flere nye arter fugler og pattedyr blir beskrevet. Amerikanske vitenskapsmenn tror nøkkelen til å forstå innvandringen av dyr (og mennesker) til det amerikanske kontinentet, er å finne i Kolyma. De store museene på Østkysten hyrer Koren til en enda større ekspedisjon til Kolyma i 1914 med skipet "Eagle". Flere typer vitenskapsfolk er med, og de skal samle materiale innen biologi, geologi og paleontologi, etnologi og antropologi, og de har med en filmfotograf som skal lage en amerikansk kinofilm fra området.

Verdenskrigen, revolusjonen og en del indre strid blant ekspedisjonsmedlemmene setter en stopper for arbeidet, og båten vender tilbake. Koren hopper av og bosetter seg i Nisjne Kolymsk, hvor han flytter sammen med en russisk kvinne. (Hun blir i Stalin-tiden arrestert og torturert, og dør i fengsel.) Koren fortsetter forskningen og innsamlingen og klarer å få det meste av materialet sendt til Amerika, til tross for krig og revolusjon. (Resten tar Roald Amundsen hjem til Norge etter Korens død.) Koren organiserer også oppkjøp av skinn og transport av levnetsmidler til nordområdene i Øst-Sibir i en vanskelig tid.

På reise til Vladivostok i 1919 blir han angrepet av spanskesyka, og ved ankomsten dør han ensom og stille på det amerikanske Røde Kors hospitalet. Han er gravlagt i Vladivostok.

Hva utrettet han?

Johan Koren er en pioner innen zoologisk feltforskning i nordområdene, særlig i Finnmark, på Kola og Novaja Zemlja, og i Øst-Sibir fra Anadyr til Kolyma. Han skaffet et enormt materiale til museer rundt i verden. Virksomheten kan i dag fortone seg som naturplyndring, men det var den tids forskning som var med å legge grunnlaget for biologisk forståelse.

Av spesielle ting kan nevnes at han er den første i verden som finner hvor fugleartene sibirsnipe (russisk: Bolshoy Pesochnik) og skjesnipe (Kulik-lopaten) har sitt hekkeområde og gjør det kjent vitenskapelig. Han finner også flere nye dyreformer av smågangere og spissmus, og oppdager biologiske overgangsformer mellom den gamle og nye verden.

Han bidrar til å åpne sjørute og handelsvei mellom Alaska og Kolyma.

Han bistår organisering av handel og oppkjøp i Nordøst-Sibir under revolusjonen, og noe av dette har humanitær karakter.

Hvorfor er han glemt?

Mye av kunnskapen om hans bedrifter ble kjent gjennom avisspalter, og slik formidling har kort levetid.

Han stod i første linje i det faglige arbeidet, gjorde oppdagelsene og feltinnsamlingen, mens andre har bearbeidet materialet. I bare liten grad har han selv publisert artikler fra sitt virke.

Det forligger ikke noe samleverk som gir en helhetlig oversikt over hva han gjorde og oppnådde. Det meste av hans egne dagbøker er gått tapt. Resten ligger i museer og samlinger rundt i verden.

Materialet han samlet, ligger langt fra stedene han arbeidet. Det han og hans partnere samlet i Norge, på Kola og Novaja Zemlja er spredd i museer i hele Europa, ofte uten "Koren" på etiketten. Materialet fra Sibir finnes stort sett i amerikanske museer, noe også i Norge.

Avslutning

Johan Koren hører til den type pionerer som vi absolutt bør huske. Ikke bare gjorde han viktige funn og oppdagelser, men han levde et utrolig spennende liv som i seg selv er verdt en bredere plass i vår bevissthet. I Russland er man blitt oppmerksom på ham, og det gjøres en hel del for å ta vare på hans minne. Hans forskningsfelt i nedre del av elva Kolyma er foreslått som naturreservat; "Kolyma-Koren ressursreservat". Det planlegges et lite Koren-museum i administrasjonsbyen Tsjerskij og et minnesmerke på stedet han levde i Nisjne Kolymsk. Også i Vladivostok vil man lage en minneutstilling. Dessverre er norske myndigheter meget lunke til å bistå i dette arbeidet. Republikken Jakutia har gjennom Svanhovd miljøsenter søkt norske myndigheter om tilskudd til arbeidet. Senteret har fått høre mange lovord om initiativet og arbeidet, men når det kommer til stykket, føles Jakutia så enormt langt borte.

Når man i fjerne deler av Russland kan trykke denne mannen "til sitt bryst", så burde man også her hjemme gjøre noe for å få han kjent igjen.

Стейнар Викан: Юхан Корен – норвежский зоолог и полярный исследователь

Юхан Корен или Иван Павлович Корин (1879-1919) – норвежский зоолог и пионер-исследователь полярных регионов, почти забытый в Норвегии. Большую часть своей короткой жизни он провел в России, сначала – на границе между Россией и Норвегией на Кольском полуострове и на Новой Земле (1900-1905), а затем – в Восточной Сибири (1908-1919). В Сибири он главным образом работал по заданию американских музеев и частных коллекционеров, и в этой связи возглавил несколько экспедиций вдоль побережья Чукотки и в Колыму в Якутии. В последний период основной его базой был Нижнеколымск.

Корен наиболее известен благодаря собранным им значительным объемам биологических, палеонтологических и этнологических материалов в Сибири. Кроме того, им были обнаружены участки гнездовья многих ранее неизвестных птиц и несколько видов мелких млекопитающих, также ранее неизвестных. Корен был пионером в стремлении открыть новый морской путь между Проливом Беринга и Колымой. Юхан Корен внес значительный вклад в обеспечение продовольствием Северо-Восточной Сибири в сложный период войны и революции.

Область полевых исследований Корена в нижней части р. Колыма предложено превратить в заповедник. Кроме того, планируется создание небольшого музея в память о нем в административном центре Щерском. Издательство Шибстед Форлаг в Осло выпустило о нем книгу в 2000 году. Планируется издание этой книги и на русском языке.

Кристина Вешнякова: По следам потерянной экспедиции

Уважение к прошлому страны – все равно, что уважение к родителям.

Д.А.Клеменц

Норвежская экспедиция Эрьяна Ульсена, проведенная накануне Первой мировой войны стала последней среди экспедиций, проводившихся под руководством североευропейских исследователей (Д.Г. Мессершмидт, И.Г. Гмелин, Аппельгрэн-Кивало и др.).

В большинстве историографических исследований по истории Сибири отсутствует даже упоминание об этой экспедиции. Как же так получилось, что документация и материалы ее были утеряны для российских исследователей на долгие годы? Экспедиция началась накануне Первой мировой войны, что, конечно, сыграло свою роль, как в прохождении самих изыскательских работ в сибирском крае, так и в дальнейшей судьбе найденных там, даже за короткий срок, уникальных материалов. Застигнутые в глубинке Российской Империи театром военных действий, норвежские члены экспедиции поспешили вернуться на родину, увозя с собой все собранные материалы. В связи с глобальными событиями в международной обстановке того времени, эта интереснейшая для ученого мира экспедиция Ульсена в Российскую глубинку осталась незамеченной. Эта же участь постигла опубликованные ученым, фактически сразу же после возвращения из России, путевые заметки (*Et primitivt folk*, 1914; *Til Jeniseis kilder*, 1915). Таким образом, событиями в мире: начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной и впоследствии революцией 1917 г. была по существу вырвана страницы из истории Российской науки.

В 1995 г., работая в архиве, я случайно натолкнулась на материалы экспедиции в Сибири в 1914 г. доктора Ульсена, которые не могли не заинтересовать меня как археолога.

В то время интерес к Южной Сибири подогревался тем, что в начале XX в. в ученых кругах Норвегии бытовало мнение о тесной связи животного и растительного мира Сибири и Скандинавии, а также об определенном родстве в области этнографии, археологии и антропологии. В то время среди скандинавских ученых была весьма популярна теория сибирского происхождения угро-финских народов, основателем которой был финский ученый М.А. Кастрен (1847). Эрьян Ульсен пишет: "С древнейших времен лопари постоянно жили на Скандинавском полуострове. Считается, что они пришли с востока, но где их изначальная родина – неизвестно. Древняя лопарская легенда повествует об одном народе – "чудь" – которые постоянно предпринимали разбойничьи набеги внутри Норвегии и после уходили обратно. Различные обстоятельства указывают достаточно очевидно на то, что эта лопарская чудь имеет некую связь с огромной не вымершей еще южно-сибирской чудской народностью. То, что влияние с востока с течением времени должно было оставить какой-либо след в нашей археологии, этнографии и антропологии, является очевидным. Довольно четко наблюдается схожесть между сибирскими и нашими древностями. Как, например, сходство норвежских и русских находок "арктического каменного века".

Для пополнения практическими знаниями, а также для поиска доказательств имеющейся научной позиции в 1912 г. была предложена идея об организации научной комплексной экспедиции в Центральную Азию и Сибирь. Инициатором проекта выступил тогда еще стипендиат Университета в Осло Эрьян Ульсен (Родился в 1888 в Хатфельдалене), по образованию зоолог. Областью его изучения были птицы, но он также интересовался местными саамами в Норвегии.

Вот что он пишет: "Целью этой экспедиции должно было быть изучение общности сибирской флоры и фауны со скандинавской, а также сбор для университета такого материала, который мог стать основой для продолжения исследований в этой области, здесь, в Норвегии.

Кроме того, собрать этнографический, археологический и антропологический материал местных аборигенных народов, особенно такой материал, который мог бы послужить освещению вопросов о происхождении саамов и их иммиграции в нашу страну.

Сверх того, в планах экспедиции стояло приобретение для наших музеев минералогического и палеонтологического материала, происходящего из интересующих нас мест, которые мы планируем посетить".

Экспедиция планировала работать в Сибири в течение двух полевых сезонов: в первое лето предполагалось провести исследования в степных и горных районах к югу от Сибирской железной дороги и на следующее лето – в Северо-Сибирских лесах, также в тундре.

Предложение получило отклик, и было поддержано лучшими учеными Норвегии, профессорами R. Collett, N. Wille, Yngvar Nielsen, K.E. Schreiner, Gabriel Gustafson, W.C. Brøgger, dr. Håkon Shetelig, а также поддержано Королевским Норвежским Научным обществом и музеем Трумсё.

Но для того, чтобы вести раскопки в Сибири, Ульсену было необходимо получить разрешение от Императорской археологической комиссии (ИАК), которая контролировала работы, проводившиеся систематически в Сибири. ИАК выдавала специальный документ разрешающий ведение раскопок и требовала подробного отчета о результатах работ. 2.04.1912 в ИАК поступает прошение 1-го Департамента МИД Российской Империи от имени норвежского поверенного в Делах в СПб, уведомляющего о намерении Эрьяна Ульсена в мае 1912 г. организовать ученую экспедицию в Сибирь и Среднюю Азию. В своем ответе Комиссия не возражает против археологических наблюдений и приобретения археологических находок при условии передачи русским музеям "единственных и особенно редких находок" и "только не нужные для Российской Империи будут отпущены в Норвегию". Но производство археологических раскопок ИАК г. Ульсену не разрешает. Одновременно ИАК просит Красноярский музей сообщить подробности переговоров с норвежским музеем, и напоминает, что музей не имеет права сам заниматься обменом экспонатов с норвежским музеем. Красноярский отдел Императорского Географического Общества в свою очередь отвечает столичным чиновникам, что никаких предложений Норвежскому Историческому музею не делал. "Красноярский музей есть, прежде всего, хранилище местных предметов. Красноярский музей, понимая задачи и цели своей работы, всегда отклонял и будет отклонять аналогичные предложения, руководствуясь в этих случаях... интересами научных задач". (Подп. Консерватор музея А.Мураринов).

В связи с таким ответом ИАК экспедиция была отложена. Но в 1913 г. вновь начинается подготовка. Область исследования решено сузить до района Саянских гор и Абаканской степи. 2.12.1913 г. в ИАК поступает повторное прошение 1-го Департамента МИД с просьбой разрешить г. Ульсену хотя бы "собираение скелетов", но уже 21.12.13 г. ИАК категорично сообщает в МИД: "Отношением от 10.04.12 за №771 ИАК имела честь уведомить Департамент, что она не признает возможным выдать г. Ульсену разрешение на производство археологических раскопок в пределах Империи. Посему ныне на отношение 1-го Департамента от 2.12.13 за №7766 Комиссия считает своим долгом высказать, что собириание скелетов, как тесно связанное с археологическими раскопками, также не может быть г. Ульсену разрешено. Подпись: Предс. Комиссии Граф А.Бобринский".

Приблизительно в это же время выходит книга английского географа и путешественника Дугласа Каррутерса (Douglas Carruthers), где он, не вдаваясь в детали, описывает племя сойотов, живущих в лесах в верховьях Енисея и занимающихся оленеводством. Это племя сойотов заинтересовало Ульсена, т.к. они жили так изолированно, что были не известны до того времени и, по мнению Ульсена, должны были сохранить древние обычаи обитания. Поэтому маршрут экспедиции был так составлен, чтобы обязательно посетить это племя оленеводов-кочевников и собрать более детальную информацию об их образе жизни. Наметив столь интересный маршрут и ожидая ответов на вопросы, которые стояли перед учеными Норвегии, Ульсен не мог отказаться от экспедиции и он отправляется в Россию.

Необходимо заметить, что экспедиции была оказана финансовая поддержка многих компаний и даже отдельных частных лиц. Такое меценатство объясняется тем, что экспедиция, по всей видимости, представлялась неким национальным достоянием, стала символом национальной гордости, затрагивала вопросы этноса. Организация экспедиции стала некой патриотической идеей. Не стоит забывать, что это был вопрос также государственного имиджа – это должна была быть первая норвежская экспедиция,

посланная в Сибирь (к этому времени в Сибири проводили свои исследования и датчане, и шведы, и финны).

Итак, 11 мая 1914 г. экспедиция отправляется из Осло в Россию. В составе экспедиции – четыре человека. Руководитель экспедиции – зоолог, уже доктор Эрьян Ульсен. А также Хенрик Принц – взят в качестве ботаника (род. В 1888 г. в Осло), в то время работал консерватором в Научном Обществе в Трондхейме; Андерс Ульсен – брат Эрьяна Ульсена, горный инженер по образованию, в экспедицию взят в качестве геолога (род в. 1889 в Северной Норвегии); и Фриц Йенсен – взят в качестве помощника зоолога и фотографа, по образованию энтомолог (род. в 1890 в Ставангере).

Главный акцент в этой культурно-исторической работе был сделан на этнографические исследования сойотов, оленеводов-кочевников. Пробыв какое-то время в этом племени Ульсен составил самое подробное описание: их антропологический тип, образ жизни, религия и т.д. Эти ценные исследования опубликованы в отдельной работе – *Et primitivt folk. De mongolske rennomader. Kristiania. 1914.*

Несмотря на запрет ИАК членами экспедиции были проведены раскопки 10 курганов (эпохи поздней бронзы – раннего железа) в двух пунктах на территории Минусинской котловины. Поскольку в экспедиции не принимали участие ни археолог, ни этнограф, то Эрьян Ульсен взял на себя эту часть работы, а в качестве помощника в археологических работах нанял в Минусинске местного жителя Иосифа Ермолаевича Гущина. "Он был 19 лет от роду, и будучи сыном бывшего сотрудника Минусинского краеведческого музея, мог, насколько это было возможно, хорошо разбираться в археологии Минусинского региона. Лучшего человека в помощь для сбора археологического и антропологического материала в этих диких местах было трудно найти, и он был нам, в этом отношении, очень полезен", – такую характеристику дал Ульсен пятому участнику экспедиции.

Помимо материала, добытого при раскопках, собрана коллекция археологических предметов (257 вещей) от эпохи бронзы до средневековья из разных мест Минусинского края. Часть вещей была куплена, а немалая часть коллекции – подарки норвежского торговца Гюннара Кристиансена, проживающего в Минусинске.

По возвращении экспедиции на родину различные собранные материалы передаются в соответствующие музеи Университета в Осло: археологическая – в Олдсаксамлинген, этнографическая – в этнографический музей ит.д. Ульсен в популярной форме описал исследования "Et primitivt folk" (1914) и "Til Jeniseis kilder" (1915).

В России все эти исследования практически недоступны специалистам (археологам и этнографам), хотя несомненно представляют значительный интерес для российской науки. Отдельные находки просто уникальны. На русский язык опубликована небольшая часть статьи Guttorm Gjessing, посвященная раскопкам 7 курганов у с. Аскыз (Н.Л.Членова "Проблемы хронологии карасукской культуры" (1972).

Как же удалось Ульсену беспрепятственно вывезти достаточно большую археологическую и этнографическую коллекцию и множество других материалов? Когда Россия начала войну с Германией, в экспедиции был самый разгар работ, тем не менее, Ульсену пришлось прекратить работы в Сибири и срочно возвращаться в Норвегию. Их путь домой из сибирских дебрей был невероятно сложным: часто ученых принимали за немецких шпионов, им закрыли счет в банке, а царивший на дорогах хаос невероятно затруднял передвижение с большим и ценным для науки грузом. И, тем не менее, нюансы военного времени в тот момент помогли почти беспрепятственному вывозу норвежцами сибирских древностей. А ведь они могли в то время в дороге быть утрачены навсегда, если взять во внимание обстановку в стране и отдаленность местонахождения норвежской экспедиции от Европы. К счастью, российскую полицию и таможеню тогда больше интересовали ружья, которые были у иностранцев, чем ящики и тюки с бумагами и черепками.

В заключение хочется надеяться, что это небольшое сообщение не только поможет восстановлению еще одной потерянной страницы в истории науки, но и послужит основанием для интересной и плодотворной работы российских и норвежских

исследователем. Сегодня уже задуман проект ученых обеих стран, предполагающий опубликовать полностью все материалы экспедиции Ульсена с учетом новых знаний и технологий. В них поле деятельности для этнографов, археологов, минералогов. Не говоря о том, что ценность подробного описания путешествия и сделанных в то время уникальных фотографий очевидна сама по себе.

Вот так случайная "встреча" в архиве способствовала возврату из забвения одной экспедиции начала прошедшего XX века, оставшегося во втором тысячелетии, но не утратившего своей актуальности для науки...

Kristina Vesjnjakova: På sporet av en tapt ekspedisjon

Ørjan Olsens ekspedisjon rett før første verdenskrig ble den siste av en rekke ekspedisjoner under ledelse av nordeuropeiske forskere (D.G. Messerschmidt, I.G. Gmelin, Appelgren-Kivalo og andre). På begynnelsen av 1900-tallet var det i skandinaviske forskermiljøer stor interesse for det sørlige Sibir. Det var en vanlig oppfatning at det var tette forbindelser mellom Sibir og Skandinavia når det gjaldt flora, fauna, etnografi, arkeologi og antropologi.

Planen var at ekspedisjonen skulle tilbringe to år i Sibir for å finne svar på spørsmålet om flora- og faunamigrasjon, samt samle mineralogisk, etnografisk, arkeologisk og antropologisk materiale. Dette kulturhistoriske arbeidet la særlig vekt på etnografiske studier av Sojutene, et nomadefolk som drev med reinavl. Det ble også gjort utgravninger i ti gravhauger fra sen bronsealder og tidlig jernalder på to steder i Minusinsk-dalen. Det ble dessuten bygget opp en samling av 257 arkeologiske gjenstander som kunne dateres fra bronsealder til middelalder og som stammet fra forskjellige steder rundt Minusinsk. På en reise gjennom Sajany til Tuva ble det tatt en mengde unike fotografier. Ved tilbakekomsten ble materialet gitt til et passende museum i Oslo. Olsen fremla sin etnografiske og arkeologiske forskning i populærvitenskapelig form i bøkene "Et primitivt folk" (1914) og "Til Jenisejs kilder" (1915).

Arkeologen Guttorm Gjessing laget på slutten av 30-tallet en vitenskapelig publikasjon om den arkeologiske samlingen.

Deltakerne/Участники

Jens Petter Nielsen (f. 1949), professor ved Institutt for historie ved Universitetet i Tromsø

Йенс Петтер Ниельсен (1949), профессор Института истории, Университет г.Тромсе

Erik Egeberg, professor i russisk litteratur ved Universitetet i Tromsø

Эрик Эгеберг, профессор русской литературы, Университет г. Тромсе

Iver B. Neumann, Norsk utenrikspolitisk institutt, Oslo

Ивер Б. Нейман, Норвежский институт внешней политики, г. Осло

Vadim Vadimovitsj Roginskij (1945), doktor i historie, seniorforsker ved Institutt for verdenshistorie, Det russiske vitenskapsakademi, Moskva

Вадим Вадимович Рогинский (1945), Доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всемирной истории РАН, г. Москва

Vladimir N. Barysjnikov, professor i historie, Statsuniversitetet i St.Petersburg

Владимир Н. Барышников, профессор истории, Санкт-Петербургский Государственный Университет

Tor Bomann-Larsen (1951), forfatter og frilanshistoriker, Drammen

Тур Буманн-Ларсен (1951), писатель и историк, г. Драммен

Einar Niemi (1943), professor i historie, Universitetet i Tromsø

Эйнар Ниemi (1943), профессор истории, Университет г.Тромсе

Stanislav Roginskij (1976), doktorgradstudent i historie, Det statlige humanistiske universitet i Moskva

Станислав Рогинский (1976), кандидат исторических наук Государственного университета гуманитарных наук, Москва

Ruslan Peresadilo (1975), doktorgradstudent i historie, Universitetet i Arkhangelsk

Руслан Пересадило (1975), кандидат исторических наук, Поморский государственный университет, г. Архангельск

Svein-Olaf Nilssen, hovedfagstudent i historie, Universitetet i Tromsø

Свейн-Улав Нильссен, аспирант исторических наук, Университет г. Тромсе

Roald Berg, førsteamanuensis ved institutt for historie og filosofi, Høgskolen i Stavanger

Руальд Берг, старший преподаватель Историко-философского института, Рег. университет Ставангера

Denis V. Fomin-Nilov (1979), Det statlige humanistiske universitet i Moskva

Денис В. Фомин-Нилов (1979), студент Государственного университета гуманитарных наук

Ola Sæther (1934), pensjonist, tidligere konservator ved Nordlandsmuseet siden 1967, har skrevet en rekke artikler om norske utvandrere til Murmankysten

Ула Сэтер (1934), на пенсии, бывший хранитель Музея губернии Нурланд с 1967 г. Буде

Anna Vladimirovna Poznanskaja (1971), kunsthistoriker, konservator ved avdeling for europeisk kunst, Pusjkinmuseet i Moskva

Анна Владимировна Познанская (1971), искусствовед, хранитель Отдела европейского искусства, Музей А.С. Пушкина, Москва

Kari J. Brandtzæg (f. 1966) mag.art. i kunsthistorie ved Universitetet i Oslo med avhandlingen Abramtsevo-kretsen og Jelena Polenova - en studie av forestillingen om det nasjonale i russisk kunst 1880-1900. Har senere arbeidet som kurator og skribent.

Кари Брандтзэг, кандидат искусствоведческих наук, Университет г.Осло, диссертация по теме "Абрамцевский кружок и Елена Поленова – изучение изображения национальных черт в русском искусстве в 1880-1900 гг. Позднее работала куратором. Писатель

Marit Werenskiold, professor i kunsthistorie ved Universitetet i Oslo

Марит Вереншёльд, профессор искусствоведения, Университет г. Осло

Widar Halén , førstekonservator ved Kunstindustrimuseet i Oslo

Видар Хален, главный хранитель Музея прикладного искусства, Осло

Caroline Serck-Hanssen, konservator ved Nordnorsk Kunstmuseum, Tromsø

Каролине Серк-Хансен, хранитель Художественного музея Северной-Норвегии, г. Тромсе

Arnt N. Fredheim (1967) museumslektor/internettredaktør Nasjonalgalleriet, cand.philol. i kunsthistorie UiO/Cambridge 1995 med avhandling om angelsaksiske Psychomachia-manuskripter fra det 10. og 11. århundrer. Har bakgrunn som museumsadjunkt ved Munch-museet, og jobber med forskjellige perspektiver på Munchs kunst

Арнт Н. Фредхейм (1967), лектор музея, интернет-редактор Национальной галереи, кандидат естественных наук по специальности искусствоведение (Университет г. Осло, Университет Кембриджа, 1995г.), диссертация об англосаксонских "Психомачиа" – манускриптах 11- 12 веков. Работал сотрудником в Музее Э. Мунка, занимается исследованием различных перспектив в творчестве Мунка

Jelena Krivtsova (1974), m.a. ved Konservatoriet i Moskva med magistergradoppgave om Ch. Sinding og hans kammermusikk. 1998-2001 - postgraduate course ved Det statlige konservatoriet i Moskva

Елена Кривцова (1974), магистр искусств, Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского (Москва), диссертация о творчестве Х. Синдига и его камерной музыке. 1998-2001 – аспирант Московской гос. консерватории

Mikhail Misjtsjenko (1966) musikkviter og organist, underviser i vesteuropeisk musikkhistorie ved Konservatoriet i St. Petersburg, magisteravhandling om Wilhelm Stenhammer (1997)

Михаил Мищенко (1966), музыковед и органист. Преподает историю западноевропейской музыки в Санкт-Петербургской консерватории. Там же ведет курс истории музыки скандинавских стран. Кандидат искусствоведения (диссертация о творчестве шведского композитора Вильгельма Стенхаммара, 1997)

Arkadij Klimovitskij, musikkhistoriker, professor ved Det russiske institutt for kunstenes historie, St. Petersburg

Аркадий Климовицкий, профессор, доктор искусствоведения, главный сотрудник Российского института истории искусств, Санкт-Петербург

Harald Herresthal, professor ved Norges musikkhøgskole, Oslo

Харальд Херрестал, профессор Норвежской музыкальной академии, Осло

Waldemar Hansteen, cand.philol. i teatervitenskap fra Universitetet i Oslo

Вальдемар Ханстеен, кандидат ест. наук по специальности театроведение, Университет г. Осло

Geir Kjetsaa, professor i russisk litteratur ved Universitetet i Oslo

Гейр Хетсо, профессор русской литературы, Университет г. Осло

Astrid Sæther, førsteamanuensis, leder for senter for Ibsen-studier ved Universitetet i Oslo

Астрид Сæтер, старший преподаватель, руководитель Центра изучения творчества Ибсена при Университете г. Осло

Pjotr Palievskij, professor ved Institutt for verdenslitteratur, Det russiske vitenskapsakademi, Moskva

Петр Палиевский, профессор Института мировой литературы РАН, Москва

Marit Bjerkenng, førstelektor i russisk språk og litteratur, Høgskolen i Finnmark

Марит Бьеркенг, доцент отделения русского языка и литературы, Рег. университет обл. Финнмарк, Альта

Svetlana Khorkina, cand. philol. i historie fra Universitetet i Tromsø

Светлана Хоркина, кандидат исторических наук, Университет г. Тромсе

Maria Matvejeva, arkivleder for Russisk geografisk selskap, St. Petersburg

Мария Матвеева, заведующая архивом Русского географического общества, Санкт-Петербург

Steinar Wikan (f. 1942), biolog og historiker, rådgiver ved Svanhovd miljøsender i Sør-Varanger

Стейнар Викан (1942), биолог и историк, старший сотрудник Экологического центра Сванховд в Сер-Варангере

Kristina Vesnjakova (f. 1969), arkeolog, Master of Philosophy in Nordic Viking and Medieval culture, Universitetet i Oslo. Fra 1999 ansatt ved Institutt for kompleks samfunnsforskning ved St. Petersburg statsuniversitet (IIMK)

Кристина Вешнякова (1969), археолог, магистр философии со специализацией по предмету Культура викингов и культура средневековья Скандинавии, Университет г. Осло. С 1999 года – сотрудник Института комплексного исследования общества при Санкт-Петербургском Государственном университете

Utgitt av:
Det kongelige utenriksdepartement
7. juni plassen/Victoria Terrasse
Postboks 8114 Dep
0032 Oslo

Februar 2001

Internett-sider: <http://odin.dep.no/ud>

E-post: europaavd@mfa.no